

Ежемесячный
литературно-художественный журнал

ПОДЪЁМ

Издается
с января 1931 года

Главный редактор
Иван ЩЁЛОКОВ

Редколлегия:

АВРУТИН А.Ю. (Минск, Беларусь)
АГЕЕВ Б.П. (Курск)
АКАТКИН В.М.
АРШАНСКИЙ В.С. (Мичуринск)
БОНДАРЕВ Ю.В. (Москва)
ГОЛУБЕВ А.А.
ЖИХАРЕВ В.И.
ИВАНОВ Г.В. (Москва)
КАН Д.Е. (Новокуйбышевск)
КОНДРАТЕНКО А.И. (Орел)
ЛАПИН А.А.
ЛЮТЫЙ В.Д. — заместитель главного редактора
МИЗГУЛИН Д.А. (Ханты-Мансийск)
МОЛЧАНОВ В.Е. (Белгород)
НЕСТРУГИН А.Г.
НИКИТИН В.Н.
НОВИЧИХИН Е.Г.
НОВОХАТСКИЙ В.Е. — ответственный секретарь
ПАВЛОВ Ю.М. (Армавир)
ПЕРМИНОВ Ю.П. (Омск)
ПОНОМАРЁВ А.А. (Липецк)
РОМАНОВСКИЙ А.Г. (Харьков, Украина)
СКИФ В.П. (Иркутск)
СЫРНЕВА С.А. (Киров)
СЫЧЁВА Л.А. (Москва)
ШАЦКОВ А.В. (Москва)
ШЕМШУЧЕНКО В.И. (Санкт-Петербург)
ЯКУНИНА Г.П. (Владивосток)

Воронеж

12.2014

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА	Алексей КАБАРГИН, глава администрации Борисоглебского городского округа Воронежской области. Город дышит творчеством 5
ПРОЗА	Дмитрий ПРОТАСОВ. Спроси у бешеного солнца. Повесть ..... 11 Анатолий ДЕРИГ ЛАЗОВ. Сезон охоты. Рассказы .... 55 Алексей КУЛЬКОВ. Урок из детства. Рассказ ..... 68 Владимир ЧАПЛЫГИН. Вовкина эвакуация. Рассказ 72
ПОЭЗИЯ	Федор ГРИГОРЬЕВ. Берега. Стихи ..... 6 Игорь ЛУКЬЯНОВ. На талом снегу. Стихи ..... 52 Александр БОБРОВ. Славянские слова. Стихи ..... 62 Иван НИКОЛЮКИН. Я приду к тебе мальчиком с поля. Стихи ..... 76 Раздвигая землю. Стихи борисоглебских поэтов 1960-70-х годов ..... 126 Юрий КОПЫСОВ. Лист невесомый упадет. Стихи .. 164 Зачем пойду я в этот мир... Стихи участников III Всероссийского фестиваля русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба» 194
ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ	Виктор БУДАКОВ. Летописец Воронежского края. Документальная повесть о Владимире Кораблинове . 79
ПОИСКИ И НАХОДКИ	Марат АНИСКОВ. Старый город. (Дореволюционный Борисоглебск в открытках издательской фирмы А.С. Суворина) 130
ЖИВЫЕ ИМЕНА	Людмила СУРКОВА. Хозяин корабельной рощи. (Лесовод Григорий Корнаковский) ..... 138 Владимир БОЙКОВ. «В служении своему делу огня необыкновенного...» (Врач Николай Масловский) ..... 142 Виктор ГОЛОВАНОВ. Учитель, перед именем твоим... (Филолог Борис Корман) ..... 145 Галина СЛУГИНА. На вершинах мастерства. (Дирижер Николай Аносов) ..... 148 Валентина ГОРШКОВА. Дальновидный военачальник. (Маршал артиллерии Митрофан Неделин) ..... 152 Ольга ПУЩИНА. Золотое перо. (Писатели Виктор Кин и Юрий Третьяков) ..... 155 «Собственноручные искания». (Пионер советской морской гравиметрии Леонид Сорокин) 161

ДАЛЕКОЕ- БЛИЗКОЕ

- Сергей МАКШАНЦЕВ. **В эпоху смуты и раздора ...** 167
**«Восстание это — гигантское проявление
сопротивления крестьянского...»**
(Переписка историка В.В. Самошкина
с писателем А.И. Солженицыным) 181
Красные соколы. (Из истории военной школы
летчиков в Борисоглебске) 188

ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОН

- Виталий ЧЕРНИКОВ. **Радости и муки
борисоглебской Мельпомены.**
(Страницы истории провинциального театра) 197

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

- Виктория КУНИЧКИНА. **Балашовские годы.**
(Борисоглебский край в 1954-1957 гг.) 206
Михаил ВЯЗОВОЙ. **Светопись Борисоглебска** 208

ИСТОКИ

- Валентина ФИЛАТОВА. **Деревянное узорочье** 214

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

- Евгения ПЕТРУХИНА. **«Подарок для очей, души
и сердца».** (Борисоглебская картинная галерея
им. П.И. Шолохова) 217
Галина АКСЁНОВА. **«Ясновидец и правдолюбец
минувших жизней»** (Жизнь и творчество художника
Андрея Рябушкина) 220
Евгения ПЕТРУХИНА. **Однажды вернуться** 225
Валентина ФИЛАТОВА. **Священник и художник
Стефан Домусчи** 228

СУДЬБЫ

- Валентина ГОРШКОВА, Валерия ЧЕРНОВЕЦ.
Большое сердце Ольги Шолоховой 234
Николай ТРЕТЬЯКОВ. **Народный следователь
с улицы Народной** 239
Игорь ЛУКЬЯНОВ. **Сюжеты из раскрашенной
глины** 245
Содержание журнала «Подъём» за 2014 год 249

На 1 стр. обложки: В.П. Криворучко. Борис и Глеб (фрагмент).

Подписные индексы: агентство «Роспечать» 73312; МАП 51228
Сайт журнала: <http://www.podiem.vsi.ru>

Золотой наконечник стрелы и три дубовых листа

«В червленом поле поверх черной оконечности, сверху обремененной четырьмя чертами в цвет поля, положенными в пояс и сужающимися к низу, — опрокинутый и вписанный золотой наконечник стрелы (без тулки), во главе сопровождаемый тремя веерообразно сложенными золотыми дубовыми листьями, от которых вниз отходят два таковых же жёлудя».

Червленый цвет символизирует историческое прошлое борисоглебцев и их беспримерную самоотверженность, массовый героизм, проявленный в борьбе в годы Великой Отечественной войны.

Подножие щита черного цвета и ровные, уходящие в сплошное красное поле черные полосы, подчеркивают плодородие земли.

Основная достопримечательность города — Теллермановская дубрава — отражена тремя дубовыми листьями с двумя желудями, размещенными в центре геральдического щита, подчеркивая этим величие лесного массива.

Символ в виде наконечника означает расположение города Борисоглебска на слиянии двух рек — Вороны и Хопра.

Герб утвержден Постановлением Совета народных депутатов города Борисоглебска — района Воронежской области от 25 декабря 2004 года.

Алексей Кабаргин,
*глава администрации
Борисоглебского городского округа
Воронежской области*

ГОРОД ДЫШИТ ТВОРЧЕСТВОМ

Борисоглебск — мой родной город. Стройная планировка улиц, созданная еще в XIX веке, тихие, утопающие в зелени улицы, старинные деревянные домики, украшенные резьбой, и основательные каменные купеческие особняки формируют уникальный облик города и удивительных людей.

Знаменитое авиационное училище им. Чкалова, муниципальный драматический театр, замечательный музей и городской парк со своими столетними историями, большое количество образовательных учреждений, — все это отличает его от других провинциальных городов и привлекает в город молодежь.

Город дышит творчеством, во все времена притягивая к себе одаренных людей.

Отрадно, что у нас есть профессиональные краеведы и молодые исследователи, способные собирать историческую летопись из фактов, событий прошлого и настоящего.

Приумножать историю и беречь творческое наследие Борисоглебска — обязанность органов местной власти. Многие борисоглебцы поверили в то, что положительные изменения в культурном облике возможны не только в больших городах. Появились предприниматели, осознающие свою ответственность за развитие и сохранение культурных ценностей и принимающие активное участие в этих процессах. Открылся Центральный Дворец культуры «Звездный». Борисоглебский историко-художественный музей обрел свое постоянное место в здании памятника архитектуры регионального значения. Городской кинотеатр «Победа» предстал в обновленном виде. С каждым годом Борисоглебск становится красивее, современнее и комфортнее для проживания.

Жители гордятся своим городом, воспевают его в стихах, художественных полотнах, фотографиях, краеведческих работах. Надеюсь, что знакомство с Борисоглебском будет интересно и полезно всем, кто ценит историю и культуру, пробудит желание встречаться с городом снова и снова.

Добро пожаловать в Борисоглебск!

Федор Николаевич Григорьев родился в 1962 году в селе Токаревка Тамбовской области. Окончил Воронежский медицинский институт. Врач, психиатр-нарколог. Автор двух поэтических сборников. Лауреат премии «Имперская культура» и м. Э. Володина, президент фонда русской словесности и культуры «Во славу Святых Бориса и Глеба». Член Союза писателей России. Живет в Борисоглебске.

Федор Григорьев

БЕРЕГА

К СЛОВУ

Колебался
Фонарь под ветром,
Колебалась
Водка в стакане,
Колебался
Дымок над пеплом
Папиросы, сжатой зубами.
Колебанье передавалось
Стойкам баров,
Телам за ними.
Даже море заколебалось
Колыхать крейсера в заливе!

Все вокруг ходуном ходило,
Содрогалась основ основа.
Прах, сокрытый в гробах,
Знобило.
Слово —
Выжило только слово.

Слово
Выстояло под ветром,
Слово
Высушило стаканы,
Слово
Вздуло огонь из пепла,
Разомкнуло времен капканы!

Мне хотелось,
Чтоб так и было.
Так случилось, что так и стало:

Закипело — и не остыло,
Жаль,
Что жизни
Чертовски мало!

ТРОИЦА

*Деду,
Федору Павловичу Григорьеву*

Злой декабрь. На экране крохотном —
Бесконечный идет балет.
Дед в слезах: «Без Климента — плохо нам...»
Помню точно, что мне — семь лет.

Ночью — снег, и наутро домик наш
Занесен под самый конек!
Проводов обрыв — до Тамбова аж;
Отдыхает школьный звонок...

На расчистку — мужицкой троицей:
Дед, отец и я, суетной:
«Ничего, Федюшок, отроемся,
Откопаемся, — не впервой!»

Так всегда: то Чернобыль вскроется,
То упадок сил мировой...
«Ничего, мужики, отроемся,
Откопаемся, — не впервой!»

Отдохнувшие ли, усталые, —
Покумекают головой,
И лопатой пятипалою,
То есть, попросту — пятерней,

Разгребут, забугят, отстроятся,
Вспашут зябь и засеют клин.
Хоть и грешная, все же — троица:
Рабы Божьи
Дед, и отец, и сын...

* * *

Какими словами мне выразить то, что знакомо
Мальчишке, идущему в жизнь по размытому следу:
Встречая рассвет на ступенях родимого дома,
Не чувствуя, — зная, что завтра отсюда уеду.

Районный автобус, пыля, заскрипит тормозами,
И, с модной клеенчатой сумкой и хрустким пакетом,

Еще раз украдкой встретившись с мамой глазами,
Устроюсь в проходе, коль не было с местом билета.

Сгоревшая церковь, и клуб с провалившейся кровлей,
Старушечьи руки и спящий, как ангел, младенец
Останутся там, за рекой, и в пугающей нови
Желанье вернуться мелькнет, но души не заденет...

СТАРУХА

Бормочет глухо
Да крестит рот.
Как жизнь, старуха,
Кто дома ждет?
В секунду твердо
Замрет клюка,
И голос гордо
Из-под платка:
«Бог дал, в порядке.
Сестра в Туве,
Дочь на Камчатке,
Сынок в Москве.
А мне и надо,
Чтоб хлеб у них
Был бел да сладок,
Как у других».

Пошла до хаты...
Там со стены
Глядят солдаты
Большой войны.
Там за трельяжем,
Где паутень,
Стопа бумажек —
На черный день...

* * *

Дорога к деревне моей перекрыта снегами.
Так станция «Полюс», забытая миром на льдине,
Без признаков жизни дрейфует между берегами.
А где они, те берега на безбрежной равнине?..

Что толку таращить глаза в ожидании чуда,
Сигнала от терпящих бедствие нет и не будет.
Устали они от пустого словесного блуда,
А им виртуозно владеют никчемные люди.

Одна только радость мне светом в морозном окошке:
В саду, где зимуют тимьян и лимонная мята,
Мой старенький дом стерегут две бывалые кошки,
А значит, в апреле у нас народятся котята...

* * *

Управились к Пасхе: над клубом,
Что властью был напрочь забыт,
Вознесся серебряный купол,
Простой оцинковкой обшит.

И стало светлее на свете,
Окончился век-бесприют.
Как куклы нарядные, дети
За мамкой к обедне идут.

Шепнула Наташкина сваха
(Не может без слухов прожить):
В игуменском чине монаха
В приход отрядили служить.

Церквушка — душа, не молельня,
Родное зерно проросло:
Вчера еще звались — деревня,
А утром проснулись — село.

Сереха, что с давней подружкой
Страстную гулял напролет,
Червонец в железную кружку —
«На новую церкву!» — кладет...

ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ

*Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат...*

С. Орлов

Забыв бомбежки и пальбу,
В избе, в углу переднем,
Лежит солдат в простом гробу,
Известный и... последний.

Судьба давала имена:
Федот, Козьма, Ероха...
На кухне слезы льет страна
И в трауре эпоха.

А в головах, как перст — один,
Сошедший в мир с медали,
В лицо покойного глядит
Старик. Верховный. Сталин.

Вставай, солдат! Солдат, в ружье!
Последних — не хоронят:

Мы имя высвятим твое
В небесном Пантеоне!

Открыл глаза и встал солдат —
Егор, Демьян, Митроха...
И с ним плечо в плечо стоят
Судьба. Страна. Эпоха.

* * *

Уходит вода, но за ней не уходит Россия,
И даже в золе за зерном прорастает зерно.
Проси невозможного, мама, но только прости нам
Безбожные годы, — так было, видать, суждено.

Мы — массы, мы помним эпохи по собственным стонам,
По вбитым в голодные ребра семейным перстням.
Так помнит ковыль поименно душителей Дона,
Так помнит пшеница Голгофу тамбовских крестьян!

Нас новое время сечет по хребтам батогоми, —
Очнись от бездонного сна, господин и слуга:
Нам нужен не мост, чтоб на Пасху дружить берегами,
А братские руки, чтоб крепче связать берега...

* * *

Е.А. Исееву

О человеческом, о главном,
О том, что надо напрямик
Идти по жизни русской правдой, —
Мне говорил седой старик.

Как молодого первогодка
На необъявленной войне
Учил меня: прямой наводкой
Ты бей по вражеской броне!

Всего лишь час мы были вместе,
Вела меня его рука.
Он сам был чистой русской песней,
Той, что горька и широка.

И я, поверив ветерану,
Как верят лишь призывники,
Ушел в холодный спозаранок
По бездорожью, напрямки...

Дмитрий Георгиевич Протасов родился в 1962 году в городе Борисоглебске. Окончил филологический факультет Борисоглебского педагогического института, факультет географии, геоэкологии и туризма, факультет журналистики Воронежского государственного университета. Работал журналистом, руководителем пресс-службы администрации Борисоглебского района, главным редактором Борисоглебской районной газеты, маркетологом. В настоящее время — директор ресторана. Публиковался в региональной печати. Автор шести книг прозы. Живет в Борисоглебске.

Дмитрий Протасов

СПРОСИ У БЕШЕНОГО СОЛНЦА

Повесть

Это случилось в тот страшный год, когда нас всех, словно джунгли в сказке Редьярда Киплинга про Маугли, постигла Великая сушь! Потом, уже много времени спустя, метеорологи говорили, что ничего подобного не было в наших краях уже тысячу лет. А тогда мы все ждали и надеялись лишь на одно, — что когда-то, наконец, это чудовищное пекло закончится и оставит нас. Но проходил день за днем, неделя за неделей, а пылающее солнце все мчалось и мчалось по небу, словно взбесившаяся колесница Фаэтона, испепеляя последние надежды на урожай и на нормальный отдых. И если было точно известно, что адово пекло слегка отпустит Россию только к сентябрю, то многие, наверное, так не дожили бы до избавления.

А начинался тот год не так уж и ужасно, скорее как-то нелепо и даже смешно — на Новый год, прямо в ночное празднование, шел сильный дождь. Не успевший опуститься на землю в последние минуты года прежнего, прошлогодний снег тихо смешивался с нынешним дождем и приносил не радость людям, а испорченное настроение. И даже праздничный фейерверк на центральной площади оставался практически невидимым, где-то там, за рваными тучами, бежавшими низко над землей и за густым туманом.

Но уже в первых числах января ударили морозы и стойко держались до середины февраля. Все эти жестокие недели, без единой оттепели, на улицах и дорогах сохранялся сокрушительный гололед. Тот самый новогодний дождь, замерзнув, превратился в сплошной каток. На дорогах было много аварий. Их следы — поваленные придорожные столбы и пробитые ограждения, фуры, слетевшие с дороги, помятые легковушки пестрели по всем трассам. Особенно врезалась в память совершенно ирреальная картина — россыпи ярко-оранжевых мандаринов на белейшем снегу возле опрокинутого длинномера с краснодарскими номерами.

Весна была такой же нелепой. Снег осенью лег на мерзлую землю, и весной, при его таянии, талая вода не впитывалась, а уходила под уклон. В земле ничего не осталось. С обильными ручьями убегала за горизонт надежда крестьянина на урожай. Снег сошел, а дождь все не хотел идти. Тогда еще никто не знал, что первые осадки теперь выпадут лишь через полгода — в октябре! К середине марта, когда зима, наконец, отступила, душа наполнилась радостно-тревожным ожиданием добрых перемен, обычным для такого непредсказуемого времени года, как весна. Впрочем, предчувствия, как и обычно, большинство из нас обманули!

КОНЕЦ ЗИМЫ

Зима, наконец, завершилась. Во дворах, в садах, у северных стен зданий еще оставалось немного снега и льда, а по ночам температура опускалась до нуля, а то и до минус двух. Но днем теплое, совсем весеннее солнце греет по-настоящему и все настойчивее напоминает, что скоро лето. Дороги и площади уже чистые и сухие. Машины мчатся с легким шорохом и вздымают целые тучи мелкого песка. Того самого, которым три месяца боролись с гололедом.

На площади перед зданием городской администрации толпится народ. Не очень много — человек двести. Это коммунисты проводят очередной митинг. Громыкает мегафон, по-народному — матюгальник. Какие-то бойкие, очень хорошо одетые молодые люди раздают всем прохожим листовки.

Вместе с весной пришла очередная предвыборная кампания. Полным ходом катились избирательные агитки, дебаты, митинги и встречи. Настал тот редкий период, когда будущие депутаты особенно горячо любят свой электорат. Они просто пылают страстью к избирателям и буквально бегают за ними, чтобы узнать, что же им для полного счастья надо. Пришла сладкая пора предвыборных обещаний и наказов избирателей. Кандидаты, видимо, так же подвержены весенним пылким чувствам. Как, например, глухари. Так же самозабвенно токуют они на митингах, как и эти крупные любвеобильные птицы, обещая все — даже заведомо невозможное. Народ давно понял, что в такой момент можно просить все, что угодно — отказа не будет. Правда, самые умудренные жизненным опытом говорили, что обещанного вряд ли дождешься и даже придумали простую, как русский мат, поговорку: «Голосуй, не голосуй, все равно получишь...!»

Многие уже давно отметили, что очень много общего между нашими депутатами и проститутками! Главное, в чем они абсолютно одинаковы, так это в их пламенной, беспредельной, но предварительной, любви к нам — простым людям. И те, и другие несканозанно любят нас лишь до оплаты — путаны деньгами, народные избранники местом депутата, а потом напрочь забывают о своих прежних клиентах.

Свернув налево и сделав круг по причине одностороннего движения на центральном проспекте, Вадим Рокотов подкатил к крепкому, высокому, хотя и одноэтажному, каменному зданию старинного купеческого особняка, в котором более полувека располагалась редакция районной газеты. Здесь он работал уже много лет. Раньше обозревателем. Последние годы — главным редактором. Быстро под-

нялся по ступенькам в длинный, облицованный белым пластиком коридор и из него попал в холл, где начинались оба крыла здания. Мельком увидел самого себя в большом зеркале — среднего роста темноглазый брюнет. Вот и приемная, а за ней рабочий кабинет.

Светлый и просторный — сейчас, кабинет достался ему от предшественника. Тогда он был мрачным, темным, с такой же темной мебелью, с черными от десятилетия непрерывного курения обоями. Свет скупо давала древняя, позеленевшая от времени, трехрожковая люстра. Вадиму пришлось приложить немало усилий, чтобы отремонтировать помещение, привести его к современному состоянию. Особенно сложно было уничтожить неистребимую вековую никотиновую вонь, въевшуюся даже в стены. Зато теперь это было светлое и уютное место, располагавшее к работе. Здесь он и проводил большую часть своей жизни.

День начинался, как обычно. Звонки, посетители, срочная вычитка материалов в номер, счета, принесенные на подпись бухгалтером. Времени на обдумывание действий газеты и самого редактора практически не оставалось. Выработка стратегии осуществлялась после рабочего дня, когда уходили сотрудники и заканчивались назойливые посетители.

В полдесятого в дверь кабинета постучали.

— Войдите.

В кабинет проникла невысокая полная женщина в очках, для весны слишком тепло одетая, с несессером в руках.

— Здравствуйте. Хотите получить компромат на судью?

— А вы кто, собственно говоря? — озадаченно спросил Вадим.

— Да какая разница! Просто человек. Разве вас не интересует, что судья берет взятку? Все записано на скрытую видеокамеру.

Редактор с интересом посмотрел на посетительницу. Ее круглое лоснящееся лицо смело выглядывало из широкого ворота толстого свитера. Вроде бы, ничего необычного. Но при этом почему-то очень похожа на провокатора.

— Вы юрист?

— Нет, — она замялась, — впрочем, можно сказать, что немного да. Только разве это важно? Так что, вас интересует, как судья Строкова берет взятку. Неужели не хотите посмотреть? Вот, давайте я вам покажу, у меня все здесь — прямо в компьютере.

— Вот пришла ко мне женщина, — начал он со спокойной улыбкой, — которую я никогда в жизни не видел, но именующая себя немного юристом, и предлагает посмотреть видеозапись, как судья Строкова берет взятку...

— Да какая разница, видели или не видели вы меня? — возмутилась тетка. — Вот, вас лично, разве не волнует, что у нас судьи взяточники?

— Волнует, конечно. И какая же взятка?

— Вы не поверите! — она сделала эффектную паузу. — Три банки меда!

— Да-а! — не удержался он. — Это же просто страсть! Какая жуткая она коррупционерка!

— Хотите посмотреть, — напирала очкастая баба, — у меня все с собой, в ноут-буке. Здесь все хорошо видно.

— Послушайте, женщина! — не выдержал редактор. — Я вижу вас впервые. Я вас совершенно не знаю. Почему я должен вам верить? А может, вы поставили себе задачу — опорочить неудобного судью, чтобы выбить его из процесса над вашим же родственником или другом.

— Да что вы такое говорите? — вознегодовала толстая тетка. От нее резко запахло потом. Похоже, его слова попали в цель. — Да я на вас за клевету в суд подам...

— Кому? Судье Строковой? — рассмеялся Вадим. — А вы сами-то чем сейчас

занимаетесь? Разве не клеветой? Если все это правда, идите в прокуратуру, пусть там этим и займутся.

— Я этого так не оставлю! — забухтела женщина, сгребая свой ноутбук и просачиваясь из кабинета в приемную. — Вы тут сами все коррупционеры.

Только она вышла, как зазвонил прямой телефон, как говорят в чиновничьей среде, «вертушка». Обманчиво ласковый женский голос поинтересовался здоровьем редактора. Очень хотелось ответить, что до сих пор, до этого звонка все было хорошо. А вот теперь уже не знаю! Следом полились слабо прикрытые угрозы.

УТРО — ОДНО ИЗ ТЫСЯЧ

Утро следующего дня началось, как и предыдущее. Как и сотни, и тысячи других дней. Подъем в шесть часов, чистка зубов, бритье, утренний кофе. Вскоре после семи редактор уже уезжал на работу. Приезжал туда обычно раньше всех, осматривал здание, парковку перед ним, проверял свет, воду, отопление. Потом готовился к планерке, делал наброски, подписывал бумаги — в основном счета и письма, оставшиеся в папке со вчерашнего дня. К восьми начинали подтягиваться сотрудники. Сначала технические: корректор, дизайнер, наборщица, водитель. Потом, стараясь не упустить ни малейшей возможности еще раз всем напомнить, что они «голубая кровь», с опозданием появлялись журналисты. У главреда с ними время от времени по этому поводу разгоралась борьба. Он ее называл борьбой с «опаздунами». Но потом эта война с ветряными мельницами надоедала, и они вновь отвоевывали себе право приходить на работу часам к девяти.

Вчера было полнолуние, и сегодня с самого утра телефон накалился от звонков людей, которые то видели инопланетян, то подвергались преследованию оборотней в погонах, а то и вовсе встречались с «аватарами». Работая в редакции, он уже давно привык к навязчивости многих читателей. Порой в кабинет без стука вваливался какой-нибудь потрепанный субъект и заявлял, что он уже давно планировал зайти к редактору поговорить по душам. С некоторых пор он стал встречать незваных посетителей словами:

— Как хорошо, что вы пришли! А то мне с утра заняться было совершенно нечем! Несказанно рад.

Нормальные понимали скрытую иронию, обижались и вскоре, а некоторые и сразу, уходили. Пациентов психотерапевта ничто не пронимало, и они отнимали от получаса до часа рабочего времени.

Сегодня к нему приперся невысокий, замызганный старикан с выцветшими, светло-голубыми слезящимися глазами. Он принес с собой едкий запах кошачих экскрементов и замасленную газету. Уселся без спроса, потом снял с лысоватой головы и выложил свой древний, развалившийся надвое, облезлый картуз прямо на рабочий стол, разгладил его и дрожащим от обиды, надтреснутым голосом заговорил:

— Изводят меня соседи! Почем зря изводят уже второй год. Моченьки моей нет.

— Каким же образом они вас изводят? — осторожно поинтересовался Вадим.

— Да, вот ведь, Васька-поганец собрал какой-то прибор и по ночам наводит его прямо на мои окна. А я каждую ночь мучаюсь — никак заснуть не могу. Измаялся совсем, сил нету!

— И что же за прибор создал ваш сосед Василий?

— Да, ить, я в этом совсем не разбираюсь. Какой-то генератор.

— А вы его сами-то видели?

— Нет, сам не видал. Соседи сказывали.

— Так почему же вы решили, что он существует и направлен именно на вас?

— Дак, а на кого же еще? Завсегда я по ночам спал. А теперь никак не могу!

— А чего же вы от меня хотите, позвольте полюбопытствовать?

— Как-нибудь воздействуете на него.

— Каким же образом?

— Напишите про него, подлеца! Как он людям жить не дает. Вот я тут принес вашу газету. Здесь статья про фулюгана, которого потом заарестовали.

И он начал раскладывать принесенную с собой газету. Сказать, что в нее раньше заворачивали рыбу, значит, ничего не сказать. От несчастного издания отваливались какие-то отвратительные жирные лохмотья. А из ее разворота посыпались прямо на стол чешуя и засохшие травинки.

— Не надо, не надо! — запротестовал редактор, живо отталкивая бранные останки газеты. — А может вам просто пролечиться надо?

— Дык, чем же этого Ваську проклятого вылечишь!?

— Да не Ваську! Я про вас говорю, — не выдержал и повысил голос Вадим.

— А какие же мне лекарства могут помочь заснуть?

— Ну, например, синильная кислота или цианистый калий.

— А вы мне запишите на бумажке, а то я не запомню, — юмор остался не замечен.

— Стрихнин будет в самый раз, — подумав, решил редактор.

ВЕСНА

Несколько недель небо было затянуто серой непроглядной пеленой, из которой почти непрерывно сыпалась мелкая влага, а временами и мокрый снег. Все уже устали проклинать изменчивую погоду. Организм истосковался по теплу. Но вот дохнул южный ветер и унес осточертевшие облака куда-то далеко за Урал. Наконец выглянуло солнце и припекло уже совсем серьезно. И вот тогда пришла настоящая весна! За считанные дни абсолютно голые до того аллеи и бульвары покрылись свежей, ярко-зеленой листвой.

Чем пахнет весенний воздух? Он напоен ароматами молодой сочной зелени, насыщен острым, терпким запахом набухающих липких почек. Порой примешивается легкий привкус горьковатого дымка от сгорающих прошлогодних листьев. А под Пасху ласковый южный ветерок кружит голову целой лавиной сладких, пряных запахов ванили, корицы и церковной сдобы!

Как-то незаметно для глаз, по ночам, опушились нежной свежей зеленью деревья. На любой улице достаточно было выйти на середину проезжей части, чтобы увидеть бесконечную анфиладу зеленых куртин, уходящих в перспективу и теряющихся вдали. Цвело все! Яблони, сливы и груши в садах, вишни, жердели и абрикосы в палисадниках, сирень и черемуха вдоль улиц, каштаны на бульварах и в микрорайонах. Город гудел от миллиардов трудолюбивых пчел. Насыщенное интенсивное жужжание порой перекрывало даже гул авто на проспекте.

Один квартал сверкал бесчисленными шапками белой сирени, другой — нежно-розовой, а третий — фиолетовыми кущами. Даже клены и акации пытались сбросить на голову прохожих хоть какой-нибудь мусор, лишь отдаленно напоминающий майский цвет. Что делает с деревьями весна!

Сердца мужчин сладко замирали, даже когда мимо них проходила какая-нибудь коротконогая лохматая шмара, но с голеньким пупочком. Всего месяц назад ее, в куртке с капюшоном, никто бы и не заметил! А сейчас все сыплют комплименты. Что делает с людьми весна!

Девчонки спешно заголили колени, животы и плечи, натянули стринги. У кого было что показать, влезли в декольте и бретельки. Природного загара было еще маловато, и от смуглянок после солярия веяло горелым. А глаза — карие, голубые, серые и зеленые, большие и малые, круглые и миндалевидные полностью

скрылись за солнцезащитными очками до самой осени. О, весна, что ты делаешь с девушками!

Как говаривал один мой знакомый: «Пришла весна, набухли почки, и печень тоже барахлит!» Впрочем, весны-то мы практически и не видели. Едва сошел последний снег, и все зазеленело, как температура стала быстро нарастать, и в мае уже началось настоящее жаркое лето.

Майская неестественная теплынь создавала дикий дискомфорт, но после долгой зимы высокую температуру все еще списывали на раннее лето. А потом пришло и само лето, а с ним невероятная жара, и стало совсем худо. Уже в июне было очень жарко, но и тогда мы еще не догадывались, что это лишь цветочки — чудовищные плоды впереди. С конца июня метеорологи заговорили о каком-то заграничном монстре — страшном блокирующем антициклоне, прилетевшем, словно сказочный дракон, из знойных степей и пустынь Казахстана.

Придя в этот день на работу пораньше и обходя редакцию, Рокотов вдруг обнаружил своего сотрудника сладко спящим за столом в собственном кабинете. Из дома он ушел, наверное, очень рано или даже еще там и не был. На работе же он, попав на нее благодаря уборщице, очевидно, нашел свою собственную заначку и решил похмелиться. Да только переборщил с дозой.

Ответственный секретарь Круженкин безмятежно спал в своем кресле, как в колыбели, положив голову на стол. От него пахло счастьем и водкой. А лицо было такое по-детски радостное и счастливое, что стало даже жалко его будить. Ну, как теленок у мамкиной титьки!

— А ну, давай просыпайся.

Ответсек только промычал что-то в ответ и продолжал дрыхнуть.

— Подъем! — Вадим потряс его за плечо.

— М-м-м.

— Эй, ты! Да ну же, выпавшее звено эволюции! Приди, наконец, в себя!

— Не надо! Нет-нет! Не надо! — вдруг завопил Круженкин, не просыпаясь.

— Вот уж правда, что водка — волшебная жидкость: с легкостью превращает черную тоску в белую горячку, — пробормотал Рокотов, глядя на его испуганное лицо.

Выгнав Круженкина из редакции, редактор строго-настрого запретил ему сегодня появляться на работе — пусть проспится. Но экзекуцию он ему коварно отложил назавтра. Вот тогда он будет в состоянии понимать, о чем ему говорят. А еще он будет тяжело страдать с похмелья. В этот момент фитиль начальника, как правило, оказывается особенно невыносимым.

После обеда в редакцию пришел Виктор Михалыч (Нахалыч, как все его называли за глаза) — тренер из местной спортивной школы — и стал склонять к участию в баскетбольном турнире. Нет, он не предлагал сотрудникам редакции прыгать вместе со школьниками под корзиной, забрасывая в нее мяч. Речь шла о финансировании спортивного мероприятия, на которое администрация никогда не находила денежных средств. Приходил он к редактору каждый год в это время, и отказывать теперь было уже неудобно. Денег на счетах газеты было — кот наплакал, но все же Рокотов решил, что сможет выкроить несколько тысяч на кубок и медали, и не стал огорчать Михалыча.

Рабочий день уже заканчивался, когда раздался требовательный звонок. За последние годы Вадим научился по тембру телефонного зуммера определять, какие вести меня ожидают. На этот раз, кажется, опять ничего хорошего. Он снял трубку и осторожно откликнулся: «Ал-ле!»

— Добрый день, — вежливо произнес знакомый неприятный голос.

— Добрый, — также вежливо ответил Рокотов, — если он, конечно, добрый.

— Ну, не будем размениваться на субъективные факторы.

— Хорошо — не будем. Чем обязан?

— Насколько я вас знаю, вы всегда были исключительно целеустремленным и мотивированным человеком.

— Да, я умею добиваться своих целей, — сухо ответил, потирая подбородок.

— Я мог бы вам помочь добиться одной из ваших целей.

— Какой именно? — насторожился главред.

— Речь идет о возможности поставить на место одного хорошо вам известного человека в руководстве городом.

— Я должен подумать, — ответил он, чтобы хоть что-то ответить.

Пауза затягивалась.

— Ал-ло-о! Вадим Георгиевич! Вы меня слышите.

— Да, — коротко обронил Рокотов.

— Губернатор собирает сведения о политической жизни в районах края. Вы могли бы приехать в областной центр и предоставить информацию?

— Я должен подумать, — повторил он.

Уж очень это было похоже на провокацию. Особенно сейчас, когда у редактора произошел крупный конфликт с властью, и за ним неусыпно следили недоброжелатели. У него было много друзей и в отделе внутренних дел, и в местном подразделении ФСБ, которые сообщали о таких вещах. День оказался непростым, даже тяжелым, как, впрочем, и многие другие.

Порой вечером, после работы, накатывалась такая усталость, что хотелось только одного — усесться поглубже в кресло или на диван и просто сидеть, ничего не делая. Просто тупо смотреть в телевизор или даже не смотреть. Главное, абсолютно ничего не делать. Не хотелось даже читать, хотя это было его самое любимое занятие и главное развлечение с детства.

Помнится, в школьные годы, в летние каникулы он целыми днями пропадал в глухом, сильно заросшем саду. Здесь мальчишка устраивался либо в заброшенной беседке, либо на старой вишне с одним отрезанным суком, где в развилке можно было очень удобно полулежать-полусидеть и читать, читать и читать. Здесь его никто не мог найти.

Это был его, и только его, волшебный, придуманный мир. Здесь кралась по глухим лесам героиня Фенимора Купера, летели на таинственном «Альбатросе», плавали на подводных лодках и пробирались на слонах через индийские джунгли персонажи Жюль Верна. Здесь творили великие гении и великие злодеи Александра Беляева, бились на шпагах мушкетеры Дюма и страдал благородный, но страшно несчастный граф де ля Фер.

В этих райских куцах возникали видения преступников и героев, великих полководцев и ужасающих монстров, рожденных творческим гением Роберта Говарда. Над кровавым горизонтом вырастали зловещие трехножники марсиан, по холодному городу пробирались замерзший гениальный, но совершенно безумный ученый, ставший невидимым, и скакал навстречу восходящему солнцу всадник без головы. Генри Баскервиля догоняла чудовищная, как ночной ужас, гигантская собака, людоеды жарили спутников Одиссея, а несколько мужественных людей отбивали приступ целой орды пиратов, которым глаза затмило золото Флинта.

Детская любовь к книгам выросла в большое взрослое увлечение. Просто уже не было времени проглатывать все подряд. Но это, наверное, и правильно. Сначала идет процесс общего накопления информации, а потом вступает в силу закон отбора главного знания. С годами приходилось читать все меньше из-за постоянного дефицита времени. За последние месяцы этого самого свободного времени у редактора, кажется, не было вовсе.

ТЕНИ ПОЯВЛЯЮТСЯ И ИСЧЕЗАЮТ

Ясное летнее утро спокойно и размеренно шагало по улицам и переулкам небольшого старинного города. Уютно улегся он меж двух рек, всего за несколько километров до их слияния. С одной стороны от него начинались широкие бескрайние степи, уходящие на тысячи километров до самой Средней Азии. С другой — поднимался громадным лохматым чудищем большой, угрюмый лес. Когда солнце укрывалось вечером за лесом, его могучие дубы, облитые по контуру алыми красками заката, выглядели особенно зловеще. Среди людей старшего поколения его временами называли Сумеречным лесом. Где-то там, на западе, в самой его глубине находился закрытый военный городок. Солдаты с автоматами вылавливали и вежливо, но настойчиво выпроваживали обратно на дорогу всех: грибников, ягодников, туристов, слишком углубившихся в чащу и приблизившихся к секретной (поговаривали, что ракетной) базе.

Но сейчас утро, и солнце стремительно взбегает на небосклон совсем с другой стороны — со стороны степей и небольших рукотворных хвойников. Потoki света заливают крыши домов, просторы полей, ярко отражаются от рельсов железной дороги. В голубом безоблачном небе чертил идеально прямую белую стрелу самолет — недалеко располагался военный аэродром.

Старый дворник в оранжевой жилетке, кряхтя и покашливая, выпускает клубы вонючего табачного (махорка, однако) дыма, лениво шаркает метлой по загаженному тротуару. Первые прохожие уже бежали по своим утренним делам, шуршали шинами по асфальту велосипедисты. Велосипедистов в городе было великое множество. Это неистребимое племя ухитрялось портить кровь автомобилистам даже зимой. А уж летом они заполняли все улицы. Двое пьяных парней, которых выгнали из закрывшегося на рассвете ночного заведения, никак не могли сообразить, в какую им сторону. Стайка воробьев никак не могла поделить брошенную кем-то большую хлебную корку. Увертываясь от ног прохожих, нахальные крылатые вновь и вновь возвращались к заманчиво белевшему на асфальте куску булки.

Вдохнув напоследок еще раз полной грудью утреннюю свежесть (радовать нас ей оставалось не больше часа), Рокотов с сожалением вошел в холл редакции и сразу окунулся в густую и тяжелую духоту, сохранившуюся со вчерашнего дня. Сегодняшний будет ничуть не лучше. Вскоре после восьми позвонил Виктор, его друг, и поинтересовался, как дела.

— А почему спрашиваешь?

— Люди говорят, — коротко ответил Витя, приблизительно, как известный персонаж телефильма «Белое солнце пустыни» произносил: «Стреляли».

— У меня проблемы! — честно ответил он. — На меня совершен «наезд».

Редактор был не склонен распространяться на эту тему по телефону, поэтому быстро закончил разговор и углубился в служебные дела. Прошло часа два, пока его опять побеспокоили.

— Что-то происходит! Что-то непонятное, — бубнил встревоженный голос на том конце телефонной линии.

— Что происходит-то? — тихо и раздраженно вопрошал он, уже привыкнув к утренним мелодраматическим звонкам параноиков после ночи с полнолунием.

— Из леса появлялись какие-то темные тени, вероятно, живые существа. Они очень быстро передвигались. Даже выходили на самый берег!

— Вы своими глазами это видели?

— Да, конечно! Я наблюдал за ними больше часа. Потом они ушли обратно.

— А на что они были похожи?

— Господи, ну откуда я знаю! Если бы я их разглядел, то звонил бы сейчас уже не вам, а в программу «В мире животных»!

Диалог этот состоялся еще в июне. Вадим отмахнулся от него, как от наваждения больного человека. Но через неделю позвонил уже другой человек, рыбак, который сообщил, что видел перед рассветом что-то подобное. После третьего случая он заинтересовался и решил обратиться к Борису. Это был еще один его старинный друг. Дружили они с ним не с детства, чем опровергали устоявшееся мнение, что истинный друг может быть только из самого начала жизни. Познакомился с Борисом, когда оба уже были вполне взрослыми людьми, в одной общей поездке. Почувствовали взаимную симпатию, стали чаще общаться. Потом не раз помогали друг другу, порой в критической ситуации. Короче стали закадычными друзьями.

Бориса интересовало все, что было необычным, невероятным, необъяснимым. Он собрал дома большую библиотеку о самых таинственных и неизученных событиях и находках. Себя он гордо именовал агностиком — верящим в непознаваемое. Все свое свободное время Боря тратил на поездки на Урал — в Аркаим, на Кавказ — к башням сванов, в Карпаты — в замки валашских государей и т. д. Он облазил там все пещеры и все древние развалины. В окрестностях нашего города он также обшарил все ближние и дальние чащобы, болота и озера, которых было множество в пойме реки и выше по склону речной долины на выходах грунтовых вод.

В свои без малого сорок Борис сохранял хорошую физическую форму, отличную фигуру, но полностью облысел. Голова его просто сияла на солнце. Но относился он к этому спокойно. Когда кто-нибудь начинал острить по поводу отсутствия волос на его голове, он находчиво отшучивался. Вроде:

— А это вовсе не лысина. Это блеск моих мыслей!

Или:

— Вы ничего не понимаете! Это же мой нимб сверкает!

В конце концов, настал момент, когда Вадим решительно взял телефон и набрал Бориса. И тут оказалось, что он уже и сам об этом знает.

— Рокотов, ну не пыли ты! Я уже сам слышал об этом.

Друзья быстро договорились встретиться вечером на окраине, около понтонного моста...

Солнце вот уже полчаса, как закатилось за горизонт. Краски медленно умирали, сменяясь серыми полутенями. Сумерки, еще недавно кравшиеся между деревьями, подкарауливая зорю, теперь заполнили всю долину реки. А в лесу под кронами огромных дубов всюду разлилась чернота. Прямо перед ними широко раскинулся огромный плес. За ним, на том берегу, сразу за заливным лугом, начинался город. Крайние дома, высящиеся на припойменной террасе, были, пожалуй, всего в километре отсюда. А за ними постепенно распространялась громада всего остального города. Мерцали окна в многоэтажках, тянулись на юг и на север бесконечные цепочки уличных фонарей. В глубине, там, где была центральная площадь, в небо отсвечивало мощной иллюминацией вывесок и рекламы. К окраинам света было поменьше.

Ночной город с этого возвышенного, правого берега реки выглядел иначе, чем днем. При дневном освещении можно было различить высокие здания, шпили колоколен и купола храмов, массивные громады элеватора и завода ЖБИ. А сейчас были только одни огни. Много огней — целые россыпи, обрисовывающие перспективы центральных проспектов и постепенно сходящие на нет в предместьях.

Город был не велик числом жителей — тысяч восемьдесят, но площадь занимал большую. Многие районы были по-прежнему застроены одноэтажными частными домами, поэтому расползлись по окрестностям, как блин на сковородке.

Место, где Борис с Вадимом расположились, было удобное. Поперек склона лежал огромный ствол поваленного временем дерева. За ним можно было спрятаться, было и на чем посидеть. За ним продолжался очень крутой, местами по-

чти отвесный, спуск к реке. Заканчивался он только около узкой полоски прибрежного песка. Прямо у них за спиной продолжался подъем, густо заросший дубовой порослью. А еще выше вздыбились могучие вековые дубы. Лишь их верхушки обрисовывал легкий отблеск заката. В целом, сзади была уже полная и сплошная чернота. Далеко на западе над лесными великанами вздымалась только игольная черточка вышки телеретранслятора, на которой горело несколько красных огоньков.

— А почему мы здесь? — недовольно проворчал Вадим. — Можно же было смотреть с того берега.

— С той стороны, на фоне леса, мы ничего не увидим, — ответил Борис. — А отсюда в отблесках городских фонарей можно различать отдельные предметы.

— Вот оно что, — протянул Рокотов, — а ты, оказывается, умный, я-то вот ду- мал, что так — балбес. — Конечно, это была шутка.

— Да, нет! Это я только прикидываюсь!

Прошло несколько часов. Вадим уже начал сожалеть, что поддался на эту глупую провокацию и приперся сюда, чем обрек себя на бессонную ночь. Между тем из-за городских построек, откуда-то из-за черного силуэта элеватора медленно выползла огромная, багровая и страшная, как глаз монстра, луна. Потом он, на- верное, заснул. А вот Борис честно бодрствовал, потому что именно он под утро растолкал редактора и приложил палец к губам. Потом насторожился и посмотрел на реку. Над водной гладью, затянутой вуалью предутреннего тумана, были отчетливо видны черные тени! Они стремительно скользили мимо друзей вверх по течению, а затем скрылись в лесу.

КАРАНТИН

В детстве Вадим жил на старой, застроенной еще до революции, улице, всего в трех кварталах от железнодорожного вокзала. Он до сих пор помнил, что когда дул южный ветер, то доносил до самого его дома недовольное пыхтение локомотива, стук колес на стыках и сердитый гудок: «У-у-уйди! У-у-уйди!»

Вокзал, железная дорога, пробегающие по ней поезда — все это было таинственными приоткрытыми воротами в какой-то другой, интересный, большой и далекий мир. Оттуда лежал путь на юг: в Поволжье, в Волгоград, и дальше в бескрайние степи Казахстана. На западе скрывались многолюдные города Украины. На восток путь лежал на Урал и дальше в Сибирь. А на север, конечно же, в столицу, в Москву.

Сам поход к вокзалу по тихой, густо заросшей вишняком и сиренью улице уже был откровением. Время от времени, почему-то всегда в летние месяцы, в городе обнаруживался дефицит хлеба. Происходила какая-нибудь авария на хлебозаводе, а так как он был один на весь восьмидесятитысячный город, в течение одного-двух дней невозможно было купить даже калач. Каждый раз в этом случае мальчишку отправляли на привокзальную площадь, потому что там был небольшой железнодорожный магазин, торговавший хлебобулочными изделиями из соседнего поселка Поворино.

И вот маленький Вадик идет на вокзал, почти за километр от дома. Одноэтажные, крепенькие, еще дореволюционной постройки, домики порой вовсе скрываются за буйной зеленью. Иной раз идешь, как по зеленому тоннелю, под ветвями, легшими уже на крыши. Здесь и вишняк и яблони, акации и сирень, повитель и кусты крыжовника. Тогда в будний летний день на привокзальных улицах было тихо. Народ был либо на заводах, либо отсыпался после ночной смены. Машина, и то не легковая, а какой-нибудь «Зилор», редко-редко проедет по дороге. А чаще беззвучные велосипедисты.

Когда-то, много-много лет спустя, ему пришлось впервые проехать по этой же улице на машине. И как же он удивился, что в детстве полчаса добирался до вокзала, если здесь езды всего три минуты. Все же возраст сжимает не только время, но и расстояние.

Оставив машину на улице, в тени огромного клена, Вадим направился к проходу между зданиями. Перебежав через дорогу, нырнул в арку и оказался в большом уютном дворе, окруженном старыми четырехэтажными домами красного кирпича. В детстве он бывал здесь очень часто — бегал через него в свою начальную школу, здания которой уже давно нет. Поэтому он знал в этом дворе, кажется, каждую ямку на выщербленном асфальте. В центре, окруженная старыми липами и тополями, располагалась круглая чаша фонтана. Внутри нее сиротливо высился задумчивый мальчик с огромной рыбиной в руках. Но вода из пасти рыбы, сколько я себя помню, никогда не текла. Сколько ни добивался у старожилов — работал фонтан вообще когда-нибудь или нет — никто толком ответить так и не смог.

За тополиной аллеей обнаружилась обшарпанная парадная дверь под полуразрушенным бетонным козырьком, из которого торчали арматурины. За дверью скрывались ветхие и невзрачные внутренности подъезда. На стенах неизменные надписи: «Анька — дура» и «Славик — лох». На полу окурки и шелуха от семечек, на подоконнике пустая банка из-под пива «Балтика 7». На третьем этаже его ждала дверь, обитая старомодным дерматином с натянутой красивыми узорами гитарной струной.

После звонка сразу же раздался хриловатый насмешливый голос:

— Открыто.

Михаил Николаевич Белов, или попросту Миколаич, сидел в своем любимом кресле, а вокруг него на полу высились стопки книг. Много бумаг и книг громоздилось и на столе в центре комнаты. Вдоль стены, где у большинства людей размещается мебельная «стенка», располагались старинные массивные шкафы, под завяз набитые книжными богатствами. Пестрые корешки тянулись бесконечными рядами от полки к полке. В уголке стоял небольшой столик с компьютером, но им обитатель квартиры пользоваться не любил.

— Я люблю ощущать информацию руками — тактильно, — приговаривал он частенько.

Рокотов его очень хорошо понимал. Ничто не может сравниться с ощущением приятной тяжести пухлого зачитанного томика в руках. Тонкий аромат типографской краски всегда возбуждал в нем любопытство. А сам запах знаний, когда листаешь книгу! Да, наверное, скорее это все же запах пыли. Но ведь у бездушных свещающихся строк, бегущих по экрану, нет и его.

Кажется, сколько он знал Миколаича, столько он таким и был, как сейчас. Друзья часто называли его профессором (кажется, он им когда-то и был), а еще книгоцеем. Потому что знал Михаил Николаевич, наверное, все на свете и читал все подряд. Есть такие люди, которые всю жизнь, каждый день и час, как губка, жадно впитывают знания, самую разнообразную информацию в самых различных отраслях науки, культуры, техники. С ним всегда было интересно. И уж если случалось что-то непонятное или необъяснимое, все отправлялись к «профессору» Белову. У него всегда найдется ответ на любой вопрос.

— С чем пожаловал, дружок?

— Есть тема.

— Валяй, — шутливо кивнул Миколаич и отложил огромный атлас «Зарубежная Азия», раскрытый на странице «Южный Китай».

Несколько минут они проболтали о последних событиях в городе, о его работе, о людях — общих знакомых. Наконец Вадим собрался и сжато, давая минимум

возможностей язвительному старику для сарказма и насмешек, обрисовал ситуацию с рекой и тенями, которую наблюдал совсем недавно. Вадим внутренне ежил-ся, ожидая колкостей, на которые Миколаич был большой мастак. Но неожиданно увидел, что его собеседник не развеселился, а, наоборот, посерьезнел. Задав несколько вопросов о том, что редактор видел сам, он вдруг задал неожиданный вопрос:

— Что такое, в твоём представлении, пекло?

— Это когда очень жарко, — неуверенно протянул Рокотов.

— Пекло в славянской мифологии — это место, куда после смерти отправляются души самых страшных грешников. Там им предстоят мучения и расплата за зло, которое они творили в земной жизни. Главное мучение заключалось в невыносимой жаре, очень высокой температуре. При ней у нормального человека просто закипела бы кровь, и он погиб. Но грешники бессмертны, они будут корчиться от боли и выносить чудовищные страдания вечно. Этот славянский ад находится глубоко под землей, в огненной бездне, в мрачных недрах. Кстати говоря, это же страшное место является и обиталищем злых богов и всех недобрых сил.

— То есть эти черные, злобные силы там живут, вернее обитают?

— Не совсем так. Нежить — адово племя, силы Зла и Тьмы, время от времени проникают в Верхний мир смертных и творят здесь свои злодеяния. Светлые боги и герои сражаются с ними, побеждают и свергают обратно в Пекло. Скорее это не дом, а тюрьма для содержания адептов Зла, чтобы они не смогли разрушить наш мир.

— А что мешает Злу вновь выбраться из глубин планеты на поверхность?

— Ну, вероятно, это какие-то заклятия, наложенные, как печать. Кстати говоря, знаешь, есть интересная аналогия с современностью. Если антивирусная программа в компьютере слабовата, то она не уничтожает вирус, а только изолирует его, помещая в карантин. Или при уничтожении может пострадать какой-нибудь файл. В каждом компе, где-то глубоко внутри программных файлов, находится неприметная папка «Карантин».

Порой в нем хранится такое огромное количество нечисти, всяких «траянов», «червей», «ПЕНИТРЕЙТРОВ», Winlocker-ов, что становится жутко от мысли, что будет, если защитная программа почему-либо перестанет работать. Например, закончится срок лицензии или средства для оплаты.

Мне всегда казалось, что точно так же в Пекле, за нерушимыми стенами заклятий, клубятся злобные духи и мечутся кошмарные твари, как чудовищные вирусы в электронном Карантине. И если печати и заклятья вдруг падут...

— Все Зло вырвется наружу...

— Именно!

— А погода...

— Верно! Земной, глобальный антивирусник перегрелся, и если температура не спадет, то выброс неминуем...

НЕЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Вечерело. Ненасытный молох трудового дня, вечно требующий у нас жертв — все новых и новых часов, медленно и нехотя отступал. Подходила пора легкого расслабления. Можно будет хотя бы ненадолго отвлечься от напряженной дневной гонки и вечной нервоотрепки. Редактор дождался, пока ушли все — даже последние, любившие засидеться допоздна, сотрудники. Часам к восьми вечера в здании никого больше не осталось. Привычно проверив, выключен ли свет в каждом кабинете, не открыт ли крап, он замкнул все двери и остановился в раздумье перед фасадом редакции.

Сегодня к нему приезжала пожилая пара одного из сел района. Немолодые люди был растеряны, расстроены и вообще не уверены, что обратились по адресу. Их сын — военный техник в авиачасти, единственная радость стариков, погиб, нелепо и трагически, четыре года назад. Его сбила машина, за рулем которой сидел в ноль пьяный молодой «прожигатель жизни». За эти годы родители еще больше постарели, но как-то свыклись с невозполнимой утратой. Целью жизни стала забота о могилке ненаглядного сыночка. И вдруг новый удар судьбы — могилу на кладбище осквернили неизвестные моральные уроды. Он смотрел на них — убитых горем, и не мог понять, у какой же мрази поднялась рука на последнюю обитель погибшего офицера! И чем им, этим несчастным старикам, помочь, он тоже не представлял. Все чаще такие вопросы о моральной подоплеке действий подрастающего поколения оставались, увы, без ответа.

Сумерки, украв закат, осторожно крались от дома к дому, от дерева к дереву. Сизое, быстро темнеющее небо опускалось на город, стремительно превращая вечер в ночь. Ехать домой — к дивану и телевизору, не хотелось, и он повернул к центральной части города. Неспешным шагом дошел до проспекта. В это время зажглись уличные фонари. Стоял тот удивительный теплый вечер, когда в совершенно безветренном воздухе каким-то необъяснимым образом сами вибрируют листья деревьев, издавая едва слышный, но отчетливый шелест. Этот звук — равномерный и постоянный, но такой тревожный, всегда цепляет душу. Наверное, так трепетали листья осины в Гефсиманском саду в ту ночь, когда на ней давился Иуда Искариот.

Почему современные иуды не повторяют библейскую историю! Почему не повесятся сами на собственном галстуке. Увы, нынешние предатели совсем не стыдятся своих измен. Напротив, они гордятся своим карьерным ростом, даже если он обеспечен уничтожением недавних союзников и, даже, собственных покровителей. Зубы сами непроизвольно скрипнули. Нет предела человеческой подлости и лицемерию!

Вдоль проспекта тянулись густые шпалеры лип, кленов, каштанов и пирамидальных тополей. Обильная реклама в сумерках нежно окрашивала их листву в различные цвета. У кафе «Летучая мышь» бегающие огоньки световой вывески то золотили, то серебрили широкие кроны двух акаций.

От уличных фонарей падали резко очерченные конусы золотистого света, и в них беспорядочно роились ночные мотыльки. Орды глупых насекомых настойчиво пытались пробиться к свету и падали, опалив крылья. Вот и у людей так, подумалось ему. Кто-то просто хорошо делает свое дело, отточив его до совершенства. А у кого-то получается буквально все, за что бы ни пришлось взяться в жизни. И вот такие люди, как фонарики в ночной тьме. Масса остальных, простых людей всячески тяготеют к ним, вьются, как жуки вокруг лампы, толкаются, отпихивают друг друга, лишь бы подставить лицо под живительные флюиды. Но не всем и не всегда они на пользу.

Небольшой уютный зал, отделанный в спокойных серо-голубых и синих тонах, был украшен разбросанными по стенам и шторам черными с золотом стилизованными изображениями летучих мышей. Удобные кресла и угловые диванчики вокруг столиков так и манили уединиться в приятном полумраке зала, освещенного пригашенными бра.

Вадим заказал себе салат и двести граммов беленькой. А ждать заказ пошел за дальний угловой столик, прихватив в баре легкий коктейль «Мохито». Здесь и сидел, потягивая терпкую ледяную жидкость и поглядывая на почти пустой зал и нагой танцпол в центре зала. А в кафе, между тем, действительно пока почти никого не было. В противоположном углу, практически молча, напивались трое прилично одетых мужчин. Вот им снова понесли водку. А слева, через стол, сиде-

ли две симпатичные девушки, тоже с коктейлями. Одна брюнетка, вторая — русоволосая. Короткие юбки соблазнительно открывали их длинные, уже загорелые ноги. Иногда они как бы случайно поглядывали на своего одинокого соседа. Причем с явным интересом. Что и не удивительно, так как был он смугл, черноволос, темноглаз и недурно сложен. А потому выглядел значительно моложе своих лет и обычно пользовался вниманием противоположного пола. Наконец, одна из девушек встала и нерешительно приблизилась.

— Огоньком не угостите? — певуче, чуть хмельно произнесла она, наклоняясь.

Он поднял взгляд и неожиданно уперся им в вырез белой кофточки, где прямо перед его лицом круглились две нежные прелести.

— Конечно! Присаживайтесь.

Когда девушка села напротив, Вадим поднялся и, извинившись, направился к бару. Купив там зажигалку, вернулся и прикурил своей новой соседке.

— Не поняла! — задорно воскликнула она.

— Вообще я не курю, — объяснил Рокотов, — практически всю жизнь.

— Так и сказали бы.

— Жалко было вас отпускать. Такая красивая девушка! А вдруг ушла бы и не вернулась!

— Что, правда было жалко? — каким-то нежным, с придыханием, с легкой экзотической хрипотцой голосом поинтересовалась она.

— Правда, — честно ответил он, заглядывая в ее бездонные зеленые глаза.

— А как вас зовут?

— Вадим.

— Вы очень приятный мужчина, Вадим, — сказала она вставая. — Я бы даже сказала — завидный! — и еще глазами показала, насколько завидный.

Через четверть часа обе девушки пересели за столик Рокотова. Светленькая — Ольга, спустя час, сославшись на какое-то дело, ушла. Подошедшая первой, Наталья, осталась...

...Вадиму снился сон. Какой-то светлый, теплый и просто замечательный сон. Правда, не очень понятно, о чем он был. И вот когда во сне стало совсем изумительно хорошо, тогда нагло влез в его грезы и требовательно зазвонил будильник.

Рядом с ним, на соседней подушке, покоилась женская изящная голова с короткой стрижкой. Молодая женщина еще спала. Красивые, волнистые каштановые волосы примялись во сне. Четко очерченный рот без помады (всю извели поцелуями — догадался он) чуть приоткрылся. Девушка словно почувствовала взгляд, зашевелилась, зевнула, повернулась на спину (при этом одеяло сползло до плоского животика) и открыла глаза. Глаза — ярко-зеленые, большие, с томной поволокой, с длинными густыми ресницами — были изумительно хороши.

— Доброе утро! — нежно произнесла она. А у него чуть не вырвалось: «Ты кто?», но вспомнил и сдержался.

Спустя некоторое время они сидели на кухне и пили горячий кофе. Первая чашка прошла легко и приятно. Просто доставила удовольствие запахом только что сваренного напитка. Потом пошли в ход бутерброды с маслом и сыром. С трудом восстанавливая в памяти вчерашний разговор, Рокотов припомнил, что Наташа учится в Саратовском университете. Правда, сама она из нашего города. Но сейчас лето, и она здесь на каникулах.

— Так чем ты занимаешься? — в шутку спросил Вадим.

— Ловлю на наживку! — так же игриво, в тон ему, ответила она.

— Кого?

— Красивых мужчин. Вот таких, как ты!

— А наживка...

— Я сама.

— Очень симпатичная наживка!

Почему-то Вадиму показалось, что эти глупые слова были пустой бравадой, совсем не отражавшей то, что было на душе у этой красивой девушки. Но коли она сама так озвучивает нашу встречу, ему не оставалось ничего другого, кроме как принять правила игры. Принять вчерашнюю встречу как одноразовую, не стоящую воспоминаний.

Рокотову стоило больших усилий не задать ей обычный в таких случаях вопрос: «Мы еще увидимся»? Когда он подвозил ее до центра, они болтали о пустяках, но оба напряглись. Потому что каждый ждал, что второй у него попросит номер сотового. Но ни он у нее, ни она у него не спросили.

— Пока, — как-то обиженно произнесла девушка, выходя из машины.

— Пока, — коротко ответил мужчина.

НОВЫЙ ДЕНЬ РЕДАКТОРА

Рабочий стол и даже стоявший буквой «Т» второй стол, для посетителей, вновь были буквально завалены ворохами бумаг. Время от времени редактор брался навести на рабочем месте порядок, рассортировывал и складывал аккуратными стопками документы, гранки статей, рукописи, фото, диски, подборки информации. Порядок с трудом налаживался, но держался вновь не долго.

Утром, прямо сразу после восьми, раздался злобный нетерпеливый звонок. Вадим с опаской посмотрел на аппарат, словно на опасную гадюку, ожидая какой-нибудь неприятности. Предчувствия его не обманули.

— Что ты там вчера в газете написал? — раздраженно, еле сдерживаясь, чтобы не закипеть, спросил глава местной администрации (звонил он).

— Что именно, вы о чем? — осторожно переспросил главред, одновременно лихорадочно вспоминая все материалы предыдущего номера.

— О Коте! — яростно рявкнул мэр.

— О каком коте? — удивился он. Почему-то представился грязный, драный, ничейный уличный кот.

— О Владимире Васильевиче Коте! — все же не удержавшись, заорал глава.

— Да нет там ничего о директоре завода.

— Нет есть, — мстительно завибрировал голос в трубке.

— ???

— Кто просил дергать Кота за усы? И именно сейчас, когда у города с заводом, наконец-то, наладились нормальные отношения?

— Да о чем вы, Иван Николаевич? — взмолился редактор.

— В статье о «Богатых и знаменитых» кто про личную конюшню Кота написал, я что ли?! — кричали на том конце провода. Трубка стремительно нагревалась.

— Да его же там никто не упоминает. Даже фамилии нигде нет!

— А что у нас в пригородном селе Чигорак еще кто-то имеет собственную конюшню? — голос в трубке стал язвительным. — Или их, этих конюшен, там что — десятки?

— Ну и на что он обиделся?

— На наглое вторжение в личную жизнь!

— Господи, да никто не хотел его обижать и вторгаться в его жизнь. Наоборот, газета подчеркивает, что если есть деньги, то можно иметь и такое хобби.

— Вот поезжай к нему и сам это ему объясни... — и бросил трубку.

Настроение с самого утра было бесповоротно испорчено. Отложив все дела, Вадим поехал в администрацию. Надо же было кого-то взять с собой. Он решил, что это будет помощник мэра Арсентьев. Тот хорошо знал директора завода. К тому же жил с Котом в одном доме. И даже иногда играл с ним в шахматы.

На центральных улицах еще кое-где виднелись следы от утреннего полива. А дальше, за железнодорожным переездом, уже царила настоящая безводная пустыня, и температура настойчиво взбиралась в самый верх шкалы. Это же демонстрировало и электронное температурное табло на административном здании обувной фабрики. Проехав еще с километр по быстро пустеющим улицам, они оказались на месте. Припарковались на обширной площадке перед проходной завода и направились в огромное четырехэтажное здание заводоуправления. Вахтер придиричиво оглядел двух прилично одетых, но явно неожиданных гостей и, созвонившись с приемной, милостиво пропустил.

Через пять минут Рокотов и Арсентьев были в огромной приемной генерального директора, на втором этаже. Размеры впечатляли. Одна стена, вероятно восточная, была полностью стеклянная. В нее лился поток дневного света, оглушая и выводя из себя. За целым садом из настоящих пальм в кадках, стол секретарши (тоже, впрочем, немаленький) был почти не виден. Немолодая, сухощавая, черноволосая (разумеется, крашеная стерва) женщина за столом окинула двух мужчин явно недоброжелательным взором и как бы сквозь зубы процедила:

— Пройдите, — и махнула рукой налево к двери с табличкой «Генеральный директор».

Вместе с Эдуардом Александровичем они вошли и оказались в еще одной приемной. Правда, значительно меньше и намного уютней. Также много зелени, жалюзи на окнах. Стены украшали картины и несколько бюстов. Вадим нисколько не сомневался, что картины настоящие, а не репродукции. Здесь же сидела настоящая секретарша босса — молодая, ослепительно-красивая, сильно накрашенная. Она же была обладательницей самого выдающегося бюста в помещении.

— Присядьте, — прощепетала девушка и встала.

Тут они оба дружно зажмурились от блеска ухоженной кожи. Ноги у секретарши под мини-юбкой были бесконечные. Она сделала несколько плавных, отточенных шагов и незаметно проскользнула заученным движением в, кажется, даже так и не открывшуюся дверь босса.

— Пиши, пропало, — уныло протянул Арсентьев, — теперь полчаса ждать будем.

Но он ошибся. Рокотов все-таки предполагал, что Кот не станет так унижать редактора местной районки. Газета ведь и ему немало добра сделала. Так и вышло. Секретарша с ногами длиной с Гринвичский меридиан выпорхнула минут через пять и нежно прочирикала:

— Проходите, Владимир Васильевич вас ждет.

За столом размером с небольшой аэродром, на котором стоял только богато инкрустированный чернильный прибор красного дерева и лежал планшет для письма, сидел сам Владимир Васильевич Кот, собственной персоной, задрав подбородок и искоса и недобро глядя на нас.

— Добрый день, Владимир Васильевич!

— Да, уж, если он, конечно, добрый.

— Да, мы по поводу того досадного недоразумения, — начал Эдуард Саныч, усаживаясь в громадное, непоколебимо-солидное черное кожаное кресло.

— Хорошенькое недоразумение! — обиженно процедил директор. — Прописали меня по полной программе.

— Мы совсем не имели в виду вас...

Несколько минут разговор продолжался в недоброжелательно-наставительной форме. Но затем директор оттаял и даже пригласил пришедших в следующее помещение — гостевую комнату, со вкусом обставленную дорогой мебелью из натурального дерева. Но центром композиции здесь был огромный, солидный и красивый сейф. Еще пять минут и гости пили крепкий вкусный кофе, беседуя уже

совершенно доброжелательно. Речь шла о судьбе журналистки, написавшей статью.

— Уволь ее! — безапелляционно потребовал директор.

— Владимир Васильевич, голубчик! Ну, вы же прекрасно знаете, что судьи, они всегда на стороне наемного работника, а не работодателя. Она же потом восстановится по суду, а я еще буду вынужден ей выплатить зарплату за простой, да и моральный ущерб, почти наверняка, по решению суда.

Кот прямо весь зарделся от удовольствия, которое он явно предвкушал, но Вадим никак не мог просчитать, от какого.

— Хочешь, покажу лучшее в мире средство для увольнения сотрудников? — задал он вопрос, не требующий ответа.

Он встал, не спеша обошел стол с креслами и оказался перед громадным шкафообразным сейфом. Поковырялся с замком, наконец, открыл и залез в него. Через минуту Кот торжествующе извлек на свет Божий автомат! Самый настоящий автомат Калашникова, очевидно боевой. Мы с Арсентьевым непроизвольно отшатнулись. Владимир Васильевич кровожадно передернул затвор и с видимым удовольствием прицелился в стену. Потом опустил оружие и любовно погладил приклад из красного дерева, где красовалась серебристая металлическая табличка с дарственной надписью от самого знаменитого конструктора.

— Еще никто не отказывался написать заявление по собственному желанию, — с милейшей улыбкой сообщил он нам...

Вернувшись с завода, Рокотов занялся макетированием второй и седьмой полос. Вообще это должен делать ответственный секретарь — Василий Иванович Круженкин. Но его, как сказали редактору, до девяти не было вовсе. А потом, когда пришел, оказался не очень способен к работе. Как выразился водитель: «У него трубы горять после вчерашнего». После того, как кто-то занял ему столик до полочки (узнать бы кто!), ответсек куда-то слинял, а вернулся через час еще более «неспособным» для интеллектуального труда.

— А что было вчера? — спросил, медленно закипая, главред.

Водитель — Федор Семенович, которого в редакции все звали просто Семеныч, только молча пожал плечами.

Оператор верстки — по-современному дизайнер — уже третий час маялась без работы. Оно бы, конечно, и ничего. Поленишься-то мы все горазды. Только вот срок сдачи газеты в типографию завтра сдвигать никто не будет. Значит, когда материал будет подобран, ей придется работать в режиме аврала, чтобы выдержать оговоренное договором время отправки. Пришлось забрать папки с материалами и самому подбирать оригинал-макет.

Затем к редактору явилась бухгалтер и сообщила, что типография им. Воропаева, где обычно печатался «Вестник», самостоятельно заказала для редакции аж целых четыре тонны газетной бумаги у давнего партнера — фирмы «Карелбумсерис». Платеж на круглую сумму сто тысяч с лишним завис долгом на редакции. На данный момент на счетах организации было всего 80 000. И большая часть из них была необходима для выплаты коллективу аванса, до которого оставалось всего три дня. Задача!

...День снова был тяжелым. Как, впрочем, и предыдущие. Не сказать, что Вадим очень устал. Все-таки регулярные занятия спортом позволяли ему оставаться в форме даже в такую жару. Но вот голова от рабочих дел просто опухла. Очень хотелось отвлечься, заняться другим, но любимым делом. Потому этим вечером он засиделся у себя в кабинете допоздна. Сначала еще поработал со служебными бумагами. Потом ввязался за неоконченный еще с зимы рассказ. Несколько месяцев не мог себя заставить вернуться к этой отставленной теме. А тут вдруг так муза повлекла, что не мог остановиться несколько часов. Когда Вадим оторвался

от компьютера, завершив начерно рассказ, уже была ночь. Поэтому он остался ночевать в редакции. В кабинете у него был телевизор, холодильник с некоторыми остатками пищи и микроволновка в бытовке. Так что все было нормально.

Разогрев какие-то пирожки, завалившиеся в холодильник, и вскипятив чайник, Рокотов уселся на диван. Включил воспроизведение музыкального листа в компьютере и с удовольствием откинулся на спинку. Глубокий, сильный, проникновенный голос любимого певца выплескивался из колонок. Мужской вокал то нарастал, заполняя все углы комнаты, то отступал к столу, где стоял компьютер, заставляя рыдать душу. Последняя фраза просто била в сердце: «И под ее атласной кожей бежит отравленная кровь»!

И ПРИШЕЛ ОГОНЬ

Раннее утро Рокотов встречал в редакции. Спал мало — всего несколько часов, но крепко и спокойно. Поэтому чувствовал себя свежим, бодрым и полным сил. Часам к восьми собрались все сотрудники. Но вот Круженкина сегодня не было. Не пришел, поганец. Ну, впрочем, правильно сделал. А то он его убил бы!

Жаркая ночь не освежала. Невыспавшиеся сотрудники уже с утра выглядели уставшими. На их лицах отпечаталась вековая усталость. А что можно написать, когда сама жизнь не мила?

За окном ярко светило летнее солнце. Вся улица была залита этим нестерпимым блеском. Но неожиданно стало совсем темно. Окна потемнели. Переход совершился почти мгновенно. Вадим не удержался и выглянул в окно, а увидел много людей — на тротуаре, на проезжей части, на той стороне улицы. Все они напряженно смотрели на восток, туда, откуда восходит солнце. «Что за черт? — подумал он. — Что там такое?»

Выйдя из здания и повернувшись направо, он сразу обнаружил объект всеобщего пристального внимания. Далеко на востоке полыхало пожарище. Самого огня было не видно. Зато в небо от него тянулась огромная полоса седого страшного дыма. Дым шел прямо на город, и он сам и гигантская тень от него перечеркнули весь центр, закрыв солнце. Зловещая тень накрыла всю улицу. В окнах загорелись огни, потому что стало темно, как вечером.

Весь этот день в редакции звонили телефоны. Встревоженные люди сообщали, что с неба сыплется пепел, что солнце застилает дым. Многим казалось, что пожар подходит уже к их домам. В самом дальнем восточном микрорайоне Черемушки жителям казалось, что огонь бушует буквально за крайними пятиэтажками. Колоссальный опрокинутый конус сизого дыма и гари, расширяясь, достигал зенита и под действием умеренного восточного ветра смещался через весь город, рассеиваясь только далеко за рекой.

После обеда стало ясно, что большой сосновый лес между аэродромом и дальними дачами, подходящий практически вплотную к крайним домам Черемушек, горит так, что местная пожарная охрана с натиском стихии не справляется. Стало известно, что на помощь прибыли боевые расчеты из двух соседних райцентров. Также включилась в битву с огнем и техника, которую выделили военные. Местное телевидение показывало кадры, снятые в пылающем лесу мобильным телефоном. Было видно, как несколько пожарных бегом спасаются от страшного верхового пожара, а буйствующее пламя стремительно охватывает не успевшую развернуться громоздкую и неуклюжую красную машину. Бойцы не устояли. Фронт был прорван.

Еще через два часа поступила информация, что огонь вплотную подступил к расположенному на самой окраине Дому престарелых и городскому кладбищу. Весь город напрягся, когда по направлению к восточному пригороду промчались,

завывая сиренами, машины «скорой помощи» и МЧС. Казалось, весь город при- ник к радио- и телеприемникам, со страхом ожидая новых грозных вестей. Начи- навшуюся панику усугубляли новости центральных телеканалов. Они сообщали, что горит уже половина всей Центральной России и Сибирь в придачу. Огненный шквал сносил целые деревни. Громадные пожары отчетливо наблюдались из кос- моса.

Экстренно созданный оперативный Штаб по борьбе с пожаром, который с утра возглавил лично Глава города, действовал стремительно. Времени не было ни се- кунды. Властью данной Чрезвычайным Положением Штаб снял с городских мар- шрутов два десятка пассажирских автобусов и буквально за час (потом оказалось — даже за полчаса) эвакуировал на них всех обитателей Интерната для пожилых людей. Несколько сотен немощных стариков, многие из которых были инвалида- ми, выносили на руках солдаты местной воинской части, курсанты летного учи- лица и бойцы Поисково-спасательного отряда. Самостоятельно спастись им было бы невозможно.

Пламя все же остановили. Остановили прямо на подступах к зданию Дома пре- старелых. Оно даже почти не пострадало. Но ночь была страшной. В Черемушках было хорошо видно огромное зарево, которое стало уменьшаться лишь к утру. Злые языки потом утверждали, что пожар закончился потому, что все, что могло го- реть, уже сгорело. И все же главное было в том, что пламя в город не пустили.

КНИГОЧЕЙ

Прошло несколько дней. Пекло было такое, что, казалось, сами черти в аду, ма- терно ругаясь, подбрасывают дрова в адову печь и сатанинским вентилятором го- нят из нее раскаленный воздух на Русскую равнину. Черное Горячее Зло все насту- пало и наступало. Невероятная жара и сушь продолжали провоцировать все новые и новые возгорания. На иссохших полях и пастбищах, в лесополосах, на несанкци- онированных свалках, в рукотворных хвойниках. Временами пожары окружали весь город. Он весь был почти в сплошном кольце лесных пожаров. С трудом уда- лось отстоять всего одну трассу — дорогу на областной центр. Но ехать по ней было страшно. Огонь местами подступал к самому асфальту, а злой порывистый ветер гнал через магистраль огромные тучи дыма и снопы разноцветных искр.

Дымы лесных пожаров застилали ясное, безоблачное небо, и днем порою ста- новилось темно, как ночью. Воздух пропитался теплым сладковатым запахом ра- зогретой (на самом деле сгоревшей) древесины. С неба постоянно сыпался седой, легкий, как паутина, древесный пепел. Было дико наблюдать, как целыми днями сверху, медленно кружась, падали серые крупные хлопья, когда-то бывшие жи- выми деревьями. Это было страшно. А еще было очень тяжело дышать. Спасали только маски. Обыкновенные бумажные антигриппозные маски. Многие в них так и ходили по улицам.

Приехав утром на работу, первым делом Рокотов отыскал ответственного сек- ретаря и сделал ему основательную выволочку за вчерашнее и внушение на буду- щее. Пока он ему выговаривал и подробно сообщал все, что о нем думает, тот сто- ял молча и только истово кивал.

— Я же тебя уволю на фиг!

Круженкин благоразумно промолчал.

— Ты все понял?

По-прежнему молча тот снова кивнул. Рокотов насторожился.

— Ты хорошо меня понял?

Опять кивок.

— Да ответь ты мне!

— По-нял, — с неохотой, всего на секунду, разлепил губы ответсек.

Крепчайшая волна перегара зримо выплеснулась наружу и стремительно докатилась до стола редактора. Его аж пошатнуло. Теперь стало понятно упорное молчание. Так он шифровался от шефа.

— Что ж ты делаешь, подлец? Ты что делаешь, Василий Иванович?

— Это после вчерашнего! — быстро залепетал он. — Сегодня ни капли! Как на духу!

— Да-да! Именно на духу! Вот на духу-то твоим мухи мрут в полете.

— Нет-нет! Я все понял, все будет нормально.

— Себя-то хоть пожалей! — Я уже смягчился. — В такую жару пить!.. Ты же уже не мальчик. Мотор-то может и не выдержать.

— Все! Больше ни капли, — твердил Иваныч, плавно просачиваясь задом через полуоткрытую дверь в приемную.

Погрозив Круженкину, уже полностью утекшему за дверь, он взялся за бумаги. Потом поспорил с литературным обозревателем Лисициным на тему театраль-ной критики. Литературная критика, как всегда, вылилась в острую социально-политическую полемику.

— Невероятному бесстыдству нашей власти можно только изумляться. Это ж какую беспардонную наглость надо иметь, чтобы на ясном глазу втолковывать иностранным журналистам, как в России непрерывно пенсии растут! — возмутился Петр Игнатович (сам уже пенсионер). — То на шесть процентов, то на три с половиной! И это при том, что ее размер раз в пять меньше, чем средневропейская.

— Да успокойся ты, Петр Игнатович, — пытался его урезонить Рокотов, — тебе-то чего не хватает? И пенсию, и зарплату получаешь.

— Работаю я здесь до сих пор, милейший Вадим Георгиевич, только благодаря твоей доброте, — никак не хотел успокаиваться Лисицин, — а так, другой редактор меня бы уже давно отправил на заслуженный отдых.

— Неправда, такими кадрами не разбрасываются, — польстил Рокотов ему.

— Брось, — отмахнулся, но все же довольно заулыбался он. — Вот, ты только послушай, — продолжал кипятиться журналист, — какие перлы выдает народный фольклор про пенсионеров: «Комплекс упражнений для пенсионеров — согнуть спину, опустить руки и протянуть ноги!»

Только ему удалось выпроводить надоедливого Игнатовича, как требовательно зазвонил телефон. Казалось, у кого-то не иначе, как вопрос жизни или смерти. Вадим осторожно взял трубку.

— Алло! Здравствуйте, — прогудел густой бас.

— Здравствуйте. Я вас слушаю.

— Скажите, а вы не подскажете, — бас запнулся, словно подбирая слова, — где у вас в городе найти кого-нибудь, кто занимается канализацией?

— Ну, вы прямо точно по адресу! — не удержался редактор.

Становилось все жарче и жарче. Работать было просто невыносимо. Почти весь коллектив собрался в компьютерном зале, где был единственный на всю редакцию кондиционер. И выгнать людей оттуда никак не удавалось. Правда, теперь и там температура поднялась.

Между тем Вадим снова и снова вспоминал последний разговор с «профессором» Беловым. Постепенно у него накопился целый ряд новых вопросов к нему. Сделав несколько звонков, в том числе на почтамт и в типографию и просмотрев готовые полосы, он поехал к Николаичу.

В заросшем, горячем от полуденного солнца, дворе, с неработающим фонтаном и пыльными деревьями, к нему подошел невысокий, седоватый, довольно прилично одетый, почти выбритый, благообразный мужчина лет сорока пяти.

— Здравствуйте, вы меня не узнаете?

— Да в общем-то, нет.

— Я — Виктор. Виктор Павленко. Не помните? Я еще дружил с вашим двоюродным братом Николаем.

— А-а, с Колей, который тоже жил в этом же дворе!

— Да-да-да!

— Виктор, значит. Ну, здравствуй, Виктор. Как поживаешь?

— Да по-разному, — вздохнул глубоко и с какой-то затаенной тоской Павленко. И при его выдохе Рокотов вдруг ощутил, как из ноздрей его собеседника со свистом вырывается горячий воздух, пропитанный неусвоенным алкоголем.

— Я смотрю, вы здесь бываете частенько.

— Да, бываю, — это он его уже засек, когда в прошлый раз приходил к Миколаичу, сообразил Рокотов.

— А не будете ли вы так любезны, одолжить мне совсем немного денег, — грустно, но вежливо спросил Павленко.

— А сколько же вы хотите, Виктор, — осторожно поинтересовался редактор.

— Дык, сколько не жалко, драгоценный вы мой. А скажем, числа пятнадцатого или нет, лучше семнадцатого я вам все верну.

— А вернете? — со вздохом произнес Вадим. Денег было жалко.

— О, да! У меня высочайшая степень отвесности.

— Степень чего?

— Ну, этой самой — от-вет-ствен-ности, — наконец выговорил пьянчужка.

Вадим заглянул в нагрудный кармашек рубашки и увидел сотенную и «полтинник». Извлекая их на свет божий, он размышлял о том, не сильно ли подкосит его бюджет такое нецелевое расходование. В банковском деле это, кажется, называется «безнадежная кредиторская задолженность». Пока он думал о пятидесяти рублях, из его руки каким-то волшебным образом улетучилась сотенная. Рокотов мог бы поклясться, что исчезла она в руках у Виктора, хотя он ничего не заметил. В подтверждение тот замурлыкал, как кот, только что получивший «Вискас» или даже «Китти-Кэт»:

— Премного вам благодарен! Мурр! Несказанное счастье причинили вы мне.

Миг спустя его уже не стало, только раздавался дробный топот где-то вдали, за углом гаражей, на пути к ближайшей «рюмочной». Только пыль поднималась над его следами. Рокотов пожал плечами и направился в знакомый подъезд. С облегчением нырнул в его приятную прохладу из прокаленного солнцем двора. Затем быстро взбежал на третий этаж. Позвонил в знакомую дверь. Дверь открыл хмурый книгочей.

— Привет, Миколаич!

— И тебя тем же концом по тому же месту!

— Можно к тебе?

— Проходи! Только смотри у меня: мебель не портить и в тапки не гадить!

— Ладно, постараюсь. Я же животное дрессированное. Как поживаешь?

— Да, вот, скриплю пока ишшо.

— Ой, да ладно! Хватит приbedняться.

— Не юродствуйте, молодой человек. А то я тут очень занят.

— Ты? И очень занят? И чем же?

— Познаю тайную сладость японских хокку.

— Ну и как, познал?

— Тьфу на тебя! Ну, говори — чего хотел.

— Я тебя с твоими хокку надолго не задержу. Буквально мигом!

— Вечно мы спешим, спешим! Бежим куда-то. Несемя сломя голову! — теперь Миколаича понесло уже в другую сторону. Что-то он сегодня явно не в духе. — А

ведь надо бы иногда и остановиться. Постоять, подумать, оглянуться на пройденный жизненный путь, на заросли прошлого, так сказать.

— А зачем? — не выдержал Рокотов.

— Ну, как зачем? Чтобы вспомнить свою жизнь, свои поступки.

— Честно говоря, не вижу смысла. Я и так все помню. У меня хорошая память! А остановлюсь я и буду смотреть назад, на «заросли прошлого», в старости, когда уже не смогу идти вперед!

— Ну, может, ты и прав... Так что у тебя?

Вадим кратко рассказал ему о своих сомнениях. Белов посерьезнел и, недолго подумав, сделал следующий исторический экскурс:

В древнескандинавском эпосе «Эдда» четко расписано соотношение и баланс сил между добром и злом. Народы Северной Европы считали, что на земле первыми появились великаны, заполнив собой мировую бездну. И лишь потом появились боги. С самого начала эти великаны-екулы были противниками и соперниками богов. Так как боги олицетворяли собой все хорошее, то великаны стали символом всего отвратительного и злого.

Скандинавы верили, что великаны, олицетворявшие для них горы, были огромными страшными созданиями, которые могли передвигаться только в темноте или тумане и мгновенно замирали, превращаясь в камни, как только первые лучи солнца рассеивали мрак или пробивались сквозь облака.

Согласно верованиям древних германцев, неровная поверхность земли объясняется поступью великанов, которые исказили ее гладкую поверхность, тяжело ступая по ней, еще совсем молодой и мягкой. Согласно этим верованиям, одна из самых высоких гор получила название Ризенгебирге — Великанские горы. Жители Исландии до сих пор называют вершины самых высоких гор Екулами. В Швейцарии, где снег никогда не сходит с горных вершин, люди и поныне рассказывают истории о том, как в этих местах бродили великаны. А когда с горных вершин скатывается лавина, говорят, что это великаны стряхивают снег с бровей и ресниц.

Так как великаны были вечными противниками богов, последние всегда пытались удержать их силой в етунхейме. Здесь просматривается интересная аналогия с мифами других народов, греков, в частности. Там тоже великаны — более древние создания, чем боги, и тоже их лютые враги. А боги стремятся удержать их заключенными в страшном подземном Тартаре. Етунхейм — это мрачный, страшный, всегда темный ледяной город-крепость, который расположен, согласно верованиям германских народов, на Северном полюсе. Там и ограды, и решетки, и ворота, и все защитные сооружения изо льда. Они помогают великанам отбивать приступы богов. Но и боги, приходящие из своего светлого города Асгарда, наращивают лед вокруг етунхейма, чтобы великаны никогда не вырвались из него в мир людей.

Так что если потеплеет, то рухнут стены етунхейма и гиганты смогут пробраться в Мидгард — «срединный мир», в наш с тобой мир! Этого следует опасаться, если наступит то самое, давно обещанное, глобальное потепление. Ну а сегодняшнее лето, сам видишь...

— Слушай, — уже уходя, спросил Рокотов, — а кто такой Виктор Павленко?

— Да так, синяк один местный. Алкоголик, одним словом. Смотри же, — прокричал он ему вслед, — денег ему взаймы ни за что не давай!

— Поздно, батенька, — пробормотал он, выкатываясь из квартиры на площадку.

Вернувшись от Белова, Вадим вновь с головой ушел в работу. Накопилось много бумаг, надо было подготовить несколько писем в ответ на пришедшие запросы. Опять, уже несколько дней, у него не оставалось ни минуты свободного времени

для творчества. Набрал четыре ответа в прокуратуру, центральному почтамту и отделу писем и заявлений городской администрации, он откинулся на спинку кресла и помассировал глазные яблоки. Зрение неотвратимо садилось от работы за монитором.

Вдруг совершенно неожиданно он погрузился в недавние воспоминания и поэтому замер, забыв обо всем. Несколько дней назад судьба свела его с красивой девушкой. С Наташей. Светла, хотя он ее об этом и не просил. А он даже не смог воспользоваться этим случайным подарком. И тут же он легко представил себе ее лицо, потом фигуру. Память услужливо представила ему вид ее обнаженного совершенного тела на смятой постели. Он даже тихо застонал от бессилия. Почему же он не пошел наперекор складывавшейся ситуации и не взял у нее телефон...

Неожиданно дверь без стука резко распахнулась, едва не свалив телевизор, стоявший в углу. Сладкие воспоминания улетучились, как дым. Это к редактору приперся Валера Стерликов. Как всегда, явившись без приглашения, он затянул свою нескончаемую песню про грядущую экологическую катастрофу в окрестностях города. Рокотов точно знал, что этот лысый худой мужик лет пятидесяти нигде не работает, но получает давно пенсию, имея справку из психоневрологического диспансера. Зато он всегда был в первых рядах борцов с открытием новых предприятий и созданием новых рабочих мест. И всегда был уверен, что делает очень важное дело. Словом, когда редактор вышел из редакции, уже было темно.

Стояла чудесная летняя ночь. Тихо шелестела листва деревьев, наконец-то переводящих дух после невыносимого пекла жаркого дня. От реки свежесть разливалась по обугленным июльским зноем улицам. Стрекотали сверчки, будто бесчисленные маленькие пильщики неустанно работали над волшебной резьбой. В конусах желтого света от фонарей роились мошки и ночные бабочки.

Если уйти с проспекта куда-нибудь во двор или в дальний переулок, где нет фонарей, то, подняв лицо к небу, можно увидеть звезды. На абсолютно черном, антрацитовом небе видны мириады ярких точек. Чем дольше смотришь и чем больше привыкаешь к темноте, тем больше их видишь. Таинственная, манящая к себе, рассеянная в бездне звездная пыль всегда приковывала к себе внимание человека. Она была загадочной и сто, и тысячу, и десять тысяч лет назад. Только наши предки могли любоваться этим нетленным шедевром природы — величественной картиной мироздания каждую ночь, а мы лишь, когда выключались уличные фонари.

Беспредельное по размерам гениальное полотно кисти Великого Мастера пленяло души многих миллиардов людей, когда-либо живших на этой планете. Вечно манящее, вечно сокровенное, вечно загадочное!

РАСКАЛЕННОЕ ЛЕТО

С утра вновь на город накатывала жара. Было такое впечатление, что волна пекла катилась с востока вместе с поднимающимся солнцем. Она напознала сильным маревом, от которого блекнул даже яркий летний день. В начале рабочего дня уже было + 29°C, а в помещениях редакции, так и не остывших за короткую июльскую ночь, всех одолевала испарина, и одежда мгновенно прилипла к телу.

Но и на открытом воздухе можно было оставаться самое большее часов до 10-11. Над головой ни единого облачка, которое заслонило бы наглую рожу вконец распоясавшегося светила. После обеда, когда свирепый жар осязаемо лился с неба и густо заполнял все пространства между зданиями, улицы города словно вымिरал. Кто скрывался в кондиционированной прохладе помещений, кто коротал часы невыносимого пекла в садах, которых было много в старой части города, кто весь день проводил на реке, залезая по горло в воду.

Нынешний день начался, как всегда, с осточертевшей рутины.

В девять часов привезли сегодняшний номер. Вадим еще не успел его осмотреть, как в кабинет ворвалась корректор.

— Вы посмотрите, что они наделали! — женщина едва не плакала.

Еще не понимая, в чем дело, он взял газету в руки и похолодел. У сегодняшнего четвергового номера первая полоса была вторичная, уже выходявшая позавчера. Все остальные полосы были сегодняшние.

— А мы как отправляли? — в ужасе вскричал он. — Это не наша ошибка?

— Нет-нет, все было нормально! — в открытую дверь вошла стоявшая рядом с ней в приемной дизайнер. — Хотите, пойдемте к моему компьютеру, можете сами посмотреть. Весь пакет вчерашних данных цел, только заархивирован.

Собрался весь коллектив. Все эти люди два дня трудились, чтобы горожане сегодня получили свежую газету. И вот теперь весь труд насмарку из-за какого-то разгильдяя в типографии. Для каждого из них следующий номер газеты был как дитя, которого долго ждали и к его родам выполнили большую работу. Все смотрели с ожиданием на редактора.

Действия руководителя в таких экстраординарных случаях должны быть медленными и неотвратимыми. Рокотов тут же стал звонить на городской почтамп и потребовал немедленно арестовать весь номер. Чтобы ни один экземпляр не попал ни в розницу, ни подписчикам. Почтальоны еще только сортировали корреспонденцию и не успели разойтись по своим участкам. Поэтому мера оказалась действенной. Теперь можно было связываться с типографией и начинать решать вопрос об источнике ошибки. А уж потом — о возмещении морального ущерба. Читатели-то ни в чем не виноваты. Они должны получить этот номер, хотя бы и с опозданием, но в нормальном виде.

Пока редактор долго и витиевато ругался по телефону с директором типографии, в дверь постучали. Вскоре в кабинет ввалился плотный, немолодой мужчина в светлых джинсах и зеленой безрукавке. На голове его топорщились «ежиком» коротко стриженные черные волосы. В них заметно пробивалась седина. Из-под лба зло выглядывали маленькие, глубоко посаженные поросычи глазки. Было ему лет пятьдесят или даже больше, но выглядел он очень неплохо и спортивно.

Глухо спросил: «Это вы — Рокотов?» Продолжая разговаривать, Вадим кивнул и указал ему на стул. Когда он сел и уперся подбородком в руки, поставленные локтями на стол, на предплечье взбурился весьма недурственный бицепс. А на нем была хорошо видна маленькая, но очень четкая тату черного скорпиона. Выглядел он вполне адекватным человеком. Какой-нибудь военный пенсионер, решил Рокотов и предположил, что он будет проситься на работу охранником.

— Чем обязан? — спросил хозяин кабинета, поставив трубку телефона на базу.

— Да ничем! — колюче проскрипел он.

— Тогда зачем вы здесь?

— У меня есть к вам предложение.

— Какое?

— Не ездить в областной центр.

— Почему это?

— А чтобы не вышло хуже.

— Да вы кто такой, собственно говоря?

— Кто я такой, в данный момент совершенно не важно. Важно прислушаться к моему совету.

Вадим напрягся, потом медленно выдохнул, чтобы успокоиться.

— Пошел вон, — нарочито спокойно и обыденно сказал после минутной паузы.

— Н-н-е понял, — засланец явно не ожидал такого поворота.

— Вон пошел отсюда, — деловито сообщил ему редактор.

«Бицепс у него! Вот сука! Да у меня самого, пожалуй, не меньше будет» — промелькнуло в разгоряченной голове.

Настроение было испорчено. Впрочем, в такую жару испортить его было не сложно. Но это было лишь только начало. Всего лишь часа через два уже позвонили из области, из профильного комитета (по телевидению и печати) и с недоумением поинтересовались: «что у вас происходит с газетой». Рокотов пояснил, что это типографский «ляп» и редакция к этому никакого отношения не имеет. Вопрос удалось замаять, но осадок остался. Наверняка теперь газету взяли на заметку, как потенциально неблагополучную.

...День. Улица. Жара. Горело. Что-то подобное написал бы и гениальный Блок, если бы ему довелось оказаться в той атмосфере, что и всем нам. Шел второй месяц эпохи бешеного Солнца. Работать не хотелось. И жить тоже. Но газета — это непрерывное производство. Слабости непозволительны.

Едва редактор подобрал короткие информушки в колонку новостей и отдал их дизайнеру, как оказалось, что нет и подходящего материала на «передовицу» в номер. А до времени Ч — определенного графиком времени отправки газеты в типографию, оставалось всего два часа. Пришлось быстро изобрести повод — очередную годовщину Сталинградской битвы, набросать текст, придумать заголовок, сформировать лид — первый, информативно насыщенный абзац статьи. Подходящую фотоиллюстрацию нашли в Интернете. Редактор вновь прошелся «тяжелым долбежным аппаратом» по мозгам ответственного секретаря. Ведь это он должен не пить, а копить и формировать портфель материалов редакции, откуда, как из банка, она извлекается в случае нехватки текущих событий.

Он ломал голову над заголовком (его порой родить гораздо труднее, чем накидать текст), когда в дверь кабинета постучали.

— Войдите! — крикнул он, яростно грызя колпачок ручки.

Дверь открылась, и вошел невысокого роста, весьма упитанный, неопределенного возраста субъект с густой шапкой черных, слегка тронутых сединой, курчавых волос. Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Чем обязан? — не выдержал первым Вадим. Ему было некогда.

— Да вот, — спохватился субъект, — мне бы объявление дать.

— Вы уже прошли этот кабинет раньше по коридору, — главред вернулся к своему тексту, лишь сообщив, — там на дверях висят таблички, на них все написано.

— А я там был, — обиженно буркнул посетитель.

— И... — Вадим снова поднял глаза и уперся в белую надпись *I am creuze* на его черной футболке.

— А там у меня не хотят принять объявление бесплатно.

— А что, должны? — с удивлением поинтересовался Вадим. — Все стоит денег.

— Но у вас же есть бесплатные объявления?

— Есть, — редактор откинулся на спинку кресла и внимательно осмотрел толстого коротконого неприятного мужчину. — Раз в неделю мы ставим бесплатные объявления. Но так как это всего лишь дополнительная услуга, и только для наших подписчиков, то эти объявления могут быть исключительно некоммерческого характера. Как то: продам старый телевизор, отдам котят в хорошие руки или ищу сиделку.

— А у меня тоже некоммерческое.

— И какое?

— Хочу продать акции завода.

— Вы являетесь нашим подписчиком?

— Я нет. Но вот мой папа выписывает вашу газету.

— Значит, вы уже не подлежите бесплатному обслуживанию.
— Но я же его сын...
И так еще не менее получаса.

ВНОВЬ ТЕНИ

Было тихо и очень темно. Так, как только в ночном лесу и бывает. Даже шорохов не было, даже листва не шелестела. Присев на корточки, Вадим и Борис огляделись, пока в мерцании звезд не стали хоть что-то различать. Потом, обнаружив, забрались под огромное поваленное то ли временем, то ли ветром дерево.

Постепенно глаза привыкали к темноте. На фоне сплошной черноты стены деревьев стал различим густой подлесок и некоторые очень крупные кусты. Потом стала видна едва заметная звериная тропа, бежавшая по кромке опушки. Далее она терялась среди деревьев.

Неожиданно деревья расступились, и в призрачном звездном свете перед нами предстали какие-то мрачные развалины. Видимо, когда-то это было круглое двухэтажное здание, похожее на крепостную башню. Сейчас остались только глухие, без окон стены первого этажа, покоящиеся на мощном фундаменте, да часть второго, который сильно обрушился. В двух местах из руин торчали остатки непонятных то ли пандусов, то ли кронштейнов для подъемных механизмов.

— Это что? — удивился Рокотов. — Рыцарский замок в Черноземье?

— Нет, — отмахнулся Борис, — когда-то здесь был водозабор. Днем хорошо видно, как к нему когда-то подходила линия электропередач. Столбы стоят до сих пор, а вот проводов давно уж нет. Непременно кто-нибудь их сдал в цветмет.

Прошло несколько часов. Они полулежали в укромной выемке между двух стоящих рядом деревьев. Было по-прежнему тихо и, кажется, Вадим опять не удержался и заснул. Вдруг Борис больно толкнул его локтем в бок.

— Смотри-смотри! — зашипел он прямо ему в ухо.

Рокотов едва не подпрыгнул: по тропе быстро, легко, даже как-то изящно, со звериной грацией, но совершенно беззвучно скользили угольно-черные тени. Необъяснимая скорость при полном отсутствии звуков выглядела мистически и угрожающе. Их было три или четыре. Но оставалось совершенно невозможным понять, что именно они видят. Рассвет уже приближался, и стало чуть светлее, но визуальной четкости пока не было.

На мужчин ощутимо повеяло ледяным ветерком ужаса. Вадим почувствовал, как у него волосы на голове встали дыбом, а по спине пробежал озноб. Борис тоже поежился и как-то подался назад. Черные размытые силуэты стремительно миновали развалины. Не заметив людей, они как появились, так же мгновенно и исчезли в черноте леса. Несколько минут они молчали — просто не могли говорить, казалось, отнялся язык. Они только молча переглядывались, пытаясь увидеть в лице другого отражение безумия.

ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕЗУМИЯ

Утро каждого дня начиналось с прослушивания метеосводок. Все ждали, что вот сегодня, вот в этот раз прогноз погоды хотя бы на ближайшие дни пообещает, наконец, снижение температуры. Но его все не было. Парковочная площадка, с которой было видно электронное табло наружного термометра на здании торгово-развлекательного комплекса «Кондор», стала самым посещаемым местом в городе. А табло не радовало. В полдень оно показывало + 38°C, через пару дней + 39, потом уже +40°C. И останавливаться на достигнутом оно, похоже, не собиралось.

Стоило выйти из помещения на улицу, и на тебя потоками расплавленного олова

обрушивалось сошедшее с ума светило. Город медленно плавился от нестерпимого жара, истекая запахами гудрона и креозота. Ноги прилипали к раскаленному асфальту. Улицы превратились в раскаленные замкнутые ущелья. Вадим постоянно чувствовал, что у него мокрый затылок. Струйки пота, формируясь под волосами, непрерывно сбегали по шее на спину. Жить не хотелось. Было такое ощущение, что наша земля кем-то проклята. Проклята страшно, неизбывно и навсегда!

С трудом пересиливая себя, он принялся за работу. Но даже через стену было слышно, как сотрудники натужно клянут погоду, как скрипят выработавшие свою «смазку» суставы у Лисицина, и как Круженкин клянчит займы на «опохмелку». День начался. Часов в одиннадцать принесли почту. Как обычно, кроме газет и журналов было много корреспонденции. Все надо было прочесть и принять к сведению.

Покончив с почтой, он устало потянулся, вытер пот с лица и решил немного прогуляться. Впрочем, пожалел о своей затее сразу же, как только вышел на улицу. Там было невыносимо. От сгустков солнечных лучей, обрушивающихся сверху, перехватывало дыхание. В жарком мареве дрожали, словно пустынный мираж, дома и желтеющие деревья. Казалось улица оплывает, как тающее мороженое, и скоро расплавится и исчезнет совсем.

Войдя после обеда в редакцию, Рокотов нос к носу столкнулся с ответсекком, веселым до изумления и отчетливо пахнущим водкой.

— Иваныч! Сука, ты опять пьяный?!

— Ни-ни! Абсолютно ни-ни! — томно прикрывая глаза, отвечал тот.

— Да какой же ни-ни, когда ты пьяный!

— Да, нет! Это просто у меня романтическое настроение!

При каждом слове из его рта вырывались целые облака паробразного алкоголя. Казалось, если поднести к нему спичку, то выхлоп вспыхнет, как факел, и сожжет его самого. Редактор хотел треснуть этого «романтика», но его внимание отвлек какой-то шум. Во время этого разговора, даже через закрытую дверь стал слышен все более усиливавшийся истеричный говор. Он смеялся по коридору, пока не вкатился в приемную. Кто-то отчаянно ругался, заглушая голос протестующей секретарши. Когда редактор вошел, некая невзрачная личность неопределенного возраста в сером пыльнике и шляпе, похожая на гриб, яростно напирала на Инну Геннадьевну.

— Что случилось? — вклинился он в разговор.

— Да вот хочет, чтобы мы ему выдали справку.

— Какую справку? — удивился Вадим.

— Мне сказали: у вас истребовать справку по месту жительства, — возмущенно заорала личность, оказавшаяся худым мужичонкой лет шестидесяти. — А вот она, — и он указал на Инну, — не дает!

— Мы не выдаем справки.

— Как это не выдаете! Мне сказали, чтобы здесь дали. Другим, значит, даете, а мне что, не положено? Я что, рылом не вышел?

— Здесь редакция газеты, и справками мы не занимаемся.

— Не уйду, пока не дадите! — возопил мужичок. — Что делается-то?

Минут через двадцать, выслушав массу ругательств и проклятий, с трудом удалось убедить скандалиста, что ему надо попасть в здание по соседству, где размещался МФЦ.

— А вас совесть не мучает? — обронил Вадим в спину уже уходящему «грибу».

— Нет! — гордо заявил он. — Я вас тут всех на чистую воду выведу! — Сердито собрал свои бумажки и зашаркал к двери.

— Чистая совесть, — задумчиво произнес Рокотов, глядя ему вслед, — первый признак склероза.

ИЛЬИН ДЕНЬ

Прошло несколько дней. А может и несколько недель. Кто теперь сочтет те страшные, невыносимо тяжелые дни солнечной ярости? Все горело и обугливалось. Уже в середине лета листва на деревьях начала желтеть и осыпаться. От зеленых газонов остался один отвратительный бурый пепел. Даже птиц стало не слышно — позабывались в тень и не появляются!

Жара стала просто чудовищна. Она теперь даже не отчленяется от самого существования. Не жизни, а именно существования. Она как неизбежное зло. Все вокруг живут словно «на автомате», по какой-то инерции. Даты календаря никем не отслеживаются. И даже температурный режим уже не конкретизируется. Все и так знают — ПЕКЛО. Смерть заглядывает в глаза каждому. Первыми начали умирать пенсионеры. Их изношенные непосильным трудом и скорбью сердца не выдерживали новых испытаний.

В один из таких убийственных дней и случилось это происшествие. Было второе августа — Ильин день. День небесного покровителя войск ВДВ. И по совместительству день Войск дяди Васи. Завтрашний номер был уже практически сверстан. Ответственный секретарь специально оставил свободное место на первой полосе под актуальное фото — снимок разудалых, веселых румяных парней в тельняшках, шумно отмечающих свой праздник. Редактор тут же поручил фотографу: быстро слетать в сквер, щелкнуть уже начинающих бухать десантников и так же скоро вернуться назад. Иннокентий Петрович, или попросту Петрович, истово кивнул, как конь в упряжи, и умчался быстрее ветра.

— Смотри же, не задерживайся! Щелкнул и сразу же мухой назад. Я жду. Пчелкой полетел! Скоро уже газету сдавать в типографию, — последние слова затерялись в дробном топоте подковок.

Прошло полчаса. Фотографа не было. Верстальщица Надя уже в третий раз «причесала» все страницы. Корректор все вычитала в после-последний раз. Остальной коллектив дружно ушел на обед. Прошло еще полчаса. Корректор снова вычитала последний текст. Больше она уже ничего не могла придумать.

Вадим, в сотый раз посмотрев на часы, судорожно стиснул в кулаке гранки. Но опомнился и бросился их расправлять. Вновь набрал номер мобильного телефона проклятого опаздуна. По причине обеденного перерыва в здании почти никого не осталось, и образовалась какая-то тихая пауза. И в этой звуковой пустоте стало слышно какую-то веселенькую мелодию телефонного вызова. Она сразу показалась знакомой, и тогда редактор пошел, как охотник, на звук.

Пройдя коридор и войдя в крайний кабинет, он увидел то, что уже ожидал. На столе лежал телефон фотографа и, подрагивая от усердия — только хвостиком не вилял, подлец, выдавал ламбаду!

— Ну, все! Убью гада! — взревел Рокотов.

Прошло еще полчаса. Корректор от ощущения своей ненужности стала изучать потрепанный орфографический словарь живого великорусского языка, изданный в 1961 году. Оператор верстки горестно поникла перед своим монитором, опустив голову на руки. Редактор словно «вихорь черный» носился по редакции и мстительно обдумывал планы такого убийства, чтобы смерть наступила нескоро. Чтобы подлец долго мучился!

Начали возвращаться сотрудники с обеда. Они живо делились друг с другом мнением о сегодняшнем первом блюде в институтской столовой, где большинство столовалось. Поглядывая на убитых горем редактора, корректора и оператора верстки, они дружно изображали сытость и легкую расслабленность. Характерец у редактора был еще тот, поэтому под горячую руку можно было получить фитиля, за пока отсутствующего.

— Езжай и привези его, живого или мертвого! — яростно приказал он водителю.

— Дык, где же я его найду? — попробовал воздействовать на кипящий разум рассудительностью водитель Семеныч.

— Где хочешь! — заорал редактор. — Езжай в сквер. Если его там нет, я его кастрирую! Так ему и передай!

Народ, притихший, хотя и сытый, молча разбежался по кабинетам. Вместо обычных пятнадцати минут пустой болтовни все стремительно сделали вид, что страшно заняты. Даже заядлые курильщики сейчас вполне серьезно рисковали получить «зверский втык».

— У тебя дел нет? Работы мало? — выверился редактор на чуть припоздавшего спортивного обозревателя.

— Нет-нет! У меня хватает! — жалко заблеял Николай.

— А чего опаздываешь на 20 минут? Я тебе живо фронт работ расширю! — злобно заявил превратившийся в вампира главред.

Приехал водитель. Бочком, робко просунулся в кабинет редактора, не открывая полностью дверь и держа одну ногу и зад в приемной, робко сообщил:

— А его в сквере нет...

— А десантники?

— Тоже нет.

— Сгинь, а то загрызу! — дверь стремительно захлопнулась.

С легкой грустью и даже с какой-то мечтательностью в голосе редактор пробормотал что-то об исключительной важности и необходимости в редакционном инвентаре дыбы, или, на худой конец, пыточных щипцов.

Наконец, с сожалением Рокотов отдал распоряжение поставить на первой полосе фотографию из Интернета — бравые парни в беретах и с серебряными аксельбантами, но не местные! Штрафные санкции от типографии за опоздание уже были неизбежны.

— Давай отправлять! — обреченно сказал он системному администратору.

Через несколько минут 12 полос газеты, конвертированных в архивный файл, улетели по таинственным, запутанным и бесконечным линиям Сети. Казалось, что это летит стайка серебристых птиц, несущих многочисленные вести, которые так ждут тысячи читателей. И вот они долетели — пришло подтверждение, что тексты пошли в работу. И именно в этот миг в компьютерный зал проникла голова (отдельно от туловища) секретарши и прошелестела:

— Он идет по коридору!

— Кто идет, — опешил редактор.

— Фотокор...

— По какому коридору?

— По нашему коридору, — выдохнула, вибрируя от подбострастия, секретарша.

Фотограф, который был пьян до изумления, едва успел доковылять до своего кабинета, как с другого конца коридора, изогнутого коленом, примчался, сыпля искрами и молниями, чудовищный вихрь — редактор.

— Ты где был, каналья?! — с неизъяснимой язвительностью спросил редактор тихим и вкрадчивым голосом.

— Десантников снимал...

— А потом?! — так же вкрадчиво, как бы раздельно, по слогам, но уже несколько громче, — переспросил редактор.

— Десантников снимал...

— С деревьев ты их, что ли, снимал, по одному, скотина?! — еще громче допытывался главред.

— Десантников снимал...

Фотокор, вечно охочий до халявной выпивки, несколько часов назад бездумно поддавшийся на уговоры уже хмельных десантников, принял, вероятно, на грудь никак не меньше недельной дозы спиртного. Водка, казалось, сочилась из всех пор его тщедушного тела. И теперь, будучи не в состоянии реально оценивать свое положение в пространстве, а так же прогнозировать чудовищные последствия, он, словно заевший на одной дорожке проигрыватель, лепетал все время одну и ту же условную фразу.

— Да ты пьяный в хлам, скотина! — гремело на всю редакцию.

— Я дес-десантников снимал...

— Да я тебя своими руками удавлю, Шрайбикус, несчастный...

— Дезантников снимал я.

— А фотоаппарат в задний проход вобью так, что без хирурга не вынешь...

— Я десантников снимал... — рыдал несчастный Петрович, начиная ощущать, что ожидает его прямую кишку.

— На сканере изжарю, жертва проктолога!

— Я-им-по-мо-гал... — вдруг соскочил проигрыватель на другую дорожку.

— Чем? Водку пить всеми концами тела?

— Нет... помогал попасть в кафе, — дико распахнул глаза фотограф.

— Зачем? — завыл редактор голосом жуткого монстра из заколдованного леса.

— Они сказали, что бис миня йих могут не пус... не пуст... не пус-с-стить.

— Ну, все, гад! Терпение мое кончилось! Я тебя породил, я тебя и убью!

Петрович был невысок и телосложения субтильного, поэтому, при всей разнице весовых категорий, шансов у него не было никаких. Все бросились их различать и уговаривать не калечить «выпавшего из строя бойца». Только один злобный селькор выкрикивал из-за угла:

— А я бы ему еще в пах заехал, чтобы он больше не размножился, пьянчуга.

Спортивный обозреватель и водитель с трудом оттащили жаждавшего крови редактора в сторону. А корректор — добрейшей души женщина, впахнула Петровича в его кабинет, заперла там, и спрятала ключ в самом надежном женском месте. Туда даже озверевший редактор не полезет.

Постепенно все утихло, все приступили к работе. Лишь степенно гудел вентилятор, да время от времени гулко отдувался в своем кабинете грузный селькор. Только редактор время от времени подкрадывался к запертой двери и плотноядно рычал. И тогда становилось слышно, как в кабинете жалобно скулит и сучит ногами пьяный фотокор, со страху забившийся в шкаф. Жизнь потихоньку возвращалась в свою колею.

ОБРЕТЕНИЕ

Серое, грозное небо низко нависло над городом. Огромные здания, лишённые освещения, грустно смотрелись в черные лужи на асфальте. Печать отчуждения, нереальности, умирания лежала на всем. Словно бы все окружающее проживало самые последние минуты своего существования. И такими же были люди. По всем улицам медленно брели толпы людей.

Они шли молча, сосредоточенно, не отвлекаясь на происходящее вокруг них. Лица взрослых были сумеречны. Лица детей испуганы. Было тихо. Никто не рвался вперед, не расталкивал других, не пытался что-либо отобрать у других. Вещей было мало. Казалось, никого не заботило, как забрать с собой все свое имущество.

С юга напозла мертвенная, черная до синевы, чудовищно огромная тень. Она накрывала все новую и новую территорию, и все исчезало в ее бездонных недрах. Это было что-то ужасное. Что-то непонятное, и оттого еще более ужасное. И тут он проснулся...

Вот и новое утро. Вновь жара. На градусник все уже смотреть перестали. Он прямо с утра начинал упорно лезть к + 30°C, а к обеду уверенно переваливал за + 40°C. Вокруг Москвы массово горели торфяники. Все телеканалы передавали одно и то же — столица задыхается в едком дыму. Метеорологи сначала говорили, что такой жары не было уже 130 лет. Потом появилась версия, что не было такого адского жара уже 200 лет. В августе сошлись во мнении, что подобного смертоносного блокирующего антициклона, пришедшего из степей Северного Казахстана, не было уже 1000 лет. Но все были согласны, что это чудовищная аномалия.

Черное, горячее, убийственное Зло наступало, завоевывало, утверждалось, вербовало новых сторонников, ужесточало свой режим. Год от года оно крепло, все сильнее вцепляясь когтями в эту огромную, много раз обдуренную и оболганную, несчастную, разоренную страну.

Временами из темных и мрачных глубин души, из самых сокровенных ее тайников поднималось подспудное чувство. Возникало желание бросить все, раз и навсегда. Сбежать, уехать, улететь отсюда. Забыть, наконец, мир сплошных неприятностей, интриг, сплетен и заговоров, непрерывных житейских дразг. Уже давно душа тоскует по спокойствию.

Но потом Вадим спохватывался. Ведь это будет его поражение в борьбе с воинствующим невежеством. Это будет малодушие, это трусость, это его капитуляция. А он не привык отступать и, тем более, проигрывать. И потом, это же его город! Он родился и вырос в нем и любил его самой надежной сыновней любовью. И никому его не отдаст!

На работе только и было разговоров, что кто-то сегодня ночью погиб. Погиб страшно и нелепо. Тело обнаружил военный патруль, барражирующий в лесу круглые сутки. Информацию об этом уже рано утром передала одна из местных радиостанций. Но потом Вадим отвлекся, потому что к нему забежал Петр Игнатович — литературный обозреватель, как всегда всклокоченный, возбужденный, вновь чем-то недовольный. Он постоянно притаскивал в редакцию какую-нибудь очередную новость, выуженную где-нибудь в Интернете, которая его сильно возмущала. Тогда он обходил все кабинеты, бурно обсуждая «злобу дня».

— Ну, все, Игнатыч, — Рокотов уже не чаял, как от него избавиться. — Я принял твою боль. Ступай уже с Богом. И да пребудет с тобой сила.

А телефон Бориса все не отвечал.

В дверь постучали. Заглянула секретарша и сказала, что к редактору посетительница. Какая-то девушка.

— Ну, пусть зайдет. Только предупреди, чтобы недолго.

Дверь затворилась и через пару секунд вновь открылась. Вадим правил текст статьи срочно в номер и поэтому не сразу поднял глаза. А когда взглянул, то просто обалдел. Прямо перед ним стояла Наташа. Сейчас в легком, сильно открытом, но стильном сарафанчике, выгодно облегающем ее прекрасную фигуру, умеренно подкрашенная, она была чудо как хороша! Даже лучше, чем он ее помнил! Нельзя было не залюбоваться. Особенно хороши были глаза, словно освещавшие изнутри лицо, с его тонкими правильными чертами. Мужчина замер. От неожиданности, от ее красоты. От того, что она появилась, когда уже и мечтать об этом перестал. Пауза неприлично затягивалась, и девушка, не зная, что делать, зарделась от смущения. На нежных скулах вспыхнул румянец.

— Я не вовремя? Извини, — она даже порывисто сделала шаг к двери.

— Да постой ты! Я просто не ожидал тебя увидеть, вот и растерялся.

— Ты так и не оставил номера своего телефона, — она обиженно надула губки, — и даже мой не спросил!

— А как же ты меня нашла?

— Ты же рассказывал, где ты работаешь и кем.

Они снова замолчали.

— Я мешаю? — снова засмушалась Наташа: — Пожалуй, я пойду.
— Да нет, я просто люблюсь...
— Чем?
— Не чем, а кем. Тобой!
— Правда, — тихо и с придыханием спросил она, как тогда в кафе.
— Правда, — улыбнулся он.
— А я пришла, потому что соскучилась, — наконец созналась она. И Вадим почему-то ей сразу поверил.
— Сейчас мне и вправду некогда, да и не место на работе. Давай так: встретимся сегодня вечером. В кафе, где познакомились. Часиков в восемь.
— Хорошо. — И, уже выходя, она недоверчиво спросила: — А ты придешь?
Наташа ушла, а он остался, только с завистью посмотрев ей вслед. Работа почти никогда не отпускала от себя. Откровенно говоря, должность редактора СМИ сродни каторге. Такая же навязанная извне необходимость напряженно трудиться каждый день. Даже если придут праздники, даже если ударит стихийное бедствие, даже если весь коллектив редакции уйдет в отпуск, заболит или, не дай бог, умрет, газета все равно должна выходить каждое утро и нести тысячам подписчиков информацию. Даже в мертвый новостной сезон второй половины лета он обязан любой ценой заполнить восемь, а то и двенадцать полос материалами, статьями, репортажами, инфографикой и соответствующими иллюстрациями.

НУ, КТО ТАК СТРОИТ?

Ну, почему у нас всегда *так*? Почему мы сначала весьма и весьма затратно строим или реконструируем, потом замечательно отделяем какой-нибудь распрямленный фасад, украшаем его, отмываем и красим восхитительно нежной краской. Выполняем полный комплекс благоустройства прилегающей территории — осуществляем профилирование, укладываем дорожную импортную тротуарную плитку, производим укладку газонов и посадку иных декоративных насаждений. Потом приглашаем приемную комиссию и высоких гостей и торжественно под музыку и с концертом режем красную ленточку.

Но всего через пару недель выясняется, что на заднем дворе так и не забетонировали то ли колодец канализации, то ли фундамент под генератор автономного электропитания. И огромная пятикубовая бетономешалка на шасси многотонного грузовика безуспешно стремится втиснуть свой миксер через арку в том же самом фасаде во двор, безжалостно топчет элитные кустарники, разрушая бордюр и тротуар и продавливая и деформируя новехонький асфальт. Бьютифал! Ну почему у нас всегда так?!

Вадим миновал всего неделю назад отреставрированное офисное здание дореволюционной постройки, внесенное в список культурного наследия края и охраняемое государством. Рустованный фасад, украшенный межэтажными фризами и богатыми пилястрами с желобками, буквально сверкал яркими свежими красками. Но на газоне перед ним уже были жестокие шрамы — следы огромных колес бетономешалки, а в арке, ведущей во двор, виднелся огромный скол дорогой импортной штукатурки.

Пройдя вдоль всего огромного, на полквартала, помпезного здания, Рокотов повернул за угол и оказался на проспекте. Второй от угла здесь была парикмахерская. Ох, как много десятков лет она уже находилась здесь. Следующей была старая, в здании еще дореволюционной постройки, аптека. А дальше как раз тот маленький ресторанчик, где они познакомились. Едва он вошел из холла в первый — «голубой» зал, как тут же увидел девушку. Она приветливо замахала рукой, а у него вдруг сильно забилось сердце...

— А раньше, — мечтательно рассказывал Вадим, вспоминая «дела давно минувших дней», — над этим заведением располагалась световая вывеска. — Имелась в виду та самая парикмахерская. — Буквы были затейливо выведены тонкими световыми трубками. Причем каждая буква отдельно, и тухли они, когда перегорали, тоже каждая сама по себе. Советские времена тем и отличались, что сначала делалось что-то хорошее или даже удивительно замечательное, а потом это что-то на многие годы, если не навсегда, забывалось, потому что никому было не нужно.

Вот сделали прекрасную световую вывеску. По вечерам, да и ночью редкие прохожие любовались светящейся нежно-розовой, витиевато выведенной надписью «Парикмахерская». Через несколько лет первая буква сторела и погасла, и заведение брадобреев превратилось в «арикмахерскую». Никто на это внимания особенно не обратил, а буквы, между тем, продолжали потихоньку выходить из строя. С течением времени погасла еще пара знаков, и надпись стала читаться как речь пьяного — «Ик махерская». Очень скоро несчастная цирюльня превратилась в «махерскую», потом стала «ахерская» и наконец просто «херская». Наташа долго смеялась над его байками. Самое удивительное, что все это было правдой.

Они немного выпили. Потом посидели и поболтали обо всем и ни о чем. О жаре, о слухах, циркулирующих по городу, о его работе. Она еще раз поинтересовалась его семьей (значит, не только он был тогда пьян!). Вадим вновь ответил, что давно один. Было видно, что ей как-то неуютно. Как будто происходит все не так, как она ожидала. Неожиданно она откинулась на высокую спинку мягкого ресторанный стула, потом тихонько положила голову ему на плечо и шепнула:

— Поцелуй меня! — он осторожно чмокнул ее в щеку.

— Нет. Не так! Попробуй так, как ты меня целовал той ночью.

Вадим попробовал. И тут же две нежные руки обвили вокруг его шеи, а губы двоих слились в страстном поцелуе. Наверное, он слишком затянулся — этот поцелуй, потому что мужчине явно захотелось кое-чего другого. И Наташе, видимо, тоже. Она, не отпуская его шею, откинула голову и тихо прошептала своими прелестными влажными губами:

— У тебя тонкие, но очень хорошо очерченные губы. Когда смотришь на тебя со стороны, то представляется, что ты очень жесткий, наверное, очень волевой человек. Даже жестокий.

— А когда не со стороны?

— Ну, если не со стороны... Особенно, когда с тобой целуешься... — Они вновь поцеловались. — Совсем другое впечатление!

Вскоре она прошептала мне на ухо:

— Давай уедем отсюда...

— За другими впечатлениями?

Мы уехали на такси. А дальше... А дальше я только и помню эти пухлые чувственные губы, которые все шептали и шептали мне:

— Еще! Еще! Да! Давай же еще! — сначала страстно шептали, а потом уже кричали в жарком исступлении.

А он все не мог выбросить из головы странную мысль, что опять строит свои новые отношения как-то не так. Прямо как наши строители.

МЕРЗОСТЬ ЗАПУСТЕНИЯ

Жара уже почти два месяца терзала наши края, да и всю Центральную Россию тоже. С самого апреля практически не было осадков. Пекло (до плюс сорока трех в тени) и отсутствие влаги делало свое подлое дело. Уже не раз в редакцию звонили фермеры, огородники, владельцы садоводческих участков и просто сельские

жители и жаловались, что все на солнце погибает. Рокотов решил съездить сам и посмотреть. И в самом деле, урожай практически весь уже сгорел. Жутко было смотреть на сухую землю, пронизанную, казалось, насквозь огромными трещинами. Колосья пшеницы и ржи испеклись и сгорели. Пустой шелухой осыпались они при первом же легком прикосновении. На коричневых выгоревших полях торчали лишь сухие мертвые стебли. Даже объявившаяся неожиданно-негаданно, в начале лета, саранча из-за жестокой засухи теперь куда-то исчезла.

— А если на днях дождь пойдет? — спросил он фермера Зворыкина.

— А что толку-то. Он теперь как мертвому припарки! — грустно ответил тот. — Все равно уже все сгорело!

Проехав по трассе километров двадцать, Вадим свернул на знакомый проселок, надеясь сократить путь до полевого стана. Но вскоре понял, что заблудился. Пропетляв по пыльным грунтовкам, он оказался на огромной выжженной равнине между лесом и глубокой поймой реки.

Рокотов заглушил двигатель, вышел из машины и осмотрелся. Огромное плоское пространство унылого бурого цвета раскинулось от невысокой противоовражной дамбы до едва виднеющейся на горизонте зубчатой кромки леса. Зелени не было вовсе! Здесь действительно никакой дождь уже не поможет. За дамбой начался пологий длинный склон. Он долго спускался по бесконечному косогору. На голой, словно лысина, поверхности встретилась одинокая яблоня. Под ней все было усеяно мелкими засохшими яблочками, которые давно осыпались, не успев вырасти.

В конце косогора встретилась огромная полоса сухой, потрескавшейся на солнце глины. Не сразу он понял, что когда-то здесь была целая улица. Стояли дома, цвели сады. Летом, наверное, то у одного дома, то у другого попеременно кланялись колодезные журавли. А зимой из каждой трубы тянулся в небо веселый дымок. И наверняка здесь было много детей! И всегда веселый детский смех! А сейчас тишина. Даже воробьев не видать.

Теперь в густых зарослях огромной злой крапивы, высоких чертополохов едва-едва виднелись лишь фундаменты. Землю покрывала глина, которой когда-то были обмазаны дома. Сами срубы давно кто-то разобрал и вывез. Одичавшие сады сбрасывали свой урожай на землю на радость лесным обитателям. Непаханые огороды заросли бурьяном. Вдруг особенно остро подумалось, что этот унылый край напоминает всю сельскую Россию. Вот он — типичный скорбный пейзаж нашей уставшей Родины.

Лишь один, чудом уцелевший старый дом стоял на самом берегу пересохшего канала. Дальше когда-то был пруд, куда, наверное, сельский пастух гонял в полдень стадо на водопой. Кругом росли древние, разлапистые, с перевитыми ветвями осокори. Деревья выглядели угрюмыми.

От вида старого ветхого строения на ум вдруг пришла чья-то стихотворная строка: «У трупa сгоревшего дома». Это и правда был «труп». Покосившиеся веревки согбенных временем ворот, раскрытая крыша, покосившиеся ставни, пустые, без стекол, глазницы окон и скрипящие на ветру незапертые двери. Это было очень печальное зрелище. Обойдя густые заросли огромной злой крапивы, Вадим вдруг обнаружил за домом-покойником еще один, совсем маленький, но пока жилой домишко.

С крыльца через грязный, заваленный какой-то рухлядью, коридор он попал в сильно захламленную комнатку с низким потолком, половину которой занимала русская печь. В ветхом домике стоял тяжелый запах. Облупленный потолок зиял дырами в обвалившейся штукатурке и кое-где свисавшими клоками соломы. В центре, над столом, сиротливо свисала на шнуре загаженная мухами лампочка. В углу тихо жужжал древний электросчетчик.

На стене над диваном висел старый пыльный коврик с тигром. В середине прошлого века такие плюшевые тоненькие коврики, обязательно с неизменным тигром, висели в каждом втором доме или квартире. Под ковриком на диване сидел хозяин — маленький, почти лысый, со сморщенным обезьяньим личиком старичок. Одет он был, несмотря на жару, в теплую безрукавку, из которой местами торчали клоки серой ваты. На ногах опорки — коротко обрезанные валенки. Над ними грязные, мешковатые, неопределяемого цвета штаны. Но на столе рядом стоял телефон. Однако в этом тщедушном теле жил пытливый, аналитический разум.

Хозяина домика звали Степаном Никаноровичем. Он оказался весьма словоохотливым, и у них быстро завязался интересный разговор.

— Слушай, вот скажи, почему мы так живем?

— Ну, как так?

— А ты что, не видишь? Оглянись! Никто не хочет работать. Главное, не хочет работать честно. Кругом одни рвачи, временщики, мародеры. Они словно не считают себя членами этого общества, частью нашей нации. Им не важно, да и не интересно, что будет лет через десять. Рухнет все, прогниет и развалится? Да и ладно. Я сейчас деньжат срублю, а потом, если и будет потоп, то слиняю за бургор...

— А посмотри, что телевидение показывает. Там же одни бесстыжие, одуревшие от похоти телки, которые, рекламируя обыкновенные женские прокладки, нагло орут прямо в камеру, что для них «жизнь подиум, а мы по ней идем!» Понимаешь — подиум! Не место труда и свершений, не ринг для борьбы, а подиум, где они собираются всю жизнь только красоваться и стриптизерствовать!..

— Ни у кого совершенно нет желания работать так, чтобы тебя поминали добрым словом. Причем, не только сейчас, но и через десятки лет. Бизнесмен на Западе больше всего стремится сохранить доброе честное имя своего предприятия. Ради этого он готов идти на убытки — признать, например, недостатки и отозвать товар из продажи. А у нас будут до последнего втирать гнилье, а убеждать, что это пасхальное яичко! В Европе и США под праздники скидки в магазинах не бывают меньше 50%, а то и более. И народ рвется на распродажу толпами и сметает все с полок. У нас если есть скидка, то не на все товары, и процентов 5-7 или вовсе 3. И еще удивляются: а чего это народ не бежит к нам на «сейл»?

— Ну а чего же вы хотите?! У нас в стране более полувека целенаправленно, систематически, из поколения в поколение истребляли пассионарную часть населения. Пассионариев — героев, первопроходцев, прометеев в русской нации сейчас, пожалуй, просто больше нет. У последнего Прометея орел жадности уже давно выклевал всю печень без остатка.

— Это ты о репрессиях, что ли?

— Да, но не только о них. В шестидесятых и семидесятых уже не расстреливали. Но всех думающих иначе либо сажали, либо помещали в спецпсихлечебницы. А другие улепетывали из этой страны сами. Чтобы их совсем не залечили! Кто же тут мог остаться? Забитые и униженные потомки репрессированных, которые до сих пор хорошо помнят, как их гнобили и не пускали в вузы как детей «врагов народа»! И вот теперь они, до того не смевшие слова сказать, дорвались до «демократии», чтоб ей пусто было! Чего же ждать от них, кроме скотства?

— Да и что тут, собственно говоря, нас удивляет? Неужели можно считать нормальным проживание целого огромного народа в постоянной лжи. Как какой лжи? Все, то есть весь огромный трехсотмиллионный советский народ, целиком, постоянно клянется в любви к горячо любимому генсеку и в преданности цветам Ильича, а за углом и на кухне неприлично язвит и злословит по поводу дефектов речи того же самого генсека и издевается над его старческим маразмом.

Все как будто бы живут и трудятся с одной единственной целью — построение

светлого коммунистического общества. Но также все весело хохочут над самым коротким анекдотом эпохи «развитого социализма», состоящим из одного слова: «Коммунизм».

Мы постоянно отчитываемся о наших свершениях перед партией и правительством (что, в принципе, одно и то же) и при этом за глаза называем это наше правительство Домом престарелых.

В целом пост генерального секретаря по статусу приблизился к институту папства. Престарелые секретари ЦК в Кремле, как и кардиналы в Ватикане, выбирают из своих рядов самого ветхого и наделяют его пожизненной абсолютной властью. А потом ждут, когда он помрет, чтобы выбрать очередного старца, но из расчета, что и другим перепадет.

Все прекрасно понимают, что никакой коммунизм построить невозможно. Лучше всего это понимают в руководстве страны, так как там владеют всей информацией, недоступной миллионам простых граждан. Но продолжают упорно вести гигантскую страну и ее огромный народ к мифической, *несуществующей* цели. Все понимают, что это ложь высшего руководства, но делают вид, что свято верят и вправду идут к светлому будущему! Ну, как могло *это* продолжаться вечно?

— Ты думаешь, почему так быстро, практически мгновенно, и легко рухнул «могучий» Советский Союз? Да потому, что всем страшно надоело слушать всю ту ахинею, что несли наши руководители, да еще и делать вид, что мы им истово верим десятками лет. Никакая совесть этого не выдержит!

Рано или поздно эта глобальная ложь все равно должна была растлить всех, обвалить и разрушить строй, режим, всю политическую систему. Так оно и произошло. Удивительно, что Система столько долго продержалась — многие десятки лет! Причина тому, вероятно, всего одна. Все держалось на русском народе, в котором, несмотря ни на что, глубоко внутри, в подсознании, на генетическом уровне сохранялась память о великой тысячелетней истории древней державы и создавшего ее народа!

Они еще долго спорили с забытым всеми сельским мудрецом и доказывали друг другу очевидное. Но в чем сходились оба, так это в том, что возрождение еще возможно. Никанорыч где-то вычитал, что теперь наступает эра Водолея, а это эпоха России. Он даже уточнил, что все начнется с невиданной войны в соседней стране, а приведет к небывалому возвеличиванию России.

Потом Рокотов уехал. И всю дорогу думал, что подобные люди, живущие в глуши, но пытающиеся своим одиноким, самодостаточным умом пронизать и прошлое и будущее, могут быть только в России.

И СНОВА КНИГОЧЕЙ

Снова утро. Одно из сотен или может уже тысяч других, таких же невыносимо жарких, тяжелых и бессмысленных. Сумасшедшее Солнце все так же продолжало свой опустошительный пробег по выжженному небосводу. Люди стали похожи на роботов, продолжающих свою осточертевшую работу только по инерции. Рука автоматически бралась за компьютерную мышь или за телефонную трубку. Автоответчик внутри головы глухо отвечал, не вдумываясь в собственные слова. Вероятно, многие уже подошли к той критической черте, после которой смерть начинает казаться избавлением.

Снова телефон Бориса не отвечал...

С трудом прожив первую половину дня, Рокотов после обеда вновь поехал к Николаичу. Эти встречи становились уже необходимыми. И вот вновь хорошо знакомый двор. Правда, показалось, что он теперь стал еще более пыльным и душным. А может быть, так оно и было?

— Добрый вам день, — услышал он сзади чей-то до боли знакомый голос.

Обернувшись, обнаружил перед собой давешнего дворового попрошайку Павленко.

— Я вот тут подумал: мне ведь все равно вам двадцатого сто рублей отдавать.

— ?

— Так что если их будет двести, ничего же не поменяется.

— В смысле? — не понял Рокотов. — Вы, что же, хотите еще денег?

— Так ведь войди в мое положение, милейший вы мой! Жизнь так тяжела и скорбна. И радостей в ней нет никаких. И страна наша ужасна для проживания.

— Чем вам страна-то не приглянулась?

— Да вы окиньте взором хотя бы наш двор. Ведь, скажем, если бы в нем положили новый асфальт, покрасили фасады и восстановили забор, и после этого никто все равно не приехал бы, так это же уже была бы не Россия.

— М-м-да, — глубокомысленно промышчал редактор.

— И отдохновения от трудов праведных у меня нет никакого. Истомился душою я. И нечем мне это бедствие размочить.

— Так у вас свои-то деньги имеются? Они когда-нибудь бывают?

— Мало, — замылся Павленко, — и очень недолго. А цены-то, сами знаете, они же, как чужие дети — растут незаметно, но очень быстро.

— Но у меня нет в этот раз «сотки». Только полтинник.

— И тому будем премного рады! — передо мной возникла рука, мытая на прошлой неделе.

Деньги исчезли так же мгновенно и незаметно, как и в прошлый раз. Виктор стремительно исчез, а Вадим с облегчением добрался до парадного и скрылся в подъезде. Через пять минут он уже был в квартире «профессора». Николаич выглядел то ли нездоровым, то ли очень озабоченным. Обычных для него шуток и приколов не было. Но Рокотову показалось, что он буквально ждал его и отнесся к новым вопросам исключительно серьезно.

— Я уже не знаю, что и думать, — посетовал Вадим, — Борис куда-то исчез, а я просто не нахожу рационального объяснения происходящему.

— Возможно, рациональное начало здесь и не поможет? — тихо проговорил книгочей. — Мы столкнулись с чем-то иным.

— Что ты хочешь этим сказать? — удивился редактор.

— В жизни есть масса вещей и явлений, которые на первый взгляд выглядят совершенно необъяснимыми.

— А на второй? — попробовал пошутить Вадим.

— А на второй, есть вещи настолько субъективные, что вовсе не поддаются научному объяснению. Даже крупные ученые порой просто разводят руками. Возможно, это проявление некоего инфернального Зла.

— Да брось ты! Ты сам-то в это веришь?

Рокотов пристально всмотрелся в лицо «профессора», тщетно надеясь обнаружить в уголках глаз и губ его притаившуюся насмешливую улыбку. Но ее не было! Лицо Беляева было строгим и тревожным. Он не шутил!

— Китайская цивилизация — одна из древнейших на планете, — снова заговорил Беляев, — но об ее истории мы знаем намного больше, чем о ее ровесниках, например, хеттах, ассирийцах, вавилонянах. И все благодаря колоссальному количеству сохранившихся письменных источников, подробно расписывавших все стороны жизни великого народа.

— Ты это к чему?

— А к тому, что у древних китайцев было конкретное знание, объяснявшее причины наступления такой вот смертоносной погоды, как у нас сейчас.

— Да неужели?

— Причина в деятельности людей. Во времена смуты и дикого расхищения государственной казны, во времена самоуверенных, но дурных правителей приходила как наказание Эпоха Бешеного Солнца. Солнце на небе тогда оказывалось не одно, а несколько, как государей. Вместе они выжигали все живое. Наступала невероятная сушь и жара. Вскоре приходил голод, а с ним убогая жизнь. Следом вспыхивали восстания вымирающего от нищеты народа, которые сметали прежнюю династию. Есть легенда про китайского воина И, который видя на небе десять солнц, перебил девять фальшивых и спас страну от огня и смерти. Если правителей слишком много и каждый берет себе в карман, а народ нищает, то лишних владык надо просто уничтожать. Кстати, ты не поверишь, но в некоторых китайских летописях есть даже упоминания о таинственных, быстрых, как молния, черных тенях, нападающих на людей.

— А, впрочем, хочешь знать мое мнение? Мир действительно скоро рухнет. Но, на мой взгляд, именно современная медицина, которая научилась излечивать почти все существующие болезни, и погубит человечество!

— Как это?

— А вот смотри сам. В древности был жесточайший естественный отбор — все слабые, тем более, больные или увечные особи погибали или даже уничтожались сразу после рождения своими же соплеменниками, как, например, дефективные младенцы в Спарте, которых выбрасывали в пропасть. Все неполноценные и дефективные выбраковывались и условиями жизни, и самим обществом, а если и выживали, то не имели ни малейших шансов спариться и стать родителями. Выживали лишь сильнейшие, и именно они давали потомство, из которого также впоследствии выживали только сильнейшие. И только благодаря нашим предкам, благодаря самому жесточайшему отбору, действовавшему на протяжении сотен поколений, мы сейчас такие, какие мы есть — сильные, ловкие, крепкие и быстрые.

Мы, нынешние, есть продукт этого долгого эволюционного отбора. А что сейчас? Новейшие, современные достижения здравоохранения и медицинских наук последовательно, поколение за поколением, вымывают из человеческого организма все то, что тысячами лет копила эволюция. В генофонде остается все больше плохих и больных генов, которые передаются потомству всех больных и увечных, заботливо спасенных врачами для жизни и продолжения рода. А их потомство, еще более слабое и нездоровое, аккумулирует еще больше дефектов. Следующие поколения придется выхаживать прямо с рождения, в барокамерах. Я совершенно уверен, что разрушение генофонда неизбежно приведет к вырождению и гибели человечества. Уже наши ближайшие потомки будут хилыми и слабосильными. Будет все больше врожденных уродств.

— Ну да, с тобой трудно спорить, хотя вывод, конечно, неожиданный.

— Но, несомненно, абсолютно верный! Ты посмотри сам. Рак, к примеру, известен очень давно. Еще с античных времен. Но всегда это была болезнь старых людей. Потому что к старости иммунные силы организма ослабевают и не могут уже полноценно бороться с любыми болезнями, в том числе и раковыми клетками. А сейчас онкологические заболевания стремительно молодеют. Они не просто вторглись в средний возраст! Уже известно много случаев заболевания этой страшной болезнью детей школьного и даже дошкольного возраста. О чем это говорит? Организм не в состоянии справиться с этим врагом в юности — на пике своего физиологического могущества!

Или, например, аллергия! В позапрошлом веке о ее существовании никто и не подозревал. А в двадцать первом веке аллергические реакции вызывает все, от кошек и цветов до тканей и строительных материалов у 25 процентов населения Земли. А в ближайшее время прогнозируется, что этот недуг поразит половину населения планеты. Это разве не показатели? То, что раньше наш организм легко

перебарывал сам, он все чаще оставляет на милость лекарств. У совсем молодых людей, студентов, старшеклассников, тинэйджеров, диагностируются такие старческие болезни, как рассеянный склероз, полиартрит...

— Хватит-хватит, — замахал руками Вадим, — а то тебя послушаешь, так и жить даже не стоит.

— А вот этого я как раз никогда и не говорил, — возразил профессор. — Жить стоит всегда! Как бы ни было тебе трудно. Если ты бездельник, всю жизнь увиливавший от трудностей и забот, тебе будет очень страшно и обидно умирать. Ведь ты ничего не сделал. А вот если за плечами множество свершений, то и кончина не будет страшить. Ведь имя твое останется в делах твоих.

Когда редактор уже уходил, «профессор» крикнул ему вслед:

— Не падай духом, Вадим! После Смуты всегда бывает триумф Добра!

Когда Рокотов вышел от Беляева, уже наступал вечер. Тяжелый, плотный, запыленный воздух никак не хотел остывать. Солнце уже садилось, но каменные ущелья улиц, раскаленных сердитым светилом, по-прежнему источали густой жар. Смердящее густое марево поднималось от расплавленного мягкого асфальта, а от стен веяло адской кухней.

И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА...

На следующий день он приехал на работу рано, впрочем, как и всегда.

Опять где-то горело. В воздухе стоял горький запах дыма. В горле саднило и першило. И легкий серый пепел, кружась, снова сыпался с неба. Наверное, это был пепел нашей прошлой жизни, которая плавилась и сгорала. Она съезживалась, словно шагреновая кожа! Жара убивала ее...

За последнее время в редакцию обратилось уже с полдюжины людей, заметивших что-то непонятное и угрожающее во мраке короткой летней ночи. Срочно надо было найти этому хоть какое-то объяснение. Хотя бы предположение. Возможно, надо поискать аналогии. Скорее всего, искать надо в прошлом. Может быть, в отдаленном прошлом.

Рокотов забрался в чулан, расположенный в дальнем конце редакционного коридора. Здесь хранились папки со старыми документами и подшивки газеты за прошлые десятилетия. Нагрузившись огромными тяжеленными кирпичами сброшюрованных газет, он потащил их к себе. Отряхнув какой-то древний мелкий мусор и паутину, начал листать пахнущие пылью хрупкие, пожелтевшие страницы. Бодрые передовицы, колонки новостей, тяжелые полотна аналитики. Все не то...

Интересные данные он нашел лишь в архиве. Вот что говорилось в летописях. Леса и болота горели на Руси, в центральной ее части, в 1223 году. В ту пору на русской земле бесчинствовала жесточайшая княжеская междоусобица. Она, кстати, и стала причиной страшного поражения Руси при нашествии татаро-монголов. И в 1364-м. И вновь нашествие врагов.

Еще одно пекло было во времена правления чудовищного тирана — Ивана Грозного. Иван Грозный был настоящим чудовищем. По большому счету, прологом к Смуте на Руси стало почти сорокалетнее правление Ивана Грозного с кошмарной опричниной, бездарной Ливонской войной и настоящим геноцидом собственного народа. Именно в это время шло жесточайшее закрепощение крестьян. Да и вообще это был период, когда все население огромной страны, включая родовитую аристократию, постепенно превращалось в холопов государевых.

В 1735-м был высочайший указ императрицы Анны Иоанновны затапливать горящие торфяные болота, высохшие от чрезмерной жары и засухи. «На Москве дышать не чем быть, и не видать человека во десяти шагах» — с горечью писал летописец.

В пятидесятых годах XX века болота вокруг Москвы полностью осушили, и тогдашние власти несказанно радовались, что открылся новый громадный источник скверного, но дешевого топлива — торфа. А всем колхозам навязывали почти задаром «изумительные» торфяные удобрения.

А в 1972 году, в разгар застоя, летом неожиданно пришла чудовищная жара, почти такая, как сейчас. И уже в конце июля вспыхнуло все Подмосковье. И тоже загорелись торфяники. Тогда сгорели десятки деревень. Погибло более 100 человек. Техника огнеборцев порой проваливалась под землю, где незримо, но страшно горел торф. Если случалось несчастье провалиться в эту адскую топку, разверзшуюся мгновенно и совершенно неожиданно, то от людей оставались лишь облачка пара.

В наше время очень жаркими и засушливыми были также 1984-й и 2008-й. После долгих поисков Вадим все же нашел в нескольких статьях за эти годы некие неотчетливые намеки на странные происшествия, происходившие в нашем городе и его окрестностях в период летней жары.

ОТРЫВКИ ЖИЗНИ, ОСТАВШИЕСЯ В ПАМЯТИ

Был уже вечер. Солнце медленно закатывалось за крыши домов. От земли, от асфальта, от кирпичных стен поднимался могучий жар, как от бульжников в парилке. От тяжелых испарений асфальта мутило.

Каждое утро было как две капли воды похоже на все предыдущие. За короткую летнюю ночь городские камни не успевали остыть, и следующий день начинался с того же, чем заканчивался предыдущий.

- Военные все молчат. А ведь скрывают, что у них уже два патруля исчезли.
- Как это исчезли?
- А вот так! Бесследно!
- Ты это серьезно?
- Абсолютно! Совершенно бесследно. (Из подслушанного разговора)

Рокотова попросили съездить на опознание. Когда он приехал и увидел тело, то был в шоке. Да, это был Борис. Но его тело было изуродовано невероятно.

Вечером он вдруг понял, что ему очень не хватает его Наташи. Теперь она крепко вошла в его жизнь. Наверное, дальше он просто не сможет жить без нее, без ее теплых глаз, без ее нежных рук и губ, без ее голоса.

И вновь снился сон. Вдали, в начинающих грозно сгущаться сумерках, стремительно замелькали какие-то темные сатанинские тени. Ощущение конца жизни было столь явным, что в этот миг он проснулся.

Вадим вскочил, задыхаясь от ужаса. Несколько секунд не мог вдохнуть, но потом повернулся и вдруг увидел рядом, на соседней подушке Наташу, тихо посапывающую во сне. Он постепенно успокоился и вспомнил, что вчера произошло. А произошел у них следующий разговор.

- Вадик, а у тебя вообще бывают выходные?
- Ну, а как же! Каждую неделю бывают.
- Да нет. Чтобы ты сам был выходной?
- А-а. Бывает, — он крепко задумался, — но очень редко.
- Ну, а ты не мог бы взять себе такой вот редкий выходной, чтобы провести его вместе со мной? Ведь ты едва ли не в два раза старше меня! Ты опытнее, мудрее. Ты должен следить за мной, контролировать...
- Да не хочу я тебя контролировать. Лучше я буду тебя любить.
- Ну, тогда это надо делать не только в спальне!

— А где еще? — прикинулся он в шутку. — Можно попробовать в машине.
— Милый, — вздохнула она, — мне с тобой здорово везде, но я не об этом.
— ???
— Увиливаешь? — она больно его ущипнула. — Ну что, разве это так сложно?
— Хорошо, — Вадим посерьезнел, — я понял.
— Что ты понял, милый?
— Что пора мне прекращать порочную практику трудотерапии по выходным!
Ее и в самом деле пора было прекращать. Последнее время он стал себя довольно скверно чувствовать. Начало пошаливать давление, саднило в груди, то и дело появлялась резь в глазах. Погода нынешнего лета могла свалить с ног и самого здорового. Последние дни Вадиму было совсем плохо.

ЭПИЛОГ

— Что происходит? Что с нами и что с окружающим нас миром? — спрашивал он, едва справляясь с лихорадкой и головной болью. — Это просто программный сбой в некоем глобальном компьютере из-за всеобщего перегрева? Или это уже тенденция?

— Понимаешь, Вадим, здесь все совсем не так просто, как кажется!

— Да, это-то я как раз понимаю.

— Нет, пока не понимаешь. Проклятая чернота потихоньку овладевает всей нашей огромной страной. И людьми тоже.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Дело даже не в таинственных тварях из преисподней. Они лишь индикатор, показывающий неотвратимость наступления Черного Зла.

— Это ты про свою теорию вредоносности современной медицины?

— Она свою роль сыграет, несомненно, но еще не скоро. Тут совсем другое! Это не сбой. Смертоносный вирус поразил весь наш «процессор». Если, конечно, можно так назвать нашу духовность, нашу ментальность.

— Я тебя, Михаил Николаевич, не понимаю.

— А что тут понимать? Мы уже стоим на краю могилы. И она уже открыта! И даже ждет, когда мы, наконец, оступившись, в нее свалимся. Или пока кто-нибудь нас не подтолкнет в нее сзади, а желающих сделать это, пока мы неосторожно смотрим не в ту сторону, много! Светлые Силы за нас — за Россию. Но многое мы должны сделать сами. Слишком многое страшное, мрачное и злобное стремится нас уничтожить!

— Миколаич, не говори загадками.

— Пока ты сам все это не осознаешь, настоящий смысл происходящего так и будет оставаться для тебя загадкой..

Голова пылала, мозги плавилась. Вадим никак не мог собрать мысли вместе. Что-то важное, нет, не просто важное, а главное, ускользало от него. Недалекое прошлое и совсем близкое будущее были словно во тьме. Он как будто потерялся во времени и пространстве. Да и все вокруг тоже потерялись. Не уверен, что кто-нибудь знал наверняка, что нас ждет. И нынешняя адская жара только подчеркивала это! Так *кто же* нас ждет? Война, которая, как буйная гроза, сбивающая жару, освежит мир, или нас ждет беспредельное царство Темных Сил, стремящихся поставить на колени последний непокорный народ, на который все еще смотрят с надеждой уже покоренные!

Будут ли они счастливы с Наташей в этом бушующем и пылающем мире Эпохи Бешеного Солнца? Или этого мира скоро вовсе не станет? Не было ответа на этот вопрос...

Игорь Владимирович Лукьянов родился в 1947 году в Пхеньяне (КНДР). Окончил Борисоглебский государственный педагогический институт. Служил в армии. Работал на стройке, помощником мастера на трикотажной фабрике. С 1980 года — журналист борисоглебской районной газеты. Автор 13 поэтических сборников, многочисленных публикаций в журналах «Подъём», «Аврора», «Наш современник». Член Союза журналистов и Союза писателей России. Живет в Борисоглебске.

Игорь Лукьянов

НА ТАЛОМ СНЕГУ

УДАЧА

Брал за хвост я удачу,
Но вырывалась удача.
Улетала она —
Золотого сиянья порыв.
Может быть, я об этом
Когда-нибудь
Тихо заплачу,
Стариковские слезы
На старый пиджак
Уронив.
Эти слезы
Я с детства запомнил.
Так плакал
Мой дядя укромно
На вечерний приступок
Веселого дома присев.
Пел Утесов о море,
Любимец тех лет
Всенародный,
И шумело застолье
Во всей повоенной красе.
И в какой там старик
Изболелся тоске и тревоге —
Было мне не понять,
Но я видел в тот вечер
Остро,
Что сиял рядом с ним
Луч закатный
На теплом пороге,
Как удачи,
Умчавшейся вдаль
Золотое перо...

* * *

Банален мир от кочки до небес.
Банален и застоем, и прогрессом,
Как волка ни корми — он смотрит в лес,
Как жизнь не возноси — мы смотрим в детство.
Спасибо ей за все, что приобрел —
За ту в листве садовую дорожку,
За тесный с керосинкой коридор,
Где бабушка мне жарила картошку...

* * *

*К картине Алексея Саврасова
«Грачи прилетели»*

Зацерковная даль.
Заревые лучи.
Мне оттуда
О чем-то горланят грачи.
Я гляжу —
И души оторвать не могу
От разбросанных веток
На талом снегу...

* * *

Забывшие старые раны
И свежие поздние раны
Мне стали дороже удачи,
Они мне победы милей.
Лишь с ними
Я что-нибудь значу —
Сурово молчу или плачу
Среди золотого тумана
Рассветных осенних полей.
Лишь с ними
Средь тихого луга,
Когда предночная округа
Домишками дальними блещет,
За лес провожая закат.
Могу я задумчиво слушать,
Как грустно считает кукушка
Далекие лучшие годы,
Что вновь повторятся навряд.

ДЯДЯ МИТЯ

Безответный старик
Дядя Митя — дундук.
Неудачник.
Чудак.

Приживальщик.
Перед сном пальтецо
он бросал на сундук.
И во сне,
словно маленький мальчик,
тихо всхлипывал он —
ни детей, ни жены,
ни какой-нибудь плохонькой крыши.
Так и жил у сестры —
От весны до весны —
как бы свой человек,
как бы лишний.
А порою во сне
он кого-то крушил
и, хрипя,
в матерщину срывался.
Знать, германец в Галиции
газом душил.
Знать, с антоновцем
в рубке сшибался.
Может, был он герой.
А быть может, и нет.
Но при нем
был всегда крест нательный...
Дядя Митя —
из детства приветственный свет
из его февралей и апрелей...

* * *

Светлане

Окраина — и луг за огородом.
На нем тропинка — прямо до реки.
Под солнечным иль звездным небосводом —
Составов задушевные гудки.
Я в них не раз летел
к огням далеким,
В душе тревогу
до предела сжав.
Но вот пришли,
пришли иные сроки,
Где всех дорог дороже
воздух трав.
Над ними птиц
несущиеся тени.
И ветра ниоткуда — благодать.
Пред ними встать готов я на колени
И ничего о будущем не знать...

Анатолий Николаевич Дериглазов родился в 1948 году в городе Борисоглебске Воронежской области. Окончил профтехучилище, два курса Московского заочного народного университета искусств им. Н.К. Крупской. Работал токарем, художником, компрессорщиком, обрубщиком. Публиковался в районной печати. Живет в Борисоглебске.

Анатолий Дериглазов

СЕЗОН ОХОТЫ

Рассказы

СТАРЫЙ ФИЛИН

Филин всю ночь летал по заснеженному лесу в поисках пищи. За это время он разжился лишь маленькой птичкой, которую разорвал и съел, почти не заметив. И это была вся его добыча. Филин был старый, потерял прежнюю сноровку и чутье, и теперь дичь пряталась или удирала от него куда успешней, чем в молодости. Он далеко улетел за эту ночь от своего родного темного дупла, и здесь лес был чужой, незнакомый. Но, уставший и голодный, он решил день пересидеть все-таки здесь, а ночью вернуться. Устроился в удобной развилке большого дерева, стоявшего у края железнодорожного полотна среди других деревьев, и потихоньку погрузился в дрему. Филин грезил. Ему чудилось, что он охотится на птиц, рвет их прямо в полете на куски, и теплая кровь стекает по его крепкому клюву. Потом его мысли перешли на мышиную охоту. Мысли были только о еде. Она сгорала в его луженом желудке, как хороший уголь в раскопчегаренной топке. В охоте на разное мелкое лесное зверье и заключался смысл жизни этого хищника.

Наступило ясное морозное утро. Первые лучи солнца резанули птице по глазам, и «разбойник» недовольно заморгал, заворчался, неуклюже разворачиваясь от

светила на запад. У филина «кошачье лицо», большие круглые глаза, острый взгляд, крючковатый клюв и мохнатые когтистые лапы. Ух, берись! А когда этот страшила насытится, он так хохочет и ухает из лесной чащобы, что мороз по коже дерет.

И вновь клейкая паутина сна сковала его веки. Ему пригрезилось, что он, вновь молодой и ловкий, охотится на зайца. Заяц бежит по снегу, делает прыжки и петли. Но врешь! От него, молодого, полного сил, никто не уйдет! Кривые страшные когти вонзаются в спину зверьку. Заяц уткнулся в снег, но крылатое чудовище отрывает его от земли и приканчивает ударом клюва в воздухе.

Раздался грохот приближающегося состава. Филин встрепенулся ото сна и, потеряв ориентировку в чужой местности, сослепу рванул поперек этого грохота через железное полотно. Тепловоз сшиб его своей могучей грудью и умчался с вагонами вдаль, издавая победный свист.

Через несколько часов вдоль рельсов шагал бородатый обходчик с собакой. Собака с лаем кинулась вперед на людскую тропу, проторенную десятками следов вдоль железной дороги. Обходчик увидел, что собака на тропинке рвет зубами какое-то тряпье. Подойдя ближе и отогнав собаку, рабочий увидел мертвую птицу. Перевернул ее на спину, и прямо в глаза человеку глянули черные зрачки огромных птичьих глаз, обведенных желтыми ободками. Филин и после смерти был еще красив, несмотря на разбитую грудь и сломанное крыло. В размахе крыльев был целый метр. Бурый окрас тела хорошо маскировал хищника в лесу среди голых черных деревьев. Черно-желтые перышки шевелились и шелестели на ветру, как будто филин все пытался взмыть в синеющее рассветное небо.

Рабочий долго стоял над птицей, рассматривал ее. Вот плотно сжались губы, под тонкой кожей забегали желваки, и дернулся мускул под глазом. Обходчик был тоже, как филин, немолод. Было ему примерно за шестьдесят, и потерь в жизни он испытал немало. Вспомнил, видно, что-то свое, больное. Бережно поднял птицу за крыло, отнес с тропинки и положил под куст в сугроб.

Потом бородатый обходчик пошел, не торопясь, вдоль железнодорожного полотна дальше, привычно постукивая длинным метровым гаечным ключом по стыкам рельсов, подкручивая ослабшие гайки. Иногда оглядывался назад, покачивал головой и грустно вздыхал.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Михаил Александрович стоял в сарае и с руки подкармливал сухариками кобылу Зорьку. Рыжая Зорька осторожно брала губами с ладони крошки, хрумкала и вздыхала. Михаил Александрович тоже вздыхал. Кобыла благодарно опускала тяжелую голову ему на плечо. И они согласнo молчали.

Хозяин медленно, любовно протирал пучками соломы лошадиные бока. Жаркое лето уже свернулось клубком и уступило место хмурой осени 1932 года. По стране катились шквальные волны коллективизации.

В калитку громко постучали. Передний, высокий сухой старик, выплюнул сигарку под ноги подошедшему Михаилу Александровичу, добыл из-за пазухи замусоленную тетрадь с карандашом. Позади него столбами стояли еще двое: солдат с винтовкой в острроверхой буденовке с нашитой синей звездой и другой — помоложе, небритый, с жестко очерченным ртом.

— Фамилия? — кинул старик.

Михаил Александрович ответил.

— Лошадь имеешь, — утвердительно сказал старик. — Забираем в извоз на три недели по постановлению.

Он зачитал текст постановления. Михаил Александрович изменился в лице. Лошадь тогда означала саму жизнь, ибо на ней и держалось все хозяйство. Это был город, но город деревенского типа, где жители имели большие огороды, распахивали их лошадьми и с полученного урожая жили.

Скрепя сердце Михаил Александрович вывел Зорьку за ворота и передал повод молодому с жестким ртом. Против винтовки не попрешь. Зорька недоуменно глянула на хозяина тревожным, влажным взглядом и, влекомая рукой чужака, покорно засемила по улице.

Михаил Александрович жутко переживал. Он в сердцах стебанул калиткой и зашел в дом, где прильнули к окнам его жена Надя и пятеро детей.

— Вот так — растишь для чужого дяди, — начал было хозяин и замолк — не в силах продолжать.

— Да будет тебе, вернут ведь! — со слезами и дрожью в голосе сказала Надя.

— Вернут, черт бы их драл, а какую?

Михаил Александрович места себе не находил.

Зорьку привели через месяц. Запаршивленные бока ее были покрыты язвами и болячками, холка стесана до кровавого мяса, ноги побиты. Вдобавок, у нее открылась чесотка. Михаил Александрович оледенел от ужаса.

Помучившись некоторое время от неисчислимых лошадиных хворей, кобыла издохла. Хозяин ее, не скрывая горя, тоже не задержался на этом свете.

Все, о ком я здесь веду речь, дорогие для меня люди. Михаил Александрович и его жена Надя — мои родные дедушка и бабушка. А среди оставшихся после их смерти детей самой старшей была моя мама. Всю жизнь она не забывала о ласковой труженице Зорьке, рассказывая о ней, как о родном человеке, своим братьям и сестрам.

ВОРОНА

Семья Чугуновых решила весь выходной день посвятить отдыху. Утром, загрузив машину всем необходимым, папа, мама, дочка Ирина и бабушка приехали на берег Хопра. Было у них местечко: уединенный, почти пустынный пляжик на реке, с песочком, леском и редкими отдыхающими. Чугуновы не любили шумных компаний. Расположившись у воды, семья начала отдыхать.

Иринке было 15 лет, и она до панического ужаса боялась змей. А в этом году выдался какой-то прямо «урожай» на змей, ящериц, больших лягушек и прочих рептилий. В середине дня Ира заскучала среди взрослых и решила пройтись лесистым берегом. И, пройдя метров пятьсот, она увидела змею. Почему-то частенько они попадались на ее пока еще маленьком жизненном пути. Девочка затормозила. Она даже назад попятилась. У берега дожди вымыли приличного размера песчаную яму, прямо под раскидистой ветлой, разметавшей свои ветки над рекой. Из этой ямы на фоне желтого песка контрастно торчала черная удлиненная голова с

раздвоенным языком. Толстая, лоснящаяся «веревка» туловища диаметром сантиметра четыре и ледяные глаза, нацеленные вверх.

На одной согнутой ветви не очень высоко располагалось птичье гнездо. Ирина видела среди свитых веточек гнезда три разинутых качающихся желтых клюва. Птенцы требовали корма. А родителей не было. Змеи слабо видят, но зато четко реагируют на любое движение. Не обращая на замершую Иринку никакого внимания, гадюка неслышно заструилась по грубой коре вверх к гнезду. На всякий случай девочка подобрала палку, но как бы она ей воспользовалась — себе не представляла.

И вдруг ни оттуда ни отсюда на ветлу прилетела ворона, уселась выше и стала наблюдать за процессом охоты. Наклонив голову, она внимательно смотрела на ползущего к гнезду гада и, когда змея была уже близко от птенцов, внезапно ринулась сверху на нее. Ира не успела удивиться, почему ворона защищает чужих птенцов, это же были вроде не воронята, как змея, схваченная острыми когтями за хвост, уже извивалась в воздухе, поднятая над рекой. Пролетев вдоль реки десятка два метров, ворона бросила змею в воду. Полуметровая черная полоса шлепнулась в речку и уплыла восвояси прочь. Совершив акт возмездия, птица вернулась. Деловито оглядела ветлу, птенцов, убедилась, что все в порядке, изучающе глянула на обалдевшую Иру радужным хитрым глазом, крикнула по-вороньи победное «ур-ра!» и, сорвавшись, растаяла в голубом небе.

У Иринки был дядя, по профессии орнитолог, и она сразу же вспомнила его рассказы о воронах, о том, какие это умные птицы. Да, вот, однажды она сама видела, как ворона, сидя на талом весеннем снегу, дразнила собаку, стоящую от нее в паре метров. Собака лаяла на птицу, а ворона «гавкала» на нее, имитируя собачий лай! Правда, этот лай был какой-то хрипатый, скрипучий, не настоящий. Собака в недоумении припала к снегу грудью и слушала, вытаращив глаза и вертя головой.

Дядя рассказывал племяннице, как видел сквозь осеннее окно ворону на дороге, прилетевшую с сухарем. Безуспешно подолбав корку своим железным клювом, она убедилась в ее каменной твердости и отнесла зачерствевший кусок в ближайшую лужу. Подержав сухарь в воде минутку, перевернула его другой стороной и после полной промочки склевала.

— Это ли не ум? — говорил дядя. — И санитары они хорошие. Все уличные помойки убирают.

После случая на реке Иринка зауважала черных пернатых «санитаров» и теперь всюду их защищает.

ГРУЗЧИК КЛИМОВ

Нагрязнули времена (не к ночи будут они упомянуты) горбачевской перестройки. Эта самая перестройка беззастенчиво переломала судьбы, да и саму жизнь многих людей. Тысячи из них лишились работы, налаженного быта, распался Советский Союз, заполыхали внутренние военные конфликты.

Но выявились в этом бедламе и некоторые плюсы. Открылась какая-никакая гласность. Стали издаваться и поступать в свободную продажу книги русских писателей-эмигрантов, а также тех литераторов, кто жил в Советском Союзе, но впоследствии не по своей воле оказался за кордоном.

Геннадий Климов работал грузчиком на мясокомбинате. В привычном режиме, когда привозили туши крупного рогатого скота, он помогал загружать их в холодильные установки. Мясо тогда мы еще потребляли в основном не импортное, а свое, доморощенное. И еще два слова к портрету героя рассказа. Имел Гена при себе свои 25 молодых лет, приятную наружность, хорошо подвешенный язык, прогрессирующую страстишку к вину и большую любовь... к чтению. Читал запоем. И даже можно утверждать, что книги были для него превыше вина.

И вот в России издали книгу эмигранта Г. Климова «Князь мира сего». Речь в ней шла о Советской власти, НКВД и все это под соусом всяческой чертовщины-бесовщины. Чуть ли не на коленях грузчик Климов выпросил почитать эту пользующуюся огромным интересом книгу у одного своего знакомого, обещая прочесть ее за три дня. И данное слово свято выполнял. Читал ее и дома, и на работе — в перерывах. Носил книгу за пазухой под брючным ремнем.

Однажды грузчикам надо было в очередной раз заполнить тушами холодильник. Водитель подал машину задом к леднику. Разгружали кузов вчетвером. На грузчиках были надеты фуфайки, сверху халаты, на ногах — резиновые сапоги. На дворе — почти лето, а в морозильнике — сосульки с инеем. На голове Гены красовалась кроличья шапка, которая имела такой вид, как будто этот кролик издох неделю назад прямо на Гениной голове.

С утра грузчики принялись на грудь по 300 граммов «чернил» для сугреву и рассчитывали на дальнейшее подкрепление. Развешав туши, стали оттягивать мяса и себе. Проще говоря, воровать. Набив мяса под фуфайки и халаты, воры раздулись, как комары-кровососы. И дружной шеренгой потянулись из ледника.

Гена мясом себя не опоясывал. Он был за старшего. Направлял своих поделльников через забор за бартером «мясо-вино». За поясом у него торчала одна лишь книга, и выходил из подвала первым, прикрывая собою идущих следом.

И надо тому случиться — навстречу вора шел главный инженер комбината. Гена щитом попер, привлекая внимание начальства на себя. Те, что были за спиной, успели смыться в сень чахлах дерев, росших вдоль забора.

— Ну что, Климов, опять пьем? — поздоровавшись, спросил главинж. И потянул носом, уловив винный дух.

— Да что вы, Альберт Петрович, — проникновенно отвечал Гена. —

— Если и есть, то самую малость, а причина имеется.

— Какая же это причина? — спросил начальник.

Как уже говорилось, язык у парня был хорошо подвешен. Инженера надо было побыстрее отвлечь от личностей, прянувших в тень забора.

— Сами знаете, что праздник без водки, как паспорт без фотки! — затараторил Гена. Быстрый ум тут же подсказал выход. Грузчика-книгочея понесло: — Эх, Альберт Петрович, раньше слова правдивого нельзя было молвить, преследовали инакомыслящих на всю катушку. А сегодня другие времена настали. Удалось выпустить мне книгу, где я всю правду-матку в глаза режу, несмотря ни на кого. Вот я теперь и распространяю свою книгу, сею, так сказать, разумное и вечное. Ну, вот по этому поводу и приняли понемножку. Вот моя книга.

Климов протянул инженеру книжицу в мягкой обложке. Тот, как бы ошеломленный, принял ее в руки. Он знал, что этот грузчик — парень

непростой, очень много читает. Но, чтобы книгу издать... И тут же из головы инженера вылетела мысль спросить о том, кто это мелькал за спиной Климова минуту назад.

— Г. Климов, — прочитал Альберт Петрович на обложке. — «Князь мира сего». Вот это да! Когда это ты успел?

Гена скромно потупил очи:

— Да, вот, успел!

— Ага, отчество не то напечатано. Не твое, — узрел зоркий инженер.

— Как? Вы и отчество мое знаете? Это инициалы перепутали в издательстве. Только и всего-то.

Совсем обалдевший, сбитый с толку инженер, возвращая книгу, спросил:

— Так ты и книги пишешь?

— А что ж мы, — с достоинством отвечал грузчик. — В лесу, что ли живем? Пишу. Времени свободного много. Не пьянством же одним заниматься.

Инженер пошел, спотыкаясь, будто сам хватил стакан-другой. В голове гудело:

— Черт его знает. Может, и не врет. Перестройка. Сейчас все возможно.

А Гена дождался своих дружков, и они хорошо «обмыли» провернутое дельце. Климов, смеясь, со всеми подробностями, описал им, как охмурил начальство с помощью писателя-однофамильца.

СЕЗОН ОХОТЫ

Открылся сезон охоты, и Виктор пригласил свою любимую подружку Лиду поучаствовать в охоте на кабана. Она с радостью согласилась. И он тоже был очень рад. Оба отлично понимали, с какой они целью собрались ехать в весенний лес. И Виктор даже оружия с собой не взял.

На маленький остров, синий от подснежников, друзья Виктора доставили парочку на лодке. Счастливые любовники забрали свои рюкзаки и складные удочки. Компания с ружьями, двусмысленно улыбаясь, пожелала им удачи и отчалила вдаль по тяжелой мутной полой воде.

А оставшиеся на острове молодые люди, наловив рыбы, развели костер, сварили уху, которая хорошо пошла под коньячок.

Через некоторое время, умиротворенные и немного утомленные, они улеглись на расстеленную поверх лапника плащ-палатку. Далеко-далеко раздавались ружейные выстрелы. И Лида спросила Витьку:

— А если бы ты там был, не жалко ли было бы тебе кабана убивать?

— Чего их жалеть! — отмахнулся парень. — Кабанов на наш век хватит. Давай-ка лучше в картишки перекинемся.

Он достал из рюкзака потертую колоду карт. Увлечшись, они бились где-то с час.

И вот только Лидка размахнулась, чтобы вмазать козырной шестеркой по Витькиному тузу, как тот ощутимо-больно, но незаметно ткнул ее в бок:

— Сиди тихо, — прошипел он, — не шевелись!

Женщина так и замерла с поднятой картой. Глаза ее скозились влево. К ним на полянку вышел кабан. Это был не здоровый заматеревший кабанище-секач, а так себе — весьма средний, упитанный поросенок. Тем не менее, любовники обомлели. Спасаясь от охотников, кабан приплыл

на остров, но и тут оказались люди. По бокам его, покрытых рыжей шерстью, стекала вода. Маленькие глаза пристально глядели на парочку, и Лида чувствовала, что душа ее проваливается куда-то в никуда. Они уставились друг на друга, и, странное дело, Лиду вдруг перестало трясти от страха. В нее вошло ощущение, что она, обменявшись взглядом с загнанным бедным животным, заключила с ним некий союз.

Вдали покрикивали охотники, подплывая все ближе к островку. Лида вообразила, как откроют они перекрестный огонь по кабану, и они с Витькой могут стать случайными жертвами этих выстрелов.

Глаза кабана не отрывались от ее глаз, и ей показалось, что глаза эти человеческие, очень печальные и вызывают в ней какое-то щемящее чувство единения с живым миром.

— Куда вы гоните меня? — будто говорил кабаньих взгляд.

Лида не могла остаться безучастной к судьбе животного. Она была изрядно романтической натурой.

Кабан тронулся с места и, по полукругу обогнув оцепеневших любовников, тихо погрузился в воду и поплыл прочь от острова. Виктор очухался от напавшего столбняка лишь тогда, когда кабана след простыл... Он забегал, замахал руками. Схватил нож, которым чистил рыбу, и подбежал к воде:

— Эх, черт, даже не взял, дурак, ружье. Щас бы пригвоздил кабана.

А в глазах у Лиды все стоял требовательный и грустный взгляд бедного животного, изгоняемого со своей территории. Витька орал, бесновался. Глядя в сторону леса, махал ножом. Лида подошла, отобрала нож и долго, чуть презрительно посмотрела на него.

— И-эх, чертушки! — произнесла она насмешливо и протяжно. — Живодеры!

Александр Александрович Бобров родился в 1944 году на станции Кучино Московской области. Служил в армии в Борисоглебске. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Кандидат филологических наук, член правления Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии, обозреватель газеты «Советская Россия». Автор 28 книг стихотворений, путевой прозы и краеведческих исследований. Лауреат премии имени Дмитрия Кедрина «Зодчий» и премии им. Алексея Фатьянова «Соловьи, соловьи...». Живет в Москве.

Александр Бобров

СЛАВЯНСКИЕ СЛОВА

В АРМЕЙСКУЮ ЮНОСТЬ...

Над рельсами — дымное зарево.
Названья призывно звучат:
Хорошая станция — Заново
В дороге Москва—Волгоград.

Пусть времечко наше жестокое,
Не высохла жажда пути
И есть искушение стойкое —
На станции этой сойти.

Тоска моя — гостья незваная —
Растает сама по себе,
И может быть, что-нибудь заново
Начнется в бродяжьей судьбе.

* * *

Галине Бобровой

Не грешат поэты звездной спесью,
Если ценят память и коллег.
На свиданье с юностью и с песней
Уезжаю я в Борисоглебск.

Снова по проверенным рецептам
Душу уврачует тишина,
А над достопамятным райцентром
Всходит раскаленная луна.

Там, где я не мнил себя поэтом,
Родине служил, а не страдал,
И таким же — очень знойным — летом
Крошечного сына увидал.

Может, в обстановке этой строгой
И под ветровой грядущий свист
Поделится с ним своей дорогой,
Даже специальностью — связист.

Пройдено теперь дорог немало —
Вместе, порознь...
У ж/д узла
Думаю: как здорово, что мама
В армию мне сына привезла.

НАДПИСЬ В ПУТИ

На самом большом перегоне,
Где ели застыли в ряду,
Читается надпись на склоне
Старинная: «Слава Труд!»

Давно ее не подновляли,
Меж плиток пробилась трава,
Но мы-то забудем едва ли,
Как ярко сияли слова.

Россия разграблена насмерть,
Но снова осилит беду,
Когда восстановится надпись
И суть ее — слава Труд!»

СЛАВЯНСКИЕ СЛОВА

Сердце
звучанием слов веселя,
Я вспоминаю вновь:
«Родина» — так по-словацки семья,
«Ласка» — значит, любовь.

В речи славянской,
я понял давно,
Образность — это суть.
Вот по-болгарски: «прозорец» — окно —
Хочется заглянуть.

Россыпь извечных основ и слов
Радует и зовет,
Родственны «часопис» и часослов,
«Хоро» и хоровод.

Узы, которых не развязать,
Милость даруют вновь.
Кстати, по-польски если сказать:
«Милощчъ» — это любовь!

ЧЕТЫРЕ ПОЛЯ

Как символ вечности державы
И днесь, и шесть веков назад
Четыре поля русской славы
В снегах сверкающих лежат

И отражают отблеск славы,
Которая врагам видна
От Прохоровки
                                  до Непрядвы,
От Ворсклы
                                  до Бородина.

Сковали реки
                                  ледоставы,
И кажутся поля — мертвы,
Но в День защитников Державы
Их свет
                                  доходит до Москвы.

ЖИЗНЬ ОТЦА

Я подумал опять на седых берегах Селигера,
Где отец все зовет меня издалека:
Как же мало узнал я о жизни отца-офицера,
Подпоручика Кобринского полка.

Я стеснялся спросить и запутаться в датах,
Безвозвратно казались они далеки:
Галицийские веси, прорыв легендарный в Карпатах
И раненье шрапнелью у горной реки.

В доме список хранился с печатью двуглавой,
Где бои внесены за высоты Карпат,
Но они затмевались недавнею славой,
Той, которой оваян был
                                  старший мой брат —
Героический сын его, павший недавно.
До того и скорбел, и гордился отец,
Что не помнил про орден с отличием — Анна —
Про награду за бой у реки Коропец,
За лихой контрудар от Поповой могилы...

Много шрамов в обычной отцовской судьбе,
Он в российских просторах отыскивал силы,
Чтобы молча сносить все осколки в себе.
Я ведь помню седым его и постаревшим,
Сколько шли по лесам и озерам вдвоем...
Вот он тихо сидит над костром прогоревшим
И как будто не слышит о прошлом своем.

Но без этих боев супротив супостата,
Как ни думай с позиций текущего дня —
Нет ни чести фамильной,
Ни старшего брата,
Ни меня...

ГОЛОСА НАД ОКОПАМИ

В древнем Луцке сказал мне собрат,
Побродивший солдатскими тропами:
«Поезжайте туда, где звучат
Голоса над окопами!»

Это — Цумань и лиственный лес,
Весь покрытый волнами-траншеями,
Где вершилось одно из чудес
С марш-бросками, трофеями.

Здесь Брусилловский начат прорыв,
Упокоены русские воины,
Здесь торжественный слышен мотив
Вперемешку со стонами.

Кладовище и памятный знак
Охраняются честно лесничими,
Но в столицах — покажут кулак
Да со взглядами бычьими.
Все листают события назад
И считаются только с европами...

Над Волынью призывно звучат
Голоса над окопами.

НА РЕКЕ КОРОПЕЦ

Знаю,
бумаги отца перерыв,
Все о тернопольских ратных дорогах.
Здесь продолжался Луцкий прорыв,
Здесь начиналась слава Бобровых.

В Монастырске река Коропец
Тихо считает свои перекаты.

Здесь наступал безусый отец,
Здесь опочили наши солдаты.

Общее кладбище русских могил.
Серые знаки с австрийскими вместе —
Старший мой брат тогда не ходил
По галицийским брамам и весям.

Некогда было — учился, служил,
В небо взлетая как сталинский сокол.
Он по-геройски думал и жил,
Он по-советски верил высоко.

Вот потому-то среди русских равнин
Я проходил по траншеям оплывшим.
Кланяюсь бате: «Я не один!»,
Кланяюсь Коле...

Не отступившим
И не предавшим — слава вовек!
Солнце победы над ними лучилось.
Я пережил их. Падает снег.
Я их продолжил — как получилось...

* * *

Завидую всем коллегам
Из Киева,
где светло:
Майдан засыпает снегом,
Летящим под Рождество.

С извечным восторгом русским
Я слушаю снежный хруст,
И стал горнолыжным спуском
Андреевский славный спуск.

Я, помню, ушел, заплакав,
Увидев как страшный сон,
Что дом, где рожден Булгаков,
Был краскою осквернен.

Как много на свете дурней,
Не ведающих о том,
Что нет ничего культурней,
Чем Гоголь, Вернадский, Патон.
Пустите таких в Европу —
Они ей покажут, блин!

Я выпью в Сочельник стопку
За славу родных равнин,

За то, чтобы вровень с веком
Пройти нам
над злой чертой...

Майдан засыпает снегом —
Славянскую чистотой.

6-7 января 2014 года

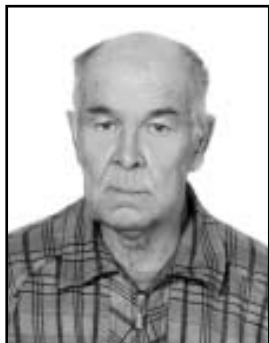
ГОРОД ЮНОСТИ

Много на улицах — неба,
Мало — красивых лиц.
Город Бориса и Глеба,
Крики печальных птиц.

Голые перелески,
Снег с непроглядных высот.
Осень в Борисоглебске —
Первый солдатский год.

Песня жила со мною,
Словно хранитель судьбы.
Я разглядел весною
Девушек и сады.

Добрые слышал вести
И осознал сполна:
Все города и веси —
Это моя страна.

Алексей Алексеевич Кульков родился в 1940 году в городе Борисоглебске. Служил в армии, работал на кирпичном заводе, шофером на строительстве Красного моста в Борисоглебске, в автоколонне. Техник-строитель дорог и мостов. Внештатный корреспондент районной газеты. Живет в Борисоглебске.

Алексей Кульков

УРОК ИЗ ДЕТСТВА

Рассказ

Эта история произошла летом далекого 1953 года. Наступили школьные каникулы. Рассчитывать на пионерский лагерь или отдых в домашних условиях не приходилось. Такая роскошь не подходила для нашей большой многодетной семьи. Не до этого было тогда: отец серьезно болел, а мать от чугунов не отходила, чтобы накормить ораву в двенадцать человек. Словом, выживали, как могли.

Чтобы подработать какую-то копеечку и этим помочь семье, я пристроился в напарники к младшему брату отца, дяде Ване. Небольшого роста, с колючим взглядом и упрямым подбородком, выглядел он шустрым и одновременно смешным.

Воевал при полевом госпитале. В 1944 году списали по болезни. В своем хозяйстве держал корову, на которой возил дрова и сено. Смеялись над ним все уличные. И прозвище получил «Букет». Это за усы, которые стояли торчком. И если он выходил из-за угла, то сначала показывались усы, а потом уже и сам дядя Ваня.

Однажды вечером пришел он к отцу. Я читал книгу и уже примерно догадывался о цели его визита: по-видимому, нашлась работа и явился дядя по мою душу. Разговор начали издавека.

— Ты, Алексей, лежишь вот тут и ничего не знаешь, — обратился дядя Ваня к

отцу. — В городе такое творится. На улицах никого, хоть шаром покати. Все напуганы и лишний раз не высовываются из домов.

— Да, слышал я тут по радио о какой-то «Черной кошке» в Москве. Неужто она и к нам прибежала, — улыбнулся отец.

— Да нет, не кошка. И зря ты усмехаешься. Говорят о каких-то бандах Шачина и Зацепина. Вооружены автоматами и грабят богатых по наводке, днем и ночью.

— А как же ты пришел затемно? Не боишься? — спросил отец, откашляваясь от махорочного дыма.

— А чего им, этим бандитам, с меня взять-то? Разве что усы или, вот, замусоленную гимнастерку? — отвечал дядя.

— Ты, Вань, с чем пришел? — спросил отец брата. — И убери ты свою дымовую завесу. Я и так в германскую нахватался газов. Сам видишь — до сих пор никак не оклемаюсь.

— Виноват, Алексей. С этой шпаной и забыл, что ты болеешь.

Выбросив окурок, дядя сказал:

— А пришел я, чтобы просить у тебя в помощники твоего Алешку. Надо попилить дрова у доктора Белоглазова. Отказать не могу. Он же меня от смерти спас.

Отец бросил взгляд в мою сторону:

— Раз надо — забирай. Ступайте завтра к доктору как можно раньше.

На следующий день лишь только пропели ранние петухи, мы пришли к Белоглазову. Гора дубовых дров была свалена во дворе у раскрытых дверей сарая. Под большим кустом сирени дядя Ваня установил «козлы» для пилки дров и буркнул обычное: «С Богом!»

Работали молча. Пила резала дубки как по маслу.

— Умеет дядя заточить пилу, — думал я. — Как он это делает? Видно, какой-то секрет знает. Мудрый старик, но себе на уме.

Когда немного пригрело, появились мошки и комары. Я отмахивался левой рукой. Заметив это, дядька остановился и сказал:

— Ну, будя. Обчин сделали неплохой. Только вот не нравится мне, как ты все время дергаешься. Совсем они тебя дошкурили. Придется мне закурить натошак.

Он зажег «козью ногу» самосада, и насекомые оставили меня в покое. Отдыхая, я сидел рядом с дядей. Работали мы на пару не один раз. Научились понимать друг друга без слов. Одним словом, сработались.

Заглянул к нам перед уходом на службу хозяин Николай Ефимович Белоглазов. Был он знаменитый и уважаемый в городе доктор. Все старались попасть к нему на прием. Свою многолетнюю врачебную практику совмещал он с народной медициной. Сын Владимир учился на стоматолога. Был молодой человек избалован деньгами и увлекался спиртным.

— Бог в помощь, — сказал доктор. — Ого, уже сколько напилили. Ты, Вань, не забывай мой совет. Тебе надрываться нельзя. Ну, продолжайте не спеша.

— Спасибо, Николай Ефимович, — сказал дядя Ваня. — Мы не спешим, но поторапливаемся.

К вечеру мы закончили. Только две метровые чушки завалились за стоящую у сарая чугунную ванну. Стали их вытаскивать оттуда. Выкинули одну. Я забрался за ванну и стал помогать извлекать вторую. И тут чувствую, что моя нога провалилась в какое-то углубление. Дядька занервничал.

— Чего ты там возишься?

— Да, вот, нога провалилась, — ответил я.

Вытащив ногу, обнаружил небольшую емкость, завернутую в черную бумагу. Когда развернул, увидел медный тазик, в котором все сверкало. Там были золотые кольца, перстни и другие драгоценности. Я, не раздумывая, схватил горсть и собрался сунуть в карман. Но вдруг почувствовал боль в запястье. Мои глаза не могли оторваться от золота. А боль была уже невыносима. Как сквозь сон услышал я тихий голос.

— Брось, Леша. Успокойся и брось!

Я поднял голову, и мы встретились глазами. Надо мной стоял дядя Ваня. Золото сыпалось из ладони в тазик. А я постепенно приходил в себя.

— Сколько силы в его руке, — подумал я. Но проснувшаяся алчность брала свое. Я был весь во власти увиденного богатства.

— Давай, дядь Вань, хоть по шепотке возьмем, — предложил я. — Ведь ты уже десять лет в этой гимнастерке ходишь. И питаешься кое-как. И зубов вон у тебя раз-два и обчелся. А тут вон Бог послал такое сокровище.

— Ты Бога не тронь. А святость свою лучше в делах твори, — сказал дядя. — Чужое это золото. Не нами нажито. Не лезь ты в эту грязь. За всю жизнь не отмоешься.

Пришел Белоглазов. Он остался доволен нашей работой.

— Ну, Вань, вы молодцы! Прямо по-стахановски сработали! Пацана не надорвал? Это чей же будет?

— Брательник выделил своего младшего. Алексеем зовут.

— Будем знакомы, Алеша, — сказал доктор, пожимая мне руку. — Авось, пригожусь когда-нибудь.

Дядя Ваня подошел к Белоглазову и что-то сказал на ухо. Они отошли в сторону и очень тихо говорили. Но до меня долетали фразы:

— Ты, Николай Ефимович, прости. Так получилось. Застряли две чушки и пришлось их вытаскивать. Наткнулись на этот тазик. Мы ничего не взяли. Да и как можно взять у тебя. Ты меня вылечил. И больного брата навещаешь.

— Ну, хватит, Вань, не оправдывайся. Я знаю, что ты не польстишься на такое. А вот пацану внуши, чтобы язык за зубами держал. Сам знаешь, что творится в городе. А за работу на вот — держи.

Доктор протянул дяде внушительную стопку денег. Они еще долго о чем-то говорили. А я, как побитый, смотрел безразлично на потухшую синеву сирени. На душе было пусто. Заметив дядин кивок, я встал. Ватные ноги не слушались. И на его вопрос, что случилось, промямлил сухо:

— Устал.

А в мыслях было совсем другое: недавно прочитанные рассказы Джека Лондона про золотоискателей. С таким трудом там добывали золотой песок. Грабили и убивали. А тут вот оно — готовое сокровище.

Дома дядька выложил на стол все деньги и сказал отцу:

— Давай, Алексей. Дели по-братски. Неплохо мы потрудились сегодня.

— Откуда такая манность? — удивился отец. — Тут в пять раз больше положенного.

— Ну, тогда слушай и убери всех из дома, кроме него, — кивнул он в мою сторону.

Выслушав историю с тазиком, отец расправил усы и сказал:

— Да, тяжело ему. Выходит, он между двух огней: от власти грозит 58-я статья, а если бандюги пронюхают — еще хуже будет. И ночи небось не спит.

Когда дядя Ваня уходил от нас, я стоял у окна и взглядом провожал его. Он шел с гордо поднятой головой. Под мышкой завернутая в полотно пила. Я смотрел ему в след с выражением какой-то прибитости и обиды. В мыслях снова и снова пролетали события минувшего дня. В голове шумело. И только когда дядина фигура исчезла за калиткой, все разом как-то рухнуло и затихло. Стало на свои места.

И мне стало легко. Возможно, потому, что начиналась другая жизнь: кончилось детство, и все розовые иллюзии относительно золота и богатства исчезли вообще.

Прошло много-много лет. Белоглазов вскоре умер. От сердечного приступа. Его сын Владимир женился и оставшееся от отца золото спустил на развлечения. Ходили слухи, что жена ему изменяла и «помогла» уйти в небытие. А потом и сама ушла.

Дядя Ваня до глубокой старости трудился в поте лица, соблюдал святость в делах своих. Добрую память оставил он о себе своим родственникам и знакомым. А мне он дал хороший урок честности и чести — сокровище, которое храню в себе всю свою жизнь.

Владимир Федорович Чаплыгин родился в 1938 году в хуторе Шкурлат Павловского района Воронежской области. Окончил Павловское педагогическое училище физического воспитания, исторический факультет Воронежского государственного педагогического института. Служил в Кремлевском полку. Работал инструктором райкома ВЛКСМ, учителем, директором средней школы. Почетный гражданин села Макащевка Борисоглебского района Воронежской области.

Владимир Чаплыгин

ВОВКИНА ЭВАКУАЦИЯ

Рассказ

Летом 1942 года Вовке шел четвертый год жизни. И сколько он помнил себя — шла война. Отец был на фронте, его черты всплывали в памяти очень смутно. Дед с матерью говорили о нем нечасто и как-то осторожно, будто боялись накликать чего плохого.

В небольшом степном хуторе было тревожно. Немец подошел к Дону, и ветер доносил иногда раскаты артиллерийского грома. В доме останавливались на постой солдаты. Рано утром на поле за хутором начинались учения. К обеду усталые, пропотевшие бойцы приходили на короткий отдых и снова уходили до вечера. А Вовка убежал к друзьям. Их игрушками были патроны, снарядные гильзы, противогазы и всякая солдатская «бижутерия». Ребята были на «ты» с военной техникой, оружием. Одного боялся Вовка — автомата. Молодой лейтенант ставил его в угол за дверь в переднюю комнату. Этот короткий толстый страшила паялился оттуда на Вовку черными дырками. Если была нужда пройти мимо — малыш отворачивался, зажмуривался, обходил его на цыпочках и сразу срывался на бег.

Был у Вовки друг — молодой солдат Николай. Озорной парень, садясь обе-

дать, подмигивал мальчонке: «И-ех, хватъ-мать ложечек сот пять и пошел гулять». За этим следовала дробь ложки по котелку, сопенье, всхлипы и чмоканье. Через минуту облизанная ложка убиралась за голенище. Николай, поглаживая живот, вставал, потягивался: «Ну не знаю, как я, а Вовка наелся». Подбегал, хватал малыша на руки, подбрасывал, усаживал на колени, тормошил, щекотал. Друзья пели песни, дурачились. Пожилые солдаты смотрели на них с улыбкой и доброй грустью.

Однажды в такую минуту раздался страшный грохот, зазвенели стекла кухонного окошка. Солдаты сыпанули к печи и попадали на пол. Вовка мигом оказался в самой середине. Встав на колени, он упорно пытался подsunуть голову под живот какого-то бойца. Скоро солдаты стали вставать, смущенно отряхиваться. Николай поднял Вовку: «Ну, боец! Ну, герой! Запомни, Вовка, солдатское правило: в доме от бомбы спасенье под печкой. Но, — пытаюсь казаться серьезным, почесал за ухом, — если фашист увидел твою пухлую «зенитку», сюда он больше не прилетит. Это точно». Однако бомбежки стали повторяться, и скоро Вовка услышал новое слово — эвакуация.

На семью колхоз выделил телегу и пару волов. Мать с дедом уложили сундук, продукты, нехитрые пожитки и тронулись в путь. Медленно и долго добирались до села Семеновка. Хозяева большого дома отвели беженцам комнату с отдельным входом. Вместе сложили небольшую печурку.

Кончилось лето, прошла осень, наступили холода. Дед трудился в колхозе. Кузнец, плотник, мастер на все руки — он был нужен везде. Мать тоже работала, да еще помогала хозяевам, хлопотала по дому. Вовка путался у нее под ногами. Иногда робко высовывал нос в морозную стужу и тут же бежал к печке.

Однажды дед вернулся рано. Распахнув дверь, он встал на пороге в облаке пара. Шапка, борода, воротник шубы — все в инее, а черные, всегда суровые глаза сияют и ликуют: «Ольга! Радость какая! Наши немцев погнажи! Скоро и мы домой». Мать вскочила, как-то неловко стала дергать на шее платок. Потом бросилась к деду, прижалась к нему и разрыдалась. «Ой, папаша, это ж и Федя... скоро... вернется». Не любил Вовка, когда плакала мать. У него где-то внутри становилось кисло и грустно. А дед с притворной суровостью слегка оттолкнул ее: «Ну, будя. Не все сразу. А вот сани надо готовить. Телегу-то придется тут бросать».

На другой день мать собралась домой. Вела с собой корову. Спешила, чтобы сохранить скудные запасы еды, что еще оставались в погребе и в доме. Вовка ныл, цеплялся за подол мамкиной юбки, просился с нею. Но мать глянула на него какими-то замученными глазами, шлепнула по попке, наказала деду потеплее одевать внука и, часто оглядываясь, повела свою кормилицу по раскатанной до блеска зимней дороге.

Пока дед собирал из всякого хлама сани, погода испортилась. Жгучие морозы не ослабевали и днем, а тут понесла пурга. Дед кряхтел, глядя в окно: «Надо ехать. Эта завируха еще недели на две!»

И вот поутру он запряг волов, уложил в сани пожитки и вместе с хозяином установил тяжеленный сундук, к которому, для верности, крепко привязали тепло укутанного Вовку. Попрощавшись, тронулись в путь. Мальчику было тепло и хорошо. Он ехал к маме. В щель между складками шали смотрел Вовка в беснующуюся круговерть. Сухой снег жестко

бился о дедов тулуп. Дед поворачивался, бурчал: «Дороги нету. Хорошо, военные вешки расставили». Два раза ночевали в селах, у добрых людей. Утром третьего дня, привязывая внука, дед улыбнулся и прогудел в бороду: «Ну, Володя, даст Бог, нонче будем дома».

...Волы медленно тянули сани по крутому краю балки, когда навстречу выскочил парнишка в санях. Он лихо гнал лошадь и забирал вправо, выше по косогору, чтобы разминуться. Дед закричал, замахал руками, но было поздно. Сани подростка на продудой ветром голызине понесло под уклон, и они с треском врезались во встречные. Утлые, собранные из ничего копылья дедовых саней сломались. Огромный сундук вместе с Вовкой вывалился в снег и стал на торец. Висеть боком было неудобно, но интересно. Мальчик смотрел на ставшую ребром дорогу и бегущего по ней испуганного деда. Сундук плавно валился на Вовку. Дед подпер его плечом и выровнял. Трясущимися руками стал распутывать длинную веревку: «Володя, внучек, как ты? Вот, старый пень, чуть не угробил мальчика». Поднял на руки, отвел от лица шаль и стал целовать Вовку, щекоча густой бородой. Это была редкая ласка. Ни до этого, ни после он себе такого не позволял.

Кряхтя, начал дед кое-как связывать развалившиеся сани, перекладывать доски. Ничем не скрепленные полозья без конца разъезжались. Груз падал в снег. Через каждый десяток метров дед останавливал волов, ссаживал внука и начинал все сначала.

Спускался вечер. Куда девался Вовкин уют! Холод пробирался все дальше по телу. Он тихонько скулил. На щеках намерзали слезы. Наконец малыш уткнулся носом в какой-то узел и уснул. И не слышал он, как сани вползли в соседнее село. Дед внес вялого, полусонного внука в теплую хату. Полная хохлушка в клетчатом переднике приняла его в мягкие руки, и Вовке стало хорошо, как в руках мамы. Она растерла его, напоила горячим отваром. Дед успокоился, потоптался у порога: «Яковлевна, ехать мне надо. Сани отремонтировать. Завтра за внуком приеду. Тут всего-то пять верст. Куды его сейчас-то?» — «Шо говорить, Тимофей Иванович, хай остается. Хлопцю спать треба». Дед уехал. Женщина уложила Вовку на высокую кровать. Прямо над ним на коврик с лебедями висели кавалерийские пашки, в углу прислонены винтовки. Автомата не видно. Вовка успокоился и заснул. И снился ему луг в цветах, а на нем мама. Высокая и красивая, она смеялась и тянула к Вовке родные руки.

...Проснулся он от топота и громких голосов. В дом ввалились вернувшиеся с учения бойцы. Усатый сержант, потирая красные руки, подошел к хозяйке: «Чайку бы нам, а?» Та что-то шепнула, и все притихли. Молча расселись за столом. Молодой солдат достал из «сидора» три банки «второго фронта» — американской тушенки, хозяйка принесла отварной картошки, накололи сахару. У Вовки клубом пошла слюна. Усатый взял со стола копилку и подошел к кровати: «Э, да он не спит! Вставай, сынок, с нами чай пить». Вовка резво вскочил и залез к нему на колени. Солдаты баловали детей. Начались угощения, расспросы: «Какую сказку знаешь? Спой что-нибудь». И это было привычно, хорошо и радостно.

...Пир был в разгаре, когда с шумом отворилась дверь и на пороге появилась мать, расхристанная, со слезами на воспаленных от холода щеках: «Сыночек! Как же ты один... у чужих людей. Дед... бросил». Кинулась к Вовке, прижала его к стылой фуфайке и разрыдалась. У Вовки

запершило в горле и что-то опустилось в животе. Все кинулись ее успокаивать, а она суматошит: «Ой, скорее собирайся. Домой. Я и печь вытопила». А сама ищет его одежду, кутает, хватает на руки. Хозяйка всплеснула руками: «Та куда же вы такую ничь та в стужу! Та побудьте до ранку. Зо мною в затулки ляжете. А в ранци и до хаты». — «Нет. Домой, домой», — лихорадочно повторяет мать и все прижимает к себе сына. Пошла. Остановилась. Повернулась к хозяйке: «Спасибо, добрая душа. Дай тебе Бог здоровья за сугрев моей кровиночки». Обняла, поцеловала и уже спокойно вышла в ночь.

Вовка возвращался из эвакуации.

**Иван Константинович
Николюкин (1936—2004)**
родился в селе Краснофлотское Старокришанского района Воронежской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор 16 книг стихотворений, среди которых «Начало полета», «Сенокос», «Окно матери», «Любовь и ненависть не прячу», «Россия начинается с избы». Жил в Москве, Борисоглебске, некоторое время в поселке 2-я Вережка Таловского района Воронежской области.

Иван Николюкин

Я ПРИДУ К ТЕБЕ МАЛЬЧИКОМ С ПОЛЯ

СКРИП ДЕРЕВА

Вы слышали в полуночном лесу
Скрип дерева,
Когда не светят звезды?
Тревожный шум
Блуждает где-то в кронах
При легком дуновенье ветерка,
И музыка сбегает по стволам
И вглубь уходит по сырым кореньям.
И это дерево
Одно в лесу скрипит.
Его и днем найти не так-то просто,
Оно как будто прячется,
Как будто
Печаль свою считает за порок,
То дерево, которое скрипит
В лесу, однако, без труда найдете.
Под ним немного выше будут травы,
Длиннее ветки с тех сторон деревьев,
Которые обращены к нему.
Еще одна надежная примета:
Под ним у зверя вырастают уши.
Ни травам, ни деревьям, ни зверям
Его секрет постигнуть не дано.
Тот звук рождают высохшие корни
И гонят наверх по стволу,
Где сучья
Загробные мелодии поют...
Я эти строки написал в лесу
Под деревом, которое скрипит.

БЫВАЕТ МИГ

Бывает редкий миг прозренья:
Ты ощутишь вдруг наперед,
Неумолимым повтореньем,
Что было — вновь произойдет.
Иль сердце радостно сожмется,
Иль страхом остановит кровь.
И что-то эхом отзовется,
И повторится что-то вновь.
Боюсь... и жду секунды эти:
Как будто снится наяву.
Что я не первый раз на свете
И не последний раз живу.

РОЗЫ НА СНЕГУ

Три алые розы на первом снегу
У края лежат тротуара.
Их кто-то швырнул на ходу,
На бегу,
Три искры ночного пожара,
А утро вставало белей молока,
И к городу жались морозы,
Но снег не прожгли до асфальта пока
Те искры, прекрасные розы.
Пусть рухнули чьей-то
Надежды мосты,
Пожаром вселенским объаты,
Но эти, таящие радость, цветы,
Да чем же они виноваты...

БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье лето. То мороз, то ливень,
То рванет внезапно ураган,
То теплом раскинется ленивым,
Ластится тропинками к ногам.
На день предскажи его хотя бы,
Это лето. Коротко оно.
Ждем ее и любим эту бабу,
Но понять ее не суждено.
Остается вечною загадкой
Дама, всем прогнозам вопреки.
Никогда вам путь не будет гладким,
Под ноги смотрите,
Мужики.

У МОГИЛЫ КОЛЬЦОВА

Опадает листва
На могилу Кольцова.
Умирают слова
И рождаются снова.
По осенней поре
Здесь глубокий покой.
Кто-то к жесткой коре
Прислонился щекой.
И угрюмо шумит
Песней старою дуб,
На суровый гранит
Осыпая свой чуб.
Опадает листва
И рождается снова.
Остаются слова
Алексея Кольцова.

Мне чудится далекое,
Мне слышится мотив,
А в нем тоска глубокая
Степных ветров и нив...
Светило это солнышко
Над ним не для него ль?
Так горько пел соловушка.
Такая в песнях боль...

ОКНО МАТЕРИ

Вечером,
Когда загораются
Тысячи огней
В тысячах окон
Этого большого города,
Я вспоминаю
Маленькое окно
Под соломенной крышей.
Оно светилось дольше всех
Потому,
Что я поздно домой
Возвращался с работы.
Вечером
Тысячи горящих окон
Сливаются в одно.
Мама,
Почему ты не спишь
По ночам?
Будь спокойна,
Со мной ничего не случится.
Сегодня во сне
Я приду к тебе мальчиком с поля.
Помнишь?

Виктор Викторович Будаков родился в 1940 году в селе Нижний Карабут Россошанского района. Окончил историко-филологический факультет Воронежского государственного педагогического института. Прозаик, поэт, эссеист. Лауреат литературных премий им. И.А. Бунина, им. А.Т. Твардовского, им. Ф.И. Тютчева «Русский путь». Основатель и редактор книжной серии «Отчий край». Почетный профессор Воронежского государственного педагогического университета. Заслуженный работник культуры РФ. Автор 25 книг прозы и поэзии. Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Виктор Будаков

ЛЕТОПИСЕЦ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ

*Документальная повесть
о Владимире Кораблинове*

Часть первая

ОСТРОВА ПЕРЕЖИТОГО

Ночь. Между тем поразительной ясностью на стене серого четырехэтажного дома виднелась мемориальная доска, сплошь в трещинах, узористо превращавших ее в подобие наскальной росписи, не мешавшей, правда, читать. Большой текст, выпадая из привычного жанра мемориальных досок, гласил:

«Его жизнь охватывает почти весь двадцатый век. Родился и вырос близ Воронежа, в селе Углынец, в уголке лесном, заповедном. В отрочестве учился во Второй городской гимназии, в которой директорствовал писатель и просветитель Недетовский (Забытый), незаурядный деятель отечественных литературы и образования, известный в девятнадцатом веке и действительно забытый в более позднее время. Искусству живописи обучался у даровитого художника Бучкури и сам рисовал отменно. Встречался с поэтом Маяковским, и тот в журнале «Новый Леф» опубликовал его поэму о декабристах. В Москве находил угол и поддержку у писателя-земляка Платонова, тогда уже обретшего признание своими «Епифанскими шлюзами». Встречался с

* Журнальный вариант

Воронским, Пильняком, Завадовским. Поэтично рассказал о приметных вехах Воронежа — его начальных устройствах и восстаниях, Петровском корабельном строении, Гражданской войне на землях Воронежской губернии, Великой Отечественной войне среди руин воронежских. Он рассказал о знатных, славных воронежцах — духовном пастыре, историке Болховитинове, народных поэтах Кольцове и Никитине, артисте цирка Дурове, художнике Бучкури. Он был очевидцем заката русской монархии и заката Советской власти»...

Я проснулся с тягостным чувством и, все еще не избавясь от нетипичного «мемориального» текста, тут же вспомнил глубоко выгравированные на красногранитном брусе слова, доподлинно существующие на доме номер шестнадцать по улице Комиссаржевской, можно сказать, в центре Воронежа: «Здесь с 1960 по 1989 годы жил писатель Владимир Александрович Кораблинов».

Было неприятно, пусть и во сне, увидеть мемориальную доску в трещинах и словно изготовившуюся сорваться со стены и разлететься на острые осколки. Неприятно было подумать, что и настоящая доска полузакрыта, словно полусрезана громоздким железным пилоном телефонной распределительной коробки; за верхом железного ящика фамилия — невидимая, как и рассказанное мне Владимиром Александровичем о своей жизни — неопубликованное: тетради с записями долгие годы дожидались своего часа.

Сколько лет миновало, как была установлена мемориальная доска, а еще в более дальние года уходила кончина писателя, когда, стоя у разверстой могилы, я звал всех не забывать ни его слова, ни его самого.

И вот тетрадные записи со страницами его жизни лежали-покоились в красной папке, и не было разумной причины держать их «взаперти» далее: пусть в малой мере, но в них проявлялся образ Кораблинова — человека и литератора.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Был чистый осенний день 1969 года, когда мы, два младокоммунарца — Толя Костин, фотокорреспондент, и я, литсотрудник, занимавшийся в газете вопросами военно-патриотического воспитания, культуры, охраны исторических памятников и природы, — в саду Дворца железнодорожников (имени Карла Маркса) встретились с Владимиром Александровичем Кораблиновым.

Шли кольцовские празднества, местные газеты щедро освещали их; мы выбрали бесприоритетный жанр — беседа с автором «Жизни Кольцова», романа, усеченное содержание которого послужило также основой для сценариев пьесы и фильма о народном поэте. До того я встречался со многими весьма приметными воронежцами, но с Владимиром Александровичем это была первая встреча. Он оказался прост и душевен в общении, говорил неторопливо, естественно и весомо.

Беседа наша — я расспрашивал о том, как создавался роман, — длилась довольно долго. Под занавес встречи мы разговорились и о тех, кто так или иначе помог Кольцову в его поэтическом становлении и восхождении, — о Серебрянском, Станкевиче, Пушкине, Жуковском, Белинском. Пушкин дал новое направление разговору, в котором звучно всплыли имена декабристов, породненных с воронежской землей, черноземным краем, Доном.

РОДНИКИ, КОРНИ, РОСТКИ

В «Жизни Кольцова» и «Алых всадниках», которые я прочитал в одно время, вскоре после знакомства с Владимиром Александровичем, немало строк, посвященных Дону, родной моей воронежской земле от Задонска до Богучара. Может, и потому еще страницы произведений Кораблинова мне стали близки — и

Владимир Александрович Кораблинов

географически, и душевно, и творчески-художественно. Было, правда, при чтении иных страниц некое неявное, подсознательное несогласие — в описании быта старой России, в обрисовке иных характеров моих земляков — участников крестьянского восстания против большевистской продразверстки на юге области. Но страницы с пейзажами родной природы, пленительные образы разновременной раздольной степи, холмистых, в перелесках, далей, Дона-батюшки были и прочитаны и перечитаны, возвращая меня на родину детства. А она, земля, на которой взрастал, воспринималась мной как неповторимо прекрасная.

Седва освоившего первые шаги раннего детства исходил я родной Нижний Карабут, рано взошел на придонские меловые кряжи-кручи, откуда даль открывалась всеисторическая. Я видел излученный Дон и величаво-недвижное Стародонье, волнохолмистые поля, правобережные, левобережные слободы, вдалеке угадывался когда-то уездный городок Павловск. Постарше я думал о великих переправах через Дон, о хазарских, половецких, казачьих и иных заселениях донских бере-

гов; о Петре Первом, неугомонно занесшем себя в эти места; о святителях Митрофане Воронежском и Тихоне Задонском; о духовном пастыре и историке Болховитинове; о народных поэтах Кольцове и Никитине...

И все время хотелось запечатлеть родное в краске и слове.

А с юности в мою жизнь неотменимо вошел Воронеж. От пединститута, где выпало провести в учении пять студенческих лет, я спускался узкими улочками к Терновому кладбищу, часами бродил воронежским подугорьем, и остовы Алексиево-Акатова монастыря, Введенского храма, Успенской церкви ощутимой тяжестью давили сердце, словно за ними угадывалась еще одна Россия, не идущая, а ушедшая и недостижимая.

Об увиденном — неприкаянной Тихвино-Онуфриевской церкви, столь же отшибном, но тогда еще заселенном Гарденинском доме или о епархиальном здании, приспособленном под фабричный корпус, — я рассказывал Владимиру Александровичу, не только делясь грустными впечатлениями, но и всякий раз вызывая из его ответного рассказа что-то новое.

Встречи с Владимиром Александровичем становились все чаще. Беседы о «Молодом коммунаре», о творчестве, беседы о Воронеже (я, сызмальства любивший крестьянский, сельский мир, его горизонты и дали, так случилось, без неприязненного «почвеннического» чувства воспринял тогда еще далеко не железобетонный Воронеж, богатый преданиями, причерными логами и заречными лугами). Город мне стал дорог, как частица моей расширяющейся великой Родины. Видимо, сходное чувство, разве что более сильное, жило и в писателе. Его родное недалекое от

Воронежа село Углянец и сам Воронеж соединялись дорогами корабельного строения еще с конца семнадцатого века.

В воспоминаниях Кораблинова для меня (а значит, и для моих сверстников) было столько неизвестного — событий, имен, российских и воронежских сцен, штрихов, что при любом приемлемом случае все настойчивее я просил его положить рассказываемое на бумагу. Через несколько лет это рассказываемое частично и легло в «Азорские острова». Рождались будущие страницы на моих глазах. Скажем, «Корни» — одну из глав будущей книги — я редактировал, вернее, безостановочно, бесправочно и с удовольствием читал, когда готовил к печати краеведческий сборник «Собеседник».

А через несколько лет на книге воспоминаний «Азорские острова» Владимир Александрович надписал: «Виктору Будакову как младшему брату моему. 15 мая 1977 года». Видимо, токи духовной, территориальной, народной близости проби-вали явственно, сильно, коль я ему с первых встреч чем-то был занятен, интере-сен, хотя, с нашей разницей в треть века, годился в поздние сыновья.

Название «Азорские острова», сказать по правде, мне казалось неорганичным и несколько выпяренным для повествования, автор которого жил образами и ве-ками малой родины, ее звучных старинных имен и названий. На мое замечание Владимир Александрович ответил, что у него был начальный вариант — «Луко-морье», но с таким названием уже где-то и какая-то книга существует. И добавил, что, в сущности, все на свете так или иначе повторяется. К этому мы больше не возвращались. Думаю, что заморским, экзотическим названием Владимир Алек-сандрович отдавал дань благодарности Маяковскому, которому остался верен всю жизнь и у которого есть известная мысль-строка: «Вот и жизнь проходит, // Как прошли Азорские // Острова».

«Архив личной памяти» дополнялся страницами о встречах с Платоновым в Москве, опубликованными вне «Азорских островов» А дальше? Мне Владимир Александрович сказал, что больше ни о чем вспоминать не хочет и не станет гото-вить книгу «невспомянутых воспоминаний».

Иное я уже знал не в подробных чертах. Не знал, как подступиться, чтоб он все-таки продолжил. Тогда я робко попросил его пересказать мне недописанные времена и картины его жизни: столько в ней — и от собственной судьбы, и от судь-бы страны! Хотя бы наиболее памятные вехи, или, обращаясь к «островному» на-званию книги, недосказанные в ней острова пережитого.

Он махнул рукой:

— Кому это нужно? Там, в Сибири, там, на северах, кто скажет, какая часть деятельной русской силы пребывала в заточении, в болотах, на таежных делян-ках, под прицелами конвойных дул! — Помолчал. — Слишком велика была на-родная беда, чтобы себя в эту строку вписывать. — Снова замолчал и молчал долъ-ше прежнего. — Но... если считаете, что какой-то смысл в этом есть, я вам за чаем расскажу из того, что вспомнится.

РАССКАЗ ПИСАТЕЛЯ: ВО ВСЕ СТОРОНЫ — РУССКОЕ ДВИЖЕНИЕ...

1

Люблю стариковское занятие: чай. До сорока лет питал к нему отвращение, всякий раз отворачивался. Водочки бы — да! А то чай — отравы китайская, индий-ская или же русская, грузинская... все одно.

С чего же начать? С начала? С конца? Может, с середины. Когда-то делал ли-тобработку сказок Корольковой, и тоже — с чего начать? Сказительница: «С зав-

трака, — говорит, — на завтрак лепешки подгорелые. Так лучше начать с подгорелых. Тогда остальные за мед пойдут».

Наверное, и здесь начну с подгорелого. Вернее, с горького.

Апрель 1931 года. Я работаю художником в книжном издательстве «Коммуна», на главной улице города (позже книгоиздательство располагалось на Мясной площади, переименованной в Советскую, а после войны — на улице Орджоникидзе, позже — на улице Цюрупы, наконец, на Московском проспекте). Рисую, оформляю книги, пишу стихи. Сочинил о глухом музыканте Бетховене, который ничего не слышит, но чувствует и понимает все звуки мира. Особенно звуки бед человеческих. Мне же до бед собственных, кажется, еще так далеко. Кажется, что они вообще меня минуют. Я молод, силен, мне двадцать пять лет, всего четвертушка века.

Издательский угол располагается на третьем этаже редакции «Коммуны», позже его почему-то «понизят» — опустят в подвал. Издательство, помнится, укладывалось в три комнатки. Со мною — незаурядный рисовальщик, издательский художник Анатолий Валентинович Брюн (было откуда его художественному дару взяться: двое дядей — известнейшие в мире искусства Лансере и Бенуа, родственница — также замечательная художница Серебрякова); Брюн — длинный, тощий, а я — коротенький, округлый. Со стороны — Пат и Паташон, комические актеры кино двадцатых; еще в нашей комнатенке — издательский бухгалтер. Последний ничем не интересовался, кроме футбола. Впрочем, и никто из сидящих в комнате не касался текущей жизни — времена наступали такие...

Директорствовал тогда Алексеев, от базедовой болезни с глазами постоянно удивленными, человек, вечно влипавший в истории (то идет поздравлять туда, где день скорби, то вдруг прыгает с гидросамолета, уже набравшего высоту, то в жаркий солнечный день под распахистым зонтиком пройдет по главной улице). Между тем умудрился написать «Историю гражданской войны в ЦЧО». Но главное: при дворе все-ильного областного партийного секретаря Варейкиса и его друга, редактора газеты «Коммуна» Швера — был он чем-то вроде шута у вельмож. Гулко падавшие шары извлекал из-под бильярдного стола, уместными байками потчевал партийных бояр, словом, был на подхвате. Всюду следовал за ними, и в Сталинград — тоже, да вскоре после того по всей варейкисовской бригаде и прошла коса острая. Впрочем, уберечься и в Воронеже было мудрено. Сколько тогда только в воронежской издательской среде лишились не просто директорского кресла, но и самой жизни, — Баев, Темников, Мандрыкин, Комаров. А иные лишь отделались испугом. А насчет кресла... Воспоследовавший им Листров выбросил директорски-усадебное кресло, поставил обыкновенное и до недавних лет вполне без страха просидел, правда, со временем перейдя в начальники областной цензуры, да, собственно, одна бахча. Книжная. Охранная.

Это случилось 28 апреля тридцать первого года. У моей сестры Лены, чаще называвшейся в семье Лелей, на три года старше меня, под вечер собрались гости. Наша семья жила тогда в слободе Троицкая, неподалеку от железнодорожного переезда, снимала часть дома — всему городу тогда известного магазина Редькина, торговца-бакалейщика. Квартировалась семья еще с той поры, как в двадцать девятом в родном селе был арестован мой отец-священник, а затем вскоре и выпущен под наказ волостного милиционера: «Валяй-ка, святой отец, из Углянца. Слишком здесь приметен. Может, в Воронеже затеряешься...»

Муж моей сестры — вышеназванный Брюн, потомок когда-то чем-то знатных французов, основательно обрусевших и на русской службе вполне преуспевших. Отец моего сотоварища и родственника де Сент Ипполит Брюн возглавлял до революции департамент полиции, одно время, кажется, был генерал-губернатором Царства Польского. Позже, в тюрьме, мне попалась на глаза брошюрка, из коей явствовало, что Керенский находился под негласным надзором полиции. В брошюре давалось предписание директора департамента полиции о наблюдении за

присяжным поверенным, как позже открылось во всей красе, господином смутным, пустым, никуда не нужным, кроме как для революционных подмогков.

Застолье выдалось добротное, много было выпито беленькой, с сургучной на-шлепкой «рыковки», пусть и тридцатью градусами, но забиравшей неплохо. Называлась она, лихо пошедшая с 1923 года, когда в Советской России был отменен сухой закон, по имени Предсовнаркома Алексея Ивановича Рыкова.

К полуночи застолье завершилось. Гости разошлись. Остались отец мой Александр Яковлевич, мать Марья Михайловна, да еще мой приятель двадцатилетний Ханаан Копелиович. Погибнет он вскоре после войны, будучи фотокором областной газеты, разобьется на редакционном самолете «Коммуны» на воронежской луговой пойме меж правым и левым берегами; на стук же испугался так, словно погибель явилась именно в эти треклятые четыре утра — в виде вошедших троих в штатской черной одежде, у одного из-под чуть распахнутого пальто невинно и жестко проглянули малиновые петлички. Но Копелиовича тут же попросили не задерживаться в гостях и пожелали поскорее оказаться дома. Меня же пригласили с собой. Мать заплакала, отец молчал. Мать сказала, чтоб я взял с собой подушку. Я недоуменно спросил: зачем? Один из троих улыбнулся: «Все-таки возьмите, мать худого не присоветует».

За углом нас ждала легковая машина, вроде «Эмки» — неуклюжая, черепа-шьи-приземистая, темная, как ночь.

Ехали недолго. Остановились у двухэтажного здания в глухом Покровском пе-реулке (ныне улица Дзержинского). Ворота железные. На втором этаже окна замазаны, как в бане. Изнутри решетки. Туннельный проход, маленький дворик, на первом этаже меня обыскивают, изымают пачку сигарет и перочинный нож, сдергивают шнурки с ботинок. Затем немотствующий человек повел на второй этаж. В ряд тянулись безглазые скучные двери. Звякнул, а мне показалось — низ-вергающе загредел дверной ключ. (Самое страшное в тюрьме — стук, звон, гро-мышанье открываемо-закрываемых дверей в неурочное время.) Я переступил че-рез порог. Бледные лица воззрились на меня. Вскоре выяснилось — попал в «краеведческую камеру» внутренней тюрьмы ОГПУ.

Правда, ближе к двери обрелись вовсе не краеведы. Не «заключенческое» настроение буквально в первые часы дал мне сын бывшего городского головы, зат-ридцатилетний здоровяк, неунывник, балагур, скоро погрузивший сокамерников в атмосферу своих многочисленных любовных приключений, так что могло пока-заться, что находишься не в весьма аскетическом помещении, а в преддверии султанского гарема. Напротив, в лежачей позе конца, молчал замначальника об-ластной связи, полненький мужчина лет сорока пяти, придавленный такой тос-кою, словно из этой камеры ему уже никогда не выйти.

Еще двое сокамерников — воронежские знаменитости, во всяком случае, мест-ному краеведческому миру имена известные. И тоже — противоположности друг другу по умению молчать или быть словоохотливым. Введенский, недавний заве-дующий библиотекой Воронежского государственного университета, сухощаво-кащеистый, лет за шестьдесят, краевед из дотошных, вглядчиво-придирчивых, чиновный ворчун, нуда, мог враз испортить настроение такого рода предсказан-ицем: еще недельки две, да и в Сибирь. Только не доvezут. Поезд на Урале сойдет с рельсов и все погибнут: и охраняемые, и охранники.

Путинцев, основатель литературного музея Черноземного края имени И.С. Никитина, добрейшей, улыбчивой души был человек. Скромный, седенький, ничтожная бороденка, весь истрепанный, вид дьячковский, а не профессорский. Мы знавали друг друга еще до ареста, по издательству, он в раннемолодые годы совершил, как и я, путешествие по Волге. Только — намного раньше меня, в на-чале века, когда еще жива память была о скитах Комаровском да Оленьевском; он записывал сказки, преданья, песни, рассказывал про Бахаря-бакенщика, кото-

рый был буквально начинен байками, поговорками, прибаутками. Без прибауток, вроде «слышен звон лоханцов, он не хуже бубенцов», профессор-народознавец не обходился и в тюремной камере.

Путинцев часами мог рассказывать о Кольцове и Никитине, об их любовях. Он собирался писать о них, и даже рассказывал, как начнет повесть о Никитине — семинаристы в Архиерейской роще играют в лапту, а над рощей великая гроза затевается.

Все четверо в камере обвинялись по одной статье — 58. Пункт 10 — агитация, пункт 11 — организация. Мне сначала вменяли в вину оба пункта, затем ограничились десятым. Внутренняя тюрьма ОГПУ — ну что за милое заведенье, славно-зданье: узкий фасад, этажи выложены декоративной плиткой, напротив — областное управление ГПУ. А и десяти лет не прошло, как я бывал в этом уголке города каждодневно: неподалеку располагались художественные мастерские Бучкури. Двухэтажный дом-тюрьма (экие изгибы жизни!) после войны был передан детям, в нем и поныне располагается детский садик.

Большая тюрьма у Заставы, куда меня месяца через два перевезли из внутренней тюрьмы ОГПУ, даже в войну ни одного кирпичного угла не потеряла, в ней и по сие время грешные сидельцы свои сроки отбывают.

В общей камере, рассчитанной на десять человек, нас вскоре утолкли до девяности — начиналась коллективизация. Но той же ночью меня перевели на «скворечник» — на третий этаж.

Из каморки три на пять, с неярким освещением, я мысленно глядел вдаль и видел просторы земли. Странное чувство: родной и неродной земли. Из верхнего, крайнего на третьем этаже окна виднелись серый пояс Средне-Московской улицы, выведившей на Москву, и Чугуновское кладбище, еще действительное кладбище, не подмятое городскими массивами.

На топчанах — сотоварищ по последнему моему праздничному застолью Копелиович, еще двое, как вскоре выяснилось, опытные летчики, Тимашев и Сарчимелия, воевавшие на «этажерках» еще в Гражданскую — на стороне красных. А вот невзадолге они, оказывается, на туполевских бомбардировщиках «ТБ» собирались бомбить Кремль. Из прошлого шли в счет не красные заслуги, а белые улики. Чем не улика — происхождение? Тимашев — дворянин. Но дворянин из потемкинской деревни, как он рассказывал. Екатерина, умилившись виду тех деревень и их крестьян, даровала всем дворянство. Мужики продолжали пахать землю, но уже были дворянами, коих за просто так не ударишь. Сарчимелия — и вовсе белая кость, князь закавказский. Но помилуйте, кто в Грузии не князь?!

Был я у них за эдакого «Теркина», складного говоруна-стихотворца на разные случаи.

Дни, что пули с пистолета,
Вот и вновь сгорело лето.
Галилея веселя,
Дальше крутится земля.

А вообще-то стихи писал нерадостные, даже обидчивые, даже в рисунках (в тюрьме на Заставе баловаться цветными карандашами дозволялось) обида прорисовывалась. И только в Сибири на лесосеке это чувство прошло. Там надо было лес валить и валить умеючи.

Из большой тюрьмы на Заставе на три года нас усылали на дальние стройки. Почему, за какие такие провинности, куда — вопрос. Я и спросил: «За что же все-таки меня?» Следователь Вольфсон, весьма улыбочивый, довольный своим положением, своими словами, сказал: «Для профилактики. Чтоб и вашим внукам ведомо было, какой революционный меч всегда будет нависать над вами».

Осенью тридцать первого года я ненадолго подзастрял в Москве, в столице столичных тюрем — Бутырках. Тюрма — целый городок из краснокирпичных домин. Камера — как спортзал, хоть в хоккее играй, а «болельщиков» столько — что на пол-Москвы свисту достало бы. Поразило меня в этой великой камере густое множество «Сталиных», то есть весьма похожих на вождя, — кто помоложе, кто постарше. Оказалось, и в Грузии есть свои кулаки. Но, конечно, везде и всюду — прежде всего наш горемычный мужик-славянин. С полей черноземных и нечерноземных. Великие соборы лишенцев и спецпереселенцев.

На утренних и вечерних поверках тюремщики выявляли, все ли мы «дома». Коменданту тюрьмы латышу Янсону дежурный по камере докладывал: «В камере врагов народа в количестве сто двадцать человек...»

Сидеть — тяготно, и когда последовало предложение поработать, я сразу выкатился. Хотелось хоть какой-нибудь новизны, а новизна заключалась в расширении тюрьмы, в достройке пятого этажа. Оттуда я и увидел вдаль уходящие камни-этажи Москвы. Строил, пока не спросили снова: «Кто хочет ехать дальше?» Вопрос ясный: велика тюрма, да не резиновая, не то что Сибирь. Мне вполне можно было бы остаться в тепле и сносном уюте в одной из тюремных мастерских (древоотделочников, жестянщиков, обувников), но влекло вдаль, хотя и понимал — не кущи райские ждут, в стихах предсказывал: «Сопки. Сосны. Огоньки. // Напоминает Соловки...»

Глухой ночью в темном «вороне», до отказа набитом охотниками дальнейших приключений, нас доставили на вокзал. На рассвете эшелон из «столыпинских» вагонов взял разбег на Восток. Среди увозимых — немало воронежцев и моих знакомых по воронежскому заключению. Брюн, Тимашев, Сарчимелия, еще мой тезка и сверстник Марин, прямой потомок того гвардейца Марина, коего Кутузов поминал и стихи коего распевались в русском воинстве перед наполеоновским нашествием. На допросе в воронежской политтюрьме, предъявляя мне обвинение в организации заговора против Советской власти, сказали: «Вот Марин показал». На самом деле было иначе. Он мне действительно говорил: «Мы белая кость, а сейчас хамы... надо обороняться». — «Но ведь я не дворянин», — говорил я. — «Не обязательно быть дворянином, чтобы быть художником и порядочным человеком. Нам надо объединяться, обороняться». Думаю, именно так и надо было поступать. А то художники, бывшие священники, крестьяне обычно пасовали перед уголовными «водилами», предводителями шпаны. Я уже насмотрелся на повадки шпаны — лихого и безжалостного народца. В Бутырках и по дороге в Новосибирск в «сердитых» вагонах некий Жора Птахин, мордovorот с синюшным горлом, с пустыми, как наперстки, глазами и тридцатью вредно прожитыми годами, злобно донимал академика из Минска. Только тот задремлет, а он его — булавкой. И ни у кого из людей искусства, просвещенных, не достало решимости удушить гада руками праведного отпора. То ли от слабости рук, то ли от врожденного или воспитанного церковью непротивленчества.

Дальний путь. Уже не первый день — перестук да перестук вагонных колес. Где конец пути?..

Несколькими годами назад я прочитал в один месяц «Записки из Мертвого дома» Достоевского и «Сахалинскую каторгу» Дорошевича, так что настроился на худшее. Одно омрачало: как там дома, как там отец и мать?

В поздний вечерний час 6 ноября, под самый праздник, прибыли в Новосибирск.

Мороз-хладобоец — не европейский. Многоцветно полыхающие гирлянды, целые зарева из электрических лампочек, но нам от этих лампочек ни теплее, ни веселее. Той же ночью загнали нас в арестантские вагоны (как на картине Ярошенко «Всюду жизнь»), и снова перестук колес, лишь на третью ночь добрались до станции, на которой велено было выгружаться.

От станции долго шагали деревянными тротуарами глухих улиц неведомого нам западносибирского городка (то был Мариинск), пока не оказались в лесу, в полукружье барakov. Здесь прошли медицинское освидетельствование. И вообще намного посвободнее, чем в вагонах. Пьющие — напились. Дерущиеся — подрались.

Через три дня — опять на вокзал. Невдалеке от него — знаменитый централ «Мариинский». Летчик-грузин, мой товарищ по воронежскому заключению, попяв, где мы, рассмеялся, и смеялся долго.

— Ты чего?

— Да как же! Я тут воевал с колчаковцами, бомбил вручную. Словом, брал город. И вот... теперь поквитались.

4

Погрузили нас в теплушки с печками посреди вагонов. Обмундировали в бушлаты, ватные штаны, чепчики, валенки — «бэушные». Приехали ночью. Эти приезды всегда оказывались ночными. Заскрежетали двери — раздвинулись. Снег. Пурга. Брешут собаки. Километра два полем, затем лес. От конвойных, тоже заключенных, из худших самых, узнали, что высадились мы на станции Тайга. Когда вели по полю — факелы горели. Зрелище! А в лесу — пустые бараки. Тихо. Собаки перестали брехать. Привели нас на поляну. Пурга стихла. Небо очистилось. Луна покрупнела и осветила лес. На поляне голые стволы поваленных деревьев. Гарью пахнет. Пять длинных барakov, в иных огоньки — это прислуга растапливала печи. С нами прибыло много мужиков, «сидоров», как их здесь звали. Шпаны было мало, потому что предстояла тяжелая работа, а шпана вкалывать не любит.

Но тут надо сказать о «федоровцах» — южанах Воронежской губернии, убежденных в антихристовом замесе большевистской власти. Я их видел на губернском суде незадолго до своего ареста. В халатах серого цвета с полами, обильно усеянными белыми крестами, они держались спокойно, признавались скупно, отвечали прямо и подчас дерзко. Был у них ритуал: на столе чашка с медом и лук; ели мед, потом лук, потом опять мед, а духовный их предводитель пояснял: «Вот так сладко было, а так горько теперешнее, а вот так сладко может быть». Федоровцы, крестьянского корня, крестьяне, работать умели, но редкие из них в Тайге подчинялись приказу валить деревья, поголовно предпочитали карцер с его граммами хлеба и глотками кипяченой воды.

Разбили нас на бригады — по три человека. Двое пилят, один сучья рубит. Норма на каждого — десять погонных метров. Дрова хорошие, да береза витая, крученая: пилить — мука тяжкая.

Конвоиры за нами приглядывают. Черные овчинные полушубки, подпоясанные ремнями, шлемы с огромными красными звездами, словно им сейчас на парад на главной площади выходить. Парад не парад, а дурака можно валять. Это нам день не в радость. Сбросишь бушлат, разгорячишься, пар идет; потом станешь бушлат на себя набрасывать — он, задубенелый, гремит будто колода.

Плохо, что я с летчиками подрядился работать, — все трое в руках пилы не держали. Мужики с Дона, Оки, Волги или бородачи-сибиряки в полдень уходят: все сделали, норма загодя выполнена. У них пила — по березе как по маслу. А мы тянем, тянем, а она не тянется, проклятая. Сейчас, много спустя, невольно поду-

маешь: электропилу бы туда! Хотя и так: и те наши заготовки в болота, в никуда уходили, сгнивали, столько леса истрачено впустую!

Нас препроводили в барак. Припожаловал некто воспитатель-культурник, тоже из заключенных, по всему видать, прохвост и пройдоха. Взывал к сознательности и пригрозил карцером и штрафным пайком всего в триста граммов хлеба. Он-то и обычный паек был не бог весть что. Повар, рыжий толстяк из заключенных, некто Арцишевский, попал в повара явно по уровню ловкачества, все его кулинарное искусство заключалось в хаотичном забросе чего ни попадя в огромную черную посудину. Каждодневная еда — баланда, крохотный ломток хлеба, селедка и котелок кипяченой воды.

На другой день после проработки — и треть нормы не вытянули. Стало ясно: режут нас наши пилы-коротышки, наскоро, небрежно точеные. Надо было умасливать пилопра, безбедно и бестяготно часами дрыхнувшего в пристройке возле разрабатываемой делянки. Пилоправ разъяснил, что с такой пилы-маломерки нормы не вытянуть, но табак (ценность великая!) взял. И действительно — снова — невыполнение, снова — карцер, где не теплой ледяной ямы.

Что делать? Бывший грузинский князь нашелся: надо пилу заменить. Все мы прекрасно понимали: заменить — значит у кого-то незаметно конфисковать, по-прямому, по-рубленому говоря, украсть. Бывший русский дворянин одарил пилопра фамильной трубкой для курения, и тот указал, какую именно пилу «позаимствовать» у солагерников, но предупредил: «Чтоб чисто. А то — побьют!».

Грузинский князь, летчик, лагерник Сарчимелия незаметно опоясался искомой гибкой пилой и, никем не остановленный, вынес ее под бушлатом. Вскоре мы стали одолевать все требуемые погонные метры, но поначалу возились до темноты. А затем всему научились — и как пилить, и как валить, чтоб в поваленных березах порядок был. Тяжело приходилось в бурю. Бревно соскакивает с полотна, будто из пушки летит, не куда его пильщик клонит, а куда ветер гонит. Правда, в буран нас, видать, из-за всяческих опасок, обычно оставляли в бараке, и тогда барак весь день гудел песнями. А когда буран затихал, наступала ясность необыкновенная, и с высокого холма виден был океан изумрудный. Казалось, его никогда не умалить...

А вскоре бригада наша распалась: моих летчиков направили готовить шоферские, водительские кадры, меня же определили возить дрова верст за семь. Я обрадовался, а понапрасну: дело оказалось — хуже некуда. Двое дровней, две лошади. Я должен был приехать на поляну с дровами, оттоптать круг, бревнышко к бревнышку нагрузить, чтоб не растрасти, затем отвезти, оттоптать, разгрузить... И так три возки в день. А одна из лошадок попалась строптивая, чистая урысь. Станет среди дороги и ни с места. Начнешь понукать — и вовсе ложится. А дорога узка — двоим саням не разминуться. Если кто навстречу — урысь сбросит на обочину, в снег, без сторонней помощи не выбраться.

Через полтора месяца припожаловала масса начальников. Медосмотр и прочее. Почти всех (осталось человек десять) увозят строить Беломор-Балтийский канал.

На другой день пригнали тысячу казахов. Галдеж несусветный: затевают чай распивать. Такое затяжное чаепитие — что из Сиблага приезжает дюжина умельцев порядок навести. Только дети степей ни бельмеса по-славянски не понимают. Тогда наш воспитатель-культурник додумался выпустить большую глазастую стенгазету на казахском языке. Решено было: казах напишет, а я рисунками сопровожу написанное. (До этого как живописец я пригодился лишь однажды. Както спросили: «Есть художники?» Я обрадовался — миллиардным шаром выкатился из неровного строя. Повели. Приводят к двум наспах сколоченным нужникам. — «Здесь напишешь: мужской. Здесь: женский. Да покрасивее!»)

Вечером у стенгазеты — толпища. Читают, рассматривают, шумно обсуждают. Тогда подумал: «Конечно, стенгазета не бог весть какое диво, а выходит, позначительней многих мною оформленных на свободе книг. Там «искусство», а тут живая радость для заключенных».

Ближе к весне спросили, есть ли охотники перегнать в Мариинск бракованных лошадей, коростных, калеченых, бельмоглазых; одна — совсем слепая. Нас вызвалось человек пять, все сгодились. Конно-санный обоз калеченых коняг выглядел так: впереди запряженная в дровни наиболее сильная лошадь, на дровнях тюки сена и возница, позади крепится еще лошадь, за хвост которой привязывается другая, за хвост другой — третья; потом новые сани и лошади и так далее: я замыкал кавалькаду из пяти дровней и двух десятков лошадей. И длилось это путешествие по реке неделю, и сопровождал нас мартовский мороз тридцать второго года, столь сибирский, что и десятки лет спустя в Воронеже чуть морозец, мои щеки шелушатся; а река Яя бесконечной извилистой заснеженной дорогой слепит глаза так, что им больно. Тоже странный знак: в конце пути стали коней поить, и слепая лошадь ухнула в прорубь.

5

На окраине Мариинска — контора совхоза с каким-то революционно-циклопическим незапомнившимся названием. Совхоз — из заключенных. Среди них было немало «идейных» — сеялку гоняли пустой, без зерна. Откуда колосу было взяться при таком посеве?

Меня взяли чертежником в лагерный стройотдел. Наступила спокойная и даже сытая жизнь. Определен я был в близкий к вокзалу «Централ» — темно-красного кирпича, мощный, не в один этаж острог. Жил на третьем этаже, там размещались клуб и камеры местных чиновников.

Мимо и в европейские губернии, и к Тихому океану тянулась Транссибирская магистраль. Сияя огнями, проносились экспрессы, и думалось: «Эх, на этом бы экспрессе — да в Россию!» Дальше России не думал, да и так — шестая часть суши, тысячи верст на Восток, тысячи верст на Запад. Тут экспрессы, а как это было предкам нашим — пешком, на конях, на волах, на санях и подводах одолевать эти угрюмые и величавые просторы с великими реками, озерами и хребтами! Шли пассажирские составы, шли бесконечные товарняки, и какую жизнь, думал, выстроят и уже строят из этого леса, гравия, угля, из этих миллионов счастливых, чаще несчастливых?

С третьего этажа «Централа» открывалась и стлалась перед глазами словно бы сама история, где год — верста, год — верста, год — верста. Уставал глядеть на это мельканье составов, на это трудное, кровавое русское движение: я уже лет десять, как носил очки, щурился, чувствовал глазное недомогание еще в гимназии. Но, думал, увидеть просторы воли с третьего этажа несвободы — это тоже не каждому дается в жизни, гляди же, несвободный, на этот разлив свободной природы, только — свободной ли? Не уничтожаемой ли человеком, как и его самого уничтожают? Щурясь, плача глазами, я всматривался в великие дали.

В Мариинске снова встретился с Брюном. Он выпускал сатирический «Фонарь» — своеобразный «Крокодил»: газета-плакат-журнал. Подключился и я. Вместе на оборотных сторонах обоев стали выпускать местные «Окна РОСТА» — не бог весть какие высокие и искусные материи (кто что украл, кто где напился, кто с кем подрался).

Наконец-то стал переписываться с семьей, а так как в конверты вкладывал рисунки-карикатуры на стрелковую охрану, на лагерное начальство, и такие письма неразумно было переправлять обычным порядком, через глаза цензуры, я пе-

редавал конверты с теми, кого отпускали в город, и те бросали письма в обычный почтовый ящик.

Скоро опять нас стали строить в шеренги. Отбирать инженеров, врачей, чертежников для Беломорканала, где, по усиленным слухам, не житье, а малина: и раньше срока отпускают, и ордена дают. Далекой поездки среди многих был удостоен и Брюн.

Я остался «на художестве» один, с «Фонарем» — подобьем «Синей блузы» — театрализованной газеты, рожденной в двадцатые годы в недрах Пролеткульта. Сейчас даже в литературной среде не все знают, откуда пришло название «Синяя блуза». Это спецовка французских пролетариев, всего лишь униформа, перехваченная и нашими... Мне разрешено было подыскать человек пятнадцать молодых, к театральному тянущихся ребят, и пошло: стихи про доблесть, романсы про любовь, народные песни, пляски, раек. Вскоре я был назначен завклубом, у меня даже образовался штат: киношник, руководитель хора — бывший оперный певец Филимонов, а некто столичный Арансон, толстенький, розовенький, подвизался под видом композитора. Рассчитывая на провинциальное простодушие, пылко уверял, что песню «По долинам и по взгорьям», тогда уже широко распеваемую, написал он во вдохновении мгновенном. Вскоре выяснилось, что «композитор» посажен за подлог документов. Не знаю, какая тут связь, может, фамильно-созвучная, но мне часто вспоминались слова Маяковского: «Не боимся буржуазного звона, умрем за товарища Абрамзона».

По весне кому-то из начальствующих пришло в голову направить в совхозы агитбригады. Совхозы назывались выразительно — номер 1, номер 2, номер 3. Агитбригады — для поднятия труженического духа. А чего его поднимать? В совхозах-то — раскулаченные, иначе — большие труженики, умельцы пахать, сеять, косить. Нередко и беспросно приходили тогда в голову мысли об искусственном зле. В тридцатые годы сколько крепких хозяйственников было выселено в Сибирь (русское движение? Да нет, насильственное перемещение русских, да и не только русских)! Целину подняли, освоили не при хрущевских затеях, а именно середнячко-кулацкие земледельцы, спецпереселенцы. Ох и вкальвали они на великих просторах меж Уралом и Алтаем и далее! Тогда об этом, понятно, молчали, сейчас, будь такие умельцы и трудяги, в исполинские хвалебные трубы затрубили бы. А они работали без понуканий и без поощрений. Крепкая крестьянская Русь, изболевшаяся по земле! Работали на залежах с каким-то непонятным вдохновением. Страда на ниве — словно встреча с любимой.

«Враги народа»... Они не в тридцать седьмом выявились. Их еще с революционных лет пронизательные власти умели вычислить, обнаружить и покарать. Особенно в начале тридцатых — белые офицеры, священники, интеллигенты из народа. Более же всего — крестьяне, хлебопашцы с многостолетними корнями. А тридцать седьмой — более видный, понятный почему: здесь титулованный партийный корпус, чекистская верхушка, которые прежде карали «врагов народа», сами попали во «враги народа». Видные товарищи, известные. А крестьяне что? Их много, сколько ни губи их, все одно выходят в поля. Кому-то надо и пахать, и сеять...

И вот на эти поля, перед глаза крестьянские, заявили мы — агитационные молодцы, бойко умеющие языком крутить, песни петь да приплясывать. Но все обернулось хорошо: крестьяне — народ внимательный, доверчивый, и в песне, и в сказке толк понимающий.

Десятого мая повалил густой снег, а мы, полтора десятка пеших, с двумя телегами, на коих уложен скарб «живой» газеты — мандолины, гитары, духовые трубы, застигнуты в пути. Но пропагандистского приказа никто не отменял. Разве что из информационно-секретной части велели: «Поручаем тебе их. Если что —

сообщать!». А места-то неисходимые — Новосибирск, Красноярск, Алтай. Есть куда бежать. Но, на мое счастье, никто не сбежал. Звали меня «батей» — седина к той поре густо пробилась.

Народ был разный. Вольно-невольно вспоминался Достоевский, горевавший, сколь много незаурядного, талантливого народа томится в ссылке, в заключении, в тюрьмах и на каторге. Мне и в Воронеже не раз вспоминался Стенька Цыганков, прелюбопытнейший тип. Народный умелец (от скуки — на все руки), своеобразный правдолюбец. Неунывный, говорливый, и не всегда поймешь, где он, где не он, где быть рассказывает, где фантазирует. За ним тянулась еще дюжина фамилий, и не только русских; всерьез же он утверждал, что родом из донских казаков, и по тому, как он, словно влитой, держался на коне, можно было верить. Зато с трудом верилось в другие его биографические блестки: как он, доплыв до середины весеннего Дона, спас четверых ребятишек на льдине, а они оказались губернаторскими детьми, и вместо вознаграждения он при народе взял с губернатора слово не обворовывать ни казну, ни подданных, а раздать свое состояние и уйти в монастырь; или как он топил в Оке любовницу-изменщицу, а Ока взмолилась не сквернить ее чистых вод женщиной с грехами похоти; или как участвовал под Иркутском в нападении на «Золотой обоз»; или как выпивал с Махно и Буденным, и как рассерчал на них, и как саблю острю выхватил...

Завершив месячный агитпоход, мы благополучно возвратились в Мариинск, где дали отчетный концерт. Разумеется, и рисунки мои весело пятнали стены. Видимо, деятельность клубного работника, да еще и художника, понравилась начальству из «Сиблага», и, может, поэтому в конце года я был затребован в Новосибирск. Зачем? Велено было привести в порядок альбом... «Русский балет». Балет так балет — привел в порядок. А на другой день велено было изготовить празднично-новогоднюю газету, да так, чтобы изобразить всех служащих Управления «Сиблага». А их оказалось едва не полсотни, пять дней ушло у меня на создание весьма необычной газеты-галереи. И тут же меня, после их праздничного пиршества, отправили за город, в так называемый розыскной барак, куда и заталкивались беглые — разысканные. Но мне-то за что такая немилость? Выяснилось, что я нарисовал жену начальника «Сиблага» как она была, то есть клювастоносой, что ей, особе романтической, весьма не понравилось. А для меня и розыскной барак — тоже буква жизни. Поднакопилось нас в этом «чистилище» человек двадцать пять, и все люди славные, незлобные, незанозистые. Но все равно замкнутое однообразие скоро стало приедаться, и я написал в Мариинск заместителю начальника лагеря по культуре — просил отозвать меня на свой этаж, на поприще лагерной культуры. Вскоре вернулся в Мариинск.

А в октябре тридцать третьего сказали просто и кратко: «Можешь ехать». Это значит — домой! Это значит — донской край, Воронеж, отец, мать, память детства. Но, странное дело, чувств ликования, полного освобождения, неперекрытой, свободной дороги я не испытывал. Одна лишь мысль четко обозначилась: «Все в жизни надо пройти. И это — тоже». Было обыкновенно, серо, буднично. Может, еще и оттого, что именно здесь и именно в этот день я, по сути, прощался со своим поэтическим будущим. Я решительно и грустно почувствовал, что стихи — не моя стихия, и поэзия — не моя судьба. Так что не стоит уподобляться живучим во все времена алтаузенам, заполняющим полосы газет и страницы журналов проходными виршами, столь же нехудожественными, сколь и пренебрежительными ко всему русскому. И, как приговор своему поэтическому будущему, произнес вслух давно дремавшее и тут проснувшееся двустишие: «Не желаю быть Джеком Алтаузенем. // Большим быть не могу».

В финчасти выдали заработанные деньги и литер на бесплатный проезд. А ад-

министративная часть снабдила меня справкой, по которой в Воронеже можно было получить паспорт — все объясняющий. Мое прошлое объясняющий. И когда с 1938 года Воронеж стал закрытым городом, меня с моим «молоткастым, серпастым» враз попросили обосноваться подальше.

Перед самым моим отъездом Стенька Цыганков, которого застучали на чем-то пустячном, то ли стакане водки, в знак протеста порезал себе вены. От ладоней до плеч ему забинтовали руки. И когда я уходил, он взмахивал ими, словно белыми крыльями.

Лететь, улететь — русская мечта и страсть, осуществленная лишь однажды.

6

В Воронеж я вернулся в октябре тридцать третьего. Еще не брезжил рассвет. Извозчик (уже и трамвай пошел) повез меня по главной улице. Два года я не видел родного города, и сколько перемен: в стекло одетое, в два крыла, под «Корбюзье» управление Московско-Донбасской железной дороги, областной банк и «Утюжок» — тоже нетрадиционных форм. Новости и перемены и в семейном гнезде. Брюн уже дома: хотя и осужден он был на два года дольше моего, но, как ударник Беломорканала, вернулся досрочно. Еще радость: у него и его жены Лели сын — малыш с выразительными глазами.

Уже наутро, после щедровыпитого и многонаговоренного, надо было думать, как жить дальше. У Брюна, в художественном отделе «Коммуны», недоставало человека, и я уже начал было скоблить, ретушировать снимки-трехрублевки, как вдруг зашел в отдел начальник секретной части и сказал, отсутствующе глядя мне в глаза: «Вы здесь не появляйтесь. Это воля Александра Владимировича Швера». Вот так: не появляйтесь! У редактора была любовница, не знаю почему именно в недрах редакции, — может, для удобства, может, и по серьезному чувству. Это она, думаю, теперь не обидится, яростно взывала в тридцать первом: «Надо наказывать ненадежных, беспощадно наказывать потаенных врагов. Отречься от близких, если у них вражеские мысли». Кто вообще доподлинно может сказать, какие они именно, вражеские мысли? Разве что мысли злобного, завистливого, клеветнического существа?! Через десятилетия встретились мы с нею на банкете у Дьякова после выхода в свет его «Повести о пережитом», она не погнушалась подойти ко мне. Годы, годы... Глаза потухшие, лицо морщинистое, почти старуха, куда подевались былая нетерпимость и воинственность!

И стал я мыкаться по малым газетам, пусть хоть с малыми гонорарами. Редактор «Колхозного бригадира» куда-то звонил, кого-то за меня просил. Ему ответили, мол, хотите — берите, хотите — нет. Редактор взял. Позже более года проработал в железнодорожной газете «За образцовую магистраль» — малой копии всесоюзного «Гудка», широко славного перьями известных литераторов, прежде всего Михаила Булгакова.

Тридцать пятый год принес наиглавную перемену в моей семейной жизни.

Я встретился (и почувствовал, что это — судьба) с Марьей Михайловной Самгиной, благовоспитанной, необычайно музыкальной, физически хрупкой. Хотя род, носивший дворянскую фамилию литературного героя знаменитой горьковской эпопеи, был самый простой и что ни на есть труженический. Мой тесть, Михаил Андреевич, был толковый рабочий, мастер на все руки, любитель и хорошо потрудиться, и хорошо разгуляться. Саженный рост, пудовые кулаки, и в пору, когда на лугах, у мостов сходились на кулачные битвы городские и придаченские, он был из впереди идущих.

Тут, пожалуй, требуется небольшое отступление. В истории Воронежа есть такая «художническая» фамилия: Малюченко. Жорж Малюченко, нескладный,

зеркально-лысый, но всегда в парике, комиссар искусств в двадцатые, навел страхи на театры, в коих любил бывать; был он также неудобным гостем-грозой всех библиотек и домов, где водились книги: изымал, выцыганивал, крал их неусветно, по улицам ходил обычно со связками книг.

Его братом был Борис Малюченко, натуре более тонкая, художник. Мы с ним познакомились при обстоятельствах не совсем благоприятных. Как-то осенью тридцать четвертого я забрел в областное издательство в надежде взять какой-нибудь заказ у редактора Нечепаева, который издавал русскую классику для детей. Там для меня уже выстроился денежный ручеек. Я уже проиллюстрировал пушкинские, лермонтовские тексты, гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки», басни Крылова, «Историю одного города» Салтыкова-Щедрина. Мой благодетель Нечепаев прославился среди городской интеллигенции тем, что покавалерийски мог замахнуть на любого из классиков, поправить его, коли что там не так. Досталось редакторского пера даже Гоголю. При той встрече Нечепаев (не Чапаев, но лихой, как Чапаев, — судя по обращению с классиками) дал мне заказ: сделать обложку для занимательной арифметики «Игра цифр». На другой день я принес эскиз. У стола увидел высокого, хмурого, чем-то к себе располагающего. То был Борис Малюченко, выпускник Академии художеств, приехавший из Алма-Аты. Вижу: и у него эскиз злополучной «арифметической» обложки. Ясно, редактор хитрил, хотел иметь выбор.

— Зачем же вы одно и то же предлагаете двоим? — угрюмо спросил Малюченко. — Зачем взрослых по-мальчишески дурачите? — и тут же в ключья изорвал свой эскиз.

Вышли мы вместе, разговорились. Он не враз перестал громко негодовать, затем вдруг спросил тихим голосом:

— Вы пьете?

— Да, — так же тихо ответил я.

— Ну, тогда пошли!

Малюченко жил в доме у тестя. Там я и познакомился с Машей, сестрой жены Малюченко, урожденной Самгиной. Маша окончила музыкальное училище и преподавала по классу фортепиано. Была она спокойная, беззаветно добрая, хрупкая. Хрупкая, как молодая веточка на могуче-былинном самгинском древе.

Чувства наши определились в каком-то неотвратимом, нежном и достойном движении друг к другу, и с женитьбой мы тянуть не стали.

А в тридцать шестом мне выпал первый за долгие годы настоящий отпуск. Скоро ожидалось дитя, и мы решили отдохнуть как следует — без суеты, в деревенской тиши, на природе.

Поселились в пригородной щедро-зеленой Рамони. Последний домик вверх по течению Воронежа, у самой реки, близко к Ольгинскому саду, к Лысой горе. Славно отдохнули, хотя какая-то тревога не оставляла меня весь отпуск. Не напрасная. По возвращении узнал, что я в «Образцовой магистрали» больше не работаю. К тому времени прежний редактор перебрался, вернее, был переведен в Казань, а новый почел за лучшее избавиться от запятнанного тюремным сидением сотрудника.

Нет худа без добра, верно говорится. Именно в ту пору Борис Песков был назначен редактором пионерской, точнее, молодежной газеты «Будь готов!». Газета была моя старая знакомая: лет десять назад я напечатал там две повести подряд. Первая — «Приключения Димки»... не то Димки, не то Жорки; названия второй и вовсе не помню. С Борисом Песковым мы были хорошо знакомы, я и сборник его рассказов оформлял, и оформление ему понравилось. Песков взял меня в редакцию художником. Но, на мое несладкое трудоустройство, и сам недолго редакторствовал. В тридцать седьмом его обвинили во многих смертных грехах. Он

был человек прямой, правду говорил в открытую, так ему всякое лыко в строку вписали, также и я, запятанный тюремным сидением, был поставлен ему в вину. В соответственном отчете «Молодого коммунара» Песков был назван фашистским агентом. Разумеется, — не среди журналистов чаще всего обретаются апостолы мужества и справедливости. Но и не все же они пустые и продажные. А тут в лагестом «Ату его!» надо иметь прямо-таки патологические черты злобы или равнодушия к человеческой судьбе, чтобы в скорбнопамятном году метать в человека сверхполитический ярлык.

И по Пескову, и по Романовскому состоялись соответствующие писательские собрания. И соответствующие громящие речи произносились. Противно вспоминать. Местные литературные начальники поистине били лежащих. А через тридцать лет они, постаревшие, вновь пламенели речами о Пескове и Романовском, только теперь в их речах враги обратились в героев. Давно ушедших на действительную передовую нет, а эти, словесные гроссмейстеры подлости, живут припеваючи. Как говорится, исполать!

И Песков, и Романовский — моя особая память. Думаю, до конца жизни. Оба нежно были дружны со мной, я, естественно, с ними. Меж собой они различались во всем, кроме любви к русскому слову, драгоценному для обоих. Песков — молчун, Романовский — говорун-смешливец. Песков не пил, капли в рот не брал, Романовский — всегда был не промах выпить. Песков сторонился компанейского многоялюдства, всяких собраний, был лесной, полевой охотник, на этой почве подружился с Завадовским; тот, помню, был костляво-крепкий, тоже молчалив, будто предчувствовал, что отправится в те неприветные края, где еще до революции бывал. Песков писал профессионально, едва не каждый день, а Романовский — когда блошица укусит. Из Пескова вышел бы большой писатель, а из Романовского... да что теперь об этом впускать сеговать. У обоих по их дару человеческому и литературному судьба не сложилась. Оба — еще до войны ошельмованные, а в войну — ушедшие на передовые. Романовский — так еще и с горя от «брони» отказался. В начальные годы войны в Воронеже располагался штаб Юго-Западного фронта. Многие писатели обрелись здесь — Корнейчук, Ванда Василевская, Бажан, Безыменский, Долматовский. В армейской газете работал Твардовский. Вел он себя... много пил. Он и отбил у Романовского Светлану, жену. А у Романовского и без того одна соль на сердце — наветы, доносы, допросы, год тюрьмы...

Теперь и Песков, и Романовский — разве что на мемориальной доске внутри писательского здания, а так — много ли их читают, много ли издают?

Тридцать седьмой Пескова и Романовского, можно сказать, пощадил. Зато жестко прошелся по областному верху — Варейкису и его приближенным. Будучи направленным в Сталинград для партийного руководства тамошней областью, Варейкис позвал с собой приближенных, а те своих приближенных, а те — своих... Директор Воронежского издательства пригласил на Волгу Брюна (поехавшего) и меня. Но Маша заупрямилась: нет и нет! Женщины удивительно чутки к предстоящим бедам. Да и я, возвратясь с отсидки, боялся пройти все по второму кругу. Сажаловка была густая, бесперебойная, а я слишком забываемо запомнил карболовые вошебойки.

Однажды прихожу рано-рано утром в издательство, никого еще нет. Открываю дверь и вижу: уборщица тетя Клаша бьет, рушит молотком гипсовый бюст Варейкиса. Этих бюстов, больших и малых, было по всему Воронежу тьма-тьмуцая. А уборщица бьет лихо, куски откалываются и долбят пол, пыль стоит несусветная. Ей уже дано было указание такое: бить бюсты, но я-то не знал и, подальше от греха, тихо затворил дверь.

С Малюченко, моим другом-художником, было иначе. В тридцать седьмом секретарь обкома Михайлов заказал издательству плакат о наших успехах. Малю-

ченко и я сидим всю ночь — созидаем. В центре эскиза — еще «свежая», но уже знаменитая мухинская скульптура «Рабочий и колхозница», дальше все остальное: поля, дома, цифры. Поутру он и директор издательства Темников (он тоже скоро ушел в безвозвратный край, поскольку до директорства был помощником у Варейкиса) отправились к Михайлову. Часа через два Малюченко, который пил и в радости, и в печали, возвращается в явном градусе, — разбойный вид, как у Гришки Распутина в молодости, — черный, поводит каторжными глазами. В комнате — главбух, кассир, вышепомянутая уборщица тетя Клаша и я. Малюченко в дверях, — весь расхристанный, пальто нараспашку, кашне абы как, — громко: «Доехали-докатились. Дурак он, этот секретарь. Таких дураков Воронеж еще не видывал!» Все замерли. Конечно, никто ни слова. Потихоньку стали удаляться. Одна: я в буфет, другая: я в банк, третий: что-то разболелась голова, пройдушь немного. «Что ж ты наделал, — накинулся я на Анатолия, — ведь свидетели...» — «Ну и пусть!» Но наутро приходит он мрачный, как побитый. И я примерно такого же вида, в ожидании наихудшего. А главбух бесстрастно произносит: «Что-то нам на секретарей не везет. Ночью и этого забрали».

Воронеж вскоре я все же оставил: началась паспортизация, иными словами, очищение старинного града от «меченых» — провинившихся и без вины виноватых. Напрасно я оборонялся стопами мною проиллюстрированных самых разных книг — от произведений русской и мировой классики, детских изданий до справочников, указателей, сельхозброшюр и плакатов; напрасно предъявлял эскизы обложек и иллюстрации будущих книг, дескать, нужен родному городу как издательский художник; напрасно пытался разжалобить семейным положением, напирал на то, что в семье два маленьких сына (Андрей родился в тридцать шестом, а Виктор — в тридцать восьмом, совсем крохотка). Ничто не могло.

7

И поехал я колесить по Волге, как когда-то в молодые дни. Но тогда за плечами словно росли крылья — тянуло вверх, а теперь за плечами была семья — пригнетало вниз.

Чебоксары, Йошкар-Ола, Казань... Татарское издательство, куда я решил обратиться в марте тридцать девятого года, приняло меня с распростертыми объятиями. Проглядев быстро исполненные мною рисунки разной направленности (человек, природа, птицы, животные и так далее), договорились, что по осени я переберусь в Казань насовсем, с семьей. Но и по весне кое-что успел сделать. Оформил татарский календарь. И без особой радости — стихи Агнии Барто. Они мне показались чрезмерными «зайчиками-слонятайчиками», — посвященный детским поэтам иронический пассаж «Сиропчик» Саши Черного при чтении таких стихов был в самый раз: «Дама, качаясь на ветке, // Пикала: «Милые детки! // Солнышко чмокнуло кустик, // Птичка оправила бюстик // И, обнимая ромашку, // Кушает манную кашку...»

Вернулся в Воронеж, не зная, где бы, подрабатывая, дожждаться осени. Тесть, сам из недалекого от Задонска села Ксизово — родины писателя Эртеля, присоветовал именно Задонск.

До войны недавний уездный городок на Дону походил на чудо-городок, хотя как «Русский Иерусалим» был уже полуразрушен. Но еще не захламлен, как после войны. Сняли мы с Машей дом с окнами на лужок меж монастырями. Позади сад, яблоки падали на веранду и будили ночью. Позади дома — главы женского монастыря.

Нередко в городке встречался с Задонским, который начал писать раньше меня

и в разных жанрах и который в послереволюционные времена хорошо был знаком, чтоб не сказать, дружен с Платоновым, Бахметьевым, кажется, Явичем. Задонский при встречах любил повторять: «Ты живешь в святом месте. Здесь прежде, уже после революции, обносили мощи, а власти пытались помешать, созвав конных милиционеров, как для битвы», — и он дурачась, по-козлиному изобрал смелые наскоки на пеший народ той самой конной милиции.

Однажды встретились в парикмахерской. Он, побритый и надушенный, уже уходил, пожелав мне — «чтоб быстро и дешево».

— А вы знаете его хорошо? — спросил парикмахер.

— Да, это же писатель. Николай Алексеевич Задонский.

— Нет, его фамилия Коптев. Да мы их всех, Коптевых, шибаями звали. Отец его — из купцов второй гильдии.

Купеческие замашки сохранил и сам Задонский. Мне он не раз говаривал: «Ты знаешь, кем бы я был в иное время? Миллионером. Мне бы частное издательство...» Не знаю, как бы оно повернулось в иное времени и такое ли прибыльное дело — частное издательство, одно было бесспорно: Николай Алексеевич не пропал бы ни при какой погоде, и что немаловажное, что редкость у предприимчивых и конкурентноспособных, и другим не давал пропасть, и помогал размашисто, без прицела на свою выгоду. Меня во всяком случае он выручал не раз.

Осенью того года я уже был в Казани. Но с жильем в городе не сложилось.

Километрах в тридцати от татарской столицы — село Васильево. Что ни дом — терем деревянный, резной, изукрашенный.

Стучусь. Открыл хозяин — высокий красавец с белой бородой и черными бровями. Узнав, что за нужда привела меня к нему, сразу же пообещал угол. И вскоре я уже знал, что Александр Ильич Родионов — бывший лесничий удельных, то есть царских ведомств и совсем не бывший, а настоящий любитель выпить. Дальнейшее вытанцовывалось так. Лесничий повел меня в соседний дом, такой же горделиво изукрашенный. Заходим, а там холсты, большие и малые, на больших — портреты: Сталин, Буденный, Ворошилов. У недовершенных портретных холстов — два его сына, Костя и Валерий, для дома отдыха «Моркваши» малюют всенародно известных. И вскричали, увидя нас: «Надо выпить!» Отец коротко подтвердил: «Да, надо. — И добавил, вроде присказки: — «С своей волчихою голодной выходит на дорогу волк».

Напились так роскошно, что я очнулся в лесу, на поляне, под стогом, — его, как ценное достояние, огораживали слеги. Луна полная, хорошо освещающая заблудших в питии неумеренном. Пригляделся я: задворки села. Лес прекрасный, красоту его передать разве что самым великим художникам-пейзажистам, да мне до того ли? Какой доброхот теперь пьянице квартиру сдаст? Иду к Родионовым, и первая, кто встречает, дородная, красивая Настасья Григорьевна — жена Александра Ильича.

— А, появился, строптивый!

— Почему строптивый? — виновато спрашиваю.

— А как же? Сколь ни укладывали спать, отбрыкивался, убрел бог весть куда...

— Теперь все? Теперь без квартиры?

— Почему же!

— Да что я за квартирант: вот... — подыскал смягчающее «выпил», никак не отвечавшее сути происшедшего. Но «напился» — не хватило даже духу сказать.

— А, ничего. Конечно, не надо бы. Во вред себе же. Ты — как мои... что Костя, что Валерка, что старый дурень, дуб родионовский.

Хорошие были люди. Всем готовые помочь, последнее отдать, за пустое почитавшие накопительство. Без камня за пазухой. Широкие, шальные, неумные. Под Новый год палят из ружей, кричат странно-перемешанные здравицы: «Да здрав-

ствует товарищ Сталин! Да здоровствует товарищ Пушкин! Да здоровствуют большие и малые народы! Да здоровствует Советская власть! Да здоровствует Российская империя!»

Глаза внимательные, добрые, видевшие далеко за горизонт.

Хорошие люди были. В войну погибли и сыновья, и отец их.

А меня та незадачливая выпивка не сказать чтоб напрочь отрезвила, но я все чаще стал задумываться о пути человека пьющего и страны пьющей, чувствуя, что такой путь — тупик, и со временем стал все чаще и чаще удерживать себя от дурного стакана. И еще долго я чувствовал свою виноватость перед хозяйкой дома Родионовых, чуткой душевно и кроткой по судьбе, которая словно сердцем видела трагическое будущее своего дома и своей родины.

Село Васильево — сама благодать. На берегу Волги. Островной Свяжск с его церквями и соборами виден. А в селе Васильево полно Васильевых. Теперь одного из распространенной фамилии знают все художники страны, да и, думаю, не только художники. Недавно просматриваю «Огонек» и вдруг... картины, а на них сияние синего. И фон, и облака, и деревья, и снег — все синее. Это я впервые увидел Константина Васильева, репродукции его картин «Гуси-лебеди», «Лесной царь», «Осень», «Прощание славянки»... Все по-настоящему волнует и радует колкой свежестью, особенно «Гуси-лебеди» (чисто русская черта — хвататься руками за облака). И, конечно же, «Прощание славянки»!

Три года спустя после нашего с Машей отъезда из приволжского села родился здесь художник. И как часто бывает в жизни талантливого русского человека, и жизни-то этой выдалась самая малость: в сорок втором родился, в семьдесят шестом — не стало. А вот его гуси-лебеди летят и, надеюсь, будут лететь долго.

Приволжское наше житье с Машей выдалось коротким. По приезде жены поселились мы у Родионова-отца в пристройке — малой комнатухе с крохотным оконцем, как у Меншикова в Березове. Зима конца тридцать восьмого — начала тридцать девятого съезживала, жгла холодами и морозами. Несколько месяцев подвизался я в сатирическом журнале «Чаян» (в переводе на русский — «Таракан»). Но тут Маше пришлось письмо с вестью, что в Борисоглебске ей предлагается вакансия завуча музыкальной школы. И уже скоро мы были в родном краю.

8

Осень тридцать девятого выдалась на воронежской земле славной. Славно смотрелся и радовал былой уездный Борисоглебск, доброприветливый, мягкий, в хорошем смысле патриархальный, несмотря на воздушные громы: давно уже здесь обосновалась авиашкола, позже — авиационное военное училище, еще молодой Чкалов учился здесь.

Квартира — здоровенная и голая комната — стала и общесемейной спальней, и Машиной музыкальной, и моей художественной мастерской. Днем Маша на работе, я — с детьми. Но умудрялся и рисовать: Малюченко прислал заказ на оформление книги французского писателя Рони-старшего «Борьба за огонь» (выписывал он гонорар на свое имя — мое в издательстве оставалось анафеме преданным).

А еще — я (памятуя, что поэзия — не моя судьба) все-таки месяца три писал повесть в стихах «Евдоким Цветков» — об истории раскулаченного, прообразом которому послужил мой сокамерник по воронежской тюрьме. Небойцовского роста мужичишко из южного угла области, рыжий и, как все рыжие, с красноватым оттенком лица. При его малом росте — большие кости рук с толстенными пальцами... душителя. Идеальный образ кулака, по тогдашним лекалам. Он был молчалив, но когда говорил, такая злоба выливалась из него, что хватило бы на трех

великанов. Спросить бы, а отчего ему было радоваться-то? Благодарствовать? Не злиться? Был он из бедняков, неробкого десятка, в Первую мировую награжден Георгием. В нэпманское кратковременье от нуля дошел до высокой планки деревенского достатка, а в двадцать третьем его жеребца возили в Москву на выставку, в село специально приезжал живописец, чтоб запечатлеть огромного коня и тщедушного его хозяина. Чувствовалось, был он лют на работу, и, кроме завидного жеребца, было у него крепкое подворье со всякой живностью. И вмиг всего этого не стало. Сломанная жизнь! По вечерам в тюрьме он пел неизменное: «Сижу за решеткой в темнице сырой // Скорбленный в неволе орел молодой...», где замечательнее всего было это: скорбленный... Может, оскорбленный?..

После Воронежской тюрьмы я его больше не видел, но образ, как говорится, «пошел»: стало додумываться-придумываться, как он клещастыми руками ухватился за нажитое, как из обреза застрелил своего выставочного жеребца, как собирался поджечь свою ниву и как угодил в Сибирь.

Послал поэму в «Воронежский альманах». Немалый текст: две тысячи строк, до войны или позже где-то пропавших. Возглавлявшие Воронежскую писательскую организацию Подобедов, Булавин, Кретьова стихотворную повесть приняли восторженно. Тут же и борисоглебская газета опубликовала отрывок, где ссыльный Евдоким тайком возвращается домой, а в его доме — колхозное правление. Ночью опасный беженец взобрался на бочку, чтобы удобнее разглядеть, что внутри дома. А внутри — Аникей, взявший его сына на воспитание. Топором, привезенным аж из Сибири, Евдоким размахнулся так, будто хотел сокрушить не только Аникея, но и былой свой дом; но неловко соскользнул с бочки, загремел, побежал в сад. Здесь упал в колодец, и еще живой, посмотрел вверх — не выбраться, нет, не выбраться. Одинокая над колодцем звезда потухает.

Вскоре мне приходит перевод на полторы тысячи рублей. Не деньги, а деньжищи! Посудите сами: килограмм топленого масла стоил тогда пятнадцать рублей, центнер такого отменного масла можно было приобрести на присланный гонорар. С нетерпением жду альманаха. Но ожидание напрасное: в верхах состоялось совещание, порешившее — не надо писать об отрицательном, надо как можно больше писать о положительном. Так что набор поэмы с отрицательным героем был рассыпан.

И тогда я принялся за то, за что принимались тогда многие. Я начал писать поэму о вожде. Все тогда, конечно, знали о побегах Сталина из ссылки. С этого я и начал, причем, начал терцинами. Как у Данте. А в терцинах, между прочим, было и про «фомку» для взламывания замков и иное подобное. Но терцины затягивали дело. Я их сменил на форму и ритмику «Витязя в тигровой шкуре» — длинная строка, даже с внутренними рифмами — так мне казалось ближе к образу. Поэма называлась «Юность вождя», в ней был и Амирани, и Пиросмани, и Кавказский хребет, и иное грузинское, литературно прихваченное, неловко и вспомнить. Разве добавить, что и немалой известности поэт Сельвинский несколько позже написал «Сталиниану» — религиозно-восторженную осанну. Столь восторженную, что, был слух, сам Сталин устыдился такой оды. И даже возмущился.

Думаю, у всех по-разному воспринималась значимость происходящего. Вернее, у каждого было разное восприятие значимости происходящего. Крестьянской семье, которая потеряла в финской кампании надежду-сына (какая холодная тогда выдалась зима!), право, было не до осанн- «сталиниан» и даже не до «Витязя в тигровой шкуре». Но жизнь, подобно персидскому или грузинскому ковру, вплетает разные волокна — и скорби, и радости.

У нас весною сорок первого года родился Петя, третий, последний сын. И тогда же умер мой отец. Один Кораблинов в мир иной удалился, другой — на Свет Божий появился.

22 июня возвращаюсь я с базара, волоку давно нужный семье кухонный стол. И вдруг — из репродуктора — война! Изю всех репродукторов Советского Союза — война! 22 июня вся страна заголосила. Пронзительно и грозно взревела сиренами, тягостными гудками заводов, пронзительными гудками паровозов. Пришла в движение — с Запада пятясь на Восток, с Востока двигаясь на Запад. Тыл, фронт. Гибель. Я по здоровью, наверное, годился для фронта (разве что слабые глаза), но призван не был: все дело в тех сибирских отметинах.

Вскоре целый состав из Борисоглебска отправляют на прифронтовые рубежи — на рытье окопов.

В сентябре нас высадили далеко от Воронежа. Станция Теткино, Сейм, курские земли. Расположились в Шалыгине, в Талызинском районе, где, как говорится, крикни петух — на все четыре губернии слышать. Здесь до границы с Украиной (Жонотоп, Глухов) рукой подать. Частые воздушные тревоги. Березовые рощицы, торфяные разработки, вода, слякоть и свет берез — все вместе. Раздали нам топоры, лопаты — кому что досталось. Саперный офицер с солдатами стал размечать трассу противотанковых заграждений. Две недели состав из двух десятков вагонов, по сорок человек в каждом, копал и строил заграду. Вырыли в два человеческих роста. Борисоглебцев было человек пятьсот, да скоро еще харьковчан тысяч под тридцать подвалило. Последние прибыли, как и полагается богатому городу, с патефонами, гитарами, чемоданами, сумками пузатыми. Они благоденствуют, а мы зубами щелкаем. За едой решено было идти в колхоз верст за пять. Там заполучили муки и стадо свиней, которыми предводительствовал длинный, как челн, хряк. Властный, стервец: не раз останавливал хрюшек, приходилось ждать. Наконец к полудню добрались до укреплосы. Видим: люди по колесу в воде стоят, подпочвенные воды разгулялись. Невольно вспомнилась некрасовская «Железная дорога». Еще один литературный штрих — географический: места-то эти гоголевские, помнится, бандурист из «Страшной мести» под Глуховом пел.

От усталости рано спать легли. А уснуть не можем: беспокойно, гудит на Западе. Наш приют — барак от торфоразработок. И вдруг он как ухнет, словно сейчас вдребезги разлетится. Выскакиваем, всполошенные. Вся западная сторона — оранжево-алая. И сразу слух: немцы выбросили десант, идут на Шалыгино. И тогда усатый старый рубака-воин, георгиевский кавалер из Борисоглебска, сказал: отходить. И пошли, вернее, побежали мы в ночь, на восток. А как на рассвете вышли на большую дорогу, нас стали обгонять военные на двухколесных, четырехколесных телегах- «фурманках». Страшное дело — когда отступает армия. Тем не менее мы успокоились: армия знает — куда отступать. Кругом чудные леса, тронутые осенью, на обочине валяются мешки с мукой, патефоны, дорогие вещи. Ничего не нужно. Вдруг из лесу выходит нам навстречу как бы языческий старик. Словно пушкинский волхв. «Заветов грядущего вестник»... С распростертыми, будто крест, руками воскричал, вострубил: «Братья, куда вы? Изготовьтесь в путь обратный!» Пошли села чистые, беленькие, вишневые. Как на поздравительных открытках. Из хат повысыпал народ, толпы у палисадников. И неизменное: «Куда же вы?»

С обеда начался дождь. Я снял брезентовые ботинки, иду босиком. Вечером меня затрясло, забил озноб, начался приступ малярии. Станция Теткино — недавняя знакомая — совсем близко, но... Все безразлично. Забился под скамью, свернул-

ся, худое пальтишко — и матрац, и одеяло. Кто-то кричит, кто-то бежит, собака потыкалась в нос и отошла. Вдруг земля словно взбунтовалась. То мост через Сейм подвергся бомбежке. Гул страшный, а я... забылся, а когда очнулся, открыл глаза — уже рассвет, и дождик моросит. Провалился я так полдня. Вялая дума: померешь — и родным никто ничего не сможет рассказать. Поднялся, ослабший вкопец, побрел на вокзал. А там — народищу! Подошел к машинисту. На мою удачу, поезд направлялся в Лиски. Но как попасть на него? Вагоны и платформы, где нет военных, битком набиты. Прошел полсостава, безуспешно ищу — спрашиваю борисоглебских. И тут с платформы: «Ты борисоглебский? Наш, значит? Ну, влезай!»

В тот день я был счастливейший человек. В чем оно, счастье? Увидеть бы со стороны: морось, сырость, грязь, мокрые бревна и я на них — счастливейший, знающий, что состав медленно приближает меня к семье.

Вскоре поезд остановился. Впереди — затор из дюжины составов. Стали мы, борисоглебские, перебегать на впереди стоящие. Добирались дальше на платформе, доверху груженной мелким углем, и угольная пыль сделала нас похожими на эфиопов.

А с Лисок до Поворино исхитрялись ехать то в пульманах, почти под крышу груженых пшеницей, то поверху вагонных крыш, то, сгоняемые оттуда поездной стражей, в межвагонных проемах. Поворино и Борисоглебск — соседи, считай дома. Прибыл ночью. Постучался. Открыла жена, а я на себя не похож. Ничего, говорю, главное: теперь я с вами, родными моими.

11

С весны сорок первого года собкором «Коммуны» по восточному кусту области стал Задонский. Прибыв в Борисоглебск, он быстро сладил дело с квартирой в три комнаты и телефоном, исхитрясь перехватить ее у начальника районной милиции. Когда по осени я, недавно вернувшийся из незадачливой оборонно-строительной одиссеи, изможденный, в рваном пальто, попался ему на глаза, он ахнул: «Да разве можно так? Завтра же приезжай ко мне. Захвати с собой пять мешков».

Поутру идем с ним в горпищеторг. У начальника — не протолпиться. Собкор идет барственно, начальственно. Все расступаются, немеют. Заходим. Снимает перчатки и небрежно бросает на главный горпищеторговский стол. Коротко, басовито: «Вот ближайший друг Маяковского. Ему надо помочь». Малая пауза. И дальше: «Пиши! Муки... мяса... сахару... глудку топленого масла». Тот пишет как загнипнотизированный. Дальше все просто: на базаре ларек потайной...

Вскоре Задонский предложил мне написать вместе пьесу. Сюжет дал, название: «Леса горят». И я начал строчить, что по тем дням в моем положении было занятием рискованным. Всюду облавы, охоты на дезертиров. А я тип подозрительный: белобилетчик, да еще пишущий. Но ничего, обошлось. За полмесяца справился. Однако и пробивной Задонский на этот раз не пробил, не пристроил пьесу. Мне же он и дальше помог — и основательно. Позвонил начальнику Борисоглебского Дома Красной Армии с просьбой устроить меня художником.

Красноармейский Дом располагался в Станичной слободе, при авиашколе, точнее сказать, школе истребительной авиации имени Валерия Чкалова; именно здесь наш геройский пилот в начале двадцатых осваивал стезю летчика, своей дерзостью завоевав любовь местных, станичных. Чуть отвлекаясь, в этой же слободе борисоглебский родился и хороший художник Рябушкин, мне он нравился своими историческими картинами. Сын иконописца, он и иконы рисовал сокровенные. Много пил, уживались в нем и буянство, и смиренность, рано сгорел, и до сорока пяти не дожил. Я люблю читать воспоминания о художниках, иные ста-

рые мастера мне кажутся словно существами с другой планеты, бескорыстными, равнодушными к золотому тельцу. Конечно, не бывает в жизни все в один тон. И мастера — разные, и воспоминания о них — разные.

Но вернемся в год сорок первый. Проверка меня на рисовальную пригодность в Доме авиашколы оказалась скорой и незамысловатой. Огромный, едва не в полстены щит, натянутое полотно. Со снимка во фронтовой газете надлежало изобразить, как вешали Зою Космодемьянскую. Нарисованное мной понравилось. Таким образом я «легализовался» и проработал в Борисоглебском Доме Красной Армии все годы войны, получил и медаль «За победу над Германией».

Летчики, да и вообще военные, народ независимый, несмотря на зависимость от воинского устава. Сейчас это звучит как анекдот, а эпизод действительный и именно на нашем фронте бывший. Выступает будущий автор «Василия Теркина» перед фронтовиками, после прочтенных стихов просит задавать вопросы. Вопрос следует как выстрел: «За что вам, Твардовский, присвоили звание полковника?» Замполит, посчитавший вопрос дерзким, неуместным, со всей строгостью в зал: «Кто осмелился?» — Из рядов: «Поручик Лермонтов».

Зима выдалась холодная, возле армейского Дома был сухой сад, я обрубывал ветви яблонь и таскал домой. Но хватило ненадолго. Нашлись еще охотники согреть свои семьи дровишками из сада. Тогда, ночью, я уходил в недалекий, у реки Вороны, на окраине Борисоглебска лес и там «злодействовал». Ну а днем согревался малеванием — стал раздувать кадило наглядной агитации, а именно... иллюстрировать приказы. Еще по образу и подобию «Окон РОСТА» стал выпускать «Таран», за войну сотни две выпустил их. Я делал главные экземпляры, а копировали для семи эскадрилий так называемые размножители, попросту — сачки-курсанты. Они замечательны были еще и тем, что крепко пили, научились готовить зелие из самолетно-автомобильной краски «Эмалит», та краска крепко отдавала грушевой эссенцией.

Лето сорок второго. Воронеж занят немцами. Писатели славного града спешат на восток. Первым пристрекотал Михаил Булавин, и первый его вопрос был: «Есть в Военторге блат? Водки можешь достать?» Затем воспоследовали Максим Подобедов и иные «литературные казаки», жаждавшие добраться до волжских берегов. Вперед, на восток! Думал: да туда ли устремляетесь! Подобедов, главный великан среди пишущих, пребывал до того в Эртелевке, в Доме творчества, где всем и заправлял. А к Волге правился на однолошадной вместительной повозке, той повозке-телеге с мешками, свертками, корзинами цены не было. На повозке восседали весьма упитанный главбух издательства товарищ Гришин, корректор товарищ Пчелина с трехлетним сыном и сам директор, товарищ Подобедов (семейство его находилось в Ульяновске еще со времен первой эвакуации). Из продырявленных мешков выглядывали бублики, пряники, рафинадные глудки. Ничего этого ни детям моим, ни соседским почтенные беженцы не дали... В тот же день главбух живо смотался в банк, умудрился получить деньги на все издательство. Правда, троим тут же пришлось поделиться с художником Малюченко: тот, неожиданно появившийся, уже не работавший в издательстве, потребовал невыплаченные деньги, и Подобедов нехотя велел выдать. В пищеторге славные издатели получили продукты на все издательство, а через день, опузырившиеся, тронулись в путь, подалее от войны. Я провожал их глазами. Правил кобылой великолепный, вероятно курносый старец, черно-седая борода, шишковатый лоб, лысый, как Сократ. Звали «Сократа» Глебом, был он отец Бориса Пескова, конюх-сторож в Эртелевке, но не в пору, когда там директорствовал его сын, а позже, когда стал

директором товарищ Подобедов, знававший еще прежде дни славы. Вот штришок. В 1928 году проходил съезд писателей-ударников Воронежской области и Черноземного края, и товарищ Подобедов как один из рапповских секретарей был удостоен многоминутной овации. Все это осталось позади, в горящем Воронеже, а главный литературный боец Черноземного края отбывал на восток — подальше от войны, чтобы после написать роман «В огне войны».

Уезжать стали и борисоглебские. Задонский, спаситель некоторых литературных одиночек, спаситель драматического театра имени Чернышевского (организовал эвакуацию его подальше от бомбежек), вскоре и сам накрепко уехал.

А тут стали бомбить не только станцию близкого Поворина, но и сам Борисоглебск, прежде всего военный городок, авиашколу, так что и мы засобирались на восток.

13

Нашему эшелону разгрузка была назначена на Урале, в Челябинской области, в городке Троицк. Ехали долго, приехали ночью. Знал: Троицк — старинный, полуказачий-полукупеческий городок, хлебный и просторный. Полурусский, полутатарский. Но во тьме, конечно, ничего не видать. Курсантов авиашколы направили в казармы, а мы стоим у железнодорожного полотна вроде бесплатной стражи, должной сохранить сброшенную под дождь гору книг — библиотеку воинского городка. Час, другой, третий мокнем, как можем, собою детей прикрываем. Лишь поутру доставили нас в городок. Определили помещение для библиотеки, какой-никакой угол достался и нам. Начальник Дома Красной Армии приглашает: «Сейчас не до художеств. А всем нам надо как-то осилить эти холодно-голодные месяцы, если не годы. Пойдешь сторожить библиотеку, все какая ни есть копейка?» Согласился. Сторожую.

Однажды ночью стук (эти заставляющие вздрагивать ночные стуки!) заходит начальник библиотеки. Поздоровался, посидел-помолчал и вдруг: «Эх, все кругом тащат, давай и мы руки погреем. Газета один рубль стоит, а их, подшивок-то газетных!» — «Нет, я сторож, у меня трое детей». — «Так-то так, да у меня у самого их пятеро». Вздыхнул и молча убрел в неприятную для многих ночь.

Потом стали жить в деревянной заброшенной мечети на пустыре недалеко от сходящихся речушек. На них я сшитыми простынями немалые килограммы пескарей поймал. Спасались от голода и такой рыбной мелочью. От уральского мороза, иногда казалось, и спасения нет. Приходилось отдиравать доски от стен местного мусульманского центра, от его пристроек и недалеких заборов. По-хорошему, не ты строил, не тебе и ломать. Но тогда в стране почти весь религиозный мир лежал в порухе — что церкви, что мечети... Да и дети простуженные. Выдернешь доску — треск как выстрел, словно предупреждение тебе свыше. Но знаешь: озябшие дети к промороженным узорчатым окнам прикипели, вглядываются в непроглядную темень, ждут в страхе отца.

Да, со стороны городок — милый, степной, крепкий, осадистый, сплошь двухэтажные дома, вокруг городка березовые колки; только когда семья нередко без еды и тепла — не до окрестных красот. А тут еще с потолка нашего вынужденного, нечаянного жилища буквально сыплется полчища клопов, это внутри, а выйдешь в город — не раз встретишь на себе косые взгляды местных, особенно, не-славян; да, наверное, редко где встречали эвакуированных с распростертыми объятиями.

Незадолго до отъезда пришлось жить на лыжной базе, в помещении, сплошь заставленном лыжами. Тут уже крыс было великое множество. Они бухались едва не с потолка, со стен, с лыжных пирамид. Вольготно расплодившаяся крысиная

колония. Еды вдосталь, поскольку крысы поедали ремни-крепления, масло, лыжную мазь, чего здесь было в избытке. Для нас такое соседство стало сущим адом.

Но наступил май сорок третьего. Еще в январе немец был изгнан из Воронежской области, можно было возвращаться.

14

В первую же ночь, как вернулись в Борисоглебск, город попал под налет «юнкерсов». Бомба попала в состав с боеприпасами, и те всю ночь рвались, высоко поднимая сполохи огня. Но то была последняя для Борисоглебска бомбежка.

Потекли тыловые дни. Я вновь предался стихии монументального украшения: фойе клуба завесил простынями, изрисовав их сюжетами из истории воздухоплавания, начиная с античного Икара. Мне в ту пору благоволил начальник политотдела авиационного училища Иванов (жаль, имя и отчество не могу вспомнить), за Керчь разжалованный из генералов в полковники. Он знал, что такое опала, и как мог помогал. Правда, скоро он ушел на фронт и погиб. На его место припожаловал некто Сорокоумов, и одного-то ума не имевший, дуб стоеросовый, — в том удостовериться выпало скоро.

День за днем рисую я, в некотором роде предвосхищая будущего монументального Вучегича: большое, гигантское, сверхгигантское. Помогают мне курсанты, исхитрившиеся не пойти на войну. Их четверо. Пофамильно: Фомин, Ружо, Вилков и Заславский. Фомин — ныне где-то на Волге, скульптор; Вилков из Иваново окол за все Иваново, живописец от Бога, но застрял в глухой деревне учителем; Заславский, прохвост и делец из молодых да ранних, таких жизнь часто приподымает, но, случается, и крепко пригибает, не знаю, как у него сложилось; наконец, Ружо, всеми прозываемый «Ружье», ангелоподобный красавец и бойкий рисовальщик, позже ставший председателем Союза художников в одной из западных русских областей, но погоревший на том, что, будучи партийным, взял заказ от епархии, от действовавшего собора — рисовать какого-то архистратига метров в двадцать.

Ружо приезжал в Воронеж много лет спустя после войны. Заходит ко мне с батареей бутылок и выставляет на стол: «Здравствуй, батя!» Но я уже не пил. Правда, и без горькой в воспоминательной беседе полдня провели — было чего вспомнить.

Так вот, день за днем в мастерской впятером творим-художничаем — «трех сухача»: это значит, макнув малярные кисти в краски и вытерев их насухо, начинаем ими орудовать на полотне: на разделенном на клетки холсте рисуем портреты вождей и военных — Маленкова, Жданова, Микояна, Берия, Жукова, Буденного, Василевского... И вот однажды входит в мастерскую Сорокоумов, а курсанты мои шуруют малярными кистями, так называемыми «рушниками». Постоял начальник политотдела, поглядел, выяснил: для того чтобы «натереть» портрет куда более чем в рост человеческий, требуется два с половиной часа. Выяснил и спрашивает: «Сколько портретов за смену Вилков делает?» — «Два портрета». — «Так что же у вас — пятичасовой рабочий день?» — разоблачительно вопрошает Сорокоумов. Вилков нашелся — парировал немедля: «Товарищ начальник политотдела, если я за минуту съедаю котлету, то за час я шестьдесят котлет никак не съем».

Нередко заглядывал к нам и начальник местного Дома Красной Армии Беляев. Присматривал, чтоб у Сталина усы были ровные, а то вдруг один ус окажется выше другого. С этим уже не первый год было строго. Когда я работал в газете «За образцовую магистраль», мне поручено было нарисовать портреты, вернее, силуэты Ленина и Сталина. Нарисовал. В профиль. Друг на друга глядящих. Чуть по-

годя вызывает цензор и спрашивает: «Что это у вас товарищ Сталин одноглазый?» — «Так ведь в профиль. Они же друг на друга смотрят». — «Нет, вы это бросьте. Сделайте так, чтоб и другой глаз виден был. Ресничку пририсуйте, если ничего лучше придумать не умеете». Беляев был не столь «бдителен» и придирчив; ретивость начальнического глаза во многом зависела от смелости или боязливости начальника, от его невежественной перестраховки или здравого смысла. Во всяком случае, начальник нашего красноармейского дома не вдавался в мелочи, а охотно разглядывал мою авиационную панораму, к сюжетам или именам которой при малой толике предвзятости вполне можно было придаться. На панно во весь обзор фойе красовались, оживленные масляными красками, Икар, Леонардо да Винчи с летательным аппаратом, парящий с колокольни холоп Никита эпохи Ивана Грозного, Монгольфье, Райт, Блерио, Уточкин, Нестеров, Чкалов, Талалихин... Двое последних были борисоглебской «выпечки», учились в здешней авиашколе, и ими всегда начальник успешно мог отбиться от возможных критиков панорамы.

Так, за многосаженым рисованием, текли дни. Дни и с радостями, и, чаще, с горестями. Мои мать и сестра тоже жили в Борисоглебске, у сестры прогрессировала астма, и в сорок четвертом Леля скончалась. Ненадолго пережил ее и муж — художник Брюн.

15

Майская ночь сорок пятого. Гул великий. Нет, не надрывный вой сирен тревоги, не гул грозящих пожарами, подлетающих к Борисоглебску вражеских самолетов, не грохот взрывающихся и военный городок сотрясающих бомб. Гул великой победы. Пальба, радостные возгласы, песни. Поет и плачет военный городок, как и весь Борисоглебск, как и вся страна. Песни радости и скорби. Плачи скорби и радости.

16

В июле сорок пятого на полмесяца меня вызывают телеграммой в издательство. Сделал несколько книг и вернулся в Борисоглебск. А вскоре приходит телеграмма от первого секретаря партийного обкома Тищенко — освободить Кораблинова от занимаемой должности в связи с переводом в книжное издательство. Радующая телеграмма, мое тюремное сидение, мое сибирское поселение делающая несущественным для моего будущего. Работа — из почтенных. И где? В Воронеже, в городе так долго бывшем для меня закрытым. Все хорошо, но где жить? Я как первый раз вышел из деревянного вокзала — ахнул: одни каменные бугры-горы, развалины, красные, серые пирамиды битого кирпича. Меж развалинами тропки, прихотливые змейки их.

Издательство располагалось в трехэтажном доме на бывшей Воскресенке, напротив дома Второва, нашего весьма достойного историка-краеведа прошлого века. Тропинки к издательству были разные, но для меня — именно из Воронежа — ни одной. Где же обосноваться поблизости? В родном Углянце родни уже нет. Приглядел жилище на станции Графская, снял у старого машиниста большую комнату с верандой; у машиниста была дочь, которая (дело нехитрое) привезла ему то ли с фронтовых, то ли с тыловых плацдармов внучка, опять же — то ли солдатскую, то ли генеральскую кровинку.

Места были знакомые еще по детству, и здесь мое перо вновь потянулось к бумаге. Я стал писать «Заповедные пущи». Стихами. Вскоре их опубликовал местный альманах.

И вот однажды в заповедное обиталище, где я с семьей прожил четыре года, с сорок шестого по сорок девятый полностью, ко мне, словно «цыгане шумной толпой», завалились литераторы. Весьма по местным меркам крупные литераторы — Булавин, Кретова, Прудковский, Петров, Гончаров. Им надо было скоротать время до прихода позднего, почти ночного поезда. Гончаров, в ту пору молодой издательский сотрудник, был весь опрятен, весь ухожен заботами матери Любови Дмитриевны, женщины достойной, библиотекаря краеведческого музея. Кто-то пошутил насчет графского Пимена, при лучине заканчивающего свою повесть. В комнате действительно горела свеча, и я действительно завершал свою «заповедную» повесть. Тут младший сын зашалил с мерклым язычком огня, и он погас. Малец был изруган, а свечу зажгли вновь. И тогда ребенок внятно сказал: «Свечечка ты моя, я не буду об тебя зажигать». И в призрачном восковом пламени сами литераторы казались призраками, чье будущее мерцало крупно и столь же... призрачно. Эта встреча, с похвалами в мой адрес, частично была отображена позже в книге Юрия Гончарова «Вспоминая Паустовского. Предки Бунина». Такая с двумя названиями книга с трудным прохождением к книжному прилавку.

17

Сначала я работал в издательстве «Коммуна», позже — в газете с тем же наименованием. Мой очередной литературно-издательский заплыв начался не лучшим образом. «Заповедные пущи» были основательно щелкнуты в центральной «Правде». Досталось мне и по месту жительства. В сорок восьмом выдался отменный урожай, я написал поэму «Урожай», где сказительницы песни поют, где яблоны от яблок ломаются, и машины, и подводы у районного зернохранилища «Заготзерно» вереницами выстаивают; однако быстрее пропускают того, кто одарит принимающих бутылкой горькой. Эта бутылка-то оказалась дороже, чем того стоила: в местной печати литераторы Сергееenko и Волохов, тоже уже авторитетные, эпизод с подношением горькой назвали ни много ни мало — клеветой.

Редакторствовал в «Коммуне» в те поры Шапошник. Его я знал еще с тридцать первого года, и уже тогда он был брюзгливый старик. И, передвигаясь с места на место, с кресла в кресло, неизменно верен был себе. Даже в одежде — носил сатиновую рубашку, бумажные брюки, тапочки. Что же до общественных убеждений — верный ленинец, бдительный. Чтоб все чисто, приглажено было — и в мыслях, и на полях. Однажды дает ответственный секретарь фотографию «Полевые хлеба». Поглядел редактор, пригляделся и тут же меня вызывает: «Вы не просто художник, а гражданин. А вы? Вот движется комбайн, а за ним, глядите, какая высокая стерня. Подретушировать не могли, что ли?» Во всем видел злые намерения. Он знал, что я сидел, знал о моем поповском происхождении, знал, что я не был комсомольцем, он мне не доверял: в его глазах я выглядел личностью идеологически ущербной. Но художников не хватало. Кому-то надо было ретушировать, скоблить фотоснимки И он вынужденно меня терпел, пока однажды...

В «Правде» была помещена карта великого Сталинского плана преобразования природы (разумного, замечательного, к слову сказать, плана). Вся карта пятнилась «червячками» лесозащитных полос. «Коммуне» надлежало ее срочно повторить. Перечерчиваю, долгие часы не отхожу от стола, уже вечер, уже ночь, весь как вареный, тут еще текущие фотографии... Но вот наконец карта готова. Шапошник и его замы не уходят — сличают, проверяют, перепроверяют. И вдруг обнаруживают: там, где надо три полосы, у меня две. Это уже что-то вроде политической ошибки. «Галя, пишите приказ об увольнении», — угромо велел редактор молодой секретарше. Было это в конце сорок восьмого года.

Вернулся в Графскую. Чем семью кормить? Иногда накатывало: на рельсы! Да и Господь им судья — всем указателям и вершителям наших судеб. Но то были недолгие слабости. Чувствовал и долг семейный, и силы свои художнические, пусть и скромные.

Приехал Малюченко. И вновь стал поручать мне заказы. Хоть малое, да подспорье для семейного стола.

А вскоре, в начале пятидесятого, был возобновлен выпуск «Молодого коммунара». Первым его послевоенным редактором стал Домогацких. Михаил Георгиевич. Ныне — «правдист». В этом небольшом, щуплом человеке выказался смелый богатырский дух. Он не боялся подавать руку помощи отверженным высокими чиновниками, подал он ее и мне. Однажды встречается меня в «Коммуне» и кратко объясняет и спрашивает: «Я назначен редактором «Молодого коммунара». Пойдете в художники? Пишите заявление!» — «Да я ж ненадежный». — «Ну, почему же? Как художник — надежный!» Через два дня приезжаю из Графской, захожу к нему в кабинет. Сидит хмурый. Оказывается, перед этим имел часовую беседу с товарищем Шапошником. Другой бы отступился. А Домогацких — в обком, в сектор печати. Завсектором печати новый барьер выставил — жестко сказал: «Не советую!» Узнал я обо всем этом и засобирался: «Ну, я поехал». — «Куда?» — «Да они ж не хотят». — «Может, они мне и рисовать будут?!»

И стали несколько комнат в некогда губернаторском дворце, вход со стороны улицы Чайковского, добрым приютом и вторым моим домом. Ежедневно — из Графской в Воронеж. Ежедневно — обратно. Однажды чуть не погиб, едва не разбился в дороге. По карточной системе, еще не отмененной, я получал паек — прежде всего, хлеб — в Воронеже. И вот решил добраться до Графской не поздним пригородным, а семичасовым московским. Разумеется, взобраться на ступени не со стороны контрольно просматриваемого перрона. Зима. Мороз — насквозь пробирающий. Кое-как пристроил на ступеньках кошелку с хлебом, поручни обхватил руками. Думал, в Отрожке, как обычно, приостановится, и можно будет зайти в тамбур, передохнуть. Но поезд промчался безостановочно. И дверь, сколько я ни пытался открыть, не подвигалась. Около платформы Тресвятская почувствовал: руки немеют, становятся чужими. А боль-дума об одном: хлеб не попадет в семью. Мысленно я уже прощался с белым светом. И вдруг... дверь открывается (она все-таки оказалась незапертой и от быстрого хода раскачалась). Я ее головою боднул, еле-еле корзину втолкнул и животом ввалился в темный, но милый тамбур.

Вообще-то жизнь в Графской имела и свои прелести: в окружении леса, не как в городе, по-прежнему явственно сменяли друг друга четыре времени года. В лесу же много птиц, зелени и мало суеты. Детям моим лес стал как дом родной, они так наловчились, что прямоезжих дорог не знали, безошибочно ориентируясь среди неотлично одинаковых лесных массивов. Водительствовал, естественно, старший сын, но он вовсе не лодырничал в густолесье, а наблюдал птиц, рисовал их; мне удалось сохранить два альбома (всего лишь малую часть), где десятилетний Андрей зарисовал лесных птах и пернатых хищников. Он звуки птиц различал и по голосам, и даже по шуму крыл. Рассказывал мне, как взрослый, что, мол, ястреб — хищник необычайный. Если сокол бьет свои жертвы в воздухе, болотный лунь настигает их на воде, то коршун живую свою пищу возьмет и в воздухе, и на земле, и на воде, может даже снять с ветки. Старший сын знал птичьи повадки, как привычки своих младших братьев. Талантливый бы вышел орнитолог, как и талантливый художник, если б, если б...

В том лесу, неподалеку от нашего обиталища, покоилось озерцо — «Грязное». И впрямь: кинешь палку, собака бросится доставать, выберется на берег, вся — как африканка. И вот однажды косяк белых журавлей летит низко, шумно, вдруг резко снижается — планирует на озерцо. Журавли — и не в небе, а в грязной луже? Куда подевалась их белизна? Эти журавли не раз наводили меня на грустные мысли. Белый чистый журавль по нужде ли, или незнанию, или в желании неизвестного окунает себя в грязь. А человек — как тот журавль. То ли сам роняет себя в грязь, то ли заталкивают его туда, то ли обливают грязью. У нас такие «обливальщики грязью», наверное, никогда не переведутся. Есть целые профессии, которые к этому занятию располагают.

19

Домогацких на посту главного редактора пробыл недолго. Его сменил Сидельников. Иван Васильевич. Тоже фронтовик, оборонял Воронеж, ходил в атаки на Чижовском плацдарме. Ныне писатель, одна из его книг — «Неутраченное счастье» называется — о бойце Батраченко, потерявшем на войне зрение, ставшем ученым, преподавателем в вузе. С Сидельниковым ездил в столицу, рассказывал об оформлении газеты — у нас была хорошая четвертая полоса.

Обретя более или менее надежный рабочий стол в «Коммунаре», я наконец-таки перебрался с семьей в Воронеж. Поселились все в той же Троицкой слободе, близ Архиерейской рощи, все в том же доме Редькина, все у того же предприимчивого Горожанкина, из западных разоренных областей извернувшегося вернуться с коровой.

Каждодневные воронежские кирпичи-камни... Но страна детства — Углянец, Усманский бор, Графская — все осталось со мной. Конечно, многие вещи были потеряны навсегда. Ни о чем я не жалел, как о шкафе с книгами, проданном в трудные двадцатые годы вместе с домом. В том шкафу хранился целый мир из религиозных и художественных книг, и почти каждая прочитанная была неким восхождением от холма к более высокому холму. Остались как озарения детские очищающие впечатления, — вы знаете, — я об этом рассказываю в «Азорских островах». Попытался рассказать о том, о чем трудно рассказать. В самом деле. Тихое сказочное утро, весь Углянец — как в молочном тумане, отец тихо и не спеша собирается на пруд. И вдруг лошадь заржет, словно призывая всех подниматься для дневных трудов праведных...

20

В пятьдесят третьем я написал нечто вроде повести — «В заповедном лесу».

Радость. Авторская. Еще большая радость — надолгая, душевная, сердечная — знакомство с Борисом Ивановичем Стукалиным. В тот год он сменил на посту главного редактора молодежной газеты Ивана Васильевича Сидельникова, кажется, куда-то пошедшего на повышение.

Стукалин — большой души человек, из породы тех, кого не в силах испортить большие кресла, большие посты. Где бы он ни работал — в областной «Коммуне» или центральной «Правде», в ЦК или в должности председателя Российского Госкомиздата. До войны он, сотрудник острогожской районной газеты, был другом подававшего великие надежды поэта и публициста Василия Кубанева, и помнил о нем, рано сгоревшем, всегда, и все сделал для того, чтобы об этом талантливым, безвременно ушедшем поэте узнала страна. Помог он многим — мне, Василию Пескову, Алексею Прасолову, Анатолию Жигулину, Юрию Гончарову, Гавриилу Троепольскому, Егору Исаеву, Николаю Коноплину, да едва ли не всем землякам-литераторам.

Вася Песков поначалу был робковат, с наивными подтекстовками к снимкам, производил впечатление не балуемого счастьем парня — постоянно у него голова болела так, что даже экзамен в вуз ему врачи не разрешили сдавать. Он перемогался в каком-то городском фотоателье, принес однажды в «Коммуну» десятка два фотографий, но ответственный секретарь отмахнулся: «Нет. Не годятся». Это теперь, как только Песков навещает Воронеж, прежние его судьи-отвергатели усердно шлейф несут, горазды объясняются в любви лауреату. А вот Борис Иванович Стукалин... Да, тут пожалуй, скажу вот о чем. Однажды ехал я в пригородном поезде, рядом молодой парень. Фотоаппарат «Лейка», неказистая папка. Парень взял было открывать папку, да как-то неосторожно: из нее просыпались фотографии. Я попросил поглядеть. Сосны, птицы, олени — наш мир, подворонежский, полулесной. Снимки понравились. И я его пригласил в «Молодой коммунар» переговорить с редактором, дал адрес. Так вот Борис Иванович песковский дар сразу почувствовал, увидел и дал ему стремительно расти в газете, так что через три года молодой коммунаронец был приглашен на собрание в «Комсомольскую правду».

Помог Борис Иванович и Алеше Прасолову — стать на ноги, сделать первые и верные литературные шаги. Толкового паренька он заметил еще в Россоши, когда редакторствовал в местной газете, напечатал его первые строки, стал звать в дом для долгих бесед о творчестве, а став редактором «Молодого коммунара», пригласил его на свободную ставку корректора. Я приходил на работу очень рано, рисовал необходимое, скоблил фотографии, и Алеша, возвращаясь с корректорской, повадился меня встречать, и мы долгие утра сидели в пропахшей типографской краской комнатке. Я скоблил снимки, он читал стихи — иные я хвалил, другие — не хвалил. (Это уже годы спустя, после тюремных его отсидок, прочитав его сильные стихи, у меня вырвется: воронежский Франсуа Вийон, определение едва ли точное, но привившееся в местной литературной среде.) В иное утро пошатываясь, выходил из фотолаборатории всю ночь там проведший Вася Песков, усталый, но поющий. Он обожал петь и пел при первой возможности — пел, когда был безвестным областным газетчиком, пел, когда стал всеоюзно известным лауреатом.

Часто и подолгу бывали у меня по утрам Анатолий Жигулин и Геннадий Лутков, они тогда были не разлей-друзья, иногда читали мне стихи, написанные перед тем бессонной для обоих ночью.

Но пора уже, наверное, сказать и о «Жизни Кольцова»: ведь роман написан в бытность мою художником в «Молодом коммунаре». В те поры текла целая полоса биографических фильмов. Однажды посмотрел о Тарасе Шевченко — не понравилось. Не так, думаю, надо бы. А как? Но не так же: Кобзарь при виде брюлловской картины подбегает к столу и пишет как одержимый: «Реве та стогне Днипр широкий...»

По-прежнему я часто ездил в Воронежский заповедник, в пригородном меня и настиг «Кольцов» — как первая строка, как тональность, как сюжет. Поначалу то был сценарий о поэте-прасоле. Послушали братья-писатели в редакции «Молодого коммунара» по улице Чайковского, сказали: «Нудно! Но хорошая здесь проглядывает повесть для юношества». Было это на исходе пятьдесят третьего, а в следующем году я по крепкой пьянке сломал ногу, пролежал три месяца, и за эти месяцы написал первую часть романа. Затем под осень уехал в Рамонь.

А весной пятьдесят пятого ответственный секретарь «молодежки» Валентин Ющенко уезжал в Москву на совещание, и я отдал ему папку с двумя частями. Через неделю из Москвы приходит телеграмма от Валентина, моего товарища и начальника. «Вышли данные о себе Издательство желает заключить договор». Вскоре присылают договор на всю книгу — на двадцать листов. А у меня их лишь пятнадцать, нет последней части. Прошу я у Стукалина отпуск, сажусь за домаш-

ний стол, и... неделю не могу придумать ни строки, вернее, путной строки. Потом — пошло. Отослал и заключительную часть романа. Вскоре из «Молодой гвардии» приехал художник Олег Коровин, уралец, не от мира сего. С ним и вовсе стала вырисовываться рукопись как книга.

Попутно стал я думать и над новыми вещами, и Борис Иванович вновь предоставил мне отпуск. И вообще смотрел сквозь пальцы, когда я, бывало, запаздывал, или вовсе не появлялся на работе в какой незагруженный день. Разумеется, была с ним договоренность о моем вольном режиме.

Летом пятьдесят шестого Стукалин был назначен редактором «Коммуны». Естественно, и меня он пригласил в художники прежде изгнавшей меня «Коммуны». Позже в газете была даже полностью опубликована моя повесть «Лесов таинственная сень» с моими рисунками. Проработал же в «Коммуне» я недолго. В альманахе «Литературный Воронеж» в трех номерах была напечатана «Жизнь Кольцова», я был принят в члены Союза писателей СССР, ушел на профположение.

21

«Жизнь Кольцова» издавалась в Москве дважды. К слову сказать, «Лесов таинственная сень» — тоже. Эта повесть вся «вышла» из Усманского бора, из Воронежского заповедника. Могиле — в нескольких верстах от Графской — у местных называется Городянка. По преданию, при монголо-татарском нашествии тут город стоял, остатки валов еще сохранились. В этих местах и разворачивается действие повести. Здесь и разбойничья крепость, Кудеяров стан, здесь и полчища гадюк в лесу непроходимом, здесь и звериная ночная жизнь. Отдал рукопись я столичному, меня пригревшему издательству, а уже через недели полторы из «Молодой гвардии» приходит письмо: «Шлем гранки». Вот бы и прикипеть к «Молодой гвардии», да, видно, я человек из медлительных, неразворотных, в Москве устраивать дела не умеющих и о том не сожалеющих.

После выхода в свет «Жизни Кольцова» моя жизнь и в житейски-бытовом, и в литературно-просветительском смысле решительно изменилась. Был я пожалован квартирой на углу Плехановской и Клинической (секретарь обкома Игнатов, тогда известный деятель, вскоре взятый на повышение в Москву, распорядился дать квартиру получше, а предгориспокома Бельский словчился без проволочек выделить похуже; но все одно — какая ни есть квартира — своя, закончилась пора по чужим углам маяться). Хотя известность принесла и неудобство: много времени уходило на встречи. Однако и сугубо литературная работа не приостановилась. Напротив. Быстро, едва не на одном дыхании, был переработан мною роман для сцены.

Постановка «Жизни Кольцова» в Воронежском драмтеатре удалась по самому высокому уровню. Режиссер Фирс Шишигин размахнулся, как кольцовский косарь, и вышло настоящее. Полтора раза шел спектакль при переполненном зале, побив даже рекордный, сто двадцать раз прошедший по театрам страны «Порт-Артур». В 1975 году Шишигин приезжал из Ярославля в Воронеж, и тогдашний первый секретарь (будущий председатель Совета Министров Российской Федерации, еще советской, социалистической. — В.Б.) Воротников просил его возобновить постановку «Жизни Кольцова». Но режиссер наотрез отказался: «Пусть этот спектакль останется легендой». Надо сказать, что спектакль понравился и Москве, где он имел немалый успех в дни кольцовских празднеств в 1959 году.

Инсценированной «Жизни Кольцова» обязан своим скорым появлением и фильм «Песня о Кольцове». На мой взгляд, фильм рядовой, посредственный, отличный от спектакля, как небо от земли. Вот с чего началось: на спектакле в Москве побывал министр культуры СССР. Спектакль ему понравился, и он велел создать фильм о Кольцове.

С этим фильмом сразу не повезло. Начинал его и дважды приезжал на кольцовскую родину, бывал у меня молодой, одаренный режиссер Взоров, но он вскоре попал в автомобильную катастрофу. Сделанное им было, на мой взгляд, талантливо. Похороны Пушкина — увоз его тела из Петербурга при свете головешек в глубь России, а кругом ночь, а кругом лес. У сменившего его режиссера Герасимова (не режиссера «Тихого Дона», а другого, малоизвестного) похороны поэта — совсем иначе, казенно: толпа, нечто статистическое.

Все натурные съемки проходили около Задонска. Тогда, в пятьдесят девятом, через Дон строили мост, и два полукружия от берегов были как два тигра, изготовившиеся к взаимному прыжку в воздушную пустоту над серединой Дона. На противоположной стороне от Задонска родина писателя Эртеля — Ксизово.

Между Задонском и Ксизово — село Каменка, место некогда знаменитое как благодаря своей природной красоте, так и историческому прошлому. Возле Каменки, у крутого донского обрыва так называемые «Столбы» — гранитные выступы, вокруг дубовый лес, а по обрыву, по его заросшим кустарником овражкам бьют ключи, их — великое множество, шум — за версту слышен. В эти места князь рязанский выезжал на полюдые, творя суд скорый. Это была как бы выездная сессия суда. Все решалось без проволочек. Вот жалобщик, вот ответчик. Бюрократов тогда не было, а без них дело можно было решить справедливее, честнее и скорее. Во всяком случае так — по преданию.

Возле Каменки содеивалась сцена падежа скота. Делалось это таким образом. Выбрали отменного быка и начали поить его водкой — тот сам охотно из резиновой бутылочки сосал, причмокивал. Три поллитровки заглотнул — ничего, еще три — ничего, а уж когда еще две поллитровки одолел — рухнул как сраженный. Бухнул он, а съемщики кинулись своими кинокамерами строчить. Проспал бык до заката. Потом, пастухи рассказывали, как отходил он от неожиданного загула. Как человек. Встал, шатаясь, повода недоумевающими глазами. Кто-то из любопытных зевак посочувствовал: «Эх, ему бы сейчас еще две поллитровки». Киносъемщикам колхоз требовательно объяснил, мол, если что, этот бык тридцать пять тысяч рублей стоит! Да что такие деньги кинощикам! Они коровами потравили целое поле ржи, там поболее денег надо было заплатить. Заплатили. Не из своего же кармана.

В самом же Задонске снимались сцены с рекой и выпасом на донском берегу, а также сцены венчания Вари Лебедевой, возлюбленной Кольцова, счастья ему не принесшей.

«Директивный» фильм с поэтической темой мне, по правде сказать, не понравился. Хотя при первом его просмотре в Задонске многие зрители от души аплодировали. Может, и справедливо: съемки на родине, в задонских местах, съемки о великом человеке, да еще и земляке, — это не могло не рождать в местных благодарного чувства.

Наверное, стоит сказать, что чувство малой лесной родины, заповедного леса неискоренимо жило во мне, время от времени воплощаясь в рассказы, даже отдельные книги. Так, в 1959 году в Воронеже была издана книга «Олень — золотые рога» — сборник рассказов для детей, условно говоря, от семи до семнадцати лет, хотя на литературных встречах много говорили о ней и взрослые. Разное говорили, но в основном — хорошее.

В ту же пору, да и раньше, да и позже, часто я раздумывал о религиозном начале в человеке, о духовном сословии, выходящем из которого был и я, многогрешный, да и многие большие люди Отечества, что художники, что историки. Две вещи — «Житие священного Смарагда» и «Чертов лог» — в какой-то мере резуль-

тат этих раздумий, книжно воплощенных друг за другом в начале шестидесятих годов.

У моего Смарагда есть живые прообразы. Лука Войно-Ясенецкий был преосвященный, архиерей в Крыму и в Тамбове, врач-золотые руки. В войну он достиг генеральского чина, на кровавом опыте войны с множеством успешно им проведенных операций написал книгу, за которую был удостоен Сталинской премии в области науки. А Овчинников (подлинная фамилия, он не из монахов) тоже был врач божьей милостью; он заведовал инфекционной больницей в Воронеже, и больные, и малые начальники нет-нет да и слали к нему гонцов за спиртом, расписок не выдавая. Он взмолился, вернее, возмутился: «Да не бездонная же здесь бочка, ведь рано или поздно взыщут!» — «Не взыщут, — заверяли начальники, — а если что — застоим!». При первой же основательной ревизии не застояли. И присудили ему три года тюрьмы. Возвратясь, пошел в священники (он был из верующей среды), на долгие годы стал настоятелем Елецкого Вознесенского собора, на его службы народ стекался издалека.

«Чертов лог» — антирелигиозный, вернее, антисектантский роман, не очень удачный, уже и мною позабытый.

23

Перед тем я попытался было вернуться к своим первым творческим жанрам — в стихах. Отдельной книжицей издана была «Воронежская поэма». Опять-таки — не из лучших моих вещей. Но, спасибо, именно она дала сильный толчок к написанию исторических произведений.

В прессе нет-нет да и промелькнет теперь: Летопись воронежского края. Или Летописец воронежской земли. Понимаешь, что название приблизительное, неточное, несколько велеречивое. В самом деле, не Пимен же я, тем более, не Нестор, изо дня в день записывающий все, что происходит на родине. Просто наш край богат на большие имена и события, о некоторых из них мне хотелось рассказать; рассказанное воплотилось в цепочке повестей, так случилось, связавших разные века местной и отечественной истории.

В шестьдесят четвертом и шестьдесят шестом годах вышли в свет два моих увесистых сборника — «Воронежские повести» и «Ночные набаты». В них действительно протяженность рассказываемого — на многие столетия: о восстании в Воронеже, возглавленном казаком Герасимом Кривушей; о строительстве воронежских кораблей при молодом Петре Первом; о воронежской поре жизни Евфимия Болховитинова, будущего значительного историка и духовного деятеля; о фронтовом Воронеже лета сорок второго, о Чижовском плацдарме.

24

Пора сказать и о детективной ветке моих писаний — ветке, словно бы искусственно привитой. Вслед за выходом в свет «Ночных набатов» в 1967 году, в два последующих года в Центрально-Черноземном книжном издательстве печатаются два детективно-уголовных романа: «Бардадым — король черной масти» и «Волки». Предыстория их... Обычно летние месяцы я отдыхал близ Воронежа, близ Рамони в укромных селах и деревушках (Сенное, Лещино, Писаревка, Курино) — то со всею семьей, то с детьми, то с Василием Песковым, тогда уже знаменитым пером «Комсомольской правды», лауреатом Ленинской премии. В лето после выхода «Ночных набатов» отдых выпал с писателем Юрием Гончаровым в недалекой от Рамони Писаревке, там наше коллективное писание и затеялось. Два романа, в которых много и воды, и пристрастности. Андрей, мой старший сын, чело-

век художественно одаренный и чуткий, вообще саму затею соавторства не принял, поскольку считал, что мы, то есть Кораблинов и Гончаров, разные не только по стилистике, но и по отношению к человеку, истории, России. Сын оба романа считал слабыми. Да и на мой сегодняшний взгляд, детективы — мертворожденные, слава Богу, им не дано было продолжиться: пути мои с соавтором тихо и незаметно разошлись. Но все же свой круг читателей у тех детективных романов образовался.

Что же до Пескова, то, надеюсь, нашей душевной дружбе длиться, пока я жив. Совместные наши рыбалки — это просто счастливая возможность на неделю, на месяц беседовать о родных местах, об исторических событиях и текущих днях в Отечестве и мире... Песков никогда заядло не рыбачил, но любил наблюдать, как другие рыбачат. Любил шутливо оценивать улов. Попадалась плотва — это, по его классификации, солдат, в лучшем случае сержант; покрупнее рыба, тот же окунь, — это уже полковник, ну а сазан — так и вовсе генерал. Щука если — генеральша. К доброму слову сказать, мой младший друг, когда стал влиятельным москвичом, заказал в подарок мне алюминиевую лодку. Легкую, маневренную. Отменно ловила хорошую волну. Ну и всякой рыбы, большой и малой, на ее дне перебивало — при желании на рынке, поди, можно было и капиталец сколотить. Да последнее — не про нас.

25

Дальнейшее — более серьезное: «Алые всадники». Как пишется в таких случаях, издание расширенное и дополненное. Первое вышло в свет еще в конце шестидесятых годов. Это романтическая повесть о председателе Губчека Николае Алексеевском. Понятно, что острая тема. Среди революционеров водятся не только романтики, но и палачи, провокаторы, садисты. Так что тяжелая тема. И пусть не смутит кого в данном случае это: председатель Губчека. Алексеевский был человек настоящий.

В молодости, еще с начала двадцатых годов, я хорошо знал его мать — Елизавету Александровну. У нее было пять, кажется, сыновей. Старший — Николай Евгеньевич, родившийся в тысяча девятисотом году, в двадцать лет стал председателем Губчека, в двадцать и погиб в бою с восставшими крестьянами-колесниковцами. У родителей-учителей и сыновья оказались головастыми, толковыми. Один походил даже в министрах — министр мелиорации страны. Елизавета Александровна скончалась в Новосибирске у младшего сына, месяца не дожив до ста лет. Ее муж, Евгений Евгеньевич, тоже, как и она, учитель, служил инспектором народных училищ в Бобровском районе, был богомолен. После революции они перебрались в Новую Усмань. Вскоре, потеряв мужа и став вдовой, Елизавета Александровна пошла работать в библиотеку губпотребсоюза.

Здесь мы и познакомились. Мне было за пятнадцать, ей под шестьдесят. Я долгое время учился в кооперативном училище и повадился ходить в библиотеку, здесь для меня был великий корм: целые книгохранилища, вывезенные из дворянских имений, комплекты изданий предреволюционных издательств: «Мир искусства», «Аполлон», «Мусажет»... Елизавета Александровна, узнав, что я рисую, попросила выпустить стенгазету, я сделал это раз, другой, третий, и получил доступ к «тайникам» библиотеки.

А старший ее сын был настоящий рыцарь-идеалист с мечтой о счастье всех обездоленных на земле. Чистый, бескорыстный. Одевался скудно: бумажные брюки, брезентовые тапочки на веревочной подошве. Питался абы как. Для себя — в последний ряд. Однажды, в январе двадцатого года, мать умоляюще попросила его: «Коленька, ты бы принес соли да немного пшена. Вы же реквизируете!» И как он

задохнулся, возмутился: «Неужели мы берем у других, чтоб — себе?!» Конечно, брали и себе. Даже не брали, а заграбастывали. Но не он! И не ему подобные!

Пройдут годы, и какой же перепад: брезентовые тапочки Алексеевского и пышная дача Варейкиса, Рябинина и всех, шедших за ними. Помню из того времени. В воскресный день, отдыхающие, плывем на лодках, мимо Шиловского леса. И вдруг, на обоих берегах милиция сыпом высыпала, скорехонько выстраивает заграждения, свистит, кричит: «Назад!». Да в чем дело, почему — назад? Оказывается, первый секретарь отдыхает, купается, загорает... Чуть позже и его, Рябинина, как и Варейкиса, постигнет печальная участь репрессированных. Но эти дачи, эти купания... Беда, наверно, не только в начальниках, но и в заносащих им шлейфы. А такие всегда находятся. Партийные секретари азартно играли в бильярд, били так, что шары часто вылетали за борт, а литературные бойцы Подобедов и Ряховский наперегонки бросались их поднимать.

И что осталось от той первосекретарской дачи, если давно уже нет тех, кто не по-советски пиршественно отдыхал в ней? Так и идет история, — а в ней события, люди, штрихи, пятна, изломы, — и много в ней непонятного, нераскрытого, искаженного человеческим пером, кистью, кривотолком.

26

Семидесятые годы, то есть ныне протекающие и еще не завершившиеся годы, можно было бы назвать творчески плодотворными, если бы все страницы, все главы были ровными. Да так не бывает. И все-таки из недавно написанного и напечатанного, а это: «Прозрение Аполлона», «Жизнь Никитина», «Азорские острова», «Дом веселого чародея», — на двух книгах, их мытарствах и судьбах, думаю, следует остановиться.

Но прежде все-таки стоит возвратиться к истоку — селу Углянец. В «Азорских островах» я попытался найти благодарное слово о нем, но разве передашь в слове всю поэзию ранних детских первооткрытий, когда избы — словно из старорусского далека, из тумана выплывают; или когда лес стоит инеем покрытый, сказочный, а дубы, как былинные богатыри; когда озеро, на котором впервые пришел с отцом порыбачить, влечет такими тайнами, что их не раскрыть ни малым, ни взрослым.

Теперь не тот Углянец, что в моем детстве. Теперь — пригородный, суетный, спешащий. Последний раз я был в нем в семьдесят втором, и печать спешки уже затронула и его. Сейчас, думаю, дух спешки — еще сильнее, а что-то будет лет через тридцать?

Мы поехали на мою родину вместе с Гончаровым. Тянулась вверх, в небо взятая порушеньем церковь, в которой священнослужительствовал отец и в которой не раз и я выстаивал службы. Ее нельзя было миновать. Далее зашли в библиотеку. Представились. Юная сотрудница библиотеки, во все глаза глядя на Гончарова, спрашивает с тихим восторгом: «Так это вы «Обломова» написали?» Юрию Даниловичу нет бы сказать: «Да так, пустячок, забава юности, давнее...», а он чего-то ступешался, заробел, пробормотал что-то невнятное. Зато с углянскими стариками разговор у нас выдался основательный: в клубе мы предались воспоминаниям ближнего и дальнего времени, вплоть до местных преданий.

А клуб тот — дом, в котором я прожил добрый десяток лет. «Мир» построил его моему отцу — ему перед этим выдалась возможность перебраться на служение в Тростянку Острогжского уезда; а углянские, любя его (он был священник-бессребреник), споро взялись выстроить ему приглядное жилище — до этого была хибарка, в которой я и родился. Дом — кирпичный — построили в тысяча девятьсот двенадцатом году, а выселили семью оттуда через двенадцать лет, когда отец

перестал священнослужить. Тогда рядом поселились — в деревянном доме с четырьмя комнатками. К дому примыкал большой сад — отцова слабость. Позже через сад пролегла дорога. Позже... Когда в семьдесят втором я обошел вокруг памятной покинутой церкви, то могильных плит, под которыми похоронены братья, не смог и следа отыскать.

Деревянный наш дом был продан вместе с книжным шкафом, где было много хороших книг, а главное — хранилась в нем дедовская тетрадь со стихами. Эта тетрадь и горемычная судьба моего деда оживут на страницах и «Жизни Никитина» и «Азорских островов». Она — мой первый побудитель к слову, к творчеству, к познанию Отечества и путешествию в его пределах.

Забавный эпизод. Когда я в ранней юности печатал стихи в «Коммуне», заявил туда некто с брезентовым портфелем и завил: «Пусть сначала Кораблинов испросит разрешения у Углянской комсомольской ячейки, а там подумают, разрешить ли ему писать или нет». Пришлось «испрашивать дозволения» у комсомольской ячейки родного села, а руководителем ее оказался — мой сосед. Он выдал мне разрешительную «бумагу» и весело напутствовал: «Пиши, прославляй наш Углянец, чтоб о нем знала Россия!»

27

Замахи у меня были действительно всероссийские. Написать нечто эпохальное. Для того надо было побольше узнавать жизнь, путешествовать по России. Пожалуй, стоит возвратиться в мои давние годы детства и молодости, вспомнить какие-то события, эпизоды жизни, не вошедшие в «Азорские острова» и о каких мне теперь уже, верно, не написать.

Осенью двадцать пятого года устремился я узнавать Россию, то есть СССР. Дорога моя лежала аж до Ташкента. Москвы было не миновать. Там уже были наши, воронежские: Новиков, Бобылев, Платонов. Андрей Новиков редактировал газету «Крестьянская взаимопомощь», редакция размещалась недалеко от Кремля, на Ильинке, в Сапруновском проезде. Было шесть часов ноябрьского утра. Меня, до того ни разу не бывавшего в Москве, столица озадачила: встретила не фабриками-дымами, а жареными пирожками. От Казанского вокзала шел пешком до Кремля. В здании, где размещалась редакция, важный, будто генерал, швейцар с позолоченными галунами велел подождать. В девять утра мои знакомые стали сходиться. Новиков, Бобылев, Томили. Редакция размещалась на верхнем этаже в комнате с большими полуциркульными окнами.

Сказал, что еду в Ташкент, и справился, нельзя ли подработать червонца дватри. (Это не много и не мало: костюм стоил семь рублей). Тогда за строку платили двадцать-двадцать пять копеек и разбивали ее безбожно, к делу и без дела — не для интонационной выразительности, а для двадцати копеек. На подоконнике полуциркульного окна написал два больших стиха сельскохозяйственных и в тот же день получил гонорар. А через двое суток уже мчал меня поезд в Ташкент. Великая землями страна: до Оренбурга доехал — зима, снег, метели, света Божьего не видно, а в Ташкенте солнце, теплынь... Какое впечатление? — «И все оказалось восточнее, // Чем даже воображал». Две недели пробыл в Ташкенте, и было постоянное ощущение: интересное, но не родное. Возвратился в Воронеж, весь простуженный, заболевший, видать, на перепадах южных и северных температур.

Чуть выздоровел — и в позднюю осень стын опять потянуло в дорогу. Поехал в Ленинград вместе с Владимиром Тюриковым, знакомым по кооперативному училищу, к той поре он уже обучался в Ленинградском институте истории и искусств. Тоже — русские изломы, русская судьба. Был он из купеческой семьи, устремив-

шейся в скорое восхождение в начале века. Дед его пришел из деревни в лаптях — был красив, с белою бородой и белыми волосами на голове-умнице; сын выходца из деревни, Петр Андреевич уже учился в Германии, в коммерческом институте, толково повел свое дело и сколотил состояние на маслобойке; жена его — Вера Никандровна Романихина — тоже из купеческой семьи: лесной двор Романихиных располагался близ вокзала, там, где теперь стоянка машин у многоэтажной мельницы; ходил слух, что там, глубоко в земле спрятан клад — золотые кольца, перстни, броши, серебряные блюда, подсвечники, кофейники. И будут они там, пока не затеют воздвигать на месте бывшего лесного двора нужный ли городу небоскреб, и ковш экскаватора не зачерпнет драгоценный клад, если только тот не упрятан глубже будущего котлована. У Тюриковых дети: Володя, Андрей, Таня, Петя, и немалые богатства в миллионах; правда, сразу после революции Вера Никандровна семь миллионов рублей перевела в Британский банк, там они и поныне лежат, обрастая мохом. Семья пыталась уехать за границу, да в Новороссийске в гостинице пропал саквояж с бриллиантами, Петра Андреевича, главу семьи, хватил удар. Жена с детьми вернулась в Воронеж, здесь и похоронив мужа, и поселяясь в двухэтажном деревянном отцовском доме. К ней — из Чека. И многократное, настойчиво повторяемое: «Где драгоценности? Закопали?» — «Не знаю» — равнодушно, в обезличенной интонации повторяла жена, потерявшая самую главную драгоценность — мужа: жили они душа в душу. Ее посадили за решетку, потом выпустили, и она, никогда ничего из «черной», тяжелой работы не умевшая делать, нанялась полomoйкой, получала миллионы, но уже не те, рубли — пустые, малоценные (к примеру, мне в альманахе «Зори» за двести пятьдесят строк заплатили сто пятьдесят миллионов рублей — их тогда называли «лимонами»).

Мать моет полы, а сын, заикающийся, умный, ироничный, восклицает на ученических собраниях в кооперативном училище: «Мы, бывшие миллионеры...»

Позже Владимир бросил институт истории и искусств, открыл при конце нэпа мастерскую, где обтачивались камни, позже в этой же мастерской, уже государственной, работал инженером.

В сорок первом братья Тюриковы ушли на фронт и все трое погибли смертью храбрых. Сестра Таня скончалась в блокаде, а жизнь крепкой от природы старухи матери все быстрее укорачивалась сыновними похоронками.

Вот вам очень русская история. Их корежило, их ломало, но никто не оказался негодяем или предателем.

Но — о пребывании в городе на Неве, куда «позвали» меня Пушкин и Блок.

В Ленинграде еще были видны следы ужасного прошлогоднего наводнения. Еще приводили в порядок наиболее пострадавшие улицы. Невский (неудачно и ненадолго власти переназвали его в «Проспект 25-го Октября») был малолюден, по вечерам и вовсе пустын.

В первый же по приезде день, в нетерпении побольше побродить по городу я вышел к Сенату, увидел: съемка кино. Дровни, рогожи. Волокут «убитых». Возчики матерятся, кино немое — так что можно было... Кино — позже посмотрел — более чем слабое, но дало толчок для моей поэмы о декабристах, напечатанной Маяковским в «Новом Лефе».

Поначалу мы с Тюриковым поселились врозь: я на Мытищенской набережной, окна выходили на Зимний, он не освещался, и вечерами казалось, что это конец города; мой попутчик обитал тогда у Гамон-Гамана, голландского подданного, облюбовавшего Россию. И вот почему. После революции в антикварных магазинах, в частных усадьбах можно было за бесценок скупать картины, скульптуры, книги и без особых проволочек переправлять их за границу. Гамон-Гаман — бездонный карман — и был из тех ловких, что преуспевали на скупке. Конечно,

были акулы и покрупнее, вспомнить того же американско-еврейского Хаммера, действительно долгоиграющего... А Гамон-Гаман именовал себя художником, но то была лишь ширма.

Решили мы с Тюриковым найти угол для двоих. На Троицкой улице сдавалась комната метров в тридцать — стол, кресло, ковер, вдоль стен книжные шкафы... Выяснилось — рабочий кабинет писателя Аверченко, того, что написал «Дюжину ножей в спину революции». Но тридцать рублей в месяц — не по нашим худым карманам, да и в самом деле дорого: уже прошла денежная реформа, покончившая с «лимонами», и килограмм хлеба стоил семь копеек, мужской костюм — семь рублей. Потом набрели на огромную, метров в пятьдесят комнату с двумя роскошными пианино — черным и белым. То оказалась квартира тоже для нас недоступная, пианиста Боровиковского, сбежавшего за границу.

Нашли худую комнатенку. Жили впроголодь. Приходилось даже выезжать в Москву, подработать в газете «Крестьянская взаимопомощь». Однажды пять суток не ели. Пили заваренный кипяток. Слабость и смешливость. Дни серые, сумрачные, гнилые. Весь день горит электричество. За окнами — никого. Пустыня. Чернота. Лежим, сочиняем нелепицы.

Владимир Тюриков — «У моего дедушки птица была, // Она яички несла да несла. — // Он ею так был доволен, // Что был с фабрики уволен».

Владимир Кораблинов — «Задницами орудуя, как подушками // (Кому придется память их), // Дамы ведут разговоры с Пушкиным, // Героем родных хрестоматий».

Эти строки несли некий заряд то ли эпатажа, то ли безвкусицы, но, надо сказать, что из подобных строф складывалась моя «Протеза» — поэма о декабристах. Протестуя против напмановской безвкусицы, не впадал ли я в иную, модно-художественную безвкусицу? Этакая художественная фронда. Не только люди, но телефоны, автомобили участвуют в декабристском движении... Если в одно слово — была это забава. Не выстраданное.

После крепкой голодовки можно опьянеть от еды. Раздобыв деньги, мы пошли в столовую, которая располагалась в здании двенадцати коллегий, где ныне университет. Шли по длинному коридору (по стенам портреты великих, мемориальные доски). Наелись в столовой винегрета и вышли как хмельные. Вот так: едва не через всю русскую историю надо пройти, чтобы добраться до винегрета.

Страсть к путешествиям не усмирялась, и через полгода, в лето двадцать шестого года, я уже был в Поволжье. Потянуло своими глазами увидеть те места, что описаны Мельниковым (Печерским) в его романах «В лесах» и «На горах». В детстве эти романы отец читал вслух, и я, не все понимая, тем не менее чувствовал красоту приволжского мира и замечательный язык, каким тот мир описан.

Устремился я на Волгу с двумя приятелями — охотниками до путешествий и до всякого рода художеств, в том числе и кистью, — Сергеем Савиным и Борисом Безобразовым, художническое умение которых сводилось к готовности яркой краской написать: «Магазин закрыт», «Вход», или «Выход», или «Въезд запрещается»... Словом, всякая прикладная дурь. О моих товарищах следует сказать обо — товарищи любопытные.

Борис Безобразов — внук Самофалова, знаменитого воронежского купца и промышленника, чей колокольный завод на Чижовской горе выплавлял колокола и колокольцы для многих русских губерний. Человек был весьма здравый. Для своей семьи на Малой Садовой построил скромный дом в два этажа, и когда его спросили, отчего не по-купечески, не размахисто, он ответил: «А видели девятьсот пятый год? Это еще только цветики революционные...» Дожил до тридцатых годов, правда, после всех революций оставшись без трудами добытых и накопленных

миллионов. Так вот Борис Безобразов был его внуком. Его папашка, инженер-путеец, в пику «безобразной» фамилии редкий красавец, женился на совсем некрасивой дочке Самофалова, надеясь на большие деньги тестя. Но тот сказал: «Выдавать буду по пятьдесят целковых в месяц, а помру — может, и побольше всем достанется». Красавец с горя ли, с природы ли — крепко загулял, запил, потом каким-то непонятным образом приобрел векселя тестя, купил автомобиль, и в революцию смылся, легко оставив на произвол судьбы и жену, и сына. Но Борис оказался парень из крепких, под ударами дурных обстоятельств не хныкал.

А Сергей Савин — темна вода во облацех. Ходил слух, будто бы жил он с богатой, за пятьдесят лет женщиной, вдовой последнего обер-прокурора, потом ее утопил. Темная история. А вот эпизод действительный. Савина призвали на службу в кавалерию, он намазал палец хлебом, посыпанным сахаром, протянул лошади, та, благодарная, хватъ и откусила указательный. Его должны были судить и осудить, но ему удалось отвертеться.

Вот с такими «бойцами» я и оказался в Нижнем Новгороде. Заночевав в каком-то студенческом общежитии на голых досках, мы поутру пошли в кремль, взобрались на стену, угнездились меж зубцов. За Волгой — синие леса, край, не одним Мельниковым (Печерским) воспетый. А внизу, на площади, если взглядеться в историю, — море человеческое, Козьма Минин (Сухорук) горячую речь произносит, мол, надо собираться ополчению, идти освобождать Москву.

История историей, поэзия поэзией, но есть хочется, а денег — ни алтына. Спустились с кремлевской стены и — на толкучку. Запасные брюки, ремень, бритва — все пошло на продажу. Далее порешили: Борису надо остаться, жить на постоялом дворе «Балчуг», откуда, к месту сказать, взяты и где разыгрывались сцены горьковской пьесы «На дне»; а нам пройти по весям: попытаться заработать.

Спустились с горы и по берегу двинулись в путь. Вниз, вниз по Волге. Миновали Макарьевский знаменитый монастырь. Стало темнеть. Начался дождь. В приречной рощице решились переночевать. Под ветвями расстелили одеяльце, дремота сразу навалилась. Проснулись от зябкости. Одеяло намокшее. Мы продрогшие. Скоро дальше устремились.

Впереди село. К кому пойти — к учителю или священнику? Зашли к отцу Александру. Народ гостеприимный, здесь Гражданская война не сильно ярилась. Накормили нас, напоили. Спать, сказали, — хоть в доме, хоть в баньке. Мне захотелось переночевать в баньке, а Серега всю ночь с Ариадной, дочерью отца Александра, любезничал. После сытного завтрака он подарил ей портрет — когда только успел нарисовать; портрет художественно беспомощный, безобразный, но ее растрогал. Успел Савин ненадолго в баню заглянуть, углядел банку монпасье и умудрился ее прихватить. Когда отошли далеко от села, похвастался мне и открыл банку — в ней оказалось серебро. Настроение мое враз испортилось: на добро отвечать воровством — какая правда между людьми будет?!

Но идем дальше. У каждого села дожидались коровьего часу, то есть входили в село вместе с коровьим стадом.

Село Безводное — в песчаных речках, по лету пересыхающих. Сплошь зелень. И чудо — колокольни пяти церквей — и шатровые шестигранники, и барокко, и деревянные, с замшелыми тесовыми крышами. В Безводном — три старообрядческих толка и два православных священника. Что-то вроде вражды и войны. Поселились мы в двухэтажном доме, опоясанном резной верандой, — здесь жил сын старообрядческого священника. Он не пошел по стопам отца, а занялся плетением железных решеток. А в шкафах старопечатные книги великой ценности. И поныне думаю, сохранились ли? В такой разломный век — едва ли... Как невиданные сокровища, бережно брал я в руки старинные книги. Сын священника, глядя на это и узнав о моей любви к Мельникову (Печерскому), принял меня как

близкого. Хотя Мельников и был чиновником-искоренителем старообрядчества, но моего знакомого влекло в нем поэтическое, — как, поднимаясь над чиновником, любовно описывал художник старообрядческий быт. Я спросил у своего многоначитанного знакомого, где скиты Манефы. Тот ответил, что за Волгой, верст двадцать пять, но там одни бурьяны. Все же я хотел добраться туда, но Савин запротестовал, мол, кто нас там кормить будет? В Безводном несколько кладбищ, заросших зеленью, голубцы с двускатными крышами над венцами, разброс ветхих крестов. Грустно было при виде этих скорбных островков Руси ушедшей.

Дальше — село Кадница. Переночевали в церкви, в сторожке, где жил прелюбопытный старик, который «скрозь всю землю прошел», иначе, побывал в Иерусалиме и на Афоне, и рассказывал об этом не без искусства, и приятно его было слушать и слушать.

Дальше — село Работки. И здесь определились ближе к церкви. Отец Андрей, древний старик в скуфейке — островерхой шапке — и в лапотках, одинок, и неуютно в его домишке. Боясь клопов, заночевали в палисаднике. А наутро отец Андрей, этот пустынный нестеровский, повел нас в церковку. Грусть и печаль. Церковка та — росту человеческого, до потолка рукой достать, стены — четыре венца, может, пять, бревна необхватные. И внутри все сплошь деревянное — точеный иконостас, подсвечники, паникадила, иконы черные. Окошки крохотные. Возле церковки — бурьян.

Через какие недели вернулись в Нижний. Борис нас ждал в «Балчуге», и мы втроем стали отираться на Макарьевской ярмарке, чтобы подзаработать деньги на возвращение в Воронеж.

Осенью того же года — встреча в Воронеже с Маяковским. Встреча для меня всегда памятная. Но об этом уже рассказано в «Азорских островах». Вернемся к другим книгам.

Откуда «Крещение Аполлона», цензурно «подправленное» и вышедшее в свет как «Прозрение Аполлона»?

Хорошо было в Писаревке, словно пядушке Руси уходящей, деревушке дворов в пятнадцать, под соломенными крышами. Рядом — поле, старый помещичий сад, а внизу — заречье, луга, дали неоглядные. Потом по берегу реки понастроили баз отдыха, там не в диковинку винный и иной разгул, орущий громкоговоритель с утра до ночи.

И тогда облюбовал я село Курино на той же реке Воронеж, но уже в Липецкой области, в пятнадцати километрах от Конь-Колодезя. Впечатления от липецкого села и дали какие-то импульсы для «Аполлона». Над Писаревкой, над Чертовицким — воздушные трассы, самолеты гудом и громом исходят, а здесь — тишина. Подъезжаешь к селу, и все посверкивает вертикальный лучик — это верхушка колокольной лежащего в логу Курина. Невдалеке от села — озера Вертячье и Могильское, какие издавна протокой соединялись с рекой Воронеж, здесь, сколько село стоит, вязали плоты. Река до самого города теснилась плотами. На плотах — плотовщики, их зычные крики. И плыли караваны аж до Азовского моря.

Вообще село Курино — короткий, но светлый миг жизни. И не только первозданность тамошней природы, и колоколенка, и столб каменный, двухметровый невольно побуждали думать о былом, безвозвратно ушедшем.

Здесь еще удерживался дух патриархальной России. По вечерам тишина звенит, собак мало, да и те мирные, не пустобрехи, а люди все приветные настолько, будто ты в каком-то сказочном уголке добра очутился. Я там удивлялся всему. Идет старик, высокий, седой, и снимает картуз, кланяется. Старуха — тоже по-

чтительно здороваются. Они меня приучили говорить «Здравствуйте!» незнакомому встречному. В городе этого нет.

Так вот природа и люди Курина-села, никакими шумами не обрываемые раздумья о Руси, о России, да еще судьба Дукельского, профессора сельскохозяйственного института, писавшего Ленину и получившего ответ, — все это вобрала в себя книга об Аполлоне Коринском, — прообраз коего и есть Дукельский, человек импозантный, но и грубоватый, умевший резать правду в глаза и потому имевший множество врагов.

Книга первоначальная — в двух временных планах: крещение десятого века и революция двадцатого века. Но, увы, от первого пласта в книге остались жалкие крохи. И впрямь — столько народных испытаний, да в одном издании, под одним переплетом? Крещение — в каком-то смысле административное насилие, страшный перелом, трещат кости, недоумевают «языческие» души. Вообразить: вчера еще — Перун, Велес, Стрибог, а сегодня они в поругании и сожжении. Не знающие русского языка черноглазые греки-монахи в черном загоняют киевлян в Днепр, новая вера утверждается не только крестом, но нередко — огнем и мечом. И еще лет двести разноликое язычество живет на задворках Руси. И крещение, и Петровская эпоха, и революция атеистов («Бога нет!» — сказал Остап бодро), и перелом векового крестьянского уклада, и сила нового, большевистского и неприятие его: было и такое — женщина с дитем ложится под трактор, въезжающий на частный надел, с криком: «Режь!» Не знаю, остановился ли тот трактор, а трактор времени движется без остановок...

Думаешь: экая лихость — проникнуть в древность! Рерих смог. И Васнецов — тоже. Трудное погружение. А сейчас иные из художественной и административной публики — раз, два, три... и уже в Древней Руси. Нет, не так-то просто понять наших предков, которые умели и с камнем, и с деревом, и с облаком разговаривать.

Я на своем «Крещении Аполлона» лоб о древность расшиб.

29

Может, что повеселее? Так в недавно вышедшей книге «веселое» в самом названии — «Дом веселого чародея». Воронежский дом весьма одаренного артиста цирка Анатолия Дурова. Думалось, что это будет книга о личности и госчиновничьей машине, об искусстве, о жизни и смерти. Но не все удалось, далеко не все удалось. Чем-то пришлось поступиться — цензурное ведомство настояло. Была, например, удалена сцена галлюцинаций Дурова, когда ему мерещится толпы, толпы, великие толпы Дуровых. Мысль простая: было два талантливых человека, братья Дуровы. И все! Дальше уже коммерция, торговля именами. Эта сцена была как бы отрезвляющая пилюля дуровским потомкам, которые как артисты недаровиты, но — Дуровы. Все склоняют тех больших артистов, кто, дескать, значительнее. Линия Дуровых от Владимира ведет курс на «изничтожение» его брата Анатолия, отнимая у него, скажем, репризы о кайзере, об одесском градоначальнике Зеленом, да и многое еще... Я одно время жил у родственников близ тогдашнего дуровского дома. Много пришлось всякого слышать о своем будущем герое. Он был заманчивая мишень для пересуду.

Влас Дорошевич — имя в литературном мире серьезное — так говорил о Дуровых: «Два брата и оба кайны». И вот теперь потомки препарируют их. Исследуют, объясняют, доказывают. Кто больше Каин?

И думаешь уже о чем-то более значительном, нежели искусство, цирк и тому подобное. Думаешь; может, мир движется куда-то совсем не туда: Каин Каина прославляет! Содом и Гоморра подымаются из библейского пепла и ухмыляются: мы возвращаемся, мы приходим!..

РОЯЛЬ

Рояль занимал большой угол. В беседах с Владимиром Александровичем за близким от этого рояля столом я просиживал, бывало, часами, вовсе не интересуясь им. А рояль — значительная часть душевного мира Кораблиновых. И разумеется, эстетического, и духовного — тоже. Марья Михайловна была редкостной одаренности и музыкальной чуткости исполнительница Моцарта, Шуберта, Чайковского. Разумеется, она прекрасно играла многое из отечественной и зарубежной музыкальной классики, но Моцарт, Шуберт, Чайковский были среди ее любимых композиторов, и легко вообразить, какой свет и вдохновение излучали глаза Марьи Михайловны, и вся притемненная, малосветная комната словно бы озарялась. Рояль фирмы «Goetze» был приобретен в 1959 году за гонорар от «Жизни Кольцова», и несколько творческих стихий словно бы напитывали квартиру особой душевностью. Марья Михайловна подолгу, самозабвенно могла музицировать, и родные в сборе слушали ее — заслушивались. Музыкальный мир царил в семье, тут следует упомянуть, что и отец Владимира Александровича любил дирижировать, когда выпадала возможность: в Угльнице был отменный церковный хор.

Но нередко иные звуки не только дарили Марье Михайловне отдохновение, но и причиняли сильную головную боль. К Владимиру Александровичу часто захаживали литераторы-сотоварищи, бывало, склеивалась компания полдюжинная. Не обходилось и без выпивки. Владимир Александрович по душевному такту никогда ни в чем не отказывал гостям, а те засиживались, как в некоем домашнем ресторане. После их ухода, забелевавшая головной болью Марья Михайловна, разве что иногда произносила укоризненное: «Чего ж они такие неугомонные?..»

СЕМЬЯ ВЫСОКАЯ И ТРАГИЧЕСКАЯ

В апреле 1980 года Марья Михайловна сильно заболела. По своей обычной непрактичности, «неделовитости» в нынешнем смысле этого слова, Владимир Александрович не сразу добился, чтобы жену положили в областную больницу. Наконец-таки «определили», но не в «спецотделение» (Владимир Александрович был «прикреплен» к так называемой спецполиклинике, то есть «второй обкомовской» (что за жизнь: едва не каждое слово закавычивай), а положили в общее кардиологическое, где палаты в шесть коек, где много шума, мало ухода; и что за мука была тонкой, хрупкой, ранимой женщине, какой часто слышались звуки горних сфер, некогда уловленных великими композиторами, невольно выслушивать громко-недовольные разговоры с матерщиной, в устах женщин особенно отвратительной. Ей, жене известного писателя, не нашлось более приличной палаты. Иное дело, если бы муж был еще и секретарь правления писательского Союза или первостатейный обкомовский чиновник, или директор торговой базы... Это в советские-то времена — денежный мешок?! Времена советские, да жучки-древоточцы ловко орудуют в стволе народной жизни во всякие времена.

Наши долгие разговоры о жизни, смерти, радости, печали...

И не раз Владимир Александрович возвращался в горестный круг, словами призрачиваясь к тяжковыносимому, болезненному. Когда был закончен роман о Кольцове, старший сын Андрей, крепко выпивши, «по дурости» взломал газетный киоск и был осужден за «ограбление» и угодил на четыре года в места неблизкие, в четырехстах километрах от Вятки.

И Владимир Александрович рассказывал, как он ездил к старшему в «Вятлаг». Он повез и младшего сына Петьку, чтобы тот увидел своими глазами, куда заводит неосторожный хмельной шаг. А добираться туда из областного центра по деревянной «пластинной», то есть настеленной досками-сороковками, а то и пяти-

десятками, часто колеблющейся дороге. И как из ниоткуда — десяток бараков, бездонные вокруг трясины и... старший сын в робе заключенного. Сын определен был в центральный — пятый — лагерный пункт, где отбывали срок две тысячи осужденных; а всего в «Вятлаге» было двадцать пять лагпунктов, правда, остальные поменьше — в каждом от пятисот до шестисот человек. В центральном лагере находилась библиотека, там, по счастью, был том избранных произведений Пушкина, прочитанный сыном так, что целые страницы помнились наизусть. Остальные книги — Горбатов, Павленко, Семен Бабаевский, Борис Полевой, Лев Кассиль — советская «генеральская» литература... Сын при встрече с отцом вспомнил летние дни отдыха в детстве и ранней юности на Чистом и Грязном озерах в Графской, на холме у Писаревки, когда они попеременно читали вслух Аксакова, Лескова, Бунина. Отец пожалел, что не привез любимые книги сыновней юности, но, что поделать, первостепенней было другое: еда, кое-что из одежды.

Десятилетия спустя Андрей Владимирович Кораблинов, старший сын писателя, в одной из наших бесед приоткрыл краешек лагерной жизни. В том смысле, что человек выносливей многих лишений, наказаний, пыток, ненормальных условий, которые люди сами себе создают. Скажем, как устоять в лагере? Не обязательно надо обладать поддубенской силой, нечеловеческими бицепсами и красноречивыми глазами. Но характер иметь надо. Это — первое. Далее — не играть в карты. И главное — никогда не стучать, то есть не доносить начальству о внутренних разборках и отношениях в бараке. А вот штрих прямо-таки удивляющий: заключенные оплачивали не только еду, роботы, но и конвой, более того, собачий питомник, где дрессировали собак — поимщиков сбежавших зэков, догонявших их за десятки километров от лагеря.

Заключение старший сын выдержал достойно, а вернулся на свободу... Не раз Владимир Александрович повторял выстраданное: «На что ушли его годы? Ведь он талантлив во всем! Уже в детстве хорошо рисовал, прекрасно чувствует слово, звук. После отсидки он не пил. Когда братья жили здесь — весело было: целое студенческое общежитие, дружеские беседы, смех. А потом младшие разъехались и остался старший один на один с родительскими наставлениями...»

Вот судьба... через двадцатый, едва не для каждой семьи роковой век тянет свою суровую нить: отец на лесоповале, сын на лесоповале. Отец — по статье политической, сын — по статье уголовной. Эти лесоповалы от океана до океана! Сибирские, соловецкие, вятские, пермские, мордовские, даже с названиями, а не цифрами, — как в нижегородских лесах «Буреполом». Человекополом — верно сказать и так. Хотя...

Нередко бывало, что после очередной встречи с домом Кораблиновых, всего меня протягивало ноющей тоской. Становилось больно, и боль эта была — от слов-но бы и мной переживаемого всего, перенесенного семьей писателя. И даже не самым страшным представлялось — излом писательской судьбы в молодости, месяцы и годы тюрьмы и сибирской ссылки по статье политической. Тяжелее была болезненность жены, частые недуги и хвори Марьи Михайловны, стойчески державшей на своих действительно хрупких плечах горестный, тяжелый жребий семьи. А тяжелее всего — как сложилась судьба старшего сына. Одаренного не только художественно. Кряжисто сильного и словно невероятными усилиями себя сламывающего. На глазах у страдающих отца и матери.

Мне сколько раз приходилось слышать, мол, у Кораблинова счастливая вторая половина жизни, мол, много пишет, и его издают ежегодно. Приходилось жестко отвечать на эту зависть, иногда — по-доброму «вразумлять». Только на каждый роток не накинешь платок. Да и ни к чему. Зависть, злость, пошлость живут в каждом поколении, и чем ни талантливей человек, тем назойливей слепни жальят, да как заведенные москы тявкают.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

В последние годы Владимир Александрович почти не писал. Хотя все время тянулся к перу. Обстоятельства не баловали его и под конец жизни.

Однажды случилось непоправимое. На автобусной остановке (и надо же: именно на улице Кольцовской!) Владимир Александрович попытался войти в салон автобуса, как вдруг дверь резко захлопнулась, а трость с набалдашником зацепилась в створе двери. Инстинктивно, судорожно, изо всех сил он обеими руками ухватился за крепкую, всегда выручавшую его трость, и автобус, еще не взяв разбег, с десяток метров протащил его по асфальту. Когда ему помогли подняться, он почувствовал, что почти ничего не видит — ясный день померк, и родной город предстал какими-то расплывчатыми руинами.

Встречи отвлекали Владимира Александровича от тягостных дум. Мы проводили долгие часы в беседах. Иногда я ему читал страницы русской классики. Иногда он просил читать, не называя автора. И прослушав несколько строк, тихо и безошибочно произносил: Аксаков; или — Мельников (Печерский); или — Бунин. И обычно, так же безошибочно, прибавлял название читаемых повести или рассказа.

Открытый балкон его комнаты-гостиной, за окнами пошумливает улица Кольцовская, пересекающая Комиссаржевскую. Притененная заоконной зеленью комната. Он знает, что на стене его большой портрет, а на другой — портрет поменьше, но он не различает, на каком из них он — сильных, зрелых лет, на каком — старик.

Теперь охотнее, чем прежде, он вспоминал свое пережитое: станции и вокзалы железных дорог, грустные и забавные эпизоды литературного быта, часто пустые, зряшные страсти на местнолитературных ристалищах.

Я тоже благодарно, словно бы заново переживал долгие часы и дни, проведенные вместе. Вспоминал и такое, за что мне становилось стыдно. Однажды Владимира Александровича уговорили пройти профилактический лечебный курс, я ежедневно заглядывал в больницу на Никитинской, и мы подолгу беседовали во дворике, на скамейке, под мощной тенью могучего тополя и каштанов вдоль оградной стены. А в пятничный день мне надо было торопиться, но я не знал, как помягче сказать, что уезжаю с приятелями за город, и ерзал, и он, почувствовав мое настроение, увидев мою рассеянность, неподобающую в больнице, сказал, как мне показалось, горько-насмешливо: «Что вы переминаетесь, как застоялый конь-Золотой Огонь. Не мешкайте: идите, куда торопитесь...»

В лето 1988 года осуществилось мое давно задуманное протяженное донское путешествие. И до этого я не раз ходил по родной реке от села к селу, от района к району, немало исходил донскими берегами. Но то были недлинные отрезки. На этот же раз двое моих друзей, я и мои сыновья, Игорь и Олег, спустили лодку и байдарку у донского берега села Устье, недалеко от Воронежа, а завершили свой водный путь близ Вешенской.

По приезде в Воронеж, я, не откладывая на завтра, поспешил к Кораблинову. Мы проговорили чуть не до полуночи. Дон и для Владимира Александровича был хорошим знакомцем от Задонска до Костомарово, а художнически, глазом был увиден и частично отображен им от московско-тульских истоков до азовских гирл. Слушая мои поверстные впечатления от увиденного — меловых крутобережий, больших и малых родников, впадающих в Дон рек и речушек, пойменных лесов, лугов, озер, городков, сел, Владимир Александрович вновь вспомнил поездку в донское примонастырское село Костомарово в далеком двадцатом на свадьбу своего старшего брата, где свадебный стол содрогал-

ся от выстрелов и криков то красных, то белых... пронзительное воспоминание.

Более подробно Владимир Александрович расспрашивал о забогучарских местах, Монастырщине, Белой Горке, где долгие годы в летние месяцы рыбачил его старший сын Андрей.

И вдруг он заговорил только о нем — то с тихой радостью, уходя в давние годы, когда учил общению с рекой и лесом, когда сын в лесу и поле с редкой чуткостью слушал птиц, когда их рисовал, то с некоей тревожной грустью, когда сын впервые пришел крепко навеселе и отец почуял приближение беды. И вдруг тень такой тоски надвинулась...

О старшем сыне Владимир Александрович тревожился, может быть, более всего. Средний и младший крепко стояли на ногах, крепко обосновались, возглавляли серьезные геологические экспедиции, а у старшего жизнь неустроенная, и, временами кажется, он сам не хочет этого обустройства, и невыносимо видеть, как его гнетет, терзает что-то такое, от чего едва ли спастись.

Владимир Александрович мучился этим: вот он уйдет, и что с сыном будет?

Хочется надеяться, что из горних сфер отцу теперь с радостью видно, как у сына, словно бы давшего строгий обет, достало мужества, воли, сыновне-признательной памяти об отце, чтобы бросить пить, сбросить с себя иго тяжкого недуга.

...И эта никогда не забываемая встреча перед кончиной. Беседа наша была долгой, прерывающейся, разломной, словно ею кто-то требовал от нас вместить в наш разговор и прошлое, и настоящее, и будущее родной земли. А времени в обрез. Мне надо было в тот день, вечерним поездом, ехать в Москву, он словно чувствовал близкую кончину, просил меня не уходить, побыть с ним еще. Не отпускал меня, долго не отпускал, будто зная, что больше не увидит. «Наверное... Да, ладно, Витя, на все, как верили наши отцы, Воля Господня... На все...» — И замолчал, задумался, словно уже навсегда одинокий. Так я и не услышал его последнее... Сожаления? Прозрения? Озарения? Или напутствия?

УХОДЯТ ЛЮДИ, ГАСНУТ ЗВЕЗДЫ

Было много народу в доме и во дворе, где стоял гроб. Проводить Владимира Александровича поехали на Юго-Западное кладбище. В промозглый мартовский день хоронили его на аллее Славы, ничем особенным не выделявшейся в порезанном на квадраты сосновом мелколесье. Разве что находилась она неподалеку от главных въездных ворот.

Не люблю так называемые траурные митинги на похоронах известных людей. Знаю, есть охотники вообще постоянно председательствовать на кладбищах — на этих скорбных встречах прощанья. Но мне по-человечески трудно «выступить», когда что-то надо говорить (да надо ли?) о человеке, для тебя навсегда остающегося живым, но которого уже ждет свежевырытая могила. «Нам бы помолчать...», помню, эти слова не давали мне говорить, я их даже несколько раз повторил, а из вразумительного сказал только, что с Владимиром Александровичем уходит и старый, многим дорогой для нас Воронеж, уходит и целая трагическая, великая эпоха.

Трудно приходя в себя после похорон, да еще затяжных поминок, я долго, до полуночи бродил надречными улочками близ Акатова монастыря, где бесконечно давно юный Володя Кораблинов жил у родственников, и где в не столь давние годы мы с Владимиром Александровичем однажды совершили прогулку, соединив в разговоре два разновременных города.

С темного неба скатывались звезды, видно, и им пришло время угаснуть.

ПАМЯТНИК НА АЛЛЕЕ СЛАВЫ

4 июля 1990 года трое — Андрей Кораблинов, сын Владимира Александровича, Валерий Мартынов, писатель и тогда представитель Литфонда по Воронежской области, и я в утренний час приехали на Юго-Западное кладбище — в назначенный час установки памятника. Как часто бывает, сразу же нестыковка. Мы не должны были сегодня приезжать, один из нас перепутал близкие по звуку: «четверг» и «четвертое». Но — договорились.

На машине, не мешкая, сотрудники погребальной службы доставили белые мраморные плиты памятника к аллее Славы. В выемке, которую залили бетоном, установщики с привычной расторопностью уложили железные уголки и нижнюю горизонтальную плиту; железный штырь через отверстия скрепил белое надплесь и белую плиту, на который было выбито:

Писатель В. А. Кораблинов

1906 — 1989

М. М. Кораблинова

1902 — 1989

Марья Михайловна всего на несколько месяцев пережила Владимира Александровича. Она была ему послана судьбой. «Маша» — как часто слышал я это обращение — нежное и любящее — писателя к своей, нет, не музе (хотя, разумеется, и главной музе), но, прежде всего, верной, преданной спутнице жизни, единомышленнице, кротостью и благородством, подвижничеством и заботой которой держалась семья, которой так много выпало страдальческого в жизни.

Могила под деревьями. Аллея Славы разрослась, и разрослись деревья. Под их навесом аллея потеряла свою начальную ровность, потерялась как таковая, появились могилы вне четкой линейности, и могил стало много. Похожие друг на друга надгробья. Правда, наискосок срезанный верх горизонтального мраморного бруса придают надмогильному памятнику Владимира Александровича и Марьи Михайловны некоторый образ художественности. Типовой проект... Нетиповой сюжет.

(Надо ли объяснять, что для настоящего человека главное — как прожить земную жизнь, а не на каком клочке земли быть похороненным; по-божески, естественно, чтоб «ближе к милому пределу...». Но скольких великих и достойных косточки истлевают в далеких краях, на дне морей, на каменистом ложе ущелий, в глубинных отвалах рудников! Наверное, можно спорить о жестокости мира и истории человеческой. Но разве не так: иных великих разрывало в клочья на полях сражений, других хоронили в общих могилах, третьих закапывали так, чтоб и следов захоронений никогда не найти, иных — и вовсе не знаем, где нашли они свой последний приют, и так до бесконечности...)

Воронежское Юго-Западное кладбище, где покоятся Владимир Александрович, его литературные собратья, друзья, знакомые, невдалеке, в каких-нибудь полуста километрах от малой родины — от Углянца. Разрослось кладбище. Хоронят теперь здесь редко.

Настанет далекое время, когда не увидят (да и некому будет видеть) ни этого белого бруса могилы летописца воронежского края, ни его городского дома с мемориальной доской, ни самого города Воронеж, ни родного села Углянец... Как сказал наш великий поэт — «Все сущее опять покроют воды». И может, Господь сохранит в мироздании только высокие, добрые, нелукавые слова.

Может, среди них пребудут и слова Кораблинова?!

БИБЛИОТЕКА СРЕДИ СОСЕН

Есть в пригородном Сомове, в благодатном сосновом уголке, типовое двухэтажное здание, внутри которого присутствует поэтический дух. Книги, книги, и целая стена с портретами, рисунками, текстами Владимира Александровича Кораблинова, стеллажи с изданиями его произведений. Иные из книг сюда, в библиотеку, носящую его имя, передали мы со старшим сыном писателя. Сердечно распахнутая библиотека. Нечасто, но бываю здесь. И когда встречаюсь с читателями, любящими кораблиновское слово, когда отвечаю на их разумные душевные вопросы, в которых и неподдельное внимание к жизненному и творческому пути летописца Воронежского края, и вдумчивый интерес к былому нашего Отечества, когда их жизненная основность выявляется в здоровых вековечных началах, добра, совестливости, чести, я не то что забываю про бурные потоки изливающихся на наш народ и на все человечество артистического шоу-бизнеса, масс-культуры, неслыханного всемирно-тотального непотребства, но чувствую, но запредельным зрением вижу, что новоявленные Содом и Гоморра рано или поздно пожрут себя, или их разрубит меч Господний, спасая истинную человечность мира.

Эта маленькая, неказистая, из сырца-кирпича, хранильница мудрости и высоких человеческих начал добра, любви и справедливости... Насколько хрупка она — и не только перед жестокими пожарами, потопами, бурями, в которых погибают целые города и необозримые территории. Почти любая библиотека теперь может быть закрыта по указу местного начальства, которому прикажет областное начальство, которому прикажет федеральное начальство, которому прикажет мировое начальство.

Но как прежде веровавшие люди сберегали иконы в страшные години их сожжений, так и наши современники, и грядущие люди, верящие в разумное, сердечное человечество, ответственное перед Создателем, сохраняют, сберегут книги, лучшие из отечественной и мировой литературы.

*Стихи
борисоглебских
поэтов
1960-70-х годов*

РАЗДВИГАЯ ЗЕМЛЮ

Юрий Николаев

СВЕТ И ТЬМА

Голову почти без перерыва
Боль сверлит пятнадцать лет подряд.
Будто отголоски давних взрывов
В черепе гудят.

— След войны, — врачи ему сказали, —
Абсолютный нужен вам покой,
Но как можно думать о привале —
Не закончен бой.

В рамах окон — светлые пейзажи,
Дымка утренней голубизны,
Это все хотят замазать сажей
Маляры войны.

Голуби гуляют по карнизу,
Розовые лапки, как цветы.
Снова будет делать он эскизы
Вплоть до темноты.

Он художник, он все видит в красках:
Лучезарен мир, война темна.
Над кроватью — фронтовая каска,
На холсте — весна.

Нина Рохлина

ВЕСНОЙ

Апрельские глубокие глаза
Открыло небо в облаках
  закатных.
И вечер — музыкой сумел связать
В кантату
                гаммы шорохов невнятных,
Я слушаю ее. И мне слышны
И звуки,
                под какие клены дремлют,
И как травинки вверх из глубины
Стремятся к свету,
  раздвигая землю.

Александр Сорокин

* * *

Посвящается другу

Стою один я у литой ограды,
И я шепчу: «Спи, друг, спокойно спи».
Я знаю, говорить жене не надо,
Что ты остался в солнечной степи,
Там табуны, там пахнет конским потом,
А вдалеке — отроги диких скал,
И там вошел ты в землю с самолетом,
Чем до смерти чабанов испугал.
Степной орел кружится над полями...
В сухих комках взъерошенной земли,
Среди дюралевых обломков, в яме,
Мы от унта подошву лишь нашли.
Но почему? Ошибка пилотажа
Или подвел внезапно самолет?..
Ты здесь один.
И над тобою даже
Седое небо тихо слезы льет.
И вот стою я у литой ограды
И говорю: «Спи, друг, спокойно спи».
...Я знаю все, обманывать не надо —
Твой прах не здесь, а в солнечной степи.

Николай Пугачёв

БЕЖИТ РЕКА...

Бежит река... Блестит, алеет,
Скрываясь где-то в ивняке.
Плывет и ширится над нею
Заря в малиновом платке.
Вброд перейдешь реку свободно, —
Мелка местами и узка.
Но хоть она не многоводна.
Любовь людей к ней глубока.
Порою с удочкой по стежке
Пройдут ребята не спеша, —
В улове — мелкая рыбешка,
А для ушицы — хороша.
Зимой и летом речке рады.
Благодарят — без лишних слов.
Она несет селу прохладу.
Овечек поит и коров.
Бежит — века...
Здесь находили
С рогами каску, щит с мечом...
За что речушку полюбили?!
И не расскажешь обо всем.

Александр Пармонов

* * *

Кажется, небо
Перевернулось вдруг,
Земля закружилась,
Как мельница ветрокрылая...
Это я, вместо слова — друг,
Впервые сказал: милая!

Вячеслав Андрианов

* * *

Я увидел в тебе невольно
Тихий свет уходящей мечты.
Ты не бойся мне сделать больно,
Мы давно уже с болью на ты.

К лесу старому, поредевшему,
По траве прошлогодней вернусь

И к стволу, от дождей почерневшему,
Напоследок щекою прижмусь.

Будет белый туман морозящий.
Это сердце от улиц глухих
Почему-то так тянется в чащи,
Будто видит спасение в них.

Евгений Порошенков

АВГУСТ

Тихий август
                                пришел непрошено,
Разметал повсюду стога,
К горизонту колюческошенно
Потянулись мои луга.
Предосенняя перемена,
Приоткрылась
                                сентябрьская даль.
Словно коршун
                                на стоге сена,
Зачернела в груди печаль.
Только в этом пшеничном море
Как не быть для меня врачу?
Я печаль свою
                                в хлебном просторе
золотыми снопами лечу.

Быть задумчивым и одиноким
Никому в эти дни не дано,
Ведь тяжелым, живым потоком
Золотое плещет зерно.

Марат Анисков

СТАРЫЙ ГОРОД

(Дореволюционный Борисоглебск
в открытках издательской фирмы А.С. Суворина)

Алексей Сергеевич Суворин (1834—1912) — выдающийся русский журналист и издатель, владелец газеты «Новое время», журнала «Исторический вестник». Имел издательскую фирму — крупнейшую в России по выпуску видовых открыток городов России. Его издательство арендовало у Министерства путей сообщения книжные и газетные киоски на всех железнодорожных станциях России и выпускало почтовые открытки с видами городов и станционных поселков. В их числе открытки с видами Борисоглебска. Бывший уездный город Тамбовской губернии Борисоглебск к началу XX века превратился в крупный торгово-финансовый и культурный центр Черноземного края. В настоящее время он входит в состав Воронежской области. Революции и войны пощадили город — до сегодняшнего дня практически в неизменном виде сохранилась его историческая застройка.

Однажды заинтересовавшись открытками с видами Борисоглебска, я наивно полагал, что «суворинскую» серию из 12-ти открыток собрать будет очень легко. На самом деле это оказалось совсем не просто. Вот какая картина сложилась по прошествии пятнадцати лет наблюдений.

Изначально серия была выпущена до 1915 года с надписью «Открытое письмо, Изд. Т-ва «Контрагентъ печати» въ Москве. Шерерь, Набгольць и Ко. Москва». Самая ранняя датировка, встретившаяся мне на почтовом штемпеле — 20.11.09, т.е. еще при жизни Суворина. Такой тип оборотной стороны открыток относят к промежутку апрель 1909-1911 гг. Поэтому первую серию можно датировать 1909 годом. Тираж этой первой и основной серии, видимо, был значительный, т.к. открытки с таким оформлением адресной стороны встречаются чаще всего.

Впоследствии серия была переиздана трижды в 1915, 1916, 1917 гг. Оформление адресной стороны изменилось в соответствии с новыми требованиями почтового ведомства. Теперь надпечатка гласила: «Почтовая карточка, изд. контрагентства А.С. Суворина и Ко. Фототипия Шерерь, Набгольць и Ко. Москва». Стал проставляться также год выпуска 1915, 1916 или 1917 гг. Наименования открыток на лицевой стороне слегка сместились. Изменился и размер самой открытки, основная серия 9 см x 14 см, повторные серии уменьшенного размера, приблизительно 8,5 см x 13,8 см. Но открытки стали не только меньше размером, также можно заметить ухудшение качества печати и сорта бумаги. Следует отметить,

Большая улица

Вид на город от реки Ворона

Дворянская улица от базара

Проезжая улица

Большая улица, гостиница Дерибезова

Дворянская улица

Дворянская улица

Большая улица

Главная аллея в Городском саду

Поворинская улица и часовня Св. Серафима

Дворянская улица, Новый Собор

Новособорная площадь

что с 1915 года на открытке с №12 появилось новое название: вместо обозначения «Новособорная площадь» стоит «Новособорная улица».

Откуда появилось это название «Новособорная улица»? Есть предположение, что некоторые улицы имели названия официальные и неофициальные. Возможно, Новособорная улица и есть неофициальное название. Она была застроена еще в XVIII веке и называлась Нижнеплощадной по Базарной площади. Современное название улица получила в 1928 году в память местного большевика А.Г. Дубровина, который жил в одном из ее домов: Дубровинская.

С высокой долей вероятности можно предполагать, что фотографии, которые делали фотографы московской Фототипии «Шерер, Наболец и К°», командированные в Борисоглебск согласно договору с Контрагентством, сильно в подробности не вдавались. На открытке № 4 тоже можно заметить неточность: «Проезжая улица». Однако та часть улицы, которая запечатлена на открытке, и до Сретенской церкви, называлась улицей Шаврова, по имени торговца мукой, жившего здесь. А ее вторая часть (располагалась за церковью и не видна на снимке) именовалась Проезжей, т.к. по ней проезжали подводы с зерном и продуктами. И только в 1918 году вся улица стала называться Проезжей. Так что издатель этой открытки почти на десять лет опередил время, но ошибка в названии оказалась пророческой.

Современное наименование — Бланская — улица получила в 1976 году в честь чехословацкого города-побратима Бланско. К сожалению, один из красивейших соборов старого Борисоглебска, Сретенский собор, не сохранился до наших дней. Церковь Сретения, которая видна на открытке № 4, построенная в 1901 году, была самой крупной культовой постройкой города, соответствующей масштабу Хлебной площади, где она располагалась. Прожить Сретенской церкви довелось 30 лет, после чего ее разобрали по кирпичикам на хозяйственные нужды. Ныне по этому месту проходит улица Третьяковская, перпендикулярная улице Бланской (Проезжей). Современные здания, построенные на этом месте, явились чужеродными элементами в архитектуре застройки города и нарушили целостность его исторической среды.

Известны открытки таких издателей как Безобразов А.В., М. Зуев и Д. Анисимов, Е.А. Каверина и др. Открыток по Борисоглебску было выпущено немало, но достойной литературы по этой теме, к сожалению, нет. Отклики читателей возможно добавят сил для работы по другим сериям нашего любимого и полного тайн Борисоглебска.

Людмила Суркова

ХОЗЯИН КОРАБЕЛЬНОЙ РОЩИ

(Лесовод Григорий Корнаковский)

Входить сюда нужно, как в храм — отринув злобу и зависть, с чистыми помыслами. Царство деревьев, озер, диковинных цветов — вечная отрада в нашей тревожной, беспокойной жизни. Одним из служителей «зеленого друга» был Григорий Андреевич Корнаковский.

Вот как сообщал в «Лесном журнале» классик лесной науки Г.Ф. Морозов о гибели ученого-лесовода Г.А. Корнаковского. «8 октября около 4 1/2 час. вечера, когда еще было совершенно светло, Г.А. возвращался из ближайшего волостного правления, где у него в этот день производились торги на лес. <...> Переезжая через реку Ворону, Г.А. заметил на мосту каких-то подозрительных людей, чего-то выжидавших. Не придавая значения этой встрече, он продолжал путь дальше. Поднявшись в гору, будучи уже в двух шагах от своей усадьбы, он подвергся нападению грабителей, которые выскочили в числе 8 человек из канавки и из-под мостика и открыли из револьверов пальбу залпами по лошади и седокам. Смертельно раненная лошадь круто повернула назад, коляска вывернулась и Г.А. при падении сломал себе правую ногу и руку. <...> Разбойники, обыскав Г.А., отняли у него деньги и бумаги, затем по команде одного из них «бей!», бесчеловечно расстреляли как Г.А., так и лежавшего рядом с ним объездчика Курганова. В Г.А. попало 11 пуль, из которых некоторые прошли насквозь, вследствие чего получилось 14 ран. <...> Г.А. с объездчиком около получаса пролежали на дороге, истекая кровью, пока пастух, гнавший коров домой, не обнаружил их и не дал знать в дом Г.А. Супруга Г.А., прибежавшая на место происшествия, нашла Г.А. облокачившимся на левый локоть. Первые слова его были: «Расстреляли! А ты крепись! Я же не жилец на этом свете. За что они меня так истерзали? Я никому не сделал зла». <...> В предсмертном бреду все говорил о лесе, и последняя его фраза была о дубе: «Вырос большой дуб, надо его пересадить». <...> Весь город горячо отнесся к его мученической кончине. Тысячная толпа народа и священники из всех церквей города провожали его гроб».

Григорий Андреевич был старше Г.Ф. Морозова, автора фундаментального труда «Учение о лесе», на четырнадцать лет. Охотно воспринимавший все передовое, он стал сторонником созданного Морозовым нового направления в лесоводстве, в том числе о типах леса, как основе исследований и практических работ в лесу. Учение о типах леса и типах условий его произрастания признано на мировом уровне. Это «... совершенно правильный путь, с которого лесоводы мира не сойдут никогда», — говорил выдающийся лесовод профессор М.Е. Ткаченко.

ВОСПИТАННИК «ПЕТРОВКИ»

Григорий Андреевич Корнаковский родился в 1853 году. Учился в Петровской (ныне Тимирязевской) земледельческой и лесной академии. Его учителями были ботаник К.А. Тимирязев, лесовод М.К. Турский, профессор В. Т. Собичевский, ученый-садовод Р.И. Шредер, создатель прекрасного дендропарка, а также великолепной лиственничной аллеи — гордости «Тимирязевки». Прямая как стрела, полуторакилометровая улица среди двух пар рядов могучих деревьев, ведет от центра академии к железнодорожной станции. Вместе с Г.А. Корнаковским на лесном факультете учился будущий писатель Владимир Галактионович Короленко.

Многие страницы своих произведений он посвятил «Петровке», вспоминая студенческие годы, и оставил нам прекрасную картину природы, рассказав о Шредеровской аллее: «... Издали вся дорога казалась сплошным зеленым валом. Стоило пройти по ней несколько сажений, и тотчас зелень скрывала академию, казенные здания, ферму. Спереди и сзади виднелся только зеленый коридор, усыпанный щебнем и начинавшей опадать лиственничной хвоей. Лучи солнца играли переливами на щебне, на зелени, на стволах. Мягко и сонно шелестели мохнатые ветки, сильно уже тронутые, словно золотом, краснотой осени. Здесь я чувствовал себя совершенно уединенным... Все, о чем так хорошо думалось и мечталось в другие минуты, тут, казалось, сливается в один стройный хор ощущений... молодость, ожидание, сила!..»

Не эта ли аллея лиственниц пробудила у Корнаковского интерес к хвойной породе деревьев, когда он создавал аллею в Теллермановском лесничестве? А дуб, «патриарх лесов», как его назвал А.С. Пушкин, не он ли заставил лесовода все силы и знания отдать могучим дубравам нашего края?

После окончания «Петровки» Г.А. Корнаковский работал таксатором, затем в 1880-1886 годы лесничим. Был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени в 1886 году, и в сентябре этого же года получил назначение на должность лесничего Теллермановского лесничества Воронежской губернии — одного из самых ценных массивов страны. Два десятилетия он проработал здесь до своей трагической кончины. Это важно отметить, потому что «принцип постоянства» обязателен для лесовода, чтобы изучить лес и создавать земные ценности.

...Слово «Теллермановский» для меня еще много лет назад, когда только слышала его, было исполнено какой-то таинственности и величия. Бывая в Борисоглебске, старалась посетить этот уникальный природный уголок. Но красота здешней дубравы открылась мне во всей полноте своей гораздо позже. Знаменитая корабельная роща на востоке Воронежской области протянулась на 40 километров по правому нагорному берегу реки Вороны, почти до впадения второго притока — реки Карачан. «Лес на холмах» — так переводится тюркско-монгольское название «Тилеурман».

В далеком прошлом это был южный форпост Русского государства от набегов половцев, печенегов, татарских орд. При Петре I Теллермановский лес стал источником высококачественной древесины для строительного флота. Дубрава произвела на царя сильное впечатление и была объявлена заповедной, корабельной. Не только на строительство флота шел лес, но и отправлялся в Санкт-Петербург для сооружения зданий.

После смерти Петра северная и южная части массива были переданы в частное владение. И к 1845 году площадь Теллермановской рощи составляла одну треть от первоначальной величины. Много леса вырубил на строительство железной дороги.

Выборочно-приисковые рубки сказались на составе и строении дубовых лесов: насаждения деградировали, ухудшалось качество деревьев дуба, формировалась

разновозрастность насаждений. Улучшением лесного хозяйства как раз и занялся лесничий Г.А. Корнаковский.

Одной из основных своих задач Григорий Андреевич считал воспитание высококачественного леса. Загруженный сверх меры административно-производственной работой, он не имел штата помощников, специального оборудования, денежных ассигнований для научных исследований. Тем не менее, находил время и силы для изучения леса, наблюдений и опытов. Главное его внимание было обращено на восстановление и улучшение дубовых лесов. Комплекс мероприятий имел значение не только для Теллермановской, но и многих других дубрав страны. Г.А. Корнаковский разработал всесторонне обоснованный способ возобновления дуба путем применения оригинальной системы узколесосечных череполосных рубок, которые получили название «рубки Корнаковского».

Этот способ вошел во все учебники лесоводства, известен и за рубежом. Он основан на использовании для восстановления леса на вырубаемых участках дубового самосева, в большом количестве появляющегося после урожайных на желуди лет, разумеется, до рубки леса. По Корнаковскому дубовый самосев под пологом древостоя на значительных по площади участках сохраняется без потери нормального роста и высокой жизнеспособности до трех лет, на узких полосах леса (кулисах) шириной 25 метров — до семи лет (за счет бокового освещения с опушек).

На немногих участках, где самосева недостаточно, надо подсеивать желуди за 1-2 года до рубки, т.е. производить предварительные культуры посевом. Это все дешевле и лучше, чем потом культивировать оголенные участки. Такие самосевные (и частично сеяные) дубки после вырубki древостоя быстрее растут, лучше сохраняются и реагируют на уход. Надежнее возобновляется лесосека, чем при посеве желудей после вырубki леса и тем более при посадке дуба саженцами с укороченным (оборванным) стержневым корнем, т.е. при производстве последующих культур.

Г.А. Корнаковский начал опыт рубок по своей системе в лесничестве, но ему не суждено было его закончить. Позднее, в 1930-х годах узколесосечные череполосные рубки по Корнаковскому применил лесничий Г.Г. Юнаш в другой нашей знаменитой дубраве — Шиповом лесу, и они дали отличный результат.

Г.А. Корнаковский с супругой и детьми

Знаменитая аллея Корнаковского.
Фото 60-х годов XX века

Производственная и опытная деятельность оставляли мало времени для научных трудов. Г.А. Корнаковский опубликовал лишь две работы: книгу «План хозяйства и общее описание Теллермановской рощи» и статью «О возобновлении дубовых насаждений в Теллермановской роще». Обе вышли в 1904 году.

«ЖИВЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Они остались после смерти Григория Корнаковского. Это — аллея лиственниц и можжевельника в Теллермановском лесу, недалеко от дома, где жил и работал ученый-лесовод. Остались лиственничная роща в Демидовом логу под Верхним Карачаном, зеленый наряд бульвара в центре Борисоглебска. Типичные и наиболее сохранившиеся участки нагорных дубрав в Теллермановском лесу выделены как памятники природы. Есть здесь самые старые, уникальные по возрасту и сложной структуре древостоя. Растут вперемежку 200-250-летние дубы, наиболее крупные из них имеют стволы толщиной в три обхвата.

Есть на что полюбоваться в этом благодатном месте!

...Мне вспоминается открытие недалеко от «живых трудов» лесничего памятника по случаю перезахоронения праха ученого. До лесничества от центра Борисоглебска всего-то меньше часа ходьбы по луговой пойме, мосту через Ворону со старинным названием «Гаров мост». Извилистая лесная дорога идет вверх, в гору. И вот перед посетителями открывается утопающий в зелени двухэтажный деревянный дом-особняк на каменном основании. У входа в него — мемориальная доска: «Здесь с 1887 г. по 1907 г. жил и работал талантливый ученый-лесовод Григорий Андреевич Корнаковский». В особняке разместилось опытное лесничество Академии наук.

На открытие памятника собрались ученые, экологи, общественность Борисоглебска, работники лесхозов, расположенных по соседству с Теллерманом, местные жители. Много было выступлений, речей, но и тогда — 25 мая 1985 года, и сейчас, спустя годы, меня не покидает чувство неловкости: о каком перезахоронении праха могла идти речь, если и праха-то не сохранилось? По старому городскому кладбищу прошли бульдозеры... Чисто символически, капсула с кладбищенской землей была захоронена возле дома лесничества, и поставлен памятник.

После долгих поисков потомков Корнаковского (у него осталось четыре сына), встретилась я с внучкой Григория Андреевича — Галиной Александровной Волковой. Она меня тогда спросила: «Осталось хоть что-нибудь в могиле? Бабушка рассказывала, что дедушка был похоронен в форме, с наградами». Что я могла ответить? Наша нелюбовь к «отеческим гробам» общеизвестна.

Потомки Корнаковского знают о своем предке от матерей и отцов. Современники запомнили Григория Андреевича приветливым, отзывчивым, доброжелательным. Этого высокого, худощавого человека в форме лесничего уважали и ценили жители Борисоглебска. За скромность, деликатность, чуткость. Г.Ф. Морозов писал: «Г.А. Корнаковский принадлежал к выдающимся русским лесоведам, к числу тех немногих, которые прокладывают самостоятельные пути, мысли и шаги которых отмечены творчеством».

Григорий Андреевич с полным правом мог сказать о себе словами чеховского лесоведа-энтузиаста Астрова: «... когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти. И что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я».

Владимир Бойков

«В СЛУЖЕНИИ СВОЕМУ ДЕЛУ ОГНЯ НЕОБЫКНОВЕННОГО...»

(Врач Николай Масловский)

“Пройдут года, сменятся поколения, забудутся многие имена, но имя бес-
сребренника, врача-человека, друга страждущих, — Николая Николае-
вича Масловского славными и незабвенно-золотыми буквами благо-
дарности будет навсегда запечатлено в памяти», — так писали в Бори-
соглебске сто лет тому назад, оценивая его профессиональную деятельность.

Сейчас имя Н.Н. Масловского помнят немногие, и большинство жителей не по-
дозревают, что значил этот человек в Борисоглебском уезде в начале XX века, когда
лечил и спасал их предков. Благодаря его великому таланту выжили многие их
прабабушки и прадедушки, бабушки и дедушки, а следовательно, велика его зас-
луга в том, что цепь этих поколений не прерывается и по сей день.

Николай Николаевич Масловский родился 25 октября 1860 году в городе Бах-
мут Екатеринославской губернии (ныне г. Артемовск Донецкой области) в семье
врача местной больницы, и при рождении стал сиротой: мать его скончалась в ро-
дах. Ее смерть впоследствии определила профессиональный выбор сына — он твер-
до решил стать медиком.

По окончании гимназии Масловский учился на медицинском факультете
Харьковского университета. В 1884 году окончил факультет и был оставлен при
университете, но его общественный темперамент, подлинное народничество оп-
ределили будущее молодого ученого как земского врача. Некоторое время он слу-
жил в Харьковском губернском земстве, а в 1889-м переехал в Борисоглебский
уезд Тамбовской губернии.

В те годы на одного врача приходилось в среднем 38 тысяч жителей. В участок
Масловского поначалу входила территория от Елань-Козловки (ныне Терновский
район) до Борисоглебска — 60 верст. И добраться до больного было непросто, осо-
бенно осенью и весной, когда единственным средством передвижения оставались
лошадь и собственные ноги. Но молодого врача ничто не могло остановить, если
дело касалось интересов больного. Иногда во время посещения в селах тяжело-
больных он видел ужасающую нищету, и тогда после его визитов бедняки находи-
ли на столе деньги... Такие поступки будут характерны для него и в дальнейшем —
все для людей, все для общественного блага...

В 1892 году Масловский переведен на должность заведующего Борисоглебской

Семья Н.Н. Масловского

В операционной земской больницы
г. Борисоглебска (1908-1910 гг.)

земской больницей. В расширенной Николаем Николаевичем больнице открываются хирургическое и женское отделения, при этом обслуживается и соседняя часть Области Войска Донского. Коллеги называли его «бесстрашным, смелым хирургом», творившим чудеса в своей практике. Он основал в Борисоглебске родильный приют — первое родовспомогательное учреждение нашего города, где вместе с ним служила его жена — фельдшерница-акушерка Александра Васильевна Масловская, урожденная Немцова.

Много сделал Н.Н. Масловский для создания санитарной службы в Борисоглебском земстве. Занимался искоренением страшных различных болезней, для лечения которых требовалось личное мужество. В адресе, врученном Масловскому в честь юбилея, говорилось: «И когда мы охватываем всю Вашу работу в стенах земской больницы за истекшие 25 лет, то крик ужаса вырывается из груди перед титаническими силами, израсходованными Вами».

Занимаясь практической работой, Н.Н. Масловский не оставлял и научной деятельности. Он был членом Борисоглебского городского отделения Общества русских врачей памяти Н.И. Пирогова и местного Санитарного Совета, где читал доклады по различным вопросам медицины и санитарии, а также участником почти всех Пироговских съездов, куда съезжались лучшие представители земской медицины России. Скромно называя себя земским врачом, — верность этому званию он пронес

до конца жизни, — Масловский был специалистом с энциклопедическими познаниями: хирург, терапевт, гинеколог, педиатр, окулист, эпидемиолог. Он печатался в российских медицинских журналах, пользовался большой известностью далеко за пределами Тамбовской губернии. Для населения Борисоглебска и уезда Н.Н. Масловский всегда был опорой и последней надеждой. Если что-то серьезное происходило со здоровьем, то независимо от принадлежности к тому или иному медицинскому участку люди шли к нему. Но большой объем работы не мог не

сказаться на здоровье Николая Николаевича — у него с 1913 года появились приступы стенокардии, которые тогда называли «грудной жабой».

Ликвидация земских учреждений в апреле 1918-го затронула и земскую медицину, также упраздненную Советской властью. На смену ей приходит государственная медицина. Николай Николаевич тяжело переживал эти события, как и все, что происходило в стране. То, что он выстраивал в профессиональном отношении столько лет, рушилось. Некомпетентность, глупость, вмешательство новой власти в практическую медицину угнетали его и также послужили причиной преждевременного ухода из жизни. 1918-1920 годы для Борисоглебского уезда — время эпидемии сыпного и брюшного тифа, нищеты, вшей, грязи... Медико-санитарное состояние уезда ужасающее. Но Масловский по-прежнему на врачебном посту. В 1919 году он оставляет должность заведующего больницей и до самой смерти выполняет обязанности консультанта при городской и железнодорожной больницах. Часто его вызывали в трудных случаях, и он ставил безошибочный диагноз без всяких вспомогательных исследований. Но приступы стенокардии ограничивали его работу, и несмотря на все предосторожности, смерть наступила внезапно: спустя несколько часов после приема больных, вечером, в канун Рождества Христова, 6 января 1923 года.

Похоронили Н.Н. Масловского на городском кладбище. «Погиб большой, исключительный по своим дарованиям и работоспособности врач, перестало биться чуткое и честное сердце, так много пережившее в последние годы», — говорилось в некрологе. После смерти Николая Николаевича его имя было присвоено основанному им роддому.

А.В. Масловская, оставшаяся одна с четырьмя детьми, проработала в общей сложности 40 лет в Борисоглебском роддоме и железнодорожной больнице. Некоторые из медицинских инструментов мужа она передала на память знаменитому впоследствии врачу Н.Н. Еланскому, с которым Масловский дружил. Обширную медицинскую библиотеку, собиравшуюся долгие годы, Александра Васильевна безвозмездно передала Воронежскому и Астраханскому медицинским институтам.

Несомненно, жизнь Н.Н. Масловского — нравственный пример всем нам. И первый шаг в упрочении его памяти был сделан 26 сентября 2008 года. В этот день на здании бывшей земской больницы была открыта мемориальная доска, посвященная памяти выдающегося врача.

Виктор Голованов

УЧИТЕЛЬ, ПЕРЕД ИМЕНЕМ ТВОИМ...

(Филолог Борис Корман)

Борис Осипович Корман... Доктор филологических наук, профессор. Выдающийся ученый-литературовед, детально разработавший проблему автора в художественном произведении, начало изучению которой было положено М.М. Бахтиным, В.В. Виноградовым и Ю.Н. Тыняновым. Б.О. Корман (1922—1983) проработал в Борисоглебском пединституте двадцать один год. В своих воспоминаниях его жена Э.М. Дынина писала: «В целом же, годы работы в Борисоглебске можно назвать самыми лучшими и спокойными в жизни Б.О.». Так считает и воронежский профессор А.Б. Ботникова: «Как ни тесно Корману было в Борисоглебске, кажется все-таки, что годы, там проведенные, были его лучшими годами. Он развернул кипучую деятельность. Собирал и издавал научные сборники, что тогда было совсем нелегко. К тому же материалы, печатавшиеся в его сборниках, порой могли бы составить честь и столичному изданию. Опубликовал монографию о лирике Некрасова, которая была высоко оценена многими коллегами... Создал целое направление в науке, и даже школу. Не всякий ученый может похвастаться этим. Местное начальство, по всей видимости, относилось к нему неплохо. И то сказать: он приумножил славу города».

В 1951 году Б.О. Корман, работая в Борисоглебске, защитил кандидатскую диссертацию по творчеству Максима Богдановича (в Минске), а в 1965 году — докторскую по лирике Н.А. Некрасова (в Ленинграде).

В 1967 году он организовал в Борисоглебске Всесоюзную научную конференцию по проблеме автора в художественном произведении, куда съехались ученые со всей страны. Воспитал большое число учителей-словесников. Свою многогранную деятельность Корман продолжил в Ижевске, куда переехал в 1971 году, пройдя по конкурсу на должность зав. кафедрой литературы Удмуртского университета, который до сих пор чтит память о нем. В современной отечественной науке существует понятие «Кормановская школа». Начало было положено уже в 1980-е годы, когда кафедру возглавил ученик Бориса Осиповича — Виктор Иванович Чулков, под руководством которого было сохранено и развивалось далее это научное направление. Общими усилиями в 90-е годы в УдГУ издавались сборники, проводились конференции, поочередно защищались диссертации, к исследованиям привлекался все более широкий круг ученых.

Б.О. Корман

В результате ходатайств бывших студентов Бориса Осиповича, руководства Борисоглебского пединститута, Борисоглебская городская дума в октябре 2010 года приняла решение об увековечивании его памяти. 23 декабря 2010 года на главном здании БГПИ (ул. Народная, 43) была установлена мемориальная доска с надписью: «Учитель, перед именем твоим...» Здесь с 1950 по 1971 год работал известный ученый, создатель научной школы, доктор филологических наук, профессор Корман Борис Осипович».

Родился Борис Осипович (Ошерович) Корман 19 апреля 1922 года в городе Речица Гомельской области Белоруссии. Рано лишился отца (он умер в 1933 году, вернувшись из заключения по политической статье).

В 1939 году Борис Корман поступил на факультет русского языка и литературы Гомельского пединститута. С началом Великой Отечественной войны учеба была прервана.

Из-за очень плохого зрения его не призвали в действующую армию. Семья была эвакуирована в город Коканд (Средняя Азия). Борис стал работать табельщиком на строительстве сахарного завода. В Ленинабадский пединститут был принят на третий курс. В студенческие годы он очень голодал, опухал от голода и попал в больницу то ли с дистрофией, то ли с какой-то инфекцией. Лекарств почти не было, но один молодой врач выделил его среди прочих больных и вывел.

В Ленинабадском пединституте Борис Корман занимался много и упорно, изучал немецкий, французский и таджикский языки, историю русской литературы XIX века, которую потом преподавал в вузах. Именно тогда он задумался о проблеме реализма в лирике, что и привело его к созданию теории автора в художественном произведении.

После окончания института в 1944 году был направлен на работу учителем и завучем в поселок Кокташ близ Сталинабада (ныне город Душанбе). Уже в те годы Борис Корман отличался исключительной работоспособностью. Имея в школе 55 недельных уроков и работая в две смены, он сдал два кандидатских экзамена. Через год его взяли на должность старшего преподавателя кафедры литературы, а также — в очную аспирантуру Сталинабадского пединститута.

В 1949 году в СССР началась антикосмополитическая кампания, дошедшая до Сталинабада. Кормана сняли с работы, велели освободить комнату в общежитии. Под давлением обстоятельств Борис Осипович переехал в Нежин, на Украину, на родину жены, стал вновь преподавать в школе. В 1950 году по приглашению руководства учительского института приехал в Борисоглебск, где проработал до 1971-го. Защитил кандидатскую и докторскую диссертацию, создал кафедру литературы, опубликовал монографию «Лирика Н.А. Некрасова»...

Весной 1967 года по инициативе Б.О. Кормана в Борисоглебске была проведена Всесоюзная межвузовская научная конференция по проблеме автора в художественном произведении. Об этой конференции говорится во многих воспоминаниях ее участников. По свидетельству профессора Б.Ф. Егорова, это была одна из самых интересных литературоведческих конференций в нашей стране.

В период работы в БГПИ Борис Осипович создавал вокруг себя творческую ат-

мосферу, объединял студентов и преподавателей интересными научными и педагогическими задачами, всячески помогал молодежи. Именно он помог студентам историко-филологического факультета, писавшим стихи и прозу, издать в 1961 году первый в их жизни сборник. Для некоторых авторов эта книжка с обложкой синего цвета стала настоящей путевкой в жизнь.

Корман поражал студентов своими знаниями. Очень хорошо об этом написала его бывшая студентка О. Киселева: «Он знал о литературе все: фамилии, даты, биографии, произведения второстепенных и третьестепенных авторов прошлого и нынешнего веков, истории возникновения и существования литературных обществ, издательств, журналов, он помнил, когда и где изданы или переизданы произведения того или иного писателя и кто автор вступительной статьи, он мог сказать, какого цвета обложка той или иной книги, прочитанной им много лет тому назад. Он удивительно говорил об ученых, с которыми был знаком, общался, дружил. Он часто рассказывал о писателях, современных и классиках, как о близких, дорогих, хорошо знакомых и бесконечно любимых людях. Всегда казалось совершенно естественным и то, что Борис Осипович знал (то есть читал, изучал, просматривал) все монографии, сборники, коллективные труды, ученые записки, исследования и критические статьи, обзоры и рецензии всех периодических изданий. Его знания были освещены и освящены глубокой, стройной системой и преданной любовью к литературе и науке. Он любил литературу и литературоведение, жил ими, дышал ими».

Как зав. кафедрой, а потом и доктор наук, профессор, он мог бы не вести со студентами семинарские занятия, однако всегда их проводил и испытывал большое удовлетворение. Это тем более поразительно, поскольку Борис Осипович был почти слепым. Студенты — филологи БГПИ видели во время его лекций и семинаров, какими толстыми были стекла его очков. Он скорее узнавал человека по голосу, чем видел его. Впоследствии, в 1982 году, работая в Ижевске, он подготовил для Всесоюзной конференции слепых доклад «О специфике работы незрячего заведующего кафедрой гуманитарного профиля в высшем учебном заведении». Нельзя читать этот доклад, опубликованный в 1997 году в «Вестнике Удмуртского университета», без чувства преклонения перед этим мужественным человеком.

Время сделало свое. В историю Борисоглебска Б.О. Корман вошел как неповторимая, выдающаяся личность, оставившая глубокий след в сердцах своих воспитанников.

Галина Слугина

НА ВЕРШИНАХ МАСТЕРСТВА

(Дирижер Николай Аносов)

Николай Павлович Аносов — выдающийся дирижер, педагог, историк и теоретик дирижирования, композитор, пианист, музыкальный критик и переводчик иностранной литературы о музыке.

Его детство, прошедшее в небольшом городке Борисоглебске Тамбовской губернии, было тесно связано с музыкой. Дом Аносовых считался своеобразным музыкальным центром Борисоглебска. Дед — Николай Петрович Аносов — играл на скрипке, имел большую нотную библиотеку. Отец — Павел Николаевич — был неплохим пианистом. Мать — Варвара Ивановна — хорошо пела и участвовала во всех домашних музицированиях.

В доме Аносовых нередко останавливались гастролировавшие артисты. Обычно концерты проходили в актовом зале мужской гимназии или зале музыкального кружка.

Большим другом семьи Аносовых был князь Сергей Михайлович Волконский, внук декабриста, имевший под Борисоглебском имение. В августе 1914 года в Борисоглебске С.М. Волконским была поставлена большая хореографическая пантомима антимилитаристского характера. Участником пантомимы стал и четырнадцатилетний Коля Аносов.

На рояле Коля Аносов играл с четырех лет. С нетерпением ждал, когда старшая сестра вернется из гимназии, тут же тащил ее к инструменту, требовал играть хорошо, без ошибок, а сам дирижировал. Сестра и стала его первым «оркестром». Помимо музыки, Коля увлекался изучением иностранных языков: немецкого, чуть позже — французского, английского.

Борисоглебск Николай Павлович любил и часто вспоминал впоследствии «Теллермановскую дубовую рощу, дивные по своей красоте окрестности этого небольшого городка». Высшей похвалой окружающей его природы была фраза: «Как в Борисоглебске».

В 1918 году Николай Аносов по совету дяди поступает в Петровско-Разумскую сельскохозяйственную академию в Москве (ныне имени К.А. Тимирязева). Через год, будучи на втором курсе академии, Николай добровольцем уходит на фронт. Красноармеец Аносов сражается в рядах Третьей армии против Колчака. Затем его отправляют на учебу в Первую артиллерийскую школу, которую он не смог закончить по состоянию здоровья.

После демобилизации Николая Аносова, владеющего несколькими европейскими языками, направляют на работу в Народный комиссариат по иностранным делам, где он служит помощником референта. Человек увлеченный, постоянно стремящийся к новым познаниям, Аносов продолжает изучать философию, литературу, но более всего его притягивает музыка. Постепенно зреет его решимость стать профессиональным музыкантом. В 1928 году он начинает работать пианистом-аккомпаниатором в Московской филармонии. В то же время проходит курс композиции под руководством А.Н. Александрова, изучает теорию музыки с профессором А. Мутли, приобретает опыт в качестве оперного и симфонического дирижера.

С самого начала профессиональной деятельности проявилась его творческая индивидуальность, художественное чутье, вкус, непоколебимая принципиальность, огромная работоспособность, что в конечном итоге позволило ему достичь вершин мастерства.

Важную роль в его жизни сыграло приглашение на работу в Радиокomitee: поначалу в качестве концертмейстера, затем — музыкального руководителя Оперного сектора. По счастливой случайности в 1930 году именно на радио состоялся его дирижерский дебют (передачи в то время шли непосредственно в студии). В эфире прозвучала опера Глюка «Орфей». Дирижер — Н.П. Аносов. После удачного дебюта его переводят на работу дирижером Оперного сектора Радиокomitee. Николай Павлович поставил большое количество опер, быстро овладевая содержанием и особенностями любой партитуры. Конечно, были у Аносова произведения, которые он любил больше, к некоторым относился равнодушно. Но он недаром часто подчеркивал различие между профессиональным мастерством и вкусом, говоря: «Дирижер обязан быть в состоянии исполнить каждое произведение, но не обязан любить каждую партитуру».

В 1937 году Николая Павловича приглашают дирижировать симфониче-

Н.П. Аносов. 1922 г.

С.С. Прокофьев и Н.П. Аносов.
Николина Гора. 1949 г.

ским оркестром в Ростове-на-Дону, а в 1939-1940 годах он работает главным дирижером симфонического оркестра Азербайджанской филармонии в Баку.

Война застала Аносова уже в Москве, где с конца 1940 года он начал работу в Московской государственной консерватории в качестве преподавателя дирижирования, одновременно возглавляя художественное руководство организованно в 1941 году Фронтového оперного театра.

В победном мае 1945-го Николай Павлович был удостоен чести дирижировать Государственным симфоническим оркестром СССР, который исполнил на открытой эстраде на Манежной площади увертюру к «Ивану Сусанину» Глинки, финал Четвертой симфонии Чайковского и вальс из музыки Хачатуряна к драме М.Ю. Лермонтова «Маскарад».

Эстетические критерии Николая Павловича Аносова, которым он оставался неизменно верен, выражены в известной формулировке Римского-Корсакова: «Хорошая музыка — это, прежде всего, хорошее голосоведение». Артистическая индивидуальность Аносова проявилась в постоянном стремлении к раскрытию многоплановости оркестровой ткани, к заботе о том, чтобы каждый голос сохранял свое значение, а не превращался в компонент симфонической фактуры.

Свободно овладевая сложными произведениями, создаваемыми современниками, особое значение Николай Павлович придавал русской, да и вообще славянской музыке в целом. Блистательные трактовки Аносова партитур Дворжака, Сметаны, Глинки, Бородина, Чайковского, Танеева, Мясковского и других великих композиторов раскрыли самые характерные черты русской и славянской музыки: напевность, картинность, образность, ее необыкновенную глубину и красоту.

Свою дирижерскую деятельность Н.П. Аносов успешно сочетал с просветительской, стараясь расширить круг интересов своих учеников, заинтересовать оркестровые коллективы новыми произведениями. Эрудиция, обаяние, тактичность были присущи ему и в повседневной жизни, и за пультом, и в консерваторском классе. Даже его внешние данные imponировали оркестрантам: он держался уверенно, с достоинством, легко находил с музыкантами общий язык и легко подчинял их своему авторитету. Всегда окруженный музыкальной молодежью, Николай Павлович и сам молодедел от общения с нею.

Уже получив высокое звание профессора, он по-прежнему с юношеской страстью работал на любимом поприще. На занятиях со студентами велись беседы не только о музыке: Аносов был далек от сухого академизма. Он учил студентов быть внимательными к красоте, уметь ее видеть и ценить. В каждом, даже не самом способном студенте, пытался разглядеть что-то достойное внимания, никогда не отзывался о ком-нибудь презрительно. Талант Николая Павловича Аносова как педагога выражался и в том, что он умел пробудить веру в своем ученике. Присутствие Николая Павловича на концертах своих учеников буквально окрыляло их. Недаром студенты из класса профессора Аносова отличались от других не только по дирижерской манере, но даже по тому, как они здоровались друг с другом, как говорили между собой.

Николай Павлович Аносов был чрезвычайно жизнелюбивым человеком. Казалось, что у него свой, особый ритм жизни, вдвое интенсивнее, чем у всех остальных. И в этот ритм невольно вовлекалось огромное количество людей, буквально пораженных многогранностью Аносова. Истинные знатоки и любители музыки видели и ценили в нем большого художника, надежного наставника, ярчайшего представителя русской дирижерской школы, выдающегося деятеля советской музыкальной культуры.

Жизнь его оборвалась внезапно. Обычно в таких случаях говорят, что это самая легкая и счастливая смерть. Для близких людей, однако, такой неожиданный конец жизни оказывается особенно тяжелым. Но когда время постепенно

притупляет боль утраты, облик человека остается в памяти свободным от болезней, одряхления, постепенного уничтожения личности. Таким и запечатлелся в памяти современников Николай Павлович Аносов, о котором с полным правом можно сказать словами старинной французской песни: «За четверть часа до смерти он был еще живой».

В архиве Н.П. Аносова находится письмо сотруднику газеты «Борисоглебская правда». Это, пожалуй, единственные сохранившиеся воспоминания Николая Павловича о городе его детства и юности. Письмо, отрывок из которого мы предлагаем, датировано ноябрем 1957 года.

«...Я вспоминаю Борисоглебск с большой любовью, так как в этом городе я родился и в нем протекали мои детские и юные годы. Город этот, несмотря на свои небольшие размеры, очень отличался от других небольших провинциальных городов царской России своим высоким культурным уровнем. В нем было сравнительно много средних учебных заведений. Я с чувством глубокой благодарности вспоминаю об одном из них, мужской Александровской гимназии, в которой получил свое среднее образование и я. В этом прекрасно поставленном учебном заведении было много передовых педагогов, которые не только привили нам хорошие знания, послужившие прекрасным фундаментом для нашего дальнейшего развития, но воспитали в нас высокие моральные устои.

Очень живо вспоминаю я и прекрасную природу, среди которой расположен мой родной город, замечательный лес за рекой Вороной, тянувшийся на много километров, степную полосу, прилегавшую к городу с восточной стороны.

Само собой разумеется, я вспоминаю с огромным удовольствием и о разнообразных развлечениях, которыми изобилует наш город. Нередко здесь бывали гастрольные драматических и даже оперных трупп. Правда, все это были так называемые бродячие труппы, но во многих из них играли талантливые артисты, давшие нам возможность познакомиться не только с великими образцами русской и зарубежной драматургии, но и испытать высокое художественное наслаждение как от самих произведений, так и нередко от исполнения. Известным толчком в моем музыкальном развитии послужила гастроль одной оперной труппы, в которой я, еще пяти- или шестилетним мальчиком, познакомился с целым рядом опер. Так, первой услышанной мною оперой был «Фауст», оставивший неизгладимое впечатление. Нередки были приезды в Борисоглебск и первоклассных солистов, певцов и инструменталистов из Москвы, Петербурга и других крупных городов.

Не могу не вспомнить любительские спектакли, ставившиеся силами гимназистов совместно с ученицами женской гимназии, гимназические вечера с любительскими концертами и танцами и т.п. Понятно, что особую прелесть все это приобретало в свете свежих впечатлений юности и такую же прелесть сохранило в моих воспоминаниях.

С Борисоглебском же связаны и воспоминания о великих революционных событиях 1917 года. Я всегда с огромным волнением читаю произведения нашей литературы, описывающие эти великие события в обстановке, близкой борисоглебской.

Мои воспоминания о Борисоглебске заканчиваются августом 1918 года, когда я уехал для получения высшего образования в Москву, откуда пошел в Красную Армию. Во время пребывания в рядах Красной Армии я один раз приезжал в отпуск в родной город и два раза уже по окончании войны. Оба эти приезда были кратковременными, но произвели на меня большое впечатление, свойственное человеку, возвращающемуся в родные места после бурных и богатых переживаниями и впечатлениями событий...».

Валентина Горшкова

ДАЛЬНОВИДНЫЙ ВОЕНАЧАЛЬНИК

(Маршал артиллерии Митрофан Неделин)

9

ноября исполнилось 112 лет со дня рождения нашего земляка — Главного маршала артиллерии, Героя Советского Союза, заместителя Министра обороны СССР и первого Главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения Митрофана Ивановича Неделина.

Во многих статьях и книгах описан его боевой путь, заслуги перед Родиной. Но мне хотелось бы обратить внимание на его человеческие качества, о чем свидетельствуют некоторые факты его биографии.

В том, что Митрофан Иванович стал выдающимся военачальником, ничего удивительного нет. Во-первых, военное дело было основным занятием рода Неделиных, начиная с конца XVI века, и, можно сказать, передавалось из поколения в поколение. Во-вторых, маленькому Митроше привил любовь к артиллерии двоюродный дед Захар, который только что вернулся с русско-японской войны, где был командиром орудия тяжелой артиллерии. Он очень любил внуков, стараясь передать им свои знания и большой жизненный опыт. В-третьих, очень рано пристрастился Митрофан к чтению книг, в особенности о битвах и полководцах. Он перечитал все, что было дома, брал книги у деда Захара, в школе, у друзей или покупал на рынке. Видя, что мальчик увлекается военными книгами, дед Захар по вечерам рассказывал ему интересные истории про артиллеристов и их подвиги во время войны, об устройстве орудий, снарядов. Почерпнутое из книг и услышанное от деда находило свое отражение в ребячьих играх: на лесных полянах разыгрывались целые сражения, а мальчишки перевоплощались в чудо-богатырей Суворова, Кутузова, штурмовали Измаил, Очаков. В-четвертых, Митрофану Ивановичу довелось жить в неспокойном, противоречивом XX веке, что и наложило отпечаток на выбор им профессии.

С раннего возраста жизнь Митрофана Неделина была подчинена строжайшему, им самим составленному распорядку дня. Мальчик хорошо учился, а в свободное от учебы время посещал технический кружок, обязательно около двух-трех часов в день уделял своему любимому делу — чтению книг.

Его одноклассник по реальному училищу Т.Н. Бутенко рассказывает: «Митрофан Иванович по складу характера не был замкнутым, и со всеми, кто желал получить от него помощь, щедро делился своими знаниями. Мне всегда нравились спокойный и уверенный тон его разговора, простота и опрятность в одежде, собранность и подтянутость во внешнем виде, вежливость и скромность».

Положение семьи Неделиных было тяжелым: после смерти главы семейства на попечении Марии Ефимовны, овдовевшей в 28 лет, осталось четверо детей. Вскоре Марии Ефимовне пришлось взять к себе на воспитание еще и двухлетнюю

М.И. Неделин с женой Марией Дмитриевной и дочерью Людмилой

М.И. Неделин на отдыхе в Сочи. 1958 год

племянницу. Юноша, чтобы как-то помочь матери и уменьшить расходы семьи (стоимость обучения в Липецком реальном училище была высокой и доходила до 80—100 рублей в год), начиная с третьего класса, стал заниматься репетиторством.

Еще с детства Митрофан стремился к знаниям. Прилежно учась в Борисоглебской церковноприходской школе, в Липецком реальном училище, в вечерней школе второй ступени г. Борисоглебска, показывал незаурядные способности по многим предметам. В дальнейшем М.И. Неделин зарекомендовал себя инициативным человеком, много внимания уделявшим самообразованию: повышал свою квалификацию на военно-политических курсах, артиллерийских курсах усовершенствования командного состава РККА, на Высших артиллерийских академических курсах усовершенствования командного состава при Военной академии имени Ф.Э. Дзержинского, что позволило стать ему грамотным командиром. Генерал-майор артиллерии Н.А. Дериш так характеризовал полковника М.И. Неделина: «Хорошо подготовленный во всех отношениях, всесторонне развитый ко-

мандир. За время курса с исключительным вниманием, добросовестностью и активностью относился к делу подготовки, серьезно и систематически работал над собой в целях повышения уровня своей подготовленности».

Несмотря на высокие посты, которые занимал, Митрофан Иванович всегда оставался внимательным, заботливым командиром. Подполковник В.В. Савинский вспоминал: «В период подготовки к запуску ракеты в октябре 1960 года температура на полигоне опустилась до минус 8—15 градусов. На неоднократные обращения к руководству выдать теплое обмундирование солдатам был ответ — «не положено». Однажды днем в одно из служебных помещений вошел Главный Маршал М.И. Неделин. Я, как положено, вскочил, чтоб доложить маршалу о проводимых работах. Он меня сразу остановил и задал вопрос: «Товарищ старший лейтенант, это ваши солдаты в шинелях?» Я ответил: «Да». «Почему не в меховых куртках?» Говорю: «Куда ни обращался, везде один ответ — не положено». Митрофан Иванович повернулся к адъютанту: «Чтобы всем солдатам было выдано теплое обмундирование! К вечеру мне доложить. А вам, товарищ старший лейтенант, надо быть настоящей вшивей!» Эти слова маршала я запомнил на всю жизнь. Через два часа все мои подчиненные были одеты в меховые куртки и брюки. Таким интересом к их жизни он располагал к себе всех присутствующих. В этом — весь маршал Неделин».

«Маршал поразил своей приветливостью, — вспоминал инженер В.А. Бабийчук, бывший тогда молодым специалистом. Со всеми здоровался первый, чем ввел меня, «пацана», в краску. Какой он был как Главком — не знаю, а в обращении — очень человеческий».

Главком помнил по имени, отчеству и фамилии каждого генерала и офицера центрального аппарата, всех командиров частей, соединений, их заместителей, начальников учреждений и военно-учебных заведений Ракетных войск стратегического назначения. Обычно приветствовал подчиненных крепким рукопожатием. И лишь к тем, кто провинился, обращался официально, добавляя воинское звание, фамилию или занимаемую должность.

Будучи чрезвычайно занятым человеком, главком всегда стремился внимательно осмотреть каждый военный городок, казармы, учебные, хозяйственные и культурно-бытовые помещения. Он очень любил цветы и зеленые насаждения, добивался, чтобы городки были красиво оформлены и в них поддерживались образцовый порядок, высокая культура. Нередко Митрофан Иванович заходил в квартиры семей военнослужащих, беседовал с ними, вникал в хозяйственные мелочи и оказывал помощь советом и делом.

М.И. Неделина можно отнести к числу дальновидных военачальников-новаторов, активно занимавшихся обоснованием принципов боевого применения ракетных войск. В целях обеспечения обороноспособности и безопасности страны он настоял на создании нового вида Вооруженных Сил — Ракетных войск стратегического назначения, и стал их главнокомандующим. При поддержке М.И. Неделина были созданы десятки ракетных научно-исследовательских институтов, возникли полигоны Капустин Яр, Плесецк, Байконур. Под его руководством разработаны и испытаны первые образцы межконтинентальных баллистических ракет и ракет средней дальности. Он проделал большую работу по формированию первых ракетных частей, подготовке и расстановке кадров ракетчиков.

М.И. Неделин был прост в общении, добр и отзывчив. Полковник А.И. Митерин, офицер для особых поручений, адъютант и шофер главкома, рассказывал, что Митрофан Иванович никогда не кичился своим высоким служебным положением, не допускал «барских» замашек, которые, к сожалению, бытовали иногда в семьях больших начальников.

Редкие минуты отдыха старался проводить с семьей; жена Мария Дмитриевна и дочь Людмила искренне любили и ценили его. Митрофан Иванович безропотно выполнял свои домашние обязанности: наводил идеальный порядок и поддерживал чистоту в рабочем кабинете, возился на огороде, ухаживал за деревьями и цветами, мыл посуду по воскресеньям и праздничным дням, давая отдохнуть жене и дочери. Много помогал М.И. Неделин своим родственникам и фронтовым товарищам. Одним словом, хорошая, простая и дружная была семья.

В свободное от работы время Митрофан Иванович предпочитал уединение: любил Подмосковье, лес, свой дачный участок, рыбалку, где тишина, свежий воздух и загородная природа успокаивали нервную систему, немного отвлекали от бесконечных забот, тревог и дум... Эта любовь сопровождала его всю жизнь, начиная с прогулок в Теллермановский лес, с купания на реке Вороне, откуда он частенько приносил домой рыбу, ягоды или грибы.

Неисправимый оптимист, Митрофан Иванович Неделин на досуге любил повторять слова безымянного поэта:

Жизнь сложна, многообразна,
Никогда не унывай!
Делай все упорно, страстно,
А плохое отменяй!

Ольга Пущина

ЗОЛОТОЕ ПЕРО

(Писатели Виктор Кин и Юрий Третьяков)

Многим борисоглебцам хорошо знакомо кирпичное здание на углу улиц Павловского и Бланской. Здесь располагается старейшая в Воронежской области Центральная городская библиотека, которой в январе 2015 года исполнится 118 лет. В открытии библиотеки принимали участие социал-демократы М. Великов, В. Алабышев, Н. Родионов, прибывшие в Борисоглебск в ссылку из Петербурга. Одним из инициаторов создания библиотеки был инспектор народных училищ Борисоглебского уезда Никанор Васильевич Павловский, отец академика Е.Н. Павловского. Материальную поддержку библиотеке оказали общество взаимного кредита, Воронежский коммерческий банк, Борисоглебское уездное земство. Помогли также влиятельные петербуржцы — оберкамергер царского двора Д. Нарышкин и священник Русской Православной Церкви, протоиерей Иоанн Кронштадтский. В создании библиотеки активно участвовали предводитель дворянства в Борисоглебском уезде князь С.М. Волконский (внук декабриста С.Г. Волконского), представители купечества и городской интеллигенции. И сегодня библиотека бережно хранит книги с памятными знаками их прежних владельцев: декабриста С.Г. Волконского «Павловка», «Из книг городского головы Гаврилова», «Библиотека В.М. Петрово-Соловово» и другие.

Центральная городская библиотека продолжает жить и работать на радость любителей чтения. С 1963 года она носит имя нашего земляка, писателя и журналиста Виктора Павловича Кина (Сурувикина). Это был исключительно одаренный, яркий человек, которого не забывают борисоглебцы. Его именем названа улица нашего города. На доме по улице Ленинской, где он жил, установлена мемориальная доска.

Виктор Кин принадлежит к поколению литераторов XX века, талант которых был пробужден революцией и Гражданской войной. Кин и его сверстники — будущие писатели Александр Фадеев, Николай Островский, Аркадий Гайдар, Михаил Шолохов и другие — были мальчишками, когда в России началась эпоха «неслыханных перемен». В те горячие годы они быстро росли и мужали. Это о них поется в «Песне о тревожной молодости» Александры Пахмутовой и Льва Ошанина: «И снег, и ветер, и звезд ночной полет, меня мое сердце в тревожную даль зовет...». Песня была написана к кинофильму по роману Виктора Кина «По ту сторону» в 1958 году, и с тех пор ее знает и поет буквально вся страна.

Виктор Кин прожил короткую жизнь, всего 34 года, и известен как автор одного романа. Но на самом деле написал он не так уж мало и как журналист, и как

прозаик. Об этом свидетельствуют сохранившиеся отрывки его исторического романа о Первой мировой войне «Лилль», написанного на три четверти, и автобиографического романа, посвященного газетчикам 20-х годов XX столетия. С 1925 года он — профессиональный журналист. Кин обладал исключительным трудолюбием, отличной памятью и острым умом. Он в совершенстве владел французским, немецким, итальянским языками, изучал испанский. Работая в 30-е годы в газетах «Правда», «Комсомольская правда», корреспондентом ТАСС в Италии и во Франции, Кин напечатал около семи десятков острых, социально значимых фельетонов, различных корреспонденций. Его «Записные книжки» раскрывают перед нами яркий талант, окрашенный тонким юмором и своеобразной грустью: «Способности можно развить, приемы и правила творчества — выучить, славу — приобрести, но молодость можно только потерять...»

Виктор Кин родился на станции Новохоперск Юго-Восточной железной дороги в 1903 году в семье паровозного машиниста. Его отец Павел Ильич и мать Александра Ивановна — уроженцы Борисоглебска. В семье было пятеро детей, но две сестры и два старших брата умерли, и родители всю свою любовь и заботу отдали Виктору.

В августе 1910 года в возрасте семи с половиной лет Виктор пошел в школу. В 1912 году семья Суровикиных переехала в Борисоглебск. На Нижнеплощадной улице (ныне Ленинской) купили домик. По настоянию тетушки Виктора Клавдии Ивановны Перегудовой не без труда удалось устроить его учиться в Александровскую мужскую гимназию (сегодня это средняя общеобразовательная школа № 5). «С самого раннего детства, — вспоминала Александра Ивановна Суровикина, — Витя был живой, жизнерадостный, подвижный, любознательный. У него была хорошая память. Виктор любил читать и читал много, обычно забравшись на сеновал. Читал Гоголя, Диккенса, Марка Твена, любил историю и географию. Из гимназистов дружил с Лембергом (сыном врача), Митрофаном Неделиным (будущим маршалом артиллерии), братьями Постоевыми, Сергеем и Митрофаном...» В своих воспоминаниях сосед и товарищ Виктора по гимназии С.В. Сергиевский писал о нем: «...Маленького роста, всегда беспокойный, всегда готовый дать отпор задире и обидчику... Наказания переносил безропотно и стойко». В гимназии мальчик участвовал в издании рукописного журнала, писал стихи, неплохо рисовал.

В своей «Автобиографии» В. Кин вспоминает: «Интересное в моей жизни начинается с 1918 года, когда я с группой товарищей организовал в г. Борисоглебске ячейку комсомола. Мы устраивали митинги, бегали по собраниям, писали статьи в местную газету, которая их упорно не печатала; я имел даже наглость выступить с публичным докладом на тему «Есть ли бог» и около часа испытывал терпение взрослых людей, туманно и высокопарно доказывая, что его нет...» В те беспокойные дни во многих местах города видели светловолосого юношу с насмешливыми, веселыми глазами. Всегда энергичный, бодрый, он с жаром брался за любое дело. Бывший слесарь борисоглебских вагоноремонтных мастерских Федор Андреевич Ловягин в своих воспоминаниях, опубликованных в районной газете «Строитель коммунизма» в 1964 году, приводит эпизод, раскрывающий характер юного комсомольца: «В бывшем Доме Дворянского собрания мы ставили спектакль по пьесе «Дылдуся», высмеивающей неповоротливого, долговязого гимназиста. Пришел Суровикин, долго присматривался, потом сказал резко:

— Бросьте вы репетировать этих разных дылдусь. Хотите посмеяться над гимназистами, а мы готовим серьезное дело. У нас уже есть материал, и скоро мы будем выпускать газету».

В этот период жизни Кин начинает изучать произведения Маркса, Энгельса и Ленина, читает статьи Писарева, Чернышевского, Добролюбова. Пытливый ум и стремление к знаниям выдвигают его в ряды политических вожakov молодежи

Борисоглебского уезда Тамбовской губернии. Советская власть утверждалась в уезде нелегко. Отчаянно сопротивлялась местная контрреволюция, все жарче разгоралось пламя Гражданской войны. Виктор Кин с оружием в руках в составе рабочей дружины участвовал в боях с белоказаками, в заготовке хлеба для отправки голодающим рабочим Москвы и Петрограда. При захвате Борисоглебска белогвардейцами В. Кину приходится уйти в подполье. Он скрывается в доме своего товарища по гимназии С.В. Сергиевского, который рассказывает об этом так: «К Суровикиным за Виктором белогвардейцы приходили два раза, и каждый раз его родителям с большим трудом удавалось убедить их, что Виктора в городе нет, что он уехал куда-то в село за продуктами...»

После освобождения Борисоглебска от белогвардейских войск В. Кин сотрудничает с газетой «Коммунист». Весной 1920 года он добровольцем отправился на польский фронт, там был принят в партию большевиков и назначен политруком роты. В. Кин вспоминал: «Здесь я увидел настоящую войну, по сравнению с которой наши домашние делишки с казаками показались мне детской забавой...» Бойцы 8-й Минской дивизии 16-й армии Западного фронта называли его «боец с пламенным сердцем». После фронта Кин возвратился в родной Борисоглебск. Там был новый фронт — бандиты, с которыми велась жестокая и упорная борьба.

Борисоглебский период жизни и деятельности Виктора Суровикина закончился в ноябре 1921 года, когда ЦК РКСМ командирует его на Дальний Восток, где еще продолжалась Гражданская война. Именно там родился замысел его автобиографического романа «По ту сторону». В 1923 году Кин приехал в Москву и продолжил работу над романом, вышедшим в 1928 году в издательстве «Круг». Эта книга полна революционной романтики, веры в правоту и справедливость идеалов революции. При жизни В. Кина и после его смерти роман выдержал несколько изданий, в том числе и за рубежом. В рецензии на роман, опубликованной в «Комсомольской правде» 20 марта 1957 года, Б. Галанов писал: «Есть в книге Кина такой запас жизненной силы, такая свежесть и увлеченность, так много в ней неповторимых примет своего сурового времени, что ее невозможно ни «списать», ни вычеркнуть из числа живых и действующих». Многие советские критики высоко оценили не только роман, но и самого писателя. Л. Славин: «...У Кина было не только золотое перо, но и золо-

Виктор Кин

Центральная городская библиотека
им. В. Кина

тые руки. Он был удивительно и широко одаренным человеком. И если роман его «По ту сторону» вошел в золотой фонд нашей литературы, то и о самом Викторе Кине можно сказать, что он был из золотого фонда советских людей» («Литературная газета» от 10.01.1963 г.). Выдающийся мастер советской литературы К. Симонов назвал его «замечательным советским писателем».

Книга Кина, сама его личность оказали влияние на многих молодых людей того времени, в том числе и на собственного сына. Жена писателя, известный советский литературовед и переводчик Цецилия Исааковна Кин, в статье, опубликованной в борисоглебской газете «Строитель коммунизма» в январе 1973 года, рассказывает, что когда началась Великая Отечественная война, их сыну Льву едва исполнилось шестнадцать лет. Ему говорили, что он еще молод воевать, но он возразил, что Виктору Павловичу было немногим больше, когда он пошел на польский фронт. Доброволец-пулеметчик Лев Кин погиб в бою 22 июня 1942 года.

И еще об одной грани таланта Виктора Кина. Он был первым редактором романа Николая Островского «Рожденные бурей». Сам Н. Островский писал в Москву директору Гослитиздата: «...редактором «Рожденных бурей» должен быть лучший ваш редактор... Если В. Кин — это автор романа «По ту сторону», книги, которую я люблю... то это был бы наиболее близкий мне редактор».

Виктор Павлович Кин разделит трагическую судьбу многих преданных партии большевиков людей, ставших жертвами необоснованных репрессий в период культа личности Сталина. В 1937 году он был арестован и погиб. Реабилитирован посмертно. Вдова В. Кина подверглась репрессиям вслед за мужем: восемь лет лагерей и девять — ссылки.

Сотрудниками Центральной библиотеки проделана серьезная работа по сбору материалов о жизни и творчестве писателя-земляка. В библиотеке бережно хранится переписка ее сотрудников с матерью и женой В. Кина, оформлен информационный стенд «В. Кин (Сузовикин) — наш земляк, писатель, журналист». Созданы тематическая папка «Виктор Кин — борисоглебец» и фотоальбом, где собраны публикации из периодических изданий и фотографии из разных периодов жизни писателя. Информационная база пополняется и за счет материалов, найденных в Интернете, копий статей из изданий, отсутствующих в фонде. Выпускается и собственная издательская продукция. Наши читатели с удовольствием знакомятся с буклетами «Тревожная молодость Виктора Кина» и «С ружьем и пером», электронной презентацией «Сквозь снег и ветер». наших земляков мы неоднократно приглашали на час краеведения «В. Кин всегда по эту сторону» с показом электронной презентации.

Сохранившиеся материалы о В. Кине и в наши дни представляют немалый интерес, а для борисоглебцев этот интерес — особенный. В них они видят достоверные картины жизни своих предков, узнают эпизоды из истории родного города и людей, причастных к ним.

Жил в Борисоглебске и еще один удивительный человек. Самый несправедливо забытый детский писатель советского времени — Юрий Федорович Третьяков. В декабре 2011 года его имя было присвоено детской городской библиотеке, в то время отмечавшей свой 75-летний юбилей. Красивый старинный купеческий особняк, в котором сегодня расположена библиотека, стал информационным центром поддержки и развития детского чтения в Борисоглебском городском округе. Около трех тысяч детей и подростков являются читателями детской библиотеки. И сегодняшние дети с интересом читают книги Ю.Ф. Третьякова, где герои — обыкновенные мальчишки и девчонки, о которых автор пишет с любовью и нежностью, сочувствием и мягким юмором.

Это был исключительно талантливый писатель, обладающий редким каче-

ством — умением войти в круг детей, понять их характеры и интересы. «Образователем юного чувства» назвал его после выхода первых книг критик А. Образцов. Родился Ю. Третьяков в семье сельских интеллигентов: отец был агрономом, мать — зубным врачом. В детстве он часто болел и много читал. Взрослым порой казалось, что он и родился с книжкой в руках. Писатель рассказывает о себе в записке, написанной для Борисоглебской детской городской библиотеки 19 марта 1981 года. Она так и озаглавлена — «О себе»:

«Родился в г. Борисоглебске в 1931 году, учился во 2-й и 5-й школах. Затем Литературный институт имени Горького А.М. при Союзе писателей СССР. После института несколько лет работал редактором в Воронежском книгоиздательстве и журнале «Подъём». В 1958 году был принят в Союз писателей и стал писателем-профессионалом.

Писать о детях и для детей начал рано — первый рассказ «Сад» был опубликован в альманахе «Литературный Воронеж» тридцать лет назад. С тех пор издал около двух десятков книг: «Жук и геометрия», «В плену у краснокожих», «Начало рыбацкого патруля», «Рыцари Березовой улицы», «Вася-капиталист», «Алешин год», «Приключения Мишки Мочалкина», «Толстый мальчишка Глеб» и др., выходящих в издательствах «Детская литература», «Советская Россия» и в Воронеже.

Сейчас я работаю над сборником рассказов «Командир особого отряда», который должен выйти в Воронеже в будущем году...

Живу в Воронеже, но очень много времени провожу в Борисоглебске. Могу без преувеличения сказать, что все мое творчество в той или иной форме связано с родным городом, с воспоминаниями борисоглебского детства. Именно Борисоглебск с его чудесной речкой Вороной, лесом, лугами, садами и уютными улочками являются местом, где разворачиваются приключения маленьких героев моих повестей и рассказов.

Поскольку всегда был заядлым книголюбом, очень большое значение в моей жизни имела детская библиотека, постоянным читателем которой состоял с 1-го класса.

Желаю землякам, работникам детской библиотеки и читателям всего самого доброго. 19.03.81 г. Третьяков Ю.».

Высшей оценкой творчества писателя является популярность его произведений среди читателей. В Борисоглебском историко-художественном музее хранятся немногочисленные документы, связанные с именем Ю.Ф. Третьякова, которые

Юрий Третьяков

Книга Юрия Третьякова «Начало рыбацкого патруля»

передала его мать. Среди них вызывают интерес два письма, адресованных писателю. Одно от учащихся школы города Ростова-на-Дону от 12 июня 1974 года:

«Здравствуйте, уважаемый Юрий Федорович! Недавно мы прочитали Вашу книгу «Рыцари Березовой улицы». Всем нам она очень понравилась. Ученики нашего класса вместе с работником библиотеки имени А. Жданова Анной Дмитриевной проводили конференцию об этой книге. Сообщите нам, пожалуйста, пишете ли Вы или будете писать продолжение этой книги? Нам очень интересно узнать. Мы, ученики 5-го класса «А» средней школы № 58 г. Ростова-на-Дону, с большим удовольствием также хотим прочитать продолжение Вашей книги, хотим узнать о дальнейшей судьбе рыцарей, о продолжении их борьбы с плохими поступками мальчишек-горилл, о тимуровской помощи старикам, больным и маленьким детям. Перевоспитали ли горилл березовцы? А были ли прототипы у ваших героев? Напишите нам, пожалуйста, обо всем этом. Постарайтесь выкроить для нас время. Мы будем ждать Вашего ответа в новом учебном году.

С уважением к Вам — учащиеся 5 «А» класса школы 58».

Второе письмо — от известного чешского издателя Ярослава Новака: «Уважаемый писатель! Я читал в какой-то книге о Ваших произведениях для детей. Но Ваши книги не могу получить... И меня они очень (как редактора литературы для детей) интересуют. Пожалуйста, не можете мне эти книги одолжить или за наши (чешские) посвятить? Сердечный привет и большое спасибо!»

Ю.Ф. Третьяков был человеком скромным и простодушным, старался держаться в тени, не гонялся за славой и деньгами. Когда-то его ставили в один ряд с В. Драгунским и Н. Носовым, Э. Успенским и Р. Погодиным. Произведениями нашего земляка интересовались московские издательства «Советская Россия», «Детская литература», но он не поехал в столицу, жил в Воронеже, а затем вернулся в Борисоглебск к престарелой матери.

Писатель ушел безвременно, он умер 4 февраля 1985 года в Воронеже.

В начале 90-х годов XX века в Борисоглебске выходила газета «Борисоглебск. Русская провинция». 24 марта 1994 года в ней была опубликована статья Н. Лозана «Опередивший время» о Ю.Ф. Третьякове. Автор писал: «...По силе таланта этого писателя можно сравнить разве что с Аркадием Гайдаром. Разница в том, что если А. Гайдар был певцом мальчишек-революционеров, то Юрий Третьяков показывает обыкновенных ребят в самую пору их детства, как правило, не политизируя события».

Памяти Ю. Третьякова была посвящена и статья М. Рябушкина «Живое слово о детях», опубликованная 1 февраля 2005 года в газете «Борисоглебский вестник». Она заканчивается словами: «Двадцать лет уже нет Юрия Федоровича, но он не остался в том, прошедшем времени. Он и сейчас среди нас, он по-прежнему наш современник. Потому что вот они, стоят на полках его книги, живут его герои — забавные мальчишки и девчонки. И будут жить всегда, потому что мир детства бесконечен».

Борисоглебская городская библиотека им. Ю.Ф. Третьякова ежегодно организует праздники, посвященные творчеству писателя-земляка. Особое место в книжных экспозициях библиотеки занимают произведения Ю. Третьякова. Юные борисоглебцы с удовольствием читают его веселые, интересные и запоминающиеся книжки.

Как известно, имя человека во многом влияет на его судьбу. Точно так же и имя библиотеки определяет не только ее сегодняшний день, но и день будущий. Каждое запечатленное имя напоминает нам о людях, чьи судьбы были тесно связаны с Борисоглебском. И наши библиотеки стараются не дать времени стереть память о прошлом родного края и людях, чьим трудом, неиссякаемой энергией и талантом мы вправе гордиться.

«СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ИСКАНИЯ»

(Пионер советской морской гравиметрии Леонид Сорокин)

Профессор Московского университета, доктор физико-математических наук Леонид Васильевич Сорокин (1886—1954 гг.) — один из основоположников разведочной геофизики, пионер советской морской гравиметрии и глава первой научной школы в этой области.

Он родился 12 августа 1886 года в городе Борисоглебске Тамбовской губернии. Дом, в котором жила его семья (ул. Ленинская, прежнее название — Верхнеплощадная, № 100), сохранился до сих пор. Окончил Александровскую мужскую гимназию (ныне средняя школа № 5), названную в честь императора Александра II. Дореволюционная школа давала богатые, содержательные знания. Изучали латынь, греческий, два европейских языка. Учащиеся выпускали свой литературно-научный сборник, ставили спектакли. Неслучайно выпускники гимназии свободно поступали в Московский, Харьковский университеты.

Уже во время учебы в гимназии Леонид проявил незаурядные способности, большое трудолюбие и целеустремленность в достижении цели. Тяга к науке приводит его на физико-математический факультет Московского университета. Будучи студентом, он занимается научной работой в Астрономической обсерватории университета, проводя определения орбиты одной из малых планет.

В 1911 году Сорокин блестяще окончил университет, но не мог сразу найти применения своим силам в науке. Он возвращается в родной Борисоглебск, где в течение нескольких лет преподает физику и астрономию, которую тогда называли космографией, в гимназии Серафимы Александровны Товаровой.

В 1919 году, когда Л.В. Сорокин работал преподавателем уже в городе Кромы Орловской губернии, при Президиуме Высшего Совета Народного хозяйства РСФСР создается Особая комиссия по изучению Курской магнитной аномалии (ОККМА), возглавляемая видными учеными П.П. Лазаревым, А.Д. Архангельским, И.М. Губкиным. Так впервые в нашей стране начала развиваться новая дисциплина науки о Земле — разведочная геофизика. С помощью имеющейся на тот момент простейшей аппаратуры (морских магнитных «котелков», маятников-приборов, крутильных весов Этвеша) было начато изучение магнитных и гравитационных аномалий, вызванных залеганием мощных железорудных пластов под чехлом осадочных пород в несколько сотен метров. Сорокин принимает деятельное участие в исторических пионерских полевых работах на территории КМА.

В 1920 году он был приглашен работать в Московский вычислительный центр. На протяжении многих лет преподавал также гравиметрию и высшую геодезию в

Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева. С 1921 по 1925 годы принимал личное участие в гравиметрических экспедициях в районы КМА. Однако главным делом его жизни стала научно-педагогическая работа в Московском университете, которой он отдавал свои силы в течение более чем 33 лет. Он славился и как первоклассный педагог, старавшийся направить студента или аспиранта на путь самостоятельной работы и «собственноручных» исканий, и как прекрасный экспериментатор. Руководствуясь лишь элементарными эскизами и устными объяснениями, Леонид Васильевич умел просто и остроумно сконструировать вполне работоспособную гравиметрическую аппаратуру, всерьез увлекался радио- и фотолюбительством. Пример учителя вдохновлял учеников на самостоятельную теоретическую и практическую работу, и они довольно быстро и успешно осваивали технику самостоятельного эксперимента, обработки и интерпретации получаемых результатов.

Л.В. Сорокин

Он создал первоклассные учебники по гравиметрии, разведочной геофизике, из которых учебник «Гравиметрия и гравиметрическая разведка» выдержал три издания на русском языке. Его учебники издавались также на немецком, венгерском и румынских языках.

Спокойствие, доброжелательность Л.В. Сорокина, отсутствие желания показать свое превосходство над окружающими, простота и скромность в личной жизни, переходящая в стoическую непритязательность в экспедиционных условиях, активное научное творчество, — вот та благоприятная атмосфера, в которой формировались его ученики.

Вместе с О.Ю. Шмидтом он впервые разрабатывает свой оригинальный математический метод определения глубины железистых кварцитов по данным вариометрических измерений и проводит расчеты параметров залегания кварцитов в Щигровском районе Курской области. Последующее бурение блестяще подтвердило его расчеты. В 1926-1928 годах в Азербайджане Л.В. Сорокин проводит гравиметрическое изучение Апшеронского полуострова и Прикуринской низменности. Благодаря его исследованиям были определены первоочередные направления поисков нефти и газа.

Впервые в СССР, вслед за замечательным голландским ученым Венинг-Мейнесом, но идя собственным, более простым путем, Сорокин создал оригинальную аппаратуру и свою методику для определений силы тяжести на море. Методика измерения на море существенно сложнее, чем на суше, так как прибор вместе с кораблем, на котором он установлен, подвержен качке. Будучи талантливым изобретателем, он приспособил имевшийся в его распоряжении сухопутный маятниковый прибор для морских измерений. С этим прибором Сорокин выезжает в экспедиции на подводных лодках на Черное, Японское, Охотское, Берингово моря, а в 60-летнем возрасте участвует в труднейшей гравиметрической экспедиции на Баренцевом море.

Несмотря на скромность его гравиметрической аппаратуры, результаты измерений были высокого качества. Значение этих гравиметрических данных трудно переоценить. Особенно тяжелы были экспедиции на подводных лодках: теснота, жара, нехватка пресной воды. Л.В. Сорокин был одним из инициаторов проведе-

ния измерений силы тяжести с надводных судов. Теперь возможность и целесообразность подобных морских измерений очевидна, однако тогда это вызывало острую полемику среди геофизиков.

В 1952 году Л.В. Сорокин впервые в СССР конструирует кварцевые часы для использования их при маятниковых определениях силы тяжести, в частности на море. Создает аппаратуру для регистрации поправки Броуна при морских определениях силы тяжести — «медленные маятники». Изобретает четырехмаятниковый прибор для определения силы тяжести в труднодоступных местах: горах, тундре, тайге; прибор для приема радиосигналов точного времени с помощью резонансного реле и кратковременного определения силы тяжести; прибор для обработки фотограмм записи колебаний маятника, получивший название «прибор Опольцера — Сорокина»...

Конструкторские решения Сорокина отличались оригинальностью и неожиданной простотой идеи, и что самое главное, все его гениальные находки находили воплощение в практике в виде приборов и методов. Недаром он повторял своим ученикам: «Идея — это один процент, а вот сделать — это 99 процентов».

Целый ряд его научных работ относятся к астрономии и геодезии: исследование малых планет, определение эталона геодезической обсерватории в Москве, определение отклонений отвеса в Курской области и многое другое. Им была создана школа морской гравиметрии, что позволило в кратчайшие сроки подготовить научные коллективы для изучения гравитационного поля океанов, ведь Мировой океан в гравиметрическом отношении долгое время был «белым пятном». Отечественные гравиметристы закрыли многие из этих белых пятен. И на первых порах для измерения силы тяжести на подводных лодках и надводных судах ими применялись копии морских приборов, сконструированных Сорокиным.

Отечественная наука хранит благодарную память о Леониде Васильевиче Сорокине, воспитавшем целую плеяду учеников. Благодаря их деятельности советская морская гравиметрия, особенно теория и методика исследований, заняли передовые позиции в мировой науке.

Юрий Иванович Копысов родился в 1949 году в поселке Чепецкий Зуевского района Кировской области. Учился на физфаке ВГУ, окончил Борисоглебский пединститут. Долгое время жил в Крыму, где работал журналистом, инструктором по туризму. В начале 80-х годов учился в Литературном институте им. М. Горького. Автор нескольких поэтических сборников. Публиковался в журнале «Подъём», в коллективном сборнике «Антология поэзии ВГУ». Автор и исполнитель бардовской песни. Живет в городе Боброве Воронежской области.

Юрий Копысов

ЛИСТ НЕВЕСОМЫЙ УПАДЕТ

* * *

И плеск весла.
И запах трав.
И ветка под твоей рукою...
Да где, в каких еще мирах
найдется что-нибудь такое?

Чтоб так же в сумраке листвы,
в объятых зелени весенней
земные пели соловьи
для всей мерцающей
Вселенной?

* * *

О Боже, какая эпоха была,
а все-таки жили. И книги читали.
А главное — пели. И даже мечтали.
И даже вершить успевали дела.

Читали стихи! До рассвета, до слез.
И подлость за тыщу шагов различали.
Героев своих, не стеснясь, качали.
И были Герои! Пусть даже без звезд.

И подвиги были — не нынешний гам.
И Родине в жертву себя приносили.
И снова из праха вставали и жили
по меркам своим и своим чертежам.

Им Вечная память и Вечный огонь!
Надеюсь, хоть этот огонь не потушат.
Наивные, чистые, гордые души —
о них одинокая плачет гармонь

и в парке вечернем поют соловьи,
и замерло все до рассвета.

О, Боже,
неужто тот мир без следа уничтожен
и нам не протянет ладони свои...

* * *

Неожиданный снегопад.
Неожиданная судьба...
Я ловлю твой влюбленный взгляд
и тихонько схожу с ума.

То смеется, то плачет метель,
улетая то вверх, то вниз.
Я всю жизнь бы отдал тебе,
только где она —
моя жизнь?

ЮНЫЕ СТИХИ

В самые темные ночи декабрьские,
где снегопады тихи,
пишутся юные, пишутся страстные
и золотые стихи.

И ничего, что виски поседевшие,
что холоднее любовь.
Все соловьи, в те года не допевшие,
в сердце слетаются вновь.

* * *

Колыхнулась занавеска —
Там луна.
Профиль твой качнулся резко.
Вся видна

Ты, как на ладони Бога.
Мой каприз.
Повернись ко мне немного,
Прикоснись.

Прикоснись, избавь от боли,
Доктор мой.
Перепил я вольной воли
Не с тобой.

* * *

Осенний дождик вдаль уйдет,
И солнце выглянет, смеясь.
И я влюблюсь, как идиот,
В очередной последний раз!

Я вспыхну горячей огня
и скину кепку и пальто.
А дама глянет на меня
и скажет: «Нет... опять не то!»

ВЕЧЕР

Лист невесомый упадет
на спящую тропинку сада.
И два твоих прощальных взгляда
последний поезд увезет.

Туманный день наденет мглу.
Обманом тень захватит крыши.
Закат, лучом случайным вышит,
уснет на скошенном лугу.

Волнуясь, погаси огонь,
окно открой в огромность мая —
и первая звезда ночная
скользнет на теплую ладонь.

Сергей Макшанцев

В ЭПОХУ СМУТЫ И РАЗДОРА

Период 1918-1921 годов стал для Борисоглебска временем одного из величайших бедствий в его более чем трехвековой истории. Несколько лет в наших родных краях бушевала Гражданская война, сопровождаемая невероятной революционной ломкой всего прежнего мироустройства. Эта война по своим масштабам может сравниться только с Великой Отечественной войной 1941-1945 годов, но, в отличие от последней, Гражданская война не сплотила, а расколола народ, семьи и даже саму личность человека, нанесла тяжелейшие моральные травмы и на многие десятилетия определила жизнь и Борисоглебска, и всей страны. Она привела к огромным человеческим жертвам, нанесла огромный вред городскому хозяйству. Самые энергичные и способные борисоглебцы несколько лет подряд занимались самоистреблением.

Но не нужно больше растравливать старые раны и продолжать делить наш народ на красных и белых. Мы — потомки и тех, и тех: Антонова и Троцкого, Деникина и Чапаева, нравится это кому-то или нет. Гражданская война — это уже наша история, причем история общая. И ее невозможно изменить, а остается лишь изучать, осмысливать и делать выводы.

БОЛЬШЕВИКИ БЕРУТ ВЛАСТЬ

Советскую власть провозгласили в Борисоглебске на объединенном съезде уездных Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов 12 февраля 1918 года в кинотеатре «Палас» (ныне здание музыкального училища). Возникшая только в ноябре 1917 года организация местных большевиков под руководством директора коммерческого училища Николая Корятина после долгой и тернистой борьбы сумела, наконец, взять власть. Все граждане, считающиеся трудящимися, избрали депутатов общеуездного Совета числом 322. А депутаты затем избрали из своего состава исполнительный комитет, который взял на себя руководство городом и всем уездом.

Председателем исполкома стал Корятин, и именно он в течение полугода являлся главой исполнительной власти Борисоглебска. В исполкоме были сформированы по отраслевому признаку отделы во главе с комиссарами. Сам Корятин по совместительству стал и комиссаром народного образования. Деятельность большевистского исполкома осложнялась тем обстоятельством, что в Совете было около 40 депутатов — левых эсеров, которые проводили вполне самостоятельную

политику. Имелись и депутаты, настроенные откровенно антиленински: анархисты, меньшевики и правые эсеры. Выдавить их из Совета удалось только со временем.

Большие проблемы создавал местный гарнизон. Несколько тысяч вооруженных и в буквальном смысле распоясавшихся солдат, к тому же постоянно обрабатываемых агитаторами всех мастей, сильно мешали установлению в городе порядка. К чести большевиков, они не допустили солдатского бунта и сумели в несколько этапов распустить гарнизон по домам. Правда, стрелковое оружие солдаты, как правило, прихватывали с собой, а кавалеристы свели и почти всех лошадей. Но исполкому остались хороший артиллерийский парк, склады с воинским имуществом и большой казарменный фонд. Все это очень пригодилось, когда военком Переведенцев начал формировать в Борисоглебске части новой, Красной Армии.

Основные отделы и комиссии исполкома разместились в гостинице «Европейская», на месте которой сейчас стоит дом № 35 по улице Советской. Правда, в гостинице к исполкому присоединился незваный сосед. Прибывшие с флота матросы организовали под руководством черноморца А. Похващева в Борисоглебске «Летучий революционный морской отряд» с собственным «морским штабом» и даже знаменем — черный якорь на красном фоне. Картина станет еще колоритнее, если добавить, что в Борисоглебске размещался лагерь военнопленных из Австро-Венгрии, говоривших на десятке языков. (Многие из них принимали активное участие в событиях, последние уехали на родину только в 1921 году.)

В 1918 году в Борисоглебске произошла и коммунальная революция. «Трудящимся» из бараков и временок разрешено было занимать пустующие квартиры или подселаться в дома к «буржуям». Чуть позже, в августе 1918 года, всю городскую недвижимость официально национализировали. Для бывших бездомных получение комнаты в хорошем доме стало огромным благом, а вот для бывшего домовладельца — наверное, не очень. С тех времен и появились в Борисоглебске, как и по всей стране, «коммуналки», которые скоро отметят грустный столетний юбилей.

КОНЕЦ МУЖИЦКОГО СЧАСТЬЯ

В первые месяцы 1918 года российское село переживало один из самых счастливых периодов в своей истории. Это было время надежд на то, что в связи с Декретом о земле «мужицкий рай» установился навсегда. И крестьяне с нетерпением ожидали весенних дней и начала полевых работ на своих новых наделах, сильно округлившись за счет отобранных у помещиков, арендаторов или слишком уж разбогатевших односельчан угодий. Но после установления Советской власти в Борисоглебске первым делом по всему уезду провели окончательный земельный передел (как правило, «по едокам»). И оказалось, что у немалого количества семей до передела на человека выходило земли больше. А ведь многие вообще успели до войны выйти из общины и оформить полученный «отруб» в частную собственность. И — неожиданно лишились той его части, что превышала норму. Началось сведение личных счетов, припоминание прежних обид... А с фронтов шел массовый поток демобилизованных, почти все из которых везли домой оружие.

Уже в середине февраля 1918 года был издан декрет о национализации зернохранилищ. Весь товарный хлеб оказывался теперь в руках государства. И крестьяне, хранившие излишки зерна на элеваторе в Борисоглебске, сильно пострадали. Весной 18-го года в центральных районах страны начался страшный хозяйственный кризис, сопровождаемый голодом, — прямое следствие большевистских экспериментов и саботажа обиженной буржуазии. «Выход» был найден быстро:

нужно просто отнять и доставить в промышленные города Центра хлеб из черноземных губерний.

9 мая 1918 года Ленин утвердил декрет «О продовольственной диктатуре», который рьяно начинают реализовывать и борисоглебские коммунисты. Суть проста: крестьянам оставляется минимальный паек на поддержание полуголодного существования и будущий сев в размере 12 пудов зерна, 1 пуда крупы на год и т.п., а все «излишки» они своим транспортом должны отвозить на заготовительные пункты и сдавать по госцене (в 10 раз меньше рыночной). Не сдавший считался «врагом народа» и подлежал отправке в концлагерь на 10 лет с конфискацией всего имущества. «Мужицкий рай» обернулся миражом.

За деятельностью борисоглебских товарищей следил сам Владимир Ильич. Когда Грибановский завком решил из имевшихся на сахзаводе 1 300 тонн продукта направить в ненасытный Центр только 720, а остальное раздать населению, Ленин 7 июня прислал в Борисоглебск грозную телеграмму: «Вы постановили раздать населению сахар Грибановского завода, не считаясь с распоряжением Главсахара... Постановление исполкома отменяю, выполнение этого распоряжения возлагаю на председателя исполкома за его личной ответственностью». Естественно, после этого весь сахар ушел в Москву. А борисоглебские крестьяне резко сократили посадки сахарной свеклы, и завод в конце концов вообще закрылся.

С 27 мая в стране начали создаваться продовольственные отряды. Летом 18-го в нашем уезде их орудовало 7 или 8. Вопреки современным мифам, в них почти не было «фанатиков» или «иностранцев». Продотряды первой волны почти полностью состояли из обычных рабочих, которых туда набирали просто. Хочешь есть? Больно смотреть на голодных детей? Тогда бери винтовку и иди в тамбовское село, где у кулаков отнимешь хлеб! По правилам, половина добытого поступала предприятию, сформировавшему продотряд, а половина передавалась Наркомату продовольствия. От желающих записаться не было отбоя.

Рабочие из продотрядов шли в наш край добывать хлеб для своих детей. Но и наши прадеды защищали свое достоинство, и у них были дети! Людей попросту стравили. Вдобавок в июле 1918-го была принята первая советская Конституция, где один голос рабочего на выборах официально приравнивался к пяти голосам крестьян. Разумеется, сопротивление борисоглебских крестьян продовольственной диктатуре носило упорный характер.

ПРИФРОНТОВОЙ ГОРОД

С лета 18-го Борисоглебск стал представлять для Центра все возрастающую ценность как база развертывания Южного фронта и формирования воинских частей для его пополнения. Борисоглебский уездный военный комиссариат и подчинявшиеся ему волостные призывные пункты вскоре превратились в очень жесткую структуру. Военнообязанное население уезда ставилось на поголовный учет, за неявку призывника наказанию подлежали члены его семьи.

На особый контроль поставили проживающих в городе офицеров. С марта их было разрешено принимать в Красную Армию в качестве так называемых военных специалистов. Служащий в РККА офицер всегда помнил, что в случае измены под ударом окажутся его родственники. Отказ от предложения вступить в Красную Армию был чреват большими неприятностями (с лета 1918 года — заключением в городской концлагерь). За каждым военспецом приглядывал комиссар, отвечающий за его лояльность головой. В Борисоглебске их набирали из рабочих железнодорожных мастерских или бежавших с Донбасса шахтеров.

Офицерство образца 1918 года в массе своей было очень далеко от мифических «поручика Голицына, корнета Оболенского»: выслужившиеся из солдат либо на-

скоро подготовленные на курсах прапорщиков представители студенчества и интеллигенции, а то и грамотные крестьяне. Дворяне составляли меньшинство, а представителей буржуазии почти не было. Порядка трети борисоглебских офицеров вступило в РККА. Еще треть ушла из Борисоглебска на Дон к белым. А остальные просто затаились, выжидая, чья возьмет.

Борисоглебск стал конкретной целью Донской армии атамана Краснова. С лета 18-го он превратился в типичный прифронтовой город. Еще 3 мая в специальном постановлении Ленина и наркома продовольствия Цюрупы железнодорожная магистраль Борисоглебск—Царицын была объявлена на военном положении и на ней началась «эшелонная война в интересах Советской Республики». Ветка от Царицына приобретала важнейшее значение: только через нее можно было пока доставлять в Центр ценнейшие товары с Юга — продовольствие, нефть и уголь.

В начале июня Борисоглебск по пути в Царицын в качестве чрезвычайного комиссара по продовольствию посетил Сталин. Постоянно навевались Троцкий, Подвойский, Иоффе и другие видные большевики. Все требовали одного: пополнений и продовольствия для армии!

Летом 1918 года война шла без пленных — их не брали обе стороны. Командующий Царицынским отрядом Донской армии генерал Фицхелауров сумел к 16 июля создать численный перевес на наиболее важных участках растянутого вдоль железной дороги фронта и за пять дней отогнал красных к Поворино. Окружив эту станцию, 3 августа он попытался прорваться к Борисоглебску. Стояла сильная жара, обе стороны несли кровавые потери.

В бой пошли так называемые интернационалисты, которых в Борисоглебск собралось несколько тысяч. Латыши, венгры, немцы — воевали они жестоко, не щадя русской крови. К ним добавилось несколько батальонов, целиком состоящих из китайцев (при царе десятки тысяч их доставили в Россию для тыловых работ). Борисоглебцы с изумлением разглядывали желтолицых «интернационалистов»: тихие и незаметные до революции, теперь они поражали высокомерием.

Китайцы служили за деньги и трофеи. По-восточному кровожадные, они отличались пренебрежением к потерям и храбростью. Однако казаки быстро смекнули, что китайцы не выносят сабельного блеска. И белые взяли их на испуг, размахивая на солнце обнаженными клинками. Китайские батальоны в панике бежали. Но исход боя решила дружина борисоглебских железнодорожников, оперативно прибывшая на фронт. Фицхелауров откатился обратно на юг...

КРАСНЫЙ ТЕРРОР

После установления в Борисоглебске Советской власти новый режим почти сразу же перешел к насильственным действиям в отношении всех своих противников — «диктатуре пролетариата». Уже с весны 1918 года красный террор, еще не введенный официально, имел в Борисоглебске самое широкое применение. Сотни арестованных, среди которых первоначально преобладали бывшие полицейские, священники, офицеры, помещики и чиновники, направлялись в острог (тюрьму на улице Советской). На восточной окраине города выкопали огромную свальную яму — на ее краю расстреливали казавшихся наиболее опасными заключенных. Ужас овладевал жителями.

С лета началась пропагандистская подготовка грандиозной террористической кампании. По мысли Ленина, ее следовало провести в таких масштабах, чтобы враги Советской власти ни о каком сопротивлении не смели и думать: «Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров». «Правда» от 14 июля 1918 года: «Поп, офицер, банкир, фабрикант, монах. Купеческий сынок — все равно. Никакой пощады...»

В Борисоглебске все это читали и делали соответствующие выводы. С июня в уезде уже работала собственная Чрезвычайная комиссия. Ее первым председателем стал 25-летний латыш Эрнест Рожкалнс (Рожкалис). Сохранилось его фото: холодный взгляд светлых глаз, «гитлеровские» усики, весь наглухо затянут в кожанку. Классика революционного жанра.

После покушения на Ленина «большой» красный террор начался. ВЦИК 2 сентября дает старт ему по всей стране: «Расстреливать всех контрреволюционеров... Предоставить районкам право самостоятельно расстреливать... Устроить в районах маленькие концентрационные лагеря...» НКВД 5 сентября издает «Приказ о заложниках»: «Из буржуазии и офицерства должно быть взято значительное количество заложников. При малейшей попытке сопротивления или малейшем движении в белогвардейской среде должен применяться безусловный массовый расстрел».

8 сентября в Борисоглебске появился собственный концлагерь, чуть ли не один из первых в стране. Через него прошли тысячи людей, включая женщин и детей. Вскоре в городе было уже четыре концлагеря: Военный, Полевой, Трудовой и Приемный. Из представителей офицерства, священнослужителей и домовладельцев были взяты в заложники сотни людей, десятки из них — убиты. На фронте красноармейцев начинают расстреливать за отступление без приказа. ЧК 26 сентября раскрывает в городе типичный «подставной», ею же самой симитированный заговор и тут же расстреливает пять человек...

Чекист Рожкалнс получил самые лучшие оценки от начальства. При нем число латышей в Борисоглебске увеличилось неимоверно, пришлось даже организовать для них особую национальную парторганизацию (аналогичную в уезде имели только украинцы). А в центральной ВЧК латыши составляли 55 % работников. Левые эсеры, и сами сотрудничавшие в трибуналах и ЧК, тем не менее, язвительно говорили: «Из Латвии в ВЧК едут как в Америку, на разживу».

Общее количество жертв красного террора в Борисоглебске до сих пор не подсчитано, но ясно, что счет надо вести на сотни, если не тысячи. Однако ни в городе, ни в стране в целом эта бойня не дала необходимого результата. Запугать врагов большевики не смогли, а семена мести и ненависти к себе вполне успешно посеяли. Репрессии, таким образом, оказались бессмысленными, а их дальнейшая законодательная поддержка — политически вредной. Постановлением VI Всероссийского съезда Советов 6 ноября 1918 года красный террор как особая кампания был окончен. Естественно, репрессии продолжались, но шли уже, так сказать, в рабочем порядке.

КРАСНОВЦЫ ИДУТ НА БОРИСОГЛЕБСК

В штабе атамана Краснова господствовало мнение, что «пока противник владеет такими пунктами в приграничной с Доном полосе, как... Борисоглебск, и пользуется охватывающими (Донскую) область железными дорогами, проходящими через них, Донская армия не могла успешно выполнять задачу обеспечения границ области». С 11 октября 1918 года развернулось планирование белыми соответствующей операции.

Судьба Борисоглебска была решена белыми окончательно. В начале декабря для взятия города был выделен Северный отряд под командованием Гусельщикова, состоящий из отборных казачьих сотен и сводного пехотного полка, общей численностью более 3 000 человек. Гусельщиков, разрекламированный донской печатью как «стопобедный генерал», сделал ставку не на численность отряда, а на высокие качества его бойцов и веру в собственное воинское искусство.

Совершив в середине декабря широкий охват фронта, отряд Гусельщикова вы-

шел прямо на стык 8-й и 9-й армий противника в районе Елань-Колена и одним ударом прорвал его. Двинувшись далее, казаки даже не тронули лежащий на их пути Новохоперск — целью был наш город. Перед ними находились лишь выведенные в тыл части 11-й дивизии, жестоко пострадавшие в ноябрьских боях у Алексиково. Ее бойцы обратились в паническое бегство либо сдались, а часть из них образовала добровольческую дружину и присоединилась к красновцам.

У села Троицкого белые разгромили посланный несколько ранее из Борисоглебска заградотряд Сиротина, сам он был убит пулей в голову. Серьезное сопротивление казакам оказал лишь прибывший с Урала Сердобский полк, пытавшийся соединиться с борисоглебцами и остановить противника. В жестоком бою он был окружен, обстрелян из пушек и почти полностью перебит.

После побоища у Троицкого никто не решался встать на пути Гусельщикова, и его отряд 19 декабря был уже у Большой Грибановки, нацеливаясь на местный сахаровод. Ударил морозы до минус 30 градусов, но они не остановили белых — Грибановка была взята без боя, сахарный завод разграблен. На Грибановскую гору из Борисоглебска отправили все силы, что остались в наличии: учебную команду военкомата и сводный отряд коммунистов и рабочих, до 250 человек. Однако их командиры из мобилизованных насильно офицеров не отличались надежностью, а бойцы не имели военного опыта и были сильно напуганы.

Их появление совершенно не смутило рубак Гусельщикова. Его отряд разделся и, частью — вдоль железной дороги, частью — вдоль столбовой, утром 20 декабря двинулся прямо на Борисоглебск. В монастыре (у нынешнего Красного моста) красные попытались устроить на казаков засаду, но выделенные туда люди замерзли, испугались и бежали. Железнодорожный мост также был взят без боя. Белые, сняв погоны, на вопрос караула «Кто идет?» ответили «Свои», перешли мост и быстро сняли заставу. Впереди лежал Борисоглебск.

ВЗЯТИЕ ГОРОДА КАЗАКАМИ

Только в этот момент ревком отдал, наконец, приказ об эвакуации. Но было поздно. Фактически с 16 часов дня город был уже потерян красными. Яков Никулихин оставил яркое описание происходящего: «Пули действительно начали шлепаться в окна и стены коммунистического клуба и соседних зданий. С большим трудом, но быстро мы схватили два сундука партийных бумаг и тронулись по Советской улице, которая была уже совсем пуста от народа. На фоне наступающего вечера пустота улицы предвещала что-то зловещее. Противник поначалу особенно не преследовал, продвигался ощупью, боясь засады... На самой площади творилось что-то невероятное. Огромное число подвод ринулось по направлению к Чигораку, ибо через него лежал путь отступления на северо-восток. Хаотическое движение подвод внесило страшную панику. Отдельные вооруженные люди бежали, не зная, что делать: отступать ли, или оставаться в городе. Ибо никто не верил, что так скоро могли прийти белые казаки».

Часть горожан восприняла появление красновцев как долгожданное избавление и начала стрелять из окон, подворотен и даже с колоколен в ненавистных большевиков. Те в страшной панике бежали либо в Чигорак, либо на вокзал и далее, по шпалам железной дороги в сторону Поворино. Но обозы, военное имущество и много пленных становилось добычей победителей. Конечным пунктом отступления красных был назначен Мучкап в 60 километрах от города, но по дороге туда беженцев ждали тяжкие испытания: «Страшный морозный ветер заметал дорогу, засыпал глаза, заставлял коченеть руки и ноги. Многим беженцам силы изменяли, и они тут же падали, замерзали, ветер быстро заметал их тела. Других выбившихся из сил подбирали на повозки. Иногда в растянutom на многие версты

обозе ломались сани, оглобли, рвалась от ненормальной езды сбруя, получался временный затор, который нервировал всех задних; они или объезжали стороной виновников остановки, или сталкивали их с дороги, оставляя повозки на произвол судьбы... Все наше отступление напомнило Наполеоновский отход из России в 1812 году».

На железнодорожных мастерских имелось 3 000 рабочих, но они имели бронь от мобилизации, и привлечь к отпору белым удалось только дружину железнодорожников в 80 человек. Они довольно стойко до вечера 20 декабря обороняли при вокзальную площадь, но затем были частью порубаны, частью разогнаны. ЧК бежала из города гораздо раньше.

Советская власть в Борисоглебске пала. Купечество, интеллигенция, учащиеся, бывшие помещики и чиновники, домовладельцы и духовенство с радостью встречали Гусельщикова буквально хлебом-солью. Улицам были возвращены прежние названия. Коммунистический клуб снова стал Дворянским собранием. Обращение «товарищ» было заменено на «господин». Не менее пяти коммунистов из числа городской интеллигенции переметнулись на сторону победителей и охотно выдавали бывших однопартийцев.

Донцы совершенно не церемонились. Громили все советские и профсоюзные учреждения, государственные магазины и склады. Разграблению подверглись и частные квартиры как бежавших коммунистов, так и многих беспартийных горожан. Доходило до того, что казаки отбирали часы или кошельки прямо у прохожих. Большое распространение приобрело пьянство и разгул. Но Гусельщиков несколько не препятствовал «отдыху» своих людей.

В городе совершались разбои и изнасилования с участием «освободителей». Иные обыватели начали уже добром поминать большевиков, при которых был хоть какой-то порядок. Наконец, совсем испортились отношения казаков с крестьянами. Белые часто реквизировали у них скот, а в случае сопротивления пороли нагайками. Перед борисоглебскими крестьянами вновь предстали картины, до боли напоминающие времена карательных казачьих экспедиций 1905-1906 годов.

БЕЛЫЙ ТЕРРОР

Нелепо противопоставлять кровавым большевикам ангелоподобных белогвардейцев. Гражданская война — не серия красивых подвигов, а длинная череда жестоких и чаще всего бессмысленных деяний, которые творят все участники взаимной бойни.

Множество народа казаки порубали и постреляли еще в момент захвата города. Затем начался систематический террор в отношении всех, заподозренных в симпатии к Советам. На стенах висел приказ о расстреле коммунистов, советских работников, комиссаров, «жидов» и красноармейцев. Подозрительные подлежали аресту; всего ему подверглось до 3 000 человек. Затем в здании бывшего Коммунистического клуба происходила сортировка задержанных. Китайцам, евреям и латышам пощады не было изначально. Судьбу остальных решала специальная комиссия из краснозвезд и нескольких горожан, считающих себя наиболее пострадавшими от большевиков.

Приговоренных выводили на луг за городской сад (парк) и чаще всего рубили пашками. Сильно помогал в сортировке арестованных ценный трофей — захваченный в столовой клуба список обедавших там функционеров. Пока задержанные ожидали решения своей участи, охрана отбирала у них сапоги и хорошую одежду. Наряду со смертной казнью широко применялась белыми и ссылка в Донбасс на угольные шахты. Не имевших креста на шее признавали за «коммуняк» и избивали шомполами и нагайками.

Многих убитых не хоронили, и их изувеченные, зачастую обнаженные тела валялись прямо на городских улицах, постепенно заметаемые снегом. Трупы расстрелянных имели хотя бы человекоподобный вид. Зарубленные же пашками люди были жутко изуродованы. Казнили и нескольких женщин, одну вместе с двумя детьми. Захватив на вокзале 614-й санитарный поезд Борисоглебского совета, ранее курсировавший на линии Новохоперск—Поворино, казаки разграбили его, а больных и раненых красноармейцев перенесли в бывший винный склад, сожженный еще год назад. Там большинство из них умерло от холода и полного отсутствия медпомощи.

Лозунг тех дней — «Смерть всем коммунистам!» Учитывая антипролетарский настрой основной массы казаков, можно было предположить, что в Борисоглебске уничтожат всех рабочих как зараженных красной чумой (по их расчетам, 10 000 человек, пятая часть населения). Молва быстро «расшифровала» значение букв «ГП» на казачьих папах (Гундоровский полк) как «Гибель пролетариата».

Северный отряд Гусельщикова вовсе не состоял из сброда или уголовников. В нем было множество офицеров, а казаки в основном — умудренные сединами люди старших возрастов. Причины жестокости донцов, проявленной в Борисоглебске, глубже. В глазах многих казаков Борисоглебск приобретал очертания некоей обители зла, двойника ненавистного «красного Царицына».

Конечно, все это не извиняет бессудных расправ и произвола. Белый террор в Борисоглебске носил свирепый характер. И слишком у многих борисоглебцев затем возникло желание отомстить...

После потери Борисоглебска подконтрольной частью уезда большевики стали управлять из села Мучкап. Между противниками возникла ничейная полоса шириной в 60 верст. Там царили полное беззаконие и произвол сильнейшего. Белые решили развить успех и двинулись из Борисоглебска на Поворино. В конце концов им удалось оттеснить противника и ворваться в Поворино. Но попытка 3 января взять крупное село Пески провалилась — местные крестьяне массово поддерживали красных.

Удерживать Борисоглебск далее для Гусельщикова означало оказаться в полном окружении. После кровопролитных боев у Поворино и Песок, учитывая резкое падение морального состояния войск, Гусельщиков уже не мог удержать город. Обстреляв противника, днем 6 января 1919 года белые с гиканьем и свистом ускакали из Борисоглебска. Вслед им несло немало проклятий. Однако население еще долго не верило, что казаки ушли насовсем. От каждой улицы к Коммунистическому клубу и начавшему работу ревкому подходили «депутаты», чтобы убедиться в этом.

Жертвы белого террора были свезены во двор пожарной команды (угол улиц Народной и Ленинской), где скоро, словно поленья, лежало около 400 трупов. И это без учета похороненных в общих ямах, спущенных под лед реки или пока не обнаруженных под сугробами! Но трагедия продолжалась.

Подавляющее большинство имущих горожан, члены социалистических партий, все, поддержавшие захват Борисоглебска красновцами, постарались уйти из города. Но под Новохоперском они были отрезаны быстро продвигающимися красными. Под клич «Буржуи!» часть их перебили на месте, а остальных погнали обратно в город. Расправа не заставила себя долго ждать. Наиболее, по мнению трибунала, виновных перед Советской властью расстреляли. Менее виновных заперли в местный концлагерь, оперативно возобновивший свою деятельность. Все остальные беженцы были определены под надзор возрожденной Борисоглебской ЧК. По мнению Я. Никулихина, так проявилось «величайшее великодушие пролетариата к остаткам классового врага».

ВЫСТУПЛЕНИЕ «ЗЕЛЕНых»

На состоявшемся в самом конце февраля 1919 года Борисоглебском уездном партийном съезде Я. Никулихин добился своего избрания руководителем укомпарта и фактически получил полную власть в городе и уезде. И незамедлительно вновь принялся закручивать гайки. Неудивительно, что очень скоро в Борисоглебском уезде, как и по всей Центральной России, крестьяне стали искать большевиков, чтобы пожаловаться им на коммунистов.

Еще 11 января 1919 года был принят декрет о продовольственной разверстке, согласно которому все количество хлеба и фуража, необходимого для удовлетворения государственных потребностей, разверстывалось между производящими хлеб губерниями и далее, между уездами, волостями, деревнями вплоть до отдельных дворов. При этом широко использовался принцип круговой поруки.

На Тамбовщину двинулась вторая волна продотрядов, теперь гордо носящих звание «коммунистических». В отличие от 1918 года, новые продотряды формировались уже не из голодных рабочих, а из профессиональных продработников, привычных к перегибам. Часть отнятого у крестьян порой вообще не доходила до городов, а сразу «толкалась» спекулянтам, следующим за продотрядами, словно шакалы за тигром.

С исчезновением из поля зрения донцов Краснова крестьяне снова потеряли стимул служить в Красной Армии. Дезертирство в Борисоглебском и соседнем Новохоперском уездах приняло не просто массовый, а всеобщий характер.

К маю 1919 года в селах и деревнях уезда имелось до 30 000 мужчин, знакомых с военной службой и почти всегда имевших припрятанное оружие. Среди них были и офицеры, и члены социалистических партий, оппозиционных РКП (б) и ведущих соответствующую пропаганду. В общем, сложились все предпосылки для всенародного вооруженного восстания против коммунистического режима. И оно началось!

Это выступление, одно из крупнейших в стране, вошло в историю как восстание «зеленых». Повстанцы называли себя так то ли по «цветовому принципу», для отличия от белых и красных, то ли потому, что первоначально укрывались в лесах. Центром восстания стало большое и богатое село Макашевка. Незадолго до этого туда вернулась большая группа бывших красноармейцев. Они установили конспиративную связь с окрестными селами, где царили схожие настроения. Нужен был только повод к открытому восстанию.

Им стал приезд в Макашевку двух продагентов из Новохоперска для очередной хлебозаготовки. И народное терпение лопнуло! Продагентов вместе с несколькими их помощниками из местных 14 мая 1919 года схватили и расстреляли. В первый отряд «зеленых» вступило 600 человек.

Руководители «зеленых» выдвинули наивный, но действенный лозунг «Да здравствуют большевики, долой коммунистов!», а несколько позже потребовали демократизации Советов, отмены продразверстки и разрешения свободной торговли. Этого оказалось достаточно, чтобы за несколько дней поднялась вся округа. В течение второй половины мая «зеленые» взяли под свой контроль современные Борисоглебский и восточную половину Поворинского районов. Из сельских отрядов сложилась настоящая «Зеленая армия» со штабом в Макашевке. Из Прихоперья восстание быстро перекинулось на Савалу.

Восстание рядом с пересечением важнейших железных дорог, в центре хлебозаготовок, вызвало крайнее раздражение и в Борисоглебске, и в штабах РККА, и в Москве. Ленин прислал сюда категоричное распоряжение: «С 15 июня мобилизовать всех служащих советских учреждений мужского пола от 18 до 45. Мобилизованные отвечают по круговой поруке друг за друга, и их семьи считаются заложниками в случае перехода на сторону неприятеля, или дезертирства, или невыполнения данных заданий».

Весь июнь «зеленые» сумели удерживать такие села, как Танцыреи, Махровка, Губари, Тюковка и Горелка. Повстанцы постоянно перехватывали железнодорожные ветки Новохоперск—Балашов и Грязи—Поворино и даже пытались взорвать динамитом стальной мост через Хопер, чем очень помогали наступлению белых. В Теллермановском лесу они соорудили укрепленный лагерь на 5 000 бойцов и окружили Борисоглебск со всех сторон. Город был объявлен на осадном положении, там началась тихая паника.

Утром 30 июня «зеленые» двумя отрядами со стороны Танцыреев и Чигорака двинулись на город. Но разведка подвела повстанцев, и они, очевидно, не ожидали сильного сопротивления. В итоге конница красных стремительным контрударом опрокинула противника. Если верить сводкам РККА, был не только отбит приступ, но и полностью разгромлены основные силы «Зеленой армии», которая только пленными потеряла до 2000 человек, а также сотни погибшими и утонувшими при беспорядочном отступлении.

ВЗЯТИЕ ГОРОДА БЕЛЫМИ

В середине месяца 2-й корпус Донской армии белых угрожал уже непосредственно Борисоглебску. В условиях маневренного характера боевых действий оборонительные сооружения Красной Армии оставались неэффективными. Пользуясь тем, что тыл красных был дезорганизован из-за восстания «зеленых», деникинцы попытались взять город лихим наскоком в 20-х числах июня. Однако эта попытка окончилась неудачей. Белым удалось взять Борисоглебск 2 июля 1919 года, всего два дня спустя после поражения «зеленых».

На этот раз приход белых сильно отличался от красновского разгула. В городе был установлен твердый порядок, среди солдат поддерживалась дисциплина. Деникинцы отказались от массовых экзекуций, ограничившись задержанием лишь примерно 200 коммунистов и им сочувствующих (казнено было не более 20 человек). В целом режим установился, с учетом военного времени, довольно либеральный. Были даже разрешены профсоюзы.

А бои вокруг города не прекращались ни на сутки. На следующий день после захвата (освобождения?!) Борисоглебска Деникин отдал «исторический» приказ о походе на Москву. Часть его армии должна была от Борисоглебска двигаться на север, на Тамбов и Елец. Но красные на этот раз не ушли слишком далеко и стояли в 10-15 километрах от города. Начались вязкие и жестокие встречные бои с переменным успехом.

В схватках у Боганы и Алабухов белые несколько потеснили противника. Но затем части 36-й дивизии РККА взяли реванш — неожиданной атакой в селе Алешки разгромили стоявший там штурмовой батальон. После этого красные двинулись на сам Борисоглебск. Решающее встречное сражение произошло 17 июля на огромном поле между городом и Чигораком. Кавалерия обеих сторон несколько раз сходилась в беспощадной сабельной рубке, что на войне бывает очень редко. Выстрелы и боевые крики были слышны во всем городе, и горожане с замиранием сердца ожидали, чья возьмет. Местное духовенство у Преображенского собора устроило молебен. Но в разгар молебна один из снарядов разорвался прямо у церкви, и стало ясно, что на этот раз красные сильнее.

На закате белые начали отходить на юг, в сторону Поворино и Калмыка. Ночью красные ворвались в Борисоглебск и даже сумели захватить 160 пленных. Все горожане, сочувствующие белым, заранее покинули родные места.

Но и деникинцы, в свою очередь, не ушли далеко. Они лишь взяли паузу и готовились к новым боям. Сразу после потери Борисоглебска был отдан приказ о формировании «из самобомобилизовавшихся крестьян» 1-го стрелкового Саратов-

ско-Воронежского полка. Местом его формирования стало село Горелка, а стрелками стали крестьяне сел Танцырей, Третьяки, Горелка, Тюковка, Губари, Макашевка (а также Балашовского уезда). Первоначально в полк записалось 970 человек «самообмобилизовавшихся», затем их численность еще возросла, началось развертывание пехотной бригады из бывших «зеленых», решивших далее воевать против красных вместе с белыми.

У деникинского командования уже созрел дерзкий замысел — проведением небывалого по глубине рейда по тылам красных восстановить утраченные позиции, для чего выделялся казачий корпус генерала Мамантова. Предварительно командир корпуса лично проверил подчиненных и их лошадей, отсеяв всех слабых и больных. После этого корпус сократился всего до двух с половиной тысяч бойцов, но это были отборные люди.

Ставший вскоре знаменитым Мамантовский рейд начался 4 августа 1919 года. У станицы Добрянской близ Урюпинска казаки переправились на западный берег Хопра и двинулись на север, быстро прорвав фронт красных. Их целью на первом этапе являлся выход на железнодорожную станцию Лиски. Как и Гусельщиков, Мамантов искусно нащупал стык между 8-й и 9-й армиями противника в районе Елань-Колена. Однако начавшиеся проливные дожди затруднили продвижение на запад. Тогда Мамантов на 180 градусов изменил направление рейда, чтобы перерезать железнодорожную ветку Грязи—Поворино как раз в районе Борисоглебска. Противостоящая им 40-я стрелковая дивизия Красной Армии была разбита. Появление казаков в тылу у красных вызвало там панику и полное расстройство управления. Почти не вступая в соприкосновение с противником, части Красной Армии 12 августа в беспорядке отхлынули от Борисоглебска в сторону Алабухов, хотя главные силы Мамантова на тот момент еще находились на Савале у сел Листопадовка и Костино-Отделец. В окрестностях города казаками был обнаружен огромный эшелон с только что мобилизованными крестьянами, и почти все они, числом до 3 000, были распущены по домам.

Троцкий отреагировал на потерю Борисоглебска в свойственной ему манере: «Коммунисты, на передовые посты! На территорию Тамбовской губернии ворвалась деникинская стая хищных волков, которые режут не только мужицкий скот, но и рабочий люд... Агу белых! Смерть живорезам!» В директивах приказывалось пленных не брать и уничтожить участников рейда всех поголовно. Троцкий заодно направил воззвание и к казакам Мамантова, в котором им, как «обманутым людям», предлагалось примириться с рабочими и красноармейцами, выдав своих «преступных командиров». Но казаки командиров не выдали и повернули на север, на Тамбов.

А в Борисоглебск вошла Сводно-Партизанская дивизия белых, в мамантовском рейде не участвующая. После этого в городе разгрому подвергся мобилизационный пункт, с которого распустили около 5 000 призывников. Добычей деникинцев стали интендантские склады и множество вагонов с боеприпасами. На этот раз недоброй славой покрыл себя Туземный дивизион, состоящий из сражавшихся на стороне белых уроженцев Кавказа. Их жертвами стали до 100 человек из числа не успевших бежать красных и их сторонников.

БЕЛЫЕ ПРОИГРЫВАЮТ

С учетом малой численности корпуса Мамантова, его успехи могли бы казаться феноменальными. Однако они стали возможны лишь благодаря состоянию Красной Армии летом 1919 года в районе Борисоглебска. Крестьянство здесь вновь отшатнулось от большевиков, в тылу сохранялось движение «зеленых». Треть призывников дезертировала сразу, остальные уходили домой или переходили на сторону противника при первом его появлении. О моральном состоянии соратников свидетельствует на допросе у военно-политического инспектора заградотря-

дов Южного фронта плененный близ нашего города казаками рядовой Лебедев: «Обезоружили нас и отправили в Борисоглебск, где... стали разбивать на следующие группы: добровольцев и мобилизованных, чему способствовали наши же товарищи мобилизованные красноармейцы, которые на приказ белогвардейского офицера «кто коммунисты и добровольцы» стали выпихивать нас из строя».

Несмотря на все это, красные продолжали войну с прежним ожесточением и самоотверженностью, стараясь ни в чем не уступать белым. Бои шли теперь в окрестностях Борисоглебска ежедневно. Два бронепоезда красных, отрезанные Мамантовым от основных сил, тем не менее, несколько дней курсировали между станциями Терновка и Волконская (Народная), поддерживая огнем товарищей. Ситуация постоянно менялась. Вот 14 августа белые берут Чигорак, Петровское и Жулевку (Калинино), зато красные в тот же день врываются в Большую Грибановку. Вот 15-го белые выбивают их из Грибановки и доходят до Танцыреев, Третьяков и Тюковки, но красные зато вновь берут Чигорак и снова угрожают городу. Тогда белые применяют техническую новинку — в бой идут танки. Невиданные доселе на этом участке фронта, танки одним видом обращают красную конницу в бегство. Оба бронепоезда РККА, ранее отрезанные, исчерпали запас топлива и были взорваны своими экипажами. Воспользовавшись этим, белые подтянули свой бронепоезд «Атаман Каледин» и загрузили на него драгоценные трофеи — 4000 артиллерийских снарядов. Однако танки они отвели в тыл. И уже 16 августа прибодренные этим красноармейцы храбро держались у Малой Грибановки и не дали противнику ее захватить. Каждый день в этих боях, не дающих решающего успеха ни одной из сторон, гибли сотни русских людей, занимающихся бессмысленным самоистреблением...

Несмотря на сопротивление белых и их временные успехи, красные приближались к Борисоглебску все ближе и ближе. С раннего утра 19 августа, заняв позицию между рекой Карачан и Теллермановским лесом, они широким фронтом начали решающее наступление на Большую Грибановку как на ключевой пункт, прикрывающий путь к городу. Атака была очень упорной, но белых выручила маневренность. Пешие резервы они перекидывали к месту боя по железной дороге прямо из Борисоглебска, а в решающий момент в тыл наступающим красным ударил в конном строю 20-й Вешенский полк казаков. Красноармейцы в беспорядке отступили в сторону Алабухов. Но сил для их преследования и полного разгрома у белых уже не было.

У красных тоже хватало смелых и дерзких командиров. Одним из них был бывший военком Н. Переведенцев. К тому времени он имел вполне заслуженную славу храброго и умелого рубаки и командовал сводным кавалерийским отрядом 14-й стрелковой дивизии. Сосредоточившись в селе Танцыреи, красные приготовились к внезапному удару по городу. Ставка была сделана на осуществление быстрого ночного налета конницей, что должно было произвести сильное впечатление на тыловые части белых.

В ночь на 23 августа силами примерно до кавалерийского полка красные, скрытно сняв белые заставы, ворвались в Борисоглебск и мелкими группами рассыпались по улицам. Начались взрывы и стрельба, а следом — паника. Воспользовавшись суматохой, красные захватили обоз в несколько сотен подвод и к утру ушли к своим, попутно порубав и постреляв немало противников, в том числе и полковника, исполняющего обязанности коменданта.

Оценив ущерб от налета и степень угрозы новых ударов, белое командование сочло за благо добровольно очистить город. Деникинцы 23 августа отошли к югу. Однако в течение еще почти трех месяцев Борисоглебский уезд оставался полем боя. Казаки, используя преимущество в кавалерии, несколько раз прорывались в окрестности Борисоглебска стремительными конными набегами. Так, поздней осенью, уже по первому снегу, они вышли к селу Петровскому, пытаясь переправиться на северный берег Хопра. Здесь произошел жестокий ночной бой. Как пишет местный краевед

Н.И. Евсенко, «казаки то наступали, то отступали назад на лед Хопра. Лошади и люди топили друг друга. На снегу, изрубленные саблями, тела, кругом кровь...»

Но силы белых иссякали. На место каждого убитого красноармейца вставали несколько новых из числа мобилизованных крестьян, а то и добровольцев. А на место павшего белогвардейца встать было некому. Военное счастье медленно переходило на сторону Советов. Уже 24 октября Буденный отбил Воронеж. В середине ноября последовало встречное сражение у Бутурлиновки, сопровождающееся страшной сабельной рубкой. Наконец, в преддверии зимы, белые начали откатываться на юг по всему фронту. С декабря 1919 года они уже ни в малейшей степени не угрожали Борисоглебску.

Отступление Деникина оказалось роковым и для «Зеленой армии». В течение нескольких месяцев она, пользуясь тем, что красные бьются против белых, сохраняла свою власть над Макашевкой и округой. Но в октябре известный полководец РККА Жлоба силами четырех конных полков выступил прямо против центра «зеленого» движения. Штаб повстанцев объявил всеобщую мобилизацию мужчин с 15 до 55 лет, но силы были неравны. На поле между Губарями и Махровкой состоялось решающее сражение. Красные кавалеристы опрокинули «зеленых», и те в беспорядке побежали. Весть о поражении вызвала в Макашевке панические настроения. Почти все ее население, погрузив скarb на телеги, бросив дома и скот, попыталось спастись на Дону. Как пишут местные краеведы, только через неделю, под влиянием агитации советских активистов, люди начали возвращаться. Все вожаки и наиболее активные участники восстания, попавшие в руки врага, подверглись жестокому наказанию.

ДО АНТОНОВА

Время с конца 1919-го по середину 1921 года в истории Борисоглебска вошло как период разрухи, материального и морального оскудения. Жизнь в городе и уезде пришла в полное расстройство, и уже нельзя было списать это на происки классового врага или угрозу нашествия белых. Но власти, словно не замечая этого, воспевали установившийся так называемый военный коммунизм, вещая, что он и есть вершина развития человечества. В январе 1920 года при посещении города с агитпоездом «Октябрьская революция» это подтвердил сам «всероссийский староста», формальный глава Советского государства М. Калинин.

В Борисоглебске, как и по Советской России в целом, процесс огосударствления всего производства был завершен. Национализированы были даже маленькие мастерские с числом работников 5-10 человек. Но на городском хозяйстве это никак не отразилось — производительность труда упала в четыре раза по сравнению с довоенной и продолжала снижаться. Более половины борисоглебских рабочих переселилось в деревню, вернувшись в крестьянское сословие. Остальные в основном занимались мелким кустарничеством. Организованное производство сохранилось лишь на станциях и в железнодорожных мастерских, но и там положение было трудным.

К 1921 году 50 тысяч рублей равнялись одной довоенной копейке. Деньги по сути перестали быть ценностью. Исполком уже не продавал, а чаще бесплатно распределял имевшиеся пока в наличии товары и услуги. Но, несмотря на борьбу со «спекуляцией», черный рынок достиг небывалых объемов. Отлично чувствовали себя в условиях военного коммунизма и криминальные элементы всех мастей. Борисоглебская ЧК в совершенно секретных донесениях, начиная с ноября 1919 года, сообщала, что ежемесячно каждого 30-го числа «ею совместно с некоторыми другими организациями предпринимаются повальные обыски в Воровой деревне на предмет отображения разграбленного и расхищенного народного достояния, а также для изъятия разных подозрительных лиц без документов». Однако южная часть города надолго превратилась в вотчину уголовников.

Еще более тяжелой была ситуация на селе. На начало 1920 года 9/10 всего военнообязанного населения Тамбовской губернии числилось в дезертирах. В массе своей эти люди продолжали жить в родных деревнях и селах, укрываясь в лесу лишь в случае опасности. Но борьба со столь открытым нежеланием погибнуть на фронте усиливалась. Борисоглебский милиционер Богомолов в апреле 1920 года в своем рапорте описал «подвиги» уездного спецотряда по борьбе с дезертирством: «Во время обысков забирались вещи, не составлялось никаких протоколов и расписок, граждане избивались плетками, над женщинами безобразничали, на отобранных лошадях раскатывали галопом и загоняли их. Местная власть для принятия мер бессильна». Неудивительно, что особых успехов достичь не удалось, и к августу на воле оставалось в губернии «всего лишь» около 110 тысяч дезертиров. Из них тысяч 20 — в нашем уезде. Именно они и составили чуть позднее костяк антоновской армии.

В 1920 году страдания местного крестьянства достигли предела, равно как и народное терпение. Победы над Красновым, Деникиным и Врангелем никак не повлияли на изменения в лучшую сторону. Народ буквально стонал от бесконечных мобилизаций, отъема продуктов, трудовой и гужевой повинности, попыток создания на селе так называемых коммун. Хлеб выметался подчистую, а если забирать было нечего, начиналась поголовная порка крестьян «по всем правилам искусства Николая Кровавого». Ужасы немецких концлагерей бледнеют перед тем, что творили некоторые продотрядовцы. На трескучем морозе связанным крестьянам наливали в валенки воды и оставляли коченеть; запирали на ночь нагишом в холодный сарай; опускали, привязав за ноги, в колодцы...

И тогда в Тамбовской губернии вспыхнуло крестьянское восстание, получившее название Антоновщина и родившее страшную поговорку: «тамбовский волк тебе товарищ». Но это уже совсем другая история.

* * *

Долгая, жестокая и кровопролитная Гражданская война на территории Борисоглебского уезда закончилась лишь во второй половине 1921 года. Красные с трудом, но победили всех своих врагов и начали строить новое общество согласно собственным идеалам. Остается лишь подвести итоги «годины смуты и разврата» в нашем крае.

Прежде всего, во время войны погибло очень много наших земляков. Причем абсолютное большинство их приняло смерть не в открытом бою и даже не в результате репрессий, а по причине того, что исследователь С. Кара-Мурза назвал «словом жизнеустройства». Голод, холод, эпидемии, уголовный террор...

Городское хозяйство пришло в полный упадок. В отчете Борисоглебского экономического совещания от 1 октября 1921 года сообщалось, что из 7 кирпичных заводов все не работают, равно как и 2 черепичных и 2 винокуренных завода и спичечная фабрика. Из 17 маслобоек работает только одна. Из 132 рабочих бывшего чугунолитейного завода братьев Волостных остался 91, из 450 рабочих мясоконсервного — 203, из 25 рабочих мыловаренного — только 7, и все работают с большими перебоями. Для мельниц с нефтяными двигателями и электростанции нет топлива, для типографии — бумаги.

В городе насчитывалось 1800 безработных. По улицам бродили до 1000 (!) беспризорных детей. На селе осталось менее половины коров и лошадей от довоенного поголовья, посевная площадь сократилась втрое. Весной 1921 года в уезде насчитывалось около 118 тысяч голодающих. Суточное число тифозных больных составляло не менее 3000 человек.

Гражданская война, великое бедствие, закончилась. Начиналось возрождение порушенной жизни...

«ВОССТАНИЕ ЭТО — ГИГАНТСКОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО...»

(Переписка историка В.В. Самошкина с писателем А.И. Солженицыным)

А.И. Солженицын — В.В. Самошкину

21.4.93

Уважаемый Владимир Васильевич!

Директор парижского издательства ИМКА-пресс Никита Алексеевич Струве передал мне Вашу рукопись «Антоновщина», полученную им от воронежца Бойкова, — с предложением мне: напечатать ее в редактируемой мною серии ИНРИ (Исследования Новейшей Русской Истории).

Я прочел Вашу рукопись. Т.к. я в свое время немало занимался тамбовским восстанием, то могу высоко оценить степень привлеченных Вами новых материалов, раскрытие важных подробностей. Особенно ценно, что Вы проследили судьбу всех полков повстанческих и посылно — за их боями и концом. Исключительно интересны материалы о Колесникове.

Личные судьбы командиров и не-командиров, отдельные эпизоды боев и прав — особенно важны. Их — еще мало. По моему общему впечатлению, по некоторым обрывкам, попадавшимся мне (даже иногда по оплошности коротко выставленным в тамбовском музее), — мне кажется, что еще гораздо большее богатство материалов сокрыто в мрачном здании тамбовского партархива. Можете ли Вы туда проникнуть? Этого очень требует важность Вашей работы и свободно допускает ее нынешний весьма скромный объем.

Очень бы важно было узнать: был ли случай уже подготовленного применения газов против партизан?

Мне кажется, Вы преувеличиваете влияние эсеров на восстание: оно было ничтожно (сеть СТК была самостийна, очень самостоятелен Плужников), а при развороте восстания они сами испугались, как бы не слишком подорвать родную им Советскую власть.

И вот тут я должен коснуться Вашей общей установки в изложении. Вы нигде не решаетесь прямыми словами оценить размеры и значение всей трагедии восстания. Повествователь как бы занимает наблюдательную позицию со стороны властей, и нередки те страницы, где сквозит желание справиться, наконец, с этим досадным мятежом, подавить его. Это проходит насквозь и в терминологии: «мятежники» — да повстанцы! партизаны, а не мятежники. «Искривленная» линия местных парторганов, «перегибы» — да не «перегибы» — а лютая зверская политика ленинской партии! Вы как будто местами извиняетесь и сожалеете, что это восстание произошло. «Проникшие враждебные элементы» — ну, что это?..

Я хочу думать, что это объясняется годом написания (1990), желанием пройти цензуру. Если так — то Вам надо сквозь пересмотреть, многое переписать — тут не только терминология, но вся композиция, надо осветить масштаб, размах этой Крестьянской Войны — и ужасающую расправу. (Проследить бы судьбу тех, кто добровольно сдался.) Одним словом — дать духовный рельеф события, которого сейчас не хватает... И — как это подавленное восстание отразилось на дальнейшей несчастной жизни тамбовского крестьянства.

Если же Вы в работе изложили свое искреннее отношение к восстанию и такая оценка — Ваша и есть (судя по Вашим новейшим публикациям в «Савальских зорях» — это не так) — тогда я не мог бы принять Вашу рукопись в мою серию.

Частный вопрос: насколько Вы уверены в смерти Петра Токмакова?

В 1972 г. я в Иноковке встречался с его сестрой — и она, по каким-то признакам, а может быть только из веры — все еще — в 1972! — ждала от него весточки.

Пока Ваш экземпляр рукописи (к сожалению, с плохо пропечатанными иногда инициалами) будет храниться в архиве ИНРИ.

При надобности Вы можете ответить по адресу моего представительства в Москве: 121069, Москва, Борисоглебский пер., 6, дом Цветаевой, Литпредставительство А. Солженицына — либо с той же оказией.

Всего Вам доброго.

Вы сделали большую, важную работу. Я рад, что дожил до таких открытий.

А. Солженицын

В.В. Самошкин — кинорежиссеру А.С. Смирнову

Уважаемый Андрей Сергеевич!

Рад был поговорить с тобой по телефону. Теперь о деле.

1. О двух фотографиях Антонова в Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА) г. Москвы. Эти фото находятся там в фонде 629, опись 4, д. 651, лл. 130 и 131. Я их заказал еще осенью 1990 г. и тогда же оплатил, но до сих пор не получил. Архив прислал мне лишь повторный счет (за № 9 — И от 21.01.91), но в телефонном разговоре выяснилось, что счет я все-таки уже оплатил. Однако фотографий нет до сих пор. Теперь ты попробуй заняться этим делом. Но не забывай про меня. В этом же архивном деле есть еще два уникальных документа, достойных перефотографирования: № 1 — подлинник злополучной расписки Антонова, данной им при ограблении кассы станции Инжавино 3 ноября 1908 г., и № 2 — выписка из церковной книги о дате рождения и крещения Антонова.

2. Насчет г. Баранникова. Он «не прав», говоря, что у них в Москве нет дел об Антоновщине. Доказательство: еженедельник «Союз» (№ 11, март 1990 г.) дал на две полосы «Гибель Антонова» с подзаголовком «Из архивов КГБ». Эту публикацию подготовил какой-то Лев Константинов. В ней, кроме дела известного тебе Ишина Ивана Егоровича, упоминаются еще два дела 1921 г.: № 10906 (дело Каледина В.С., Филина Е.Ив. и др.; человек 16) и № 16457 (дело Федорова Дмитрия Федоровича). Все проходившие по этим делам были расстреляны в конце июня 1921 г. Еще обязательно должно быть дело начальника антоновского штаба Эктова Павла Тимофеевича (возможно, проходил по одному делу с Ишиным). Эктова оставили в живых, т.к. он согласился работать (и работал) на чекистов. Одним словом, все эти дела есть в Москве. Дело за твоей настойчивостью. Было бы прекрасно получить ксерокопии этих дел, что, по-моему, вполне возможно.

3. Недавно мне прислал письмо один профессор, доктор технических наук из Москвы Комягин Аркадий Федорович, родом из известного в истории Антоновщины села Хитрово Тамбовской губернии. Он пишет, что его отец хорошо знал Антонова и многих его сподвижников. И вот по рассказам отца этот профессор

написал какой-то труд об Антоновщине. Я думаю, тебе не мешало бы встретиться с этим профессором и ознакомиться с его произведением. Интересно будет узнать твое мнение. Телефоны профессора: 399-93-84 (сл.) и 113-71-93 (дом). Адрес: ул. Криворожская, 19, кв 105.

4. Ходил ли ты в издательство «Голос» к «антоновцу» Петру Федоровичу Алешкину — автору романа «Время великой скорби» (об Антоновщине)? В этом издательстве ты уже был, когда получал гонорар для меня (ул. Пятницкая, 52, строение 1). Если сможешь, то купи мне трехтомник Алешкина, а заодно уж поинтересуйся, как идут дела с изданием моей книги об Антоновщине.

5. С фотографиями Антонова и антоновцев пока некоторая заминка, но вскоре подошло и их.

Ну, на сегодня хватит. Жду ответа. Привет жене и детям.

С уважением и наилучшими пожеланиями твой

В. Самошкин

г. Борисоглебск, 19 апреля 1993 г.

В.В. Самошкин — А.И. Солженицыну

Глубокоуважаемый Александр Исаевич!

Пишет Вам историк из Борисоглебска — Самошкин Владимир Васильевич. Занимаюсь изучением истории двух взаимосвязанных крестьянских восстаний 1920-21 гг. — Антоновского в Тамбовской губернии и Колесниковского в Воронежской. Рылся по этим темам в десяти архивах. Сам я заканчивал Московский историко-архивный институт, это мне очень помогло в архивных поисках. Так, еще при коммунистах, не будучи сам таковым (и во всей обозримой родне никогда «партийных» не было), проникал в Тамбовский партархив.

Имею много публикаций, в основном по антоновщине и биографии самого Антонова (можно даже сказать, что я — первый биограф Антонова, чем, кстати, очень горжусь).

Свои материалы опубликовал, в частности, примерно в половине тамбовских районных газет. И каков результат? А такой: когда бываю на Тамбовщине, то резко бросается в глаза различное отношение местного населения к антоновщине; там, где публиковались мои статьи, антоновцев считают повстанцами, а где нет — бандитами. Конечно, не все так считают, но польза от публикаций налицо. А вообще должен с горечью отметить, уровень знаний местных жителей об Антоновском восстании — ниже уровня бедности.

Бывал во многих селах, особенно в «злостнобандитских» (Каменка, Туголуково, Трескино, Иноковка...). Натыкался и на Ваши следы. Например, в Иноковке, где Вы в 1972 году беседовали с сестрой Петра Токмакова (она лет 12 назад умерла, но хибарка, где Вы разговаривали с ней, цела). Показывали мне и дом, где Вы «скрывались» в Иноковке; «укрыватель» жив и здоров. Из родственников Петра Токмакова сейчас в Иноковке живет лишь одна его внучка (лет 50-ти), про своего деда толком ничего не знает. Но зато все село знает, чья она внучка. Ее так все и зовут — «Манька-Бандитка», а по фамилии знают лишь ближайшие соседи.

В большинстве сел я был с телекамерой и многие памятные места заснял (есть просто уникальные кадры). В результате получился телефильм «Антонов огонь» (Борисоглебская телестудия), который показывали по 1-му каналу ЦТ 10 марта с.г. Может, видели? В фильме несколько слов говорите и Вы — то, что ответили на мой вопрос в Мезиновке Владимирской области 1 сентября прошлого года. Я пытался тогда поговорить с Вами об антоновщине, но... уж очень плотный у Вас был график. Помните, я еще передал Вам фото руководителей Антоновского восстания?

Тут должен перейти к не совсем приятным объяснениям. Дело в том, что Вы узнали обо мне еще в США, когда прочитали мои рукописи («Антоновщина» и

«Александр Антонов»), попавшие к Вам через воронежца В.В. Бойкова и Н.А. Струве. Летом 1993 г. я получил Ваше письмо с Вашими замечаниями по этим рукописям и условиями напечатания их в серии ИНРИ. К слову, со всеми Вашими замечаниями я уже тогда был полностью согласен и был страшно горд полученным приглашением в ИНРИ, но... совсем растерялся. И вот из-за чего.

Бойков (он родом из Борисоглебска, почти сосед) взял у меня вышеупомянутые рукописи «для ознакомления» еще в конце 1991 г., не говоря ни слова ни о Струве, ни о Вас. И как в воду канул на полтора года. За это время я заключил договор с московским издательством «Голос» (через известного Вам П.Ф. Алешкина) о публикации моих рукописей отдельной книгой. Получил даже аванс. А вскоре и Ваше письмо. Что мне было делать? Разорвать договор с «Голосом» не решился (опять же этот злополучный аванс), а по отношению к Вам (каюсь и приношу свои запоздалые извинения) решил отмолчаться, стыдливо оправдывая сам себя тем, что отвечать, по существу, нечего, да и не стоит отвлекать Ваше внимание формальным ответом, а также беспокоить людей для его передачи Вам.

Сейчас я понимаю, что дал большого маху. «Голос» мою книгу до сих пор так и не издал, да и перед Вами неудобно.

Но, как говорится, жизнь продолжается. Не забывая антоновщину и Антонова, собрал богатый материал о восстании Колесникова. Крайне интересные материалы успел извлечь из архива Воронежского КГБ. Они там одно время играли в демократию, я и воспользовался. В основном это судебные-следственные дела на лиц, входивших в ближайшее окружение Колесникова. Кого из них не расстреляли в 1921 году — добились в 37-м. Хотя есть и любопытные исключения. Раскопал и двух прямых внуков Колесникова (еще раньше в Челябинске нашел двух внуков Антонова; правда, они — интеллигентные евреи — и знать его не хотят; кстати, сам Антонов не был антисемитом, его, так сказать, замом по антисемитизму был Иван Ишин). Половину исследования о восстании Колесникова я уже написал, полностью планирую закончить осенью. Разыскал и одно фото Колесникова.

Написать это письмо меня подтолкнула публикация двух Ваших рассказов в № 5 «Нового мира». Вряд ли кто еще читал их с таким вниманием, как я. Поэтому позволю себе высказаться о них.

«Эго». Ясно, что это кусок из последнего узла «Красного колеса». Судя по всему, написан в начале 70-х. Угадал? Не пойму, зачем Вы Павлу Тимофеевичу Эктову дали отчество Васильевич? Ведь он все-таки Тимофеевич! (Я переписываюсь с его родным племянником, живущим в Подмосковье). Не понял также, зачем Вы штабс-капитана Эктова превратили в сугубо штатского кооператора? У меня есть архивные данные, что 13 декабря 1918 г. Эктова призвали на должность ротного в Красную армию. Кстати, вышеупомянутый племянник (его отец — родной брат Павла Эктова) пишет, что П.Т. Эктов был застрелен кем-то прямо на улице в Тамбове вскоре после операции по разгрому отряда Матюхина.

Разумеется, есть и еще замечания и вопросы по «Эго». Но в данный момент меня куда больше интересует рассказ «На краях», точнее: глава об участии Жукова в подавлении антоновщины. Дело в том, что я давно уже собираю материал об этом периоде биографии Жукова. Перелопатил все дела 14-й кавбригады и обеих ее полков в Российском гос. военном архиве. До меня эти архивные дела никто в руки не брал. Сам же Жуков в этом архиве не работал, что, впрочем, видно из его мемуаров. К сожалению, от полка, в котором служил Жуков, сохранилось всего 4 дела (от бригады и 2-го полка — намного больше). Результат скрупулезного изучения всех этих дел — документальный очерк «Первый орден маршала Жукова», который при сем и высылаю. Можете распорядиться им по своему усмотрению,

В Вашем рассказе о Жукове, извините, что-то уж много ошибок, как будто Вы писали в дикой спешке и не заглядывая в святцы. Часть ошибок легко можно заметить,

если прочитать мой очерк. Но есть и весьма забавные ошибки, от которых ни один писатель не застрахован. Например, «Был Жуков на золотисто-рыжей Зорьке». Может, лошадь и была золотисто-рыжей, но вот звали ее не Зорькой. Я тоже не знаю, как ее звали, но знаю другое: все лошади во 2-м, Жукова, эскадроне имели клички, начинающиеся с буквы «Е», и что самого быстрого в эскадроне коня звали «Ероплан». А Зорька наверняка была в соседнем, 3-м, эскадроне, где все лошади были на букву «З».

Теперь о более серьезном. Недавно узнал, что конная батарея 14-й кавбригады тоже применяла химические снаряды, как и батареи бригады Котовского.

В принципе я знаю, откуда Вы взяли фактический материал по Жукову (включая стенограмму партконференции военных в Борисоглебске). Но вот откуда взялся начальник Особотдела в Жердевке Шурка Шубин? Мне такой в архивах не встречался.

Разумеется, есть у меня и много других вопросов, всех в письме не задашь.

Поэтому, глубокоуважаемый Александр Исаевич, у меня к Вам нижайшая, но убедительнейшая просьба о личной встрече для беседы на следующие конкретные темы:

- 1) Историческое значение Антоновского восстания;
- 2) Участие Жукова в его подавлении;
- 3) Тема антоновщины в «Красном колесе».

И ради Бога, разрешите снять хотя бы часть нашей беседы (особенно о Жукове) на видео. И уж совсем будет хорошо, если Вы сделаете что-то типа телеобращения к жителям и краеведам Тамбовской и Воронежской областей в связи с 75-летием со дня начала Антоновского восстания (21 августа). Последнее было бы очень важно и своевременно, так как политический маятник в Черноземье сейчас качнулся в другую (коммунистическую) сторону, и, например, в тамбовских газетах материалы об антоновщине с проповстанческим уклоном берутся крайне неохотно или даже встречаются в штывы. Ваше обращение оказало бы мощную моральную поддержку начавшим появляться у нас краеведам-«антоновцам», а то ведь стоит властям немного цыкнуть на них — и они тут же попрячутся по норам, откуда только-только начали вылазить. А я уж постарался бы, чтобы Ваше телеобращение показали в Тамбове, Воронеже, Борисоглебске и других районах, где есть местное телевидение.

Сам я (с телеоператором) готов приехать в любой указанный Вами день и час в Москву или Подмоскowie. Клятвенно обещаю не задавать пустых вопросов и не отниму у Вас ни одной лишней секунды времени.

Если Вы согласны на беседу (недолгую!), то прошу сообщить мне письмом о времени и месте встречи и (или) известить о своем решении М.М. Уразову, у которой я по телефону (229-86-39) мог бы узнать, согласовать детали встречи. Я позвоню ей в начале августа.

Еще раз прошу не отказать в моей просьбе.

С глубочайшим уважением и надеждой

В. Самошкин
27 июля 1995 г.

P.S. Отвечаю на Ваш вопрос о П.М. Токмакове. В его гибели я уверен абсолютно. Есть документ антоновского Главоперштаба от 25 марта 1921 г., из которого однозначно следует, что Токмаков к этому времени уже мертв. Я же в своих работах пишу, что он погиб 28 февраля 1921 г. в бою между селами Богословка Кирсановского уезда и Озерки Тамбовского уезда. Основываюсь на архивном документе красных, которые получили эти сведения от жителей Озерков — очевидцев боя. (На современной карте Тамбовской области Озерков не найти, теперь это село носит более «благозвучное» название — «Им. 2-й Пятилетки!») В принципе допускаю, что 28 февраля Токмаков был не убит, а смертельно ранен и прожил

еще несколько дней. А может, Антонов счел нужным не афишировать смерть Токмакова, по ряду причин, — хотя бы для того, чтобы красные не бросились тут же искать его могилу и не надругались над ней. Помните, что они сделали с телом генерала Корнилова. И я сейчас знаю, с каким рвением воронежские чекисты допытывались у пленных колесниковцев о месте захоронения Ивана Колесникова. Не поверите, но никто не выдал!

А.И. Солженицын — В.В. Самошкину

14.8.95

Уважаемый Владимир Васильевич!

Меньше всего я мог ожидать встретить Вас в Торфопродукте — и даже сразу не связал, что это и есть автор той книги, которую я рецензировал в Вермонте.

Очень сожалею, что мои тогдашние советы не достигли Вас к нужному времени — и, таким образом, книга Ваша вышла без исправления всего необходимого. (Более всего там была непригодна терминология советская, как говорилось о «бандитах»).

Но радуюсь, что Вы расширили свои поиски, захватили и Колесниковское восстание в Воронеже, еще менее исследованное. А в тамбовский партактив я только мечтал попасть в годы 1964-1974, покашивался на него, проходя, — а идти туда мне было бесполезно.

Нет, фильма Вашего я не видел. Опасайтесь свести исследование к поверхностному показу, вряд ли это тема для фильма сегодня.

Об Эго. Этот сюжет я почерпнул в петроградском спецхране в 1963 — но ни фамилии его, ни каких-либо о нем данных не имел. Собирался вставлять в «Красное колесо», оно до 1920-х годов не дошло, вот теперь и написал рассказ. Имя Павел Васильич я просто сочинил, фамилию Этков — узнал только недавно, а что Павел Тимофеевич (впрочем — по агентурным спискам красных) — уже и совсем недавно. Если бы я знал, что это — кадровый офицер царской армии, — сюжет был бы совсем другой, тогда Этков — просто шкура, тогда, м.б., и рассказа не заслуживает.

Послужив и в лошадином батальоне, я прекрасно знаю, что все имена лошадей во взводе, а то и в роте бывают на одну букву. Но у самого меня была «Мелодия» и — «Мельпомена», однако она была изумительной окраски, по которой я звал ее «Искрой» — и весь взвод так. Такая же история и с «Зорькой» — имя не инвентарное, и нет смысла его разыскивать, поскольку у меня не историческое исследование.

Вашей брошюры я еще пока не прочел (завален материалами), но, надеюсь, Вы не повторяете разошедшейся басни, будто Жуков в I-ю Войну, почти и не повоевав, был «награжден двумя Георгиями»?

Интервью — я вообще не даю, времени на встречи — нет, кроме самых горящих поводов.

Желаю Вам успехов в исследованиях.

А. Солженицын

А.И. Солженицын — В.В. Самошкину

19 авг. 2004

Уважаемый Владимир Васильевич!

Ваш 15-летний подвиг по документальному исследованию незабываемого (и полузабытого...) славного, исторического тамбовского крестьянского восстания 1920-21 годов — вызывает самую большую благодарность. Немало этой темой позанимавшись (хотя и безрезультатно), я тем более могу оценить Вашу строгую систематичность и неутомимую документальность (как трудно она Вам давалась, представляю) в освещении всей этой темы в наивозможной полноте. Русская ис-

тория скажет Вам — спасибо. Вы собрали воедино все то, что никак не поддавалось единому сбору (кто мешал, а кто был равнодушен). Вы глубоко к сердцу приняли все происходившее — до мельчайших эпизодов — и, оставаясь в строгой документальности, смогли передать и свою сердечную боль. (Да читателю жаждется даже и более сильных оценок и картин.)

Не менее последовательно и успешно Вы восстановили и биографию и образ самого Александра Антонова (многое осветили впервые!). И прибавили к эпопее еще и линию «колесниковцев».

Может быть, местами Вы недооценили долю влияния и участия эсеров. Восстание это — гигантское проявление сопротивления крестьянского.

Разумеется, книга заслуживает тиража — не в 1000 экземпляров и не в одном борисоглебском издательстве.

Я готов просить московское издательство «Русский путь» повторить Ваше издание. (Вероятно, потребовалась бы легкая стилистическая правка — об этом и о других деталях пишу Вам на отдельном листе.)

А то, что «в некоторых деревнях» Вам «показывали дома, где останавливался» я — это вздор. Я ездил полностью инкогнито, засветилась моя фамилия лишь в последний день последнего приезда на ст. Иноковка, при моем отъезде.

Сердечно благодарю Вас и жму Вашу руку.

А. Солженицын

Дополнение к письму 19 авг. 04.

Не упомянут единственный случай в Каменке (август 1920), когда по фронтовой привычке, но без тактического смысла, повстанцы вырыли около села окопы, предполагая в них отбиваться.

Токмаков — Вы считаете его смерть доказанной. Его сестра в Иноковке выражала мне большую надежду, что он — «скрылся». А его роль вообще — не крупнее ли, чем Вы отметили?

Что я имею в виду под «небольшой стилистической правкой». Ваш язык еще не до конца освободился от советских штампов. Термин «мятежники» Вы применяете заметно чаще, чем «повстанцы». А «партизаны» (как они себя мыслили) — и вовсе не употреблены. Надо пройти по всему тексту, и чтобы много чаще стояли «повстанцы» и «партизаны». («Мятежники» — там, где выражается начальство.)

Используете (стр. 73, 119 и еще) — «архитрудное». Чисто ленинский жаргон, ни один нормальный русский человек так не скажет. Совсем заменить: «чрезвычайно трудный» или как еще. — На стр. 41 — встречали «высоких гостей» употреблено без иронии, неприемлемый тон. — Несколько раз «кулак» — всерьез. — Есть о повстанцах: «разбойничий налет», «разбойничье действие», «сорвиголова» — зачем это? Кому в угоду?

Для переиздания надо Вам весь текст просмотреть и исправить (добавочное приложение «Исправления», не так-то много их наберется, а тон создается неверный (указывать: страницу, абзац, строчку в абзаце). На с. 47, абзац 4 — единственную нашел опечатку: если **не** по отношению...

РГВА — это Российский Государственный Военный Архив? Так понять?

Я не удержался — и всю Вашу книгу размечал. Если можете — пришлите еще 1 (или 2?) экземпляра.

Обсудя написанное здесь, можно поговорить и о «Русском пути» (хотя темп может быть и небыстрый).

(Простите за почерк — сменил ручку).

Всего-всего Вам доброго!

А. Солженицын

КРАСНЫЕ СОКОЛЫ

(Из истории военной школы летчиков в Борисоглебске)

Из воспоминаний С.А. Кузовкова, бывшего моториста 2-й Военной школы летчиков, полковника-инженера в отставке. «Я родился 9 сентября 1904 г. в Борисоглебске Воронежской области в семье железнодорожника. В конце гражданской войны над Борисоглебском, как-то летом, вдруг появился аэроплан, покружил над городом и сел за манежами, в районе элеватора. Восторга у жителей было так много, что трудно описать. Толпы народа пришли посмотреть эту диковинку. Вскоре он улетел. А весной 1923 г. также неожиданно появился слух, что в городе будет авиашкола. Этот слух вскоре стал действительностью».

В декабре 1922 года начальником Главного управления Красного Воздушного Флота был издан приказ о формировании в Борисоглебске авиашколы, которой присваивалось наименование «2-я военная школа летчиков Красного Воздушного Флота» (сокращенно ее стали называть «2-я ВШЛ КВФ»).

Первым начальником школы стал опытный летчик В.М. Ремезюк, окончивший летную школу еще в 1916 году в Севастополе. Во время Октябрьской революции он примкнул к большевикам, был начальником авиации Крыма, затем командовал отрядом воздушных кораблей «Илья Муромец». Военным комиссаром 2-й ВШЛ был Ф.И. Шатов, кадровый политработник, которого в конце 1923 года отозвали в Москву в распоряжение военного комиссара вузов Красного Воздушного Флота.

Первым помощником начальника школы по учебно-летной части назначили бывшего офицера старой армии К.Ф. Капустяна, окончившего Севастопольскую летную школу еще в 1912 году.

5 января 1923 года В.М. Ремезюк, Ф.И. Шатов и К.Ф. Капустян приступили к формированию 2-й ВШЛ из кадров и средств, выделенных отделом устройства и службы Главного управления Красного Воздушного Флота и дивизиона авиаспециалистов.

Все, что выделялось для школы летчиков, сосредоточивалось на московском аэродроме. Для постоянного базирования необходимо было найти место, удобное для размещения авиаторов и для учебных полетов. Начальник школы и его помощник побывали в Борисоглебске. По возвращении в Москву, доложили начальнику вузов Красного Воздушного Флота, что условия там благоприятные: место равнинное; вся школа может разместиться на восточной окраине города, рядом с площадкой, пригодной для аэродрома, к которой подходит железная дорога; уже имеется военный городок для размещения личного состава и служб. Борисоглебск был признан удобным во всех отношениях.

29 марта 1923 года начальник военно-учебных заведений Красного Воздушно-го Флота СССР отдал приказ о переводе формируемой школы летчиков к постоянному месту базирования. С 6 по 13 апреля школа двумя эшелонами передислоцировалась из Москвы в Борисоглебск.

Из воспоминаний комсомольца 20-х годов Вульфа Н.Н. «В мае 1923 г. по окончании Петроградских курсов красных мотористов вместе с группой выпускников в количестве 40 человек я приехал в Борисоглебск. Школы как таковой еще не было. А были казармы гусарского полка с выбитыми окнами, дырявым полом и сплошными нарами вместо кроватей. Были конюшни, из которых нам предстояло сделать ангары для самолетов. Что из себя представлял личный состав? Старые, опытные инструкторы-летчики, прошедшие фронты гражданской войны, были и некоторые офицеры царской армии. Курсанты, или, как их тогда называли, учлеты, тоже уже бывалый народ из армии, многие участники гражданской войны. Были и члены иностранных коммунистических партий, попавшие к нам через Коминтерн. Красноармейцы караульной и хозяйственной бригад — взрослый народ. Комсомольцев среди них не было. Зато наше молодое пополнение — мотористы по 18-19 лет, больше половины — комсомольцы. В школе организовалась комсомольская ячейка, первым вожаком которой был учлет Ваня Белозеров. В состав бюро вошли Костанаев (впоследствии — полярный летчик, погибший вместе с Леваневским при перелете через Северный полюс), механик Пономарев и др.»

В то время в школе насчитывалось 118 человек, к концу апреля добавилось 45 курсантов из Егорьевской теоретической школы, в том числе и В.П. Чкалов, прибыл командный и летный состав.

Большую помощь в формировании авиашколы оказали местные власти. Борисоглебцы быстро нашли общий язык с авиаторами и стали им помогать. К концу года школа летчиков установила тесные шефские связи со многими организациями города.

Из воспоминаний Кузовкова С.А. «В апреле 1923 г. в авиашколе все уже организовалось. Прибывали самолеты: 2-местный «Conbug» с мотором Рон 80 л.с.; 2-местный «Ньюпор»-10 с мотором Рон 80 л.с.; «Ньюпор»-17 с мотором Рон 80 л.с.; 2-местный «Анрио» с мотором Рон 80 л.с.; 2-местный «Авро» с мотором Рон 120 л.с. Несколько позже прибыл 2-местный «ДН»-9 (Дехавеланд) с мотором Либерти 400 л.с. и некоторые другие.

В авиашколе были сформированы 3 летных отделения. Каждому отделению было выделено по 1 манежу для размещения самолетов.

В 1-м летном отделении производилось первоначальное обучение курсантов. Во 2-м отделении производилось дальнейшее обучение курсантов из числа окончивших первоначальное обучение в 1-м отделении. Здесь же производился окончательный выпуск в самостоятельный полет. В 3-м отделении, которое в свою очередь, комплектовалось из числа выпущенных курсантов 2-го отделения, производилось обучение высшему пилотажу.

Основными самолетами, на которых производилось обучение курсантов в 1-м и 2-м летных отделениях, были английский 2-местный «Анрио» и французский 2-местный «Авро». В 3-м летном отделении полеты производились на одноместном самолете «Ньюпор»-17 и «Ньюпор»-21.

В каждом летном отделении курсанты разбивались на группы по 5-6 человек, во главе которых стоял инструктор по технике пилотирования. Полеты производились дважды в день: утром, с началом зари, и вечером, до зари. Нагрузка как на курсантов, так и на обслуживающий персонал была очень большой...

Из местных (борисоглебских) комсомольцев, которые связали свою судьбу с авиацией, были: Кашин, Невярович К.М., Бабинский Б.Н., Кузовков С.А., Мат-

веев А., Шитц А., Васильев, из беспартийных — Ершов И.И., Ненашев Н., Шачин И.

Авиашкола имела подшефную деревню Чигорак, где проводилась работа по организации избы-читальни, в которой по вечерам собиралось много народа, в основном, местные крестьяне...»

26 октября 1923 года состоялся первый выпуск курсантов.

День первого выпуска отмечался как праздник. Были организованы показательные полеты трех курсантов-выпускников, затем в ангаре 3-го отряда состоялся товарищеский чай для курсантов, комсостава и гостей. Начальник школы и военком распорядились в день выпуска улучшить питание и выдать всему личному составу по фунту белого хлеба. Вечером в городском кинотеатре состоялось торжественное собрание совместно с представителями города, после чего был дан большой концерт силами участников самодеятельности. Виновниками торжества были первые выпускники — Константин Дадонов, Сергей Демехин, Василий Кузнецов, Георгий Макаровский, Леонид Максимов, Алексей Маркович, Николай Новиков, Петр Пумпур, Федор Уваров, Валерий Чкалов.

Борисоглебская школа продолжала напряженную работу по обучению курсантов, численность которых все время увеличивалась. На 1 ноября 1923 года в школе уже было 129 курсантов. 7 декабря состоялся второй выпуск — 9 курсантов. К концу 1924-го летная школа была почти полностью укомплектована и значительно расширила свою базу. По просьбе командования школы уездный исполком Советов и горкомхоз передали школе строения бывшего винного склада в районе элеватора, на юго-западной границе аэродрома. Там разместились склад горючего и смазочных материалов, гараж и другие службы. Вначале полеты проходили на одном аэродроме, но весной и летом 1924 года была проделана большая работа по подготовке другого аэродрома, в нескольких километрах от города. Там тоже начались полеты, а строители приступили к постройке нового ангара. В 1924 году школа сделала 8 выпусков и подготовила 92 летчика, из них 75 направила в Московскую первую высшую школу красных военных летчиков (красновоенлетов) и 17 — в Высшую военно-авиационную школу воздушной стрельбы и бомбометания в Серпухове.

Многие выпускники 2-й военной школы летчиков 1923-1925 годов стали впоследствии выдающимися авиаторами, генералами, Героями Советского Союза. В их числе С.К. Горюнов, П.И. Пумпур, Е.С. Птухин, А.Б. Юмашев, Э.Г. Шахт. Крупными авиационными специалистами стали Ф. Арженухин, А. Борман, М. Вахрушев, П. Гроховский, Н. Момот, П. Федрови, а также летчики-испытатели Н. Кастанаев, В. Степанченко, А. Торговкин, Ф. Уваров и другие. Шандор Шимич стал государственным деятелем Венгрии после ее освобождения от фашистской оккупации.

В 1926 году в городе была закрыта полковая церковь. Вскоре началась перестройка ее под клуб для летной школы. Вокруг клуба началось строительство комплекса культурно-спортивных сооружений — стадиона с трибунами для зрителей и бытовыми комнатами для спортсменов, концертной эстрады, танцевальной площадки и т.д. Позднее клуб школы стал Домом офицеров Борисоглебского гарнизона. Весьма популярна была футбольная команда летной школы, неоднократно завоевывавшая первенство в соревнованиях команд города, военного округа, школ ВВС. Ведущими игроками ее были в разное время И. Журавлев, Ю. Немцевич, А. Петров, В. Хользунов, В. Чкалов, Ш. Шимич и многие другие.

Весной 1936-го в Борисоглебске на стадионе, за Домом Красной Армии, была построена 37-метровая парашютная вышка. На ней стали проходить предварительную подготовку все курсанты и молодежь города, занимавшаяся в кружках парашютистов.

Учлеты 2-й ВШЛ. Борисоглебск. 1930 г.

В годы Великой Отечественной войны

15 июля 1933 года ЦИК СССР постановил вручить школе Почетное революционное Красное знамя. На основании постановления ЦИК СССР и приказа РВС о награждении школа стала называться «2-я Краснознаменная военная школа летчиков имени Осоавиахима». С мая 1935-го по июнь 1937-го начальником летной школы был комбриг Я.В. Сорокин. Выпускники Борисоглебской школы П.В. Рычагов, В.С. Хользунов, Э.Г. Шахт и другие оказались в рядах первых добровольцев, выехавших в августе 1936 года в Испанию на защиту республики. Рычагов и Шахт удостоены звания Героя Советского Союза в декабре 1936 года, а В.С. Хользунов — 27 июня 1937 года. Вскоре после возвращения из Испании Рычагов уехал добровольцем в Китай. На Мадридский фронт в качестве авиационного советника прибыл комбриг Е.С. Птухин, одновременно он стал командовать советскими истребителями. Республиканское правительство присвоило ему звание генерала. После возвращения из Испании Е.С. Птухин стал генерал-лейтенантом авиации,

командовал военно-воздушными силами Ленинградского военного округа, руководил воздушными операциями во время войны с Финляндией. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

За подвиги в Испании были удостоены звания Героя Советского Союза Н. Герасимов, А.И. Гусев, П.И. Пумпур. Погибли на испанской земле, выполняя интернациональный долг, Михаил Катыхов, Герой Советского Союза Константин Колесников, Павел Петров, Иван Павлов и другие. 32 летчика были удостоены звания Героя Советского Союза, девять из них начинали свою летную биографию в Борисоглебской школе.

В боях под Халхин-Голом отличились многие борисоглебцы. В.И. Артамонов, М.Ф. Бурмистров, А.П. Пьянков, Е.Н. Степанов стали Героями Советского Союза. Немало побед одержали вернувшиеся из Испании летчики-борисоглебцы — Герои Советского Союза Н.С. Герасимов и А.И. Гусев.

15 декабря 1938 года в Москве во время испытательного полета на самолете И-180 трагически погиб выпускник Борисоглебской школы Валерий Павлович Чкалов. 28 декабря 1938 года, согласно приказу наркома обороны СССР Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова, имя В.П. Чкалова было присвоено авиационной школе: «Борисоглебская Краснознаменная военная авиационная школа имени В.П. Чкалова».

В мае 1940-го начальником школы стал Герой Советского Союза полковник Е.Г. Туренко, имевший за плечами боевой опыт советско-финляндской войны.

В 1941-м в Борисоглебск была передислоцирована Херсонская военная школа авиационных курсантов. Количество курсантов в школе к концу 1941 года достигло 3803 человек. С первых дней Великой Отечественной войны на Борисоглебскую авиационную школу легла дополнительная нагрузка по обслуживанию перелетавших на фронт авиачастей. На школьные аэродромы садились и самолеты перебазировавшихся на восток военных школ из Харькова, Чугуева, Воронежа, Кременчуга и других городов. Борисоглебский аэроузел обслужил во второй половине 1941-го 2242 самолета, а всего за годы войны было обслужено около 16 тысяч самолетов. На базе материальной части и средств школы были сформированы два авиационных истребительных полка и эскадрилья. Командирами авиаполков стали бывшие командиры эскадрилий капитаны П.Н. Новицкий и Г.С. Боровский, военными — батальонные комиссары Г.С. Гречихин и К.Т. Харламенко. В ноябре 1941 года сформированные полки убыли на фронт.

Всего в 1941-м школа отправила на фронт 89 летчиков, 49 техников и 22 командира других специальностей. Продолжалось формирование и пополнение авиационных частей для фронта и в последующие годы войны.

В Борисоглебской школе передавали курсантам свой опыт и летчики-фронтовики, попадавшие в Борисоглебск на короткое время. Побывал в Борисоглебске после ранения осенью 1941-го и будущий Герой Советского Союза В.А. Середин. На его счету было уже несколько сбитых фашистских самолетов, и опыт фронтовика очень пригодился курсантам и летчикам школы. Много полезных советов дал приехавший в Борисоглебск выпускник школы лейтенант М.Н. Карabanов. Широкую известность получило имя выпускника школы Виктора Талалихина, удостоенного звания Героя Советского Союза в боях под Москвой (погиб 27 октября 1941 года).

Летом 1942-го летная работа в авиашколе прервалась. В начале июля фашистские войска подошли к Дону в районе села Гремячье, заняли Россосшь, Коротояк и другие населенные пункты. В Борисоглебск враг забросил агентов. Был случай, когда они пытались проникнуть к складу боеприпасов и к ангару; несколько ранее в городском саду нашли тайник с боевыми гранатами.

Над Борисоглебском стали появляться фашистские самолеты. Ночью 7 июля три самолета выпустили осветительные ракеты и произвели бомбардировку железнодорожной станции Поворино, поселка и аэродрома. После первого же налета были приняты меры для обороны аэродромов. В Борисоглебске вокруг аэродрома установили 7 зенитных точек, оборудованных 20-мм пушками ШВАК, с круглосуточным дежурством. Установили зенитные точки и на аэродроме в Поворино.

В связи с приближением фронта и начавшимися налетами на Борисоглебск поступил приказ командующего ВВС Приволжского военного округа о немедленном перебазировании школы на Урал, в город Троицк. Перебазирование началось 9 июля 1942 года. Для прикрытия пунктов погрузки эшелонов самолеты-истребители звеньями патрулировали в воздухе и дежурили на аэродромах в готовности номер один. Перебазирование проходило планомерно. 233 самолета группами улетели в Троицк, неисправные машины погрузили на платформы. Всего было отправлено 7 летных и 8 железнодорожных эшелонов. В Троицке школа разместилась на шести аэродромах, вернее — на площадках, пригодных для полетов. Люди селились в палатках, сараях, бараках. В самом городе, где имелся аэродром, курсанты жили в помещении с трехъярусными нарами.

После освобождения зимой 1942-43 гг. захваченных врагом территорий у борисоглебцев появилась надежда вернуться в свой город. С 10 июня по 6 июля из Троицка в Борисоглебск было отправлено 5 летных и 12 железнодорожных составов. В Борисоглебске школа разместились на пяти полевых аэродромах. Все были рады, что вернулись в родной город.

Воспитанники Борисоглебской авиашколы вписали немало героических страниц в историю Великой Отечественной войны. Например, в конце июля 1945-го в город Борисоглебск прибыла делегация из истребительного авиационного полка, преобразованного в 147-й гвардейский авиаполк, который был сформирован полностью из личного состава школы. Делегацию возглавлял выпускник школы, командир эскадрильи, Герой Советского Союза майор В.С. Комаров. За годы войны летчики полка совершили 2091 боевой вылет и в 177 воздушных боях сбили 107 самолетов противника. В ночных воздушных боях гвардейцы уничтожили 15 самолетов врага. Пять летчиков полка были удостоены звания Героя Советского Союза.

Многие из воспитанников Борисоглебской школы командовали авиационными соединениями. Так, только в 16-й воздушной армии командирами дивизий были воспитанники школы Герои Советского Союза А.Н. Витрук, И.М. Дзусов, Е.Е. Ерлыкин, Г.О. Комаров, А.В. Утин, А.Б. Юмашев, генералы И.И. Иванов, К.Д. Орлов.

В первое, самое тяжелое полугодие войны подвиг Н.Ф. Гастелло повторили многие выпускники Борисоглебской летной школы: 19 ее воспитанников совершили тараны. Среди них С.М. Алешин (посмертно Герой Советского Союза), Ф.В. Атрашкевич, К.А. Длужницкий, В.Н. Каштанкин (посмертно Герой Советского Союза), С.А. Кибирин, Г.М. Киселев, В.Е. Ковалев (посмертно Герой Советского Союза), К.П. Коробейников, Н.А. Кулигин, А.З. Небольсин, В.С. Петров, А.Г. Рогов (посмертно Герой Советского Союза), И.И. Рудаков, В.Д. Служеникин, М.А. Хорев, В.А. Шиманский, В.А. Ширяев (посмертно Герой Советского Союза), В.В. Яцына.

А выпускники школы К.П. Потапов, Герои Советского Союза П.А. Гражданинов, А.М. Лукьянов, П.П. Пересумкин совершили за период войны по два тарана, возвратившись на свой аэродром.

45 воспитанников школы совершили воздушные тараны. При этом геройски погибли А.Ф. Авдеев (посмертно Герой Советского Союза), М.К. Антонюк, М.А. Борисов (посмертно Герой Советского Союза), А.В. Киричков, Н.С. Котлов, Е.А. Кривошеев (посмертно Герой Советского Союза), С. Т. Мясииков, Е.П. Новиков (посмертно Герой Советского Союза), А.Ф. Поддубский, Н.С. Потяженко, В.П. Смирнов (посмертно Герой Советского Союза).

Сотни воспитанников Борисоглебской истребительной школы стали асами, сбившими в воздушных боях по 15-20 и более самолетов. Среди них Герои Советского Союза А.А. Балалуев, М.Ф. Батаров, А.И. Балясников, А.Н. Белкин, А.Д. Биллюкин, А.П. Бритиков, С.Г. Глинкин, Н.И. Горбунов, А.А. Дьячков, А.А. Егров, И.И. Забегайло, Н.П. Иванов, К.И. Коршунов, А.С. Куманичкин, И.Н. Лагутенко, К.С. Мальцев, В.В. Марков, И.В. Маслов, А.Б. Мастерков, Н.Д. Миоков, В.Ф. Мудрецов, П.П. Пересумкин, М.И. Сачков, Л.Н. Слизень, К.Ф. Соболев, П.А. Сомов, М.С. Твеленев, М.Д. Цыкин, А.М. Числов, Ф.М. Чубуков, П.Г. Якубовский.

Всего за время работы Борисоглебской авиашколы около 260 выпускников училища стали Героями Советского Союза, 12 выпускников удостоены этого звания дважды, а 9 из них удостоены этого звания в годы Великой Отечественной войны.

*Стихи участников
III Всероссийского
фестиваля
русской словесности
и культуры
«Во славу
Бориса и Глеба»*

ЗАЧЕМ ПОЙДУ Я В ЭТОТ МИР...

Людмила Попова

ТАЙНА

В райских кущах — в абрикосовом саду,
Где ступает тень по мягким травам,
Дом стоял — как будто на виду,
В переулке был последним самым.

Дом как дом, росли цветы повсюду,
И дорожка уводила в сад.
Женщина (не женщина, а чудо!)
В доме том вздыхала на закат.

Белый кот с небесными глазами
Будто бы ходил здесь по пятам.
А она бродила все за снами,
Веря и не веря этим снам.

То ли дождь по крыше, то ли ветер
Заглянул в открытое окно.
За окошком мирно спали дети,
Сны смотрели, будто бы кино.

Градом осыпались абрикосы,
Бегая по крыше, топоча...
Женщина самой себе вопросы
Задавала, отвечала сгоряча.

И звезда упала в сад волшебный,
Покатилась по дорожке вниз.
Дом как дом, на вид — обыкновенный,
Просто солнце зацепилось за карниз.

Просто звезды, что сыпаются в ведро,
Утром превращаясь в абрикосы.
На пороге кот глядит хитро.
Знает кот, что это все непросто.

На заре в зеркальном отражении
Вспыхнут ее карие глаза.
Задрожат таинственным видением
Свечи, побежав по образам.

А в саду повиснет белой мантией,
Весь лохматый, утренний туман,
Разорвав тревожных снов объятия,
Оттолкнув от тела твой диван.

И взлетая, и паря высоко,
И едва запомнив, что внизу,
Как цветы, ты собираешь строки,
В волосы вплетаешь ты росу.

Вот и остановлено мгновенье —
Посреди зеркального окна
Красотой сияет отраженье.
Узнаешь? Конечно же, она,
Что по саду ходит босиком,
Собирая звездочки в лукошко.

Среди сада притаился дом,
Тайну привязав за три окошка.

Александр Кулагин

* * *

Меня все мучает вопрос,
И не найду к нему ответа:
Я принимаю опорос,
Кошу траву быкам все лето,
И гуси ходят во дворе,
И всякой разной много птицы,
Кровь на ноже, на топоре, —
Я кто? Кормилец иль убийца?

Соседи часто приглашают
Быка забить или свинью.
Меня они давно уж знают, —
Все чисто сделать я люблю.
Адреналин не получаю
И удивляюсь, слыша плач,
Когда свинье я нож втыкаю,
Кто я? Кормилец иль палач?

И я с рождения теленка
Кормлю его, вожу навоз,
Но вырос бык. Умело, ловко
Ему вонзаю в шею нож.
Своим шершавым языком
Бык у меня ладонь лизал,
А я убил его тайком,
Предательски, пока не ждал.
И бык, уж кровью истекая,
Что думал, глядя на меня?
Ведь жизнь короткая такая,
Кто мне ответит, кто же я?

Зоя Комарова

* * *

— Зачем пойду я в этот мир?
Душа спросила.
— Там очень мало добрых сил,
Там злая сила.
— Я не надеюсь выйти вновь,
Смогу ли, Боже?
— Но я даю тебе Любовь,
Надежду — тоже,
И Веру — верь мне, верь в меня,
Знай, Вера — сила,
Она и мертвых из огня
Мне выносила.
— Но там, ты знаешь, Бог всегда
Был сказкой, чудом.
Как только я вернусь туда,
Я все забуду!
— Ты будешь помнить обо мне,
Когда тебе гореть в огне,
Когда окажешься на дне
На самом страшном.
Ты будешь помнить и тогда,
Когда холодная вода
Зальет все лучшие года
Дождем вчерашним.
И лишь Надежда и Любовь
Спасут тебя, согреют кровь,
Ты поднимайся с ними вновь,
От бед закройся,
А Веру, если сохранишь, —
Меня услышишь и узришь,
И будешь Свет, Добро... Молчишь?
Иди, не бойся!

Виталий Черников

РАДОСТИ И МУКИ БОРИСОГЛЕБСКОЙ МЕЛЬПОМЕНИ

(Страницы истории провинциального театра)

История Борисоглебского драматического театра имени Н.Г. Чернышевского толком не изучена. В 2012 году он отметил свое 75-летие — однако правильно ли считать 1937 год датой его основания? Об этом нельзя говорить уверенно. В разные периоды у труппы менялась точка отсчета. Так, 25-летие театр отпраздновал в марте 1960 года. Обращение к документам ситуации не проясняет.

Предыдущую известную мне попытку разобраться в ней предпринял краевед Владимир Самошкин. В сентябре 1997 года в газете «Борисоглебский вестник» вышла его статья о первых годах существования театра в стенах Народного дома, построенного до революции купцом Ефимом Мягковым. Изучив архивные материалы, Самошкин пришел к выводу, что имя автора романа «Что делать?» Народный дом носил с 1928 года. Театром же (или «Зимним театром») он якобы стал именоваться приблизительно с 1930 года.

А вот что сообщает историческая справка, подготовленная лет десять назад местным архивом: «В 1929 году решением ВЦИК Борисоглебскому Народному дому было присвоено имя революционера-демократа Н.Г. Чернышевского».

Самый ранний из найденных мной в архивах документов, в котором упомянут «Театр НАРДОМ», датирован январем 1921-го. Выяснить, что за спектакли шли здесь в первой половине 1920-х, пока не удалось. В 1923-м в НАРДОМЕ размещался кино-театр «Вулкан», однако, кажется, не очень долго. Еще здесь проходили торжественные заседания, приуроченные к советским праздникам.

Изучая дела фонда № 927 Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области, я наткнулся в одном из них на объявление: «14-го ноября 27 г. в помещении театра НАРДОМ в 6 часов вечера назначается выпуск делегатов женского делегатского собрания созыва 1926/27 г. На торжественное заседание приглашаются женщины-активистки, а также жены рабочих и служащих и делегатки нового состава». «Начало торжественного собрания ровно в 6 часов вечера, — извещает секретарь ячейки ВКП(б) при Уполкоме Парцевский апорга ячейки Агеева. — После торжественного заседания постановка драмкружка пьеса «МОЛОДОЙ ЕЛЬНИК». Прилагаемые при сем билеты в количестве 15 штук распределите между делегатов, вновь избранных активисток и часть выдайте женам рабочих и служащих».

Какое-то время в Народном доме располагался кинотеатр «Вулкан»

Еще один сюрприз подарила уцелевшая среди документов ячейки ВКП(б) при уездном отделе народного образования (фонд № 1357) выписка из протокола № 4 заседания Президиума Уисполкома. 9 октября 1926 года на нем слушали вопрос об эксплуатации театров, находящихся в Борисоглебске. Обнаружив «наличие уголовно наказуемых деяний со стороны администраторов театров», президиум постановил передать дело помпрокурора для дальнейшего расследования. О каких театрах во множественном числе идет речь? Вот из

таких интригующих обрывков, без начала и развязки, и состоит львиная доля моего рассказа.

«Считать театральное объединение предприятием городского значения, а потому передать данное предприятие Президиуму Городского Совета с предложением усилить контроль за состоянием театрального хозяйства, а равно проследить за устранением недостатков», — еще один важный пункт постановления. Интересно, что словосочетание «Народный дом» в документе вообще не встречается.

Несколько ценных деталей того, что было потом, дал фонд № 39 — материалы городского районного комитета ВКП(б). Партийная фракция при горсовете наметила на 18 мая 1928 года проработку деятельности работавших в Борисоглебске театров за зимний период, а также плана на лето «с учетом выполнения ранее вынесенных решений». О последних пока ничего не известно, да и заседание, судя по содержанию сохраненных протоколов, не состоялось. Более важной в тот год была проблема удовлетворения жилищных условий горожан; в одном из документов прямо отмечено: в Борисоглебске — острый жилищный кризис. Ярko иллюстрирует ситуацию обсуждавшееся на одном из заседаний заявление заведующего местной баней Петрова о выселении с квартиры при ней родственников его предшественника Никитина «ввиду того, что проживание частных жильцов и вообще отвод квартиры внутри бани недопустим, что вызывает справедливое нареkanie посетителей». О жизни местной сцены удалось поговорить лишь 31 августа.

Поводом стали проходившая в округе неделя обороны страны и высказанное на заседании фракции предложение о пятикопеечной надбавке в эти дни на билеты в театр, кино, сады и на пиво в пользу Осоавиахима. Один из участников обсуждения, тов. Ержембович выступил против надбавки на пиво, «мотивируя тем, что на подакционные товары налога быть не может без постановления на то ВЦИКа». И своего, кстати, добился.

А незадолго до того случилось ЧП в городском саду. Вот описание происшествия из акта, составленного 7 августа агентом Земчасти Горхоза Д.В. Григорьевым: «Арендаторы Горсада Правление клуба союза СТС и Пищевиков в лице Зав. Профклубом Романа Григорьевича ГАЛИНСКОГО без разрешения Горхоза сломали и перенесли на новое место зрительный зал летнего театра, оставив на бывшем месте театра только одну сцену и принадлежащее к сцене оборудование. Кроме того, на новом месте постановки зрительного зала было срублено три декоративных дерева». Нарушение договора арендатором должно было привести к расторжению договора. Но и лишать горожан «культурного обслуживания через сад» властям не хотелось. Развязка этой истории не описана в документах, которые довелось изучить. Однако в конце года

Галинский упомянут в решении фракции горсовета о работе театра «Нардом». Причем в должности его нового заведующего.

Имя Чернышевского в материалах 1928 года отсутствует.

Работа театра протекала с убытком. «Пролетарские массы» посещали его слабо. Беспеременно возрастающая задолженность Нардома различным учреждениям и лицам составила на 15 ноября 1928 года сумму в 11000 рублей (упомяну здесь о сохранившемся заявлении в окружном ВКП(б) инспектора политпросвета ОКРОНО Б.П. Сальникова — реакции на идею провести бесплатные постановки в годовщину Октябрьской революции, что, по его мнению, усугубило бы тяжелое финансовое положение находящегося на хозрасчете городского театра).

Планы бывшего заведующего театром Калинина об отоплении здания были признаны нереальными: деньги потратили, но систему не наладили. Вот еще интересные строчки: «Считать заключенные договора с драмтруппой и оркестром тяжелыми, обратить на этот момент внимание Горпрокурора тов. Вершкова». Как видим, некая постоянная труппа была приглашена работать сюда еще в 1928 году, однако руководство театра, по мнению местных властей, ей переплатило. Решили «проверить работоспособность штата театра и произвести очистку от негодного материала». Городскому же прокурору предложили «немедленно закончить» следственное дело Калинина. Но для начала нужно было хотя бы выселить бывшего заведующего из здания (тот уже начал строить интриги против Галинского). А заодно и других «жильцов, пребывание которых не связано непосредственно с работой театра».

Даже через сорок лет в нем будут селить работающих здесь людей.

Продолжение истории (увы, без окончания) — в фонде № 33 борисоглебского архива. 30 марта 1929 года президиум городского Совета рабочих и красноармейских депутатов рассмотрел ходатайство Управления театрами о выделении из горбюджета дополнительной дотации в сумме 6000 рублей на оплату расходов по театрам. «Ввиду напряженности бюджета» было решено отказать. Более того, выяснилось, что некие средства уже незаконно израсходованы. Управлению театрами и Политпросвету предложили обеспечить их высказание. В протоколе упомянута работавшая в Борисоглебске труппа Сотникова — срок договора с ней истек, и служащие и рабочие театра должны были получить зарплату. Интересно, что «служащие и рабочие» вписаны в документ от руки вместо вычеркнутой «труппы», не выполнившей договор о постановке 20 спектаклей в клубах. На следующем заседании выступал с докладом о работе Управления зрелищными предприятиями управляющий театрами Роман Галинский. Ему предстояло в недельный срок организовать комиссию для проведения полной инвентаризации. Материальный ущерб в сумме 1816 рублей 62 копейки должен был возместить упомянутый выше Калинин: дело на него, похоже, все еще не завели. Непродуманное приглашение труппы за три месяца принесло убыток свыше 10 тысяч.

Один из пунктов решения президиума горсовета таков: «Предложить Окроно заключить с Горхозом договор на закрепление за ним зданий театров: Нардома и Модерн».

19 апреля принимался план летней работы УЗП по городу. Идею пригласить оперетту для горбульвара сочли нецелесообразной. Зато решили организовать здесь читальню, а также игру в шашки, шахматы и домино. Галинского отправили в Москву «для переговоров о приглашении высококвалифицированных артистов для эстрады театра с идеологически выдержанным репертуаром». В программе командировки был и визит в Госцирк. Погрязшему в долгах Зимнему театру в связи с тяжелым финансовым положением снизили местный налог с постановок до 10 процентов — сроком, правда, до 15 мая.

В фонде № 2 ГАОПИ ВО, среди документов областного комитета ВКП(б) нас особо интересуют дела культурно-пропагандистского отдела. После объединения в 1928 году Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей в Центрально-

Черноземную было создано театральное объединение ЦЧО. «Советский театр — важнейшее звено агитпропагандистской работы, — заявил на состоявшемся в октябре 1931-го первом областном съезде по вопросам искусства его представитель Вольф. — До организации ТЕО театральное дело ЦЧО было в хаотическом состоянии: не было планов, отсутствовал учет сети. В результате — засорение репертуара вредными пьесами».

За несколько месяцев до того приступило к работе Управление театральными предприятиями, объединив «предприятия» Воронежа, Курска, Орла, Тамбова, Козлова, Ельца, Белгорода, Старого Оскола, Моршанска, Липецка, Острогожска. Организаторы предусмотрели «в производственном плане обслуживании городов Борисоглебска, Рассказово и других городов». Почему же Борисоглебск упомянут отдельно?

В театральной жизни Центрального Черноземья назрели перемены. 19 декабря 1931 года датирована докладная записка в культпроп обкома директора ТЕО ЦЧО Гостева.

«К моменту приема театры КОЗЛОВА, ОРЛА, БОРИСОГЛЕБСКА, ЕЛЬЦА, ТАМБОВА, ЛИПЕЦКА не могли быть допущены к эксплуатации без мало-мальски сделанного ремонта крыш, отопления, канализации, полов, окон и прочее.

Из всех принятых театров, вертящиеся сцены были только в ВОРОНЕЖЕ и ЕЛЬЦЕ.

Вместо примитивных сукон, во всех театрах, за исключением Воронежа, Борисоглебска, Орла, на сцене — рваные, грязные тряпки».

Окончательную приемку большинства театров закончили к 15 октября, ремонт зданий — к 1 ноября. Везде, включая и Борисоглебск, были поставлены «вертящиеся сцены, повешены бархатные или шерстяные сукна, установлено прожекторное освещение, частично отремонтирован инвентарь». Борисоглебская драма приступила к открытию сезона. В то же время ТЕО столкнулось с проблемой «полного отсутствия планового формирования трупп» по области. Далее в письме сообщается: «Взятая установка на организованного зрителя дала положительные результаты по гг. Воронеж, Козлов, Борисоглебск, по 1/1-32 г. ежедневно театр заполнен организованным зрителем».

Занялись сотрудники ТЕО и обеспечением возможности для летних гастролей столичных трупп. Были приняты меры по постройке летних театров в Тамбове и Липецке и к их расширению в Козлове. А в Борисоглебске возвести эстрадный открытый театр еще предстояло. Куда же делся тот, что переносили в 1928 году на новое место? Развалился? Не отвечал нормам?

В конце 1932 года в Борисоглебске оказались ленинградские художники Борис Эрбштейн и Соломон Гершов: здесь они должны были отбывать ссылку.

Сначала они жили в Курске, где компанию им составили поэты-обэриуты Даниил Хармс и Александр Введенский и художница Елена Сафонова. Там Гершов и Эрбштейн нашли приработок, вдвоем оформив экспозицию открывшегося в одном из соборов краеведческого музея. Эрбштейн получил приглашение поработать в борисоглебском театре — ему поручалось «придумать и исполнить» декорации для премьер. Одному справляться было тяжело — и на помощь вызвали Гершова. Кстати, в декабре в Борисоглебске жил, пока не закончился срок его ссылки, и Введенский — видимо, приехал за компанию. В одном из крайне дурашливых писем к Хармсу («Я очень много тут ем. В моей комнате растет большое дерево. Ты спрашивал меня, нравятся ли мне гвозди? Очень нравятся. Сегодня тут был один случай. Часто ли ты бреешь бороду? Между прочим, будь добр, напиши, который у вас час. Пиши и правильно дыши. Целую») он сообщает свой борисоглебский адрес: Кривой переулок, 35.

Вел переулок к скверу за зданием Народного дома.

В Интернете нашлась статья Л. Овэса «Трагедия художника» о Борисе Эрбштей-

не. Есть в ней фраза: «Театр в Борисоглебске состоял в основном из ссыльных». Что, если после появления в Народном доме труппы Трапезникова помнить о подобных предшественниках в городе сочли неуместным? Впрочем, фактов, подтверждающих эту версию, пока найти не удалось.

Для местной сцены приезд ленинградцев был, конечно, подарком. Борис Эрбштейн, опытный театральный художник, еще в 1921 году создал эскизы костюмов для учеников и учениц балетной школы, впоследствии артистов «Молодого балета», руководимого Георгием Баланчивадзе — будущим Джорджем Баланчиным. Позже Эрбштейн работал для балетной школы как художник-декоратор, участвовал в создании спектаклей Академического театра драмы, театра музыкальной комедии, Малого оперного театра. Оформлял, среди прочего, балет «Красный мак» на музыку Глиэра с молодой Галиной Улановой в главной роли — а заодно посодействовал, чтобы та позировала Гершову.

Об атмосфере ссылки можно судить по детали, которую приводит Л. Овэс: «В студенческой столовой, где питались ссыльные, у входа сидел величественный старик. Выдавая ложки, он ставил мелом крест на спине входящего; когда сдавали грязную ложку, он рукавом крест стирал. Очередь «крестonosцев», стоящих за миской пустого супа, приводила Эрбштейна в «телячий восторг».

«Заработков в этом городке не было почти никаких, жил на посылках из дома, — вспоминает Соломон Гершов. — Зато я пересмотрел все оперетты классического репертуара, ибо ввиду малочисленности публики несчастный театр оперетты (так! — В. Ч.) должен был каждые две недели создавать новый спектакль. Иначе они вылетели бы в трубу... И еще одна замечательная особенность театральной жизни города Борисоглебска. Сигнал к началу акта в театре давался светом: в зале трижды выключали и включали электричество. Это делалось с помощью рубильника, который почему-то управлял освещением всего города. И перед началом спектакля свет гасился и зажигался во всех домах Борисоглебска. Сидишь дома, вдруг гаснет свет — значит, начинается одно из действий спектакля».

Краевед Владимир Самошкин писал в 1997 году: «В архиве самого театра, к счастью, сохранились (и находятся в прекрасном состоянии) книги приказов по театру, начиная с 1933 года. Так вот, из этих книг ясно видно, что до сентября 1937 года театр, официально называвшийся тогда «Борисоглебский театр имени Н.Г. Чернышевского», не имел постоянной труппы артистов, а лишь время от времени предоставлял свою сцену для гастролей иногородних театров (музыкальных и драматических) и эстрадно-концертных коллективов — в основном из Поволжья и Украины. Известно, что последним из них был Харьковский украинский ансамбль, гастролировавший в нашем городе с 28 августа по 6 сентября 1937 года».

Летом 2012-го, правда, оказалось, что самые ранние из книг, которые довелось листать краеведу, исчезли. Однако вскоре случилось чудо. К 75-летию театра был организован ремонт; в комнате, соседствовавшей с кабинетом умершего за год до того директора театра Владимира Мальшина, делали уборку — и наткнулись на коробку с какими-то бумагами. Лежали в ней и две пропавшие книги приказов.

Самая старая начата 15 января 1933 года. Из нее я узнал, к примеру, что осенью здесь работала Украинская труппа, детище проходившей в ЦЧО украинизации. В одной из папок местного архива сохранился потрепанный временем клочок районной «Колхозной правды» от 20 октября 1933-го с анонсом двух спектаклей. Название обещанного на 20 октября не разобрать: бумага повреждена. Авторы пьесы — Старицкий и Черняхивский; уцелевшие обрывки букв позволяют предположить, что в тот день шел «Кармелюк», инсценировка романа украинского классика Михаила Старицкого о предводителе крестьянского восстания XIX века. 21-го борисоглебцы сматрели «Назара Стодоло» Тараса Шевченко. Украинскому составу предстояло в те дни создать культбригаду по обслуживанию грядущих октябрьских торжеств.

Найденные в ГАОПИ ВО документы 1934 года рассказывают, что руководство театра должно было обеспечить в конце года количество постоянных мест не менее чем 250 ударникам. В декабре обком Рабис (профсоюза работников искусств) объявил декадник ликвидации задолженности по профвзносам — не избежали задолженностей и в Борисоглебске. «Наряду с этим была вскрыта плохая работа коллективов по соцсоревнованию, ударничеству, мобилизации средств, обслуживанию рабочих и колхозников (Елец, Моршанск, Тамбов, Борисоглебск, Молодой театр, радиокомитет)». Для обследования и оказания помощи в организации профработы обком Рабис направил по одному человеку из своего актива в Моршанск и Борисоглебск... Общие театральные тенденции можно понять по строкам, в которых Борисоглебск не упомянут вовсе:

«За последние два года значительно улучшился репертуар театров и значительно улучшилось художественное качество исполнения. Правда, это в большей мере относится к театрам, объединяемым ТЕО, обеспеченным повседневым руководством со стороны ТЕО. Но и театры, принадлежащие другим организациям, значительно выросли и уже не дают чуждого пролетарской идеологии материала, который шел в сезонах 29/30 («Сестры Жерар», «Потонувший колокол», «Парижские нищие» и др).

Рост художественного качества постановок в театрах непрерывно связан с политическим ростом и общественной активизацией работников театров. Среди работников театра — ударников:

В 1931 г. — 225, в 32 г. — 340, в 33 г. — 320».

Директор местного историко-художественного музея Юрий Апальков показал мне два номера газеты Борисоглебского райкома ВКП(б), РИКа и Райпрофсовета «Колхозная правда» второй половины 1935 года — того самого, в начале которого город едва не переименовали по ходатайству районного съезда Советов в Каманин. На последней странице номера от 17 ноября, по соседству с сообщением о пропаже охотничьей собаки «породы Ловечатка» размещен анонс: в 9 часов вечера в гортатре имени Чернышевского обещаны танцы, а на следующий день — спектакли «Лес» и «Коварство и любовь». На этой же газетной полосе сообщается: «Для вовлечения в театр широких масс рабочего зрителя администрация театра им. Чернышевского выпускает дополнительно 100 постоянных мест по более удешевленным ценам. Места будут распределены по производственным предприятиям города».

О начале зимнего сезона «Колхозная правда» сообщила 5 ноября. Открылся он 2-го пьесой Н. Погодина «Мой друг». Автор корреспонденции Д. Камбаров сообщает, что в 1935 году театр был переоборудован и стал более удобен для зрителей. «На первых местах установлены кресла. Улучшено отопление театра, увеличена раздевальня на один гардероб, в котором установлено три вешалки. Неплохо оборудован театр изнутри. Стены хорошо побелены, а панель покрыта масляной краской. Балконы заново переоборудованы». Также в здании открылась читальня. Первые места в зале достались ударникам и были даже отмечены специальной надписью; эти билеты приобрели предприятия. «Только союз просвещенцев и райОНО отказались от билетов. В местком просвещенцев заявили:

— Билетов нам не надо. наших людей просвещать нечего. Они и так культурные».

Ниже помещены размышления... художественного руководителя театра Павла Трапезникова. В официальную хронологию данная публикация никак не укладывается: считается, что он вступил в эту должность лишь через два года.

«Перед нами была поставлена задача создать театр для совхозно-колхозного зрителя, ни по репертуарной тематике, ни по форме не отличающийся от городского театра.

Полуторогодичное существование театра (выделено мной — В. Ч.) показало, что задача эта выполнена. Наши переходы с колхозно-совхозной площадки на городскую, и наоборот, для нас совершенно безболезненны. Наша продукция является доходчивой и в той, и в другой обстановке».

Приведу заодно и фразу из директорского приказа № 128 по театру от 14 ноября 1944 года, поводом для которого стало празднование 55-летия Павла Николаевича (особенности стиля сохраняю): «Организатором нашего театра, его бессменным художественным руководителем и ведущим актером вот уже в течение 10 лет является Заслуженным артистом РСФСР П.Н. Трапезниковым».

Допустим, что отсчет Трапезников (и даже его коллеги годы спустя!) вел с момента начала работы труппы в Воробьевке. История театра, созданного им в 1934 году при зерносовхозе «Воробьевский», оказалась короткой. Уже осенью 1935-го в специально построенном здании вместо спектаклей показывали кино. Предположим, Трапезников искал новое место работы и на какое-то время задержался в Борисоглебске, один либо с труппой. Но это не объясняет, почему в дальнейшем он сам называл датой начала работы здесь 1937 год (например, в анкете, которую заполнял в декабре 1944-го, вступая в партию), а о своем первом появлении в стенах местного театра вообще не упоминал.

Несколько деталей из книги приказов за 1935 год. Перед началом того сезона в театре сменилась власть. В августе директором стал И.О. Ильинский, новым администратором — А.Я. Зарапин. Фамилия последнего встречалась мне прежде — в конце 1934 года он вместе с Борисом Тамаровым и Павлом Трапезниковым создавал Первый совхозный театр в Воробьевке. В Борисоглебске, правда, Зарапин проработал недолго: уже через несколько дней после открытия сезона, 9 ноября он был освобожден от занимаемой должности по собственному желанию. Имя Трапезникова в приказах за 1935 год мне не встретилось.

Все ближе год, с которого официально ведет отсчет своего существования театр. Сведения об этом периоде среди хранящихся в муниципальном архиве Борисоглебска материалов городского Совета народных депутатов все-таки более конкретны. 17 января 1936 года его президиум решал вопрос об оплате театру расходов в связи с организацией концерта в дни пленума горсовета. 14 апреля на заседании обсуждалась воспитательная работа в городских школах. Илье Ильинскому было поручено «организовать показ спектаклей для детей по доступным ценам, развернув вокруг спектакля культурно-воспитательные работы» (директору же кинотеатра «Модерн» Чарскому — обеспечить показ фильмов, разрешенных для просмотра детям). 20 апреля Ильинский выступает с докладом о работе театра. В разговоре участвует уполномоченный Воронежского управления театрально-зрелищных мероприятий Жигачев. По итогам выступления президиум горсовета обязал директора к 15 мая «принять самые энергичные меры к тому, чтобы добиться продажи постоянных мест в театре среди предприятий и профорганизаций на летний сезон 1936 г. не менее 50%», произвести побелку наружного фасада зимнего театра и форсировать ремонт летнего. Заодно Ильинский оказался ответственным за организацию работ по посадке в городском бульваре зеленых насаждений, устройство нескольких клумб «с разнообразными цветами» и окраску штaketника в зеленый цвет. В репертуар летнего сезона было рекомендовано включить несколько детских дневных спектаклей. На том же заседании директору и бухгалтеру объявили выговор за систематическое расходование местного налога со зрелищ на нужды театра. Ильинского предупредили: «в случае повторного нарушения сметно-бюджетной дисциплины к нему будут применены строгие меры воздействия».

Вопрос «О дебиторской задолженности за свет театра имени Чернышевского и Осовиахима» обсуждался на заседании президиума горсовета 20 декабря. На него пришел уже другой директор — по фамилии Кумеркин. Числящуюся по городскому Ком-

Актер Василий Говоров.
*Один из редких сохранившихся
снимков тех лет*

мунтресту годовую задолженность за свет и воду решено «списать как безнадежную за счет прибылей Треста за 1936 г.».

9 августа 1937-го снова поднимается тема ремонта. Афиши Харьковского украинского ансамбля, о гастролях которого упоминает Самошкин, должно быть, висят на улицах. Первый концерт харьковчан уже состоялся, когда 29 августа на заседании в горсовете имя директора театра Кумеркина возникает в контексте, крайне далеко от искусства. Семнадцатый параграф повестки дня звучит так: «О рассмотрении заявления директора театра имени «Чернышевского» Кумеркина о сложении с него штрафа в сумме 25 рублей, который наложен комиссией по наложению административных взысканий при Р.К. милиции от 17/VIII-37 года». Из протокола выясняется, что «комиссия, наложившая штраф на гр-на Кумеркина в сумме 25 р. за загрязнение уборной, в своем постановлении от 17/VIII-37 г. за № 38-10 не указало, на каком основании наложен штраф, т.е. какое обязательное постановление Горсовета нарушено и от какого числа, чем грубо нарушена инструкция НКЮ от 16 мая 1931 г.». Постановление о штрафе решено отменить — однако это последнее упоминание Кумеркина в документах горсовета. 9 октября на заседание президиума пришел месяцем ранее назначенный директором Александр Юрьин-Попов.

По версии Владимира Самошкина (увы, не знавшего о печатном выступлении Павла Трапезникова в 1935 году, а потому никак не объяснившего этот факт), незадолго до того в недрах Управления по делам искусств при Воронежском облисполкоме родилось решение о переводе в Борисоглебск колхозно-совхозного театра из Сосновки: то была трапезниковская труппа, прежде работавшая при зерносовхозе «Воробьевский». Это косвенно подтверждает анкета 1944 года, в которой Трапезников написал, что с 1934 по 1937-й работал в Воробьевке, Сосновке и Моршанске.

Решение о переезде в город целой труппы Самошкин называет неожиданным, но «только для непосвященных». «Дело в том, что 27 сентября 1937 года должно было произойти (и произошло) очередное изменение административных границ областей, по которому Сосновка отходила к Рязанской области. Поэтому естественно, что воронежские власти не захотели расстаться со своим едва встающим на ноги детищем — колхозно-совхозным театром, родившимся в апреле 1934 года на исконно воронежской земле».

Согласно книге приказов, тридцать прибывших в Борисоглебск «работников художественно-творческого труда» были зачислены в штат театра имени Н.Г. Чернышевского 20 сентября. Г.А. Брудинская, В.В. Говоров, К.К. Калужский, А.Н. Реманев — этим людям еще предстоит сыграть свою роль в истории местной сцены.

Вернемся к упомянутому выше протоколу заседания членов президиума Борисоглебского горсовета от 9 октября. Вопросы решались в тот день весьма для жителей важные: о ходе ремонта колодцев по городу, о его осенней очистке — в 1937-м город находился «в неудовлетворительном состоянии с точки зрения санитарии и гигиены». Близились двадцатилетие Октябрьской революции, и в числе насущнейших вопросов — ход строительства памятника Ленину. Наконец, разговор зашел о финансовом положении театра. Юрьин принял дела недавно, однако уже обвинен в

бездеятельности, из-за которой финансовое положение театра «находится в крайне напряженном состоянии». Ему предстоит «немедленно приступить к сбору средств за проданные постоянные билеты на 140 мест с предприятий и учреждений города и принять энергичные меры к максимальному распространению их, так как это мероприятие осуществляется слабо». На что же продавались билеты?

Двадцать дней спустя президиум горсовета заслушивает информацию о ремонте театра. Худрук заявил, что работы будут завершены к 5 ноября. Значит, все-таки сезон открылся не в сентябре, а 7 ноября? Судя по книге приказов, пока шел ремонт, труппа работала на других площадках города. 29 октября в ДКА была показана «Свадьба Кречинского». Об этом известно потому, что актер, игравший Расплюева, заболел, и его заменил артист Говоров. Тот «отнесся к возложенной на него задаче с огромным вниманием, проявил максимум напряжения, как в смысле овладения текстом, так и в зарисовке образа, и несмотря на короткий срок и минимум репетиций выполнил ее с честью».

Так или иначе, первыми спектаклями, показанными на сцене бывшего Народного дома 7 и 8 ноября, стали «Год девятнадцатый» и «Гибель эскадры». Последний из названных, кстати, был не совсем премьерой: постановка с таким названием еще в конце 1934-го входила в репертуар трапезниковского театра. (Впрочем, по другим данным, показывали все-таки не «Гибель эскадры», а горьковских «Мещан»).

«Премьера прошла на «ура», — сообщает Владимир Самошкин. — Правда, ее несколько омрачило одно маленькое происшествие. Один из актеров (приехавший из Москвы А.А. Снегирев), игравший роль буденновца, оказался сильно «под градусом» и так вошел в свою роль, что стал с обнаженной шашкой (настоящей) гоняться по сцене за двумя своими коллегами-недоброжелателями, выражаясь при этом нецензурными словами, которых, естественно, не было в тексте его роли.

Вышел конфуз. Руководство театра заметалось, и вскоре с помощью подоспевших театральных пожарников «буденновец» Снегирев был за кулисами обезоружен и связан. Однако ничего не подозревавшая публика пришла в восторг от увиденного и подбадривала Снегирева громкими выкриками из зала: «Правильно! Руби их, белых гадов!»

Многие ли театры так эффектно начинали?

По итогам праздничного представления разгневанный директор подписал приказ о снятии Снегирева с работы — дальнейший текст дописан мелким почерком, видимо, чуть позже: «но принимая во внимание сердечное раскаяние и заверение т. Снегирева о недопущении впредь подобных явлений, на работе оставить условно, обьявив ему строгий выговор с предупреждением».

Прощать своих актеров руководство будет часто.

Виктория Куничкина

БАЛАШОВСКИЕ ГОДЫ

(Борисоглебский край в 1954-1957 гг.)

В истории Борисоглебска был период, когда наш город (вместе с районом) входил в состав Балашовской области (январь 1954 г. — ноябрь 1957 г.). К сожалению, в борисоглебской краеведческой литературе этому историческому факту внимания уделено мало. В этом плане большой интерес представляет статья Л.П. Ивановой «Балашов — областной центр».

Балашовская область была образована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1954 года за счет разукрупнения Саратовской, Воронежской, Сталинградской и Тамбовской областей. Площадь вновь созданной области составляла 38 418 квадратных километров. Балашов находился в ее центре, и до самого отдаленного района было не более 150 километров. Создание новой области считалось оптимальным, так как вошедшие в ее состав районы имели плодородные, черноземные почвы. К таким районам относился и Борисоглебский.

На день образования Балашовской области на ее территории было пять городов, в том числе три города областного подчинения — Балашов, Борисоглебск, Ртищево; два города районного подчинения — Новохоперск и Урюпинск; 38 районных, четыре поселковых и 364 сельских Советов депутатов трудящихся. Численность населения составляла немногим более 900 тысяч человек, его большая часть проживала в сельской местности.

29 января 1954 года вышло постановление Совета Министерства СССР «О мероприятиях по организации Балашовской области», а 23 марта того же года было принято постановление Совета Министров РСФСР № 320 «О мероприятиях по дальнейшему хозяйственному, культурно-бытовому и жилищному строительству в Балашовской области». Эти постановления и их реализация сыграли большую роль в становлении и развитии новой области.

С 17 января 1954 года, с № 12 (4896) «Борисоглебская правда» стала газетой Борисоглебского горкома КПСС и горсовета депутатов трудящихся Балашовской области, почти сразу же были введены специальные рубрики «По нашей области» и «Сегодня в Балашове». Так, в № 40 от 26 февраля 1954 года в рубрике «По нашей области» была опубликована различная информация из Балашова, Новохоперска, Поворино, Урюпинска, Н. Карачана, Добринки (Урюпинский район), Алешков, Вязовки.

Уже 19-20 февраля в Балашове состоялись первые областные лыжные соревнования Добровольного спортивного общества (ДСО) «Искра». На эти соревнования выезжала команда Борисоглебского педучилища, которая заняла второе место. Хорошие результаты в гонке на 10 километров показали студентки педучили-

ща Р. Дунаева и А. Леонова. С этого момента начали регулярно проводиться областные соревнования по различным видам спорта.

10 марта 1954 года в зале библиотеки Борисоглебского горкома партии проходила первая областная конференция профсоюзов работников сельского хозяйства и заготовок, а неделю спустя в нашем городе проходил пятый пленум Борисоглебского горкома КПСС. В мае 1954 года состоялась первая сессия Балашовского областного Совета депутатов трудящихся, утвердившая бюджет области на 1954 год. Она также утвердила состав постоянных комиссий, структуру облисполкома, областного суда. В 1954 году в стране состоялись выборы в Верховный Совет СССР. В Балашовской области было четыре избирательных округа, № 114 — в г. Борисоглебске.

Балашовская область с самого начала ее создания успешно развивалась. Машиностроительная и металлообрабатывающая промышленность была представлена Борисоглебским вагоноремонтным и чугунолитейным, Грибановским машиностроительным и Урюпинским механическим (ныне крановым) заводами. Однако в области преобладали предприятия по переработке сельхозсырья: 10 мельзаводов, 2 крупозавода, 4 мясокомбината, 9 птицекомбинатов, 2 мясоконсервных завода, 4 маслозавода. Разумеется, среди перечисленных были и борисоглебские предприятия. Объем валовой продукции перерабатывающей отрасли составил в 1954 году 80 % от общего объема продукции крупной промышленности.

Однако в развитии области, в том числе и Борисоглебского района, были серьезные трудности, например, в обеспечении техникой и электроэнергией. Только в 1957 году было принято решение о снабжении нашего края электроэнергией от Сталинградской ГЭС. Поэтому перед колхозами области была поставлена задача развивать работы по электрификации на небольших тепловых электростанциях с таким расчетом, чтобы к началу подключения области к Сталинградской ГЭС большинство колхозов, совхозов и МТС имели свою электросеть. Реализация этих мер позволила электрифицировать 78 МТС, 81 колхоз и 55 совхозов (их количество к 1957 году увеличилось).

Несмотря на трудности, Балашовская область всего лишь через три года своего существования имела замечательные показатели, в первую очередь в сельхозпроизводстве. Так, в 1957 году по производству сельхозпродукции на душу населения Балашовская область заняла четвертое место по РСФСР.

С января по май 1956 года в области проходил фестиваль сельскохозяйственных фильмов, способствовавший обмену опытом сельских тружеников. Еще раньше была организована первая в истории области сельскохозяйственная выставка (в г. Балашове). 15 июня 1957 года открылся областной фестиваль молодежи, проходивший под лозунгом «За мир и славный труд». После парада и на следующий день во всех концах Балашова и за Хопром состоялись конкурсы участников художественной самодеятельности, спортивные состязания, игры, массовые гуляния. Активное участие в этих мероприятиях принимали и борисоглебцы.

Однако недолго просуществовала Балашовская область (около четырех лет). 19 ноября 1957 года она была упразднена Указом Президиума Верховного Совета РСФСР. Как указывает балашовский краевед Л.П. Иванова, официального документа, объясняющего причины появления этого Указа, пока получить не удалось. По мнению балашовских старожилов (бывшие руководители), Сталинградская и Саратовская области при формировании Балашовской области потеряли самые урожайные крепкие районы, за счет которых они жили. Первые секретари обкомов этих областей, по видимому, сумели доказать «несостоятельность» Балашовской области.

Л.П. Иванова отмечает, что после ликвидации области в Балашове сложилась сложная ситуация. Свыше 10 тысяч человек остались без работы. Ситуация в Борисоглебске не была столь болезненной. И он снова вошел в состав Воронежской области.

Михаил Вязовой

СВЕТОПИСЬ БОРИСОГЛЕБСКА

Борисоглебск на фотографической карте региона проявился еще в XIX веке. Вначале здесь работали заезжие фотографы из соседних крупных городов, а в последней трети века появились и свои мастера. Сведений о них сохранилось до обидного мало. Борисоглебцы вспоминают фотографа-ветерана войны Владимира Степановича Тучина. В художественно-краеведческом музее города хранится снимок, на котором запечатлены три фронтовика: Н.С. Тучин, дважды герой Советского Союза А.Н. Прохоров и Герой Советского Союза А.Д. Осадчиев.

Отец Тучина-фронтовика, профессиональный фотограф Степан Федорович Тучин (1885—1972), имел в Борисоглебске три павильона. В двадцатые и тридцатые годы XX века первая студия располагалась в центре города на месте нынешней городской администрации (в 1950-е годы Тучина сменил на этом посту фотограф Алгебраистов), вторая фотостудия была на втором этаже нынешнего здания Воронежского архитектурно-строительного университета. Третья фотография располагалась на улице К. Маркса, дом № 90 (теперь здесь Сбербанк). Степан Федорович — участник Первой мировой войны. Его дочь Таисия Михайловна Тучина рассказывает интересный эпизод, о котором она слышала от мамы. Под новый 1917 год мать Анна Александра написала царю письмо с просьбой отозвать из армии на время венчания своего суженого — Степана Тучина. В январе солдат Тучин получил месячный отпуск и через несколько дней был уже в Борисоглебске. Через месяц — революция, и возвращаться в армию ему не пришлось. Прошел век. Но и сегодня в Интернете вы можете увидеть фотографию Степана Тучина — «Мальчик на велосипеде». Тучин-старший снимал все важнейшие события: визиты М.И. Калинина, генерала Каманина и других видных деятелей страны. Степан Федорович был мастером не только фотографических дел. В его руках спорилась любая работа, будь то плотницкое дело или устройство сада. До сих пор в саду его наследников и правнуков остались каменные части бывшего фонтана. А большой по тем временам деревянный дом на высоком цоколе, построенный его руками, цел до сих пор.

На первой гимназии города есть мемориальная доска, посвященная сыну Степана Федоровича — Владимиру Степановичу. Муж Таисии Михайловны В.С. Тучин (1918—2011) — полковник запаса, почетный гражданин Борисоглебска, автор герба и флага города — перед самой войной окончил Плехановский институт в Москве. Перед войной при пятой школе Степан Федорович вел фотокружок, который посещал и будущий Герой войны А. Осадчиев и будущий маршал Неделин. Многие фотографии старого мастера бережно хранятся в муниципальном музее и музее авиа-

Манифестация 1921 года.
Снимок из фондов историко-краеведческого
музея. Автор неизвестен

Фотография из фондов музея.
1920-е годы. Автор неизвестен

ционного училища. Сын В.С. Тучина — Николай Владимирович, ныне работает учителем физкультуры в той же пятой школе.

Ветераны называют имена послевоенных фотографов — отца и сына Ненашевых — Юрия и Серафима. Вспоминают, к сожалению, только фамилии мастеров светописи, которые остались на слуху: Соловьев, Губарев, Соколов. В местном музее хранятся студийные фотографии Ивана Нежелского. Фотограф В. Меньшиков работал в городе в начале XX века. Его фотостудия «Модерн» на Гавриловской улице, дом 84, пользовалась большой популярностью. Фотограф Андрианов вошел в историю тем, что в Борисоглебске снимал события февральской революции 1917 года! Чтобы сделать это событие достоянием всех, он изготовил фотографический стенд и выставил его для всеобщего обозрения — вначале на главной площади, а затем в публичной библиотеке. Фотограф вел здоровый образ жизни и только немного не дожил до ста лет. Андрианова хорошо помнит нынешний директор Борисоглебского историко-краеведческого музея Юрий Апальков.

В далекие 20-е годы большую популярность в Борисоглебске имели «Окна РОСТА». Фотографии для них делали местные мастера: Нежелский, Андрианов, Губарев, Тучин и другие. Между фотографами тогда была довольно жесткая конкуренция: секреты своего мастерства они держали под замком, да и во внешних отношениях друг с другом были более чем сдержанными. Степан Тучин был как бы преемником Ивана Нежелского, так как женился на дочери последнего и стал профессиональным фотографом. Гвардии капитана Александра Митрофановича Дмитриева после войны направили было на учебу в академию, а он через полгода сбежал из столицы на малую родину, затем окончил тамбовский пединститут и работал учителем в Борисоглебской школе №11. Параллельно он с большим увлечением занимался сочинительством и фотографией. Заметки, очерки и фотозарисовки Александра Дмитриева охотно публиковала газета «Борисоглебский листок». Современникам запомнились его публикации, посвященные пребыванию в городе Алексея Пешкова (Максима Горького). В музее экспонируется фотография его встречи со школьниками, на которой изображены девочки в нарядных белых фартуках.

Еще одно имя — Петр Васильевич Алгебраистов. Работал фотографом в краеведческом музее, а его отец был священником. В 1930-е годы — репрессирован, как водится, с последующей реабилитацией.

Групповая фотография в фотопавильоне.
1920-е годы. Автор неизвестен

Сценка из жизни колхозников.
1930-е годы. Снимок из музея.
Автор неизвестен

Фотолюбитель и школьный учитель Мария Федоровна Полянская в городском музее представлена фотографией открытия памятника дважды Герою Советского Союза Прохорову. Памятник был изготовлен на Мытищинском заводе художественного литья и открыт на родине героя в 1949 году. Мария Федоровна была женщиной смелой и даже отчаянной. Занималась спортом и первой в округе летала в открытой кабине фанерного самолета У-2. Одним из фотомастеров, снискавшим себе известность и в журналистике, был Георгий Ильич Фомин.

Государственные фотографии появились в начале 1930-х годов. До этого при НЭПе процветали лишь частные фотостудии. Борисоглебская госфотография входила в систему бытового обслуживания населения, поэтому и фотографов, работавших в этой системе, называли бытовиками. Кроме четырех стационарных фотографий в районе было и несколько передвижных студий.

Хотя детство мое прошло в другом регионе, но я отчетливо помню, как на запряженной лошадкой телеге, груженной таинственными причиндалами, на базарную площадь степенно въезжал фотограф в черном цилиндре и громовым голосом объявлял: «Снимаю и увеличиваю

портреты!» В арсенале фотопередвижника, кроме громоздкой деревянной фотокамеры и штатива, было черное покрывало, магниевая вспышка и рисованный фон, причем, с одной стороны он был светло-серым, а с другой — сюжетным. Обычно рисовали незамысловатый пейзаж с фигурой человека и отверстием вместо лица. Клиент вставлял в него лицо и ждал, когда сработает затвор фотоаппарата. Хотя, затворы тогда были редкостью, и часто вместо него фотограф ловко снимал с объектива крышку и, описав небольшой круг, быстро возвращал ее на место.

Некоторые подробности фотографической жизни города мы узнаем спустя почти столетие. В Борисоглебском государственном архиве мне не сразу принесли две толстые папки с желто-коричневой бумагой. Перевязанные самодельной конопляной веревкой и покрытые слоем исторической пыли, они не производили впечатление документов, которыми часто пользовались. Заметив мое недоумение, сотрудница архива сообщила, что за 25 лет работы она сама берет эти папки впервые. Не без трепета листаю страницы книги приказов Борисоглебской госфотографии, фонд 129, дело 1. Начата 6 марта 1941 года, окончена 22 июня 1951 года.

Из документов видно, что уже на четвертый день войны 25 июня 1941 года на госстудиях ввели режим светомаскировки, противопожарной и противовоздушной

обороны. Всем сотрудникам под личную роспись вменялось не курить в помещениях, не зажигать свет и свечи, иметь запас воды в ведрах и кадках. Через месяц в связи с призывом фотографов на фронт некоторые студии пришлось временно закрыть. В сохранившихся — место мужчин заняли женщины. Вечерами заняли лаборанты, ретушеры, приемщики заказов и даже ученики стали за камеры. Страницы архивного дела скрупулезно отмечают движение расходного материала и изменение кадрового состава госфотографий: фотографы А.Н. Суязова, А.С. Внушинская, А.П. Лосева, ретушер Зинаида Кавешникова. Десять послевоенных лет директором Борисоглебской госфотографии была Нина Григорьевна Соловьева. Кроме собственно фотографов здесь работали бухгалтеры, ретушеры, заведующие складом, дворники, кучер и истошники. Все нехитрое имущество было на материальной ответственности бригадира и заведующей: деревянные дорожные фотокамеры, тяжелые деревянные штативы, объективы, софиты, прожектор для эффектного контрового освещения, увеличитель, мультипликатор, обязательно черное покрывало, и не одно, ванна для проявления и несколько дубовых рам для фона.

В семейных альбомах борисоглебцев еще хранятся пожелтевшие, или специально тонированные в сепию фотокарточки на твердом картонном паспарту с непременным оттиском — фотографическим бланком, визитной карточкой фотомастеров: Павла Попова, Аркадия Пономарева, Василия Алгебраистова и других скромных тружеников светописи. В музее Борисоглебского драматического театра имени Н. Г. Чернышевского хранятся газетные вырезки с фотоснимками спектаклей, выполненными А. Жаботинским, Р. Ромуальдовым и другими.

Борисоглебцы считают своим земляком и ветерана войны, филолога, старшего преподавателя кафедры русской и зарубежной литературы Борисоглебского педагогического института, а по совместительству внештатного фотокорреспондента журнала «Огонек» 50-60 годов прошлого века Валерия Аристарховича Афанасьева. Его рассказы, очерки и фотографии публиковались в центральной и местной печати. Афанасьев был одним из исследователей творчества Борисоглебского писателя Виктора Кина.

Портрет фотографа
Ивана Нежелского

Дом борисоглебского фотографа
Ивана Нежелского

Открытие памятника дважды герою Советского Союза А.Н. Прохорову. 1953 год. Фотограф Мария Полянская

В 1970-е годы в зале музея была развернута персональная выставка ведущего воронежского фотожурналиста Анатолия Федоровича Галкина. Фотомастер сам был на открытии экспозиции и провел, как бы сейчас сказали, мастер-класс для любителей светописы, которых собралось в этот день полон зал. Всего была представлена 71 работа большого формата. Рецензент статьи о выставке врач В. Разумов (Борисоглебская городская газета «Строитель коммунизма № 486) выделяет снимок, изображающий строительство Нововоронежской атомной электростанции «Для мирного атома». Кстати, по нашим сведениям, эта работа экспонировалась и на Всесоюзной выставке фотоискусства в Москве. Еще одна работа А. Галкина на производственную тему «Во имя жизни» также была представлена на Международной выставке в Югославии. Рецензент похвалил и фотоэтюды, и жанровые портреты, сделанные мастером «с большим вкусом». В преддверии областной выставки «Край воронежский» эта экспозиция, несомненно, дала местным фотографам дополнительный импульс для творчества.

Самым маститым фотожурналистом Борисоглебска последних лет был Иван Поздняков. Иван Иванович родился 6 мая 1939 года. В Борисоглебске он с 1962 года. С того же времени до 2000 года работал штатным фотокорреспондентом городской газеты «Строитель коммунизма». Поздняков так умело организовал работу фотослужбы редакции, что его умению вести архив, грамотно и интересно сделать подпись-комментарий к снимку учились коллеги из других редакций. Организованность, самодисциплина и желание делать свою работу как можно лучше не остались незамеченными: Иван Поздняков стал отличником советской печати и Заслуженным работником культуры России. Ныне на посту заведующего отделом иллюстрации газеты трудится ученик Позднякова — Станислав Гладыш. Фотохудожник Борисоглебского драматического театра имени Н.Г. Чернышевского Станислав Павлович — автор замечательного фотоальбома о городе.

В начале 1970-х, когда роль изображения в прессе заметно возросла, Поздняков создал при редакции любительский фотоклуб «СК». Многие годы этот клуб не только снабжал редакцию фотопубликациями и устраивал выставки, но и был единственным фотообъединением в округе. 27 января 1973 года на заседании фотоклуба была организована встреча с фотографом и журналистом Иваном Васильевичем Кавериным. В клубе ярко проявили себя коллеги Позднякова: Виталий

В этом втором по величине городе области жил фотограф-коллекционер Виталий Сухов, который затем передал все свои экспонаты в местный музей. Сегодня архивы Афанасьева и Сухова не только бережно хранятся в фондах Борисоглебского историко-художественного музея, но благодаря непосредственному участию директора музея Юрия Апалькова, составили основу большой целостной фотоэкспозиции. История светописы продолжается: уже в наше время ученица Сухова Н. Миронкина на первом международном фотоконкурсе «Зоркий-Дружба-50» за фоторепортаж «Мы этой памяти верны» получила «Большую медаль».

Сухов, Александр Шабалин, Петр Моисеенко, Тимофей Чернюк. Каждый из них мог заменить учителя, когда тот был в отпуске. Из рецензии на третью выставку фотоклуба «СК», опубликованную в городской газете 7 февраля 1973 года, узнаем, что экспозиция была развернута в фойе кинотеатра «Победа», а книга отзывов была полна «дежурными, но искренними впечатлениями и пожеланиями зрителей». Как всегда, наиболее полно в экспозиции представлена тема природы. В этом жанре рецензент отмечает пейзажи «Вечер на Хопре» Н. Сулина, «Иней» Жданкина, «Березовую рощу» Петра Моисеенко и перечисляет три работы рыцаря светописы Александра Шабалина. В выставке участвовали и работы старейшин фотографического цеха Валерия Афанасьева и Александра Щепкина. Вторая благодатная тема для фотомастеров — дети, также была представлена в экспозиции. Не обошлось и без идеологически необходимой темы — человека труда. Здесь рецензент как несомненную удачу называет работу сотрудника редакции И. Фомина «Перекур» и производственные портреты В. Шишкина. После закрытия выставки в Борисоглебске, около двадцати ее лучших работ экспонировались на областной выставке документальной и художественной фотографии в Воронежской областной организации Союза журналистов России.

Еще одна, пока неизученная страница борисоглебской светописы ждет своего исследователя. Известно, что в 30-50-е годы прошлого века в Воронеже при Областном управлении культуры был фотоотдел с правом издательской деятельности. В Борисоглебске в 1937-1963 годах подобной деятельностью занималась Артель имени Парижской коммуны. За два года работы артель издала несколько почтовых карточек и новогодних фотооткрыток большим тиражом — 10 тысяч экземпляров. Ответственным за выпуск был П.П. Соколов.

Не так давно, всего каких-то семь лет назад, в Борисоглебске появился приемник фотоклуба «СК» — клуб фотохудожников «Отражение». Так назвали себя фотографы Константин Маков и Андрей Кочкин с единомышленниками: Алексеем Юриным, Денисом Лапиным и Татьяной Петровой. Молодые клубники весной минувшего года организовали в картинной галерее имени Петра Шолохова выставку фотопейзажа, а в первые дни нового 2014 года в Центральном дворце культуры Борисоглебска была развернута выставка черно-белой фотографии «МОНОХРОМ».

В апреле 2014 года в картинной галерее имени Петра Шолохова открылась выставка художественной фотографии борисоглебца Александра Шабалина. Хотя фотожурналист издательского дома «Здоровье» А. Шабалин живет в Москве, он связан с малой родиной творческими и дружескими связями.

Валентина Филатова

ДЕРЕВЯННОЕ УЗОРЧЬЕ

Деревянная надомная резьба Борисоглебска в значительной степени придает городу эстетическую и историческую уникальность, но, к сожалению, она стремительно уходит в прошлое. Купеческие и мещанские особняки в настоящее время дряхлеют, покрываются безликим сайдингом, бездумно реконструируются или безжалостно уничтожаются. То, что пощадили революция и войны, не щадит сегодняшнее лихолетье.

«Орнамент — это музыка. Ряды его линий в чудеснейших и весьма тонких распределениях похожи на мелодию какой-то одной вечной песни перед мирозданием. Его образы и фигуры — какое-то одно непрерывное богослужение живущих во всякий час и на всяком месте». Сергей Есенин удивительно тонко уловил и несколькими словами точно выразил все главные особенности орнамента.

Будь то заставка книги, вышивка на одежде или полотенце, узоры на коврах, кружево, ажурная вязаная шаль или платок, ажурная кованая решетка, роспись предметов быта и, наконец, резной карниз, фриз, фронтон или козырек — всему этому русскому узорочью в равной степени свойственны гармоничность, космологичность и связь с религиозными воззрениями творцов. Вряд ли задумывались резчики конца XIX —

начала XX веков, кружевницы, вышивальщицы и вязальщицы, бережно сохранившие вековые традиции мастеров нашего края, о семантике орнаментальных символов. Время возникновения знаков-узоров относится к глубочайшей старине.

Мировоззрение народа-творца и его религиозность на протяжении длительного времени существования народного искусства менялись, изменялось и орнаментальное искусство. Исконное значение того или иного символа выветривалось, забывалось или изменялось, орнамент все более и более приобретал свойство эстетической декоративности.

В. Стасов во второй половине XIX века отмечал: «...у народов древнего мира орнамент никогда не заключал ни единой праздной линии: каждая черточка тут имеет свое значение, является словом, фразой, выражением известных понятий, представлений. Ряды орнаментистики — это связная речь, последовательная мелодия, имеющая свою основную причину и не предназначенная для одних только глаз, а также и для ума и чувства».

В настоящее время историки, культурологи, искусствоведы и другие специалисты пытаются понять эту загадочную речь наших предков. Наиболее продуктивным для ее расшифровки представляется семиотический подход, рас-

смастривающий объект исследования как систему знаков и обладающий, с нашей точки зрения, большой объяснительной силой.

В различных народных текстах представлено понимание органического, неразрывного единства, связи всего земного (неорганического мира, человека, животных и растений) и небесного, космического. Сам орнамент в его ритмичных повторениях основных элементов, в сплетении различных знаков-образов в единое целое включает в себе указанную связь всего со всем. Деревянный борисоглебский дом с его резными подзорами, наличниками и лопатками сообщает нам, прежде всего, об этой связи. И такая всеобщая связь представляется народу сакральной. Неслучайно как волшебство рассматриваются в народной культуре прядение, вязание, плетение, ткачество, назначение которых — соединение, создание связи одного с другим. Ближайшим же символом соединения являются узел и крест.

Узел (и завязывание) как магический знак широко представлен в народных обрядах. Приведем примеры. Для избавления от сглаза традиция предписывает взять суровую нить в соответствии с размерами талии, завязать на ней сорок узелков, читая молитву «Отче наш», и носить ее под одеждой, не снимая во время купания, до тех пор, пока «она не изотрется». Бытует в нашем крае обряд завязывания женихом и невестой в первый день свадьбы разноцветных ленточек на деревьях (березе, калине) в знак соединения. Завязывание полотенец, платков пронизывает свадебный и похоронный обряды.

Узлы, жгуты, скрещивания и переплетения, универсальные орнаментальные мотивы — повторяющийся элемент деревянного узорочья Борисоглебска. Переплетения борисоглебской резьбы включают как растительные символы (побеги, листья, завитки, цветы), так и символы геометрические (спирали, круги, кресты). Сами контуры и переходы не отличаются резкостью, а более плавны и трудно различимы. Едва различимы

порой и символы: цветок это или звезда, ветка или крест, завиток растения или спираль, или то и другое одновременно, или что-то третье. Все эти переливы форм дополнительно обусловлены особенностями пропиленной резьбы, игрой ее внешних и внутренних контуров (дерева и выреза, «пробела» между ним), а в солнечный день — игрой света и тени. Но неизменной остается идея связи.

Кресты самых различных конфигураций находят свое место в деревянном декоре борисоглебских особняков: косоугольный крест, тау-крест, равносторонний флоре-крест и другие. Вообще крест — один из постоянных символов орнамента и обряда. Скорее всего, он является сквозным символом всех мировых культур.

Крест понимается в народной традиции как необходимая категория жизни вообще: «У каждого свой крест». Несение креста как исполнение Божьей воли (вслед за Христом) — залог благословения Божьего и светлой будущей жизни человека. Эта идея выражена в народных псалмах, записанных в 2000 году в селе Третьяки Борисоглебского района от М.А. Телеповой (1919 г.р., образованное начальное):

Не ропщи на суровую долю,
Крест тяжелый покорно неси.
Уповай же на Божию волю,
Лишь терпения, силы проси.
Бог послал тебе все испытанья,
Чтоб окрепнуть в тяжелой борьбе.
Эти муки и сердцу страданья
В этой жизни на пользу тебе.

В то же время крест — один из мощнейших способов защиты человека. Традиция предписывает осенять себя крестным знаменем в самых сложных жизненных ситуациях. Возникновение креста как символа относится, согласно данным археологии, к глубокой древности.

В повсеместно бытовавшем в Воронежском крае обряде изготовления на средокрестье (среда Средокрестной недели Великого поста) печенья в виде креста и последующего его использо-

ния отражена древнейшая символика креста как эмблемы богини земли. Печенье хранилось в зерне, предназначенном для высевания, во время весеннего сева оно крошилось и бросалось вместе с зерном в землю. Обряд можно рассматривать как жертву земле.

Крест (как и квадрат, и круг) имеет свою сложную знаково-мифологическую историю в культурах разных народов. В отличие от круга и квадрата, он не замыкает пространство, и, видимо, эта открытость предполагает опасность. Воронежская традиция предписывает избегать перекрестков, называемых в воронежских говорах крестами или средокрестьем (середина, центр креста), куда ведьмы и колдуны, по поверьям, выбрасывали все дурное и где издавна хоронили нечистых покойников. Часто обряд и орнамент объединяют крест, квадрат и круг. В обряде защиты от русалок чертят крест, становятся на него, а вокруг креста чертят круг. Русалка не может пересечь эту черту (записано в 2008 году в селе Октябрьское Поворинского района от Т.В. Афанасовой, 1932 г.р., образование 9 кл.).

Косой крест с точками на концах креста — часто встречающийся знак в борисоглебской надомной резьбе. По-видимому, он содержит идею ограничения пространства, потенциальный квадрат, усиливающий защитные свойства креста. К тому же точка содержит идею превращения ее в круг.

Точка, как показано в работах Б.А. Рыбакова, обозначает и капли дождя, и семя — то и другое связано с земледелием, с плодородием. В этом отношении концентрические круги символизируют не что иное, как «возрастные» точки в круг (вспомните разбегающиеся круги от брошенного камешка). Мотив этот, видимо, символизирует явление набухания, увеличения, разрастания.

В декоре борисоглебского орнаментального чугунного литья (в козырьках над парадным входом в доме) часто встречаются круг в квадрате, в кругу — крест, то есть наблюдается совмещение

Дом по улице К. Маркса.
Геометрические и растительные символы в орнаменте подзора, фриза и наличников

Косые кресты на наличниках, лопатках, фронтоне козырька; переплетения, скрещивания на подзорах карниза и фриза дома по улице Свободы

символов, объединение их, по словам В. Стасова, в одну фразу. Происходит превращение простого символа в сложный знак, определенным образом структурированный.

Орнамент Борисоглебска, следовательно, сохраняет символы глубочайшей древности, что подтверждается местным археологическим материалом.

Евгения Петрухина

«ПОДАРОК ДЛЯ ОЧЕЙ, ДУШИ И СЕРДЦА»

(Борисоглебская картинная галерея им. П.И. Шолохова)

Борисоглебск подарил России много имен художников, которые составили славу нашего Отечества, и кого борисоглебцы с гордостью называют своими земляками. Среди них — А.П. Рябушкин, Н.М. Чернышев, А.В. Куприн, П.И. Шолохов, А.П. Романов, А.А. Рудяков и многие другие.

Художественные традиции края имеют глубокие корни.

В конце XIX века в Борисоглебской мужской гимназии единственным авторитетом в делах творчества был учитель рисования Н.А. Евсеев. Друг И.И. Левитана, А.Е. Архипова, М.В. Нестерова по Московской школе живописи, возвратившись в родной город, он безраздельно властвовал над умами и воображением любителей искусства. Н.А. Евсеев смог рассмотреть необыкновенный талант И. Машкова, под его началом постигали основы рисунка А. Куприн и М. Родионов.

В 1915 году в Борисоглебске открылась художественная студия. Ее основатели — Д.П. Климентов, И.Н. Вовк и А.П. Ефимов — с радостью делились со своими воспитанниками знаниями, личным творческим опытом. Студийная учеба стала отправной точкой в

судьбе художников М. Илларионовой, П. Шолохова, А. Романова.

Целая эпоха в художественной жизни города связана с именем Л.С. Беднова. Профессиональный живописец, график, он многие годы работал школьным учителем, воспитал не одно поколение художников, сумел объединить творческие силы Борисоглебска, активно занимался просветительской деятельностью. В 1940 году Беднов организовал кружок рисования при Доме пионеров, вел изостудию в клубе железнодорожников. Умел просто, ясно и вдохновенно говорить об искусстве. Во всех своих начинаниях он стремился воспитывать у молодежи дух бескорыстия, уважения к таланту друг друга.

В 50-60-е годы XX века для многих творческих людей Борисоглебска мудрым учителем и другом стал художник-искусствовед, преподаватель педагогического института М.В. Ильинский. Скромный домик на Набережной, 56, словно магнит, притягивал всех, кто любил живопись, хотел послушать интереснейшего человека, получить от него совет. По инициативе Ильинского проводились городские художественные выставки. Всем, кому посчастливилось встречаться и общаться с этим че-

Л.В. Федоров. Дом купца Полякова.
*Ныне — здание Борисоглебской
картинной галереи им. П.И. Шолохова*

ловеком, отмечали его необыкновенный талант, скромность и доброту. Спокойный и невозмутимый в обычной жизни, он преображался, беседуя на предприятиях, в школах, об искусстве. Его темпераментные рассказы о художниках, картинах открывали мир возвышенной красоты для многих борисоглебцев.

Заветной многолетней мечтой Ильинского было открытие в городе картинной галереи. Об этом он часто беседовал со своим близким другом П.И. Шолоховым, который не терял живой связи с Борисоглебском, находился в курсе готовящихся выставок, сам принимал в них участие, знал многих художников лично. Каждый приезд известного живописца был настоящим праздником. Петр Иванович искренне восхищался воодушевлением и активностью в творческой работе борисоглебских художников, царившим в их среде духом товарищества; умел тактично и ненавязчиво дать совет одним, отметить успехи других.

П.И. Шолохова называли старейшим художником Москвы, но частица сердца мастера всегда принадлежала небольшому провинциальному городку Воронежской области. Через всю свою большую и сложную жизнь художник пронес любовь к Борисоглебску. В своих письмах он часто размышлял о том, что многие известные художники имеют борисоглебские корни. Его не покидала мысль о необходимости представить их творчество в родном городе.

В 1983 году живописец преподнес Борисоглебску щедрый дар — 70 своих работ. Именно с этого момента мечта о создании городской картинной галереи стала приобретать реальные очертания. Началась кропотливая работа по формированию художественной коллекции.

На этом этапе неоценимую помощь оказал В.М. Юрчик, ученик П.И. Шолохова. Беззаветно преданный учителю, желая воплотить в жизнь его идею, он проявил чудеса организаторского таланта: встречался с художниками, их родственниками, вел переговоры, искал новые имена, проводил всю предварительную работу по передаче работ городу.

5 ноября 1987 года отдел изобразительного искусства Борисоглебского краеведческого музея принял своих первых посетителей. Семь небольших, но уютных, хорошо освещенных выставочных заловместили 140 работ. Буквально с момента открытия отдел стал центром художественной жизни города. Обширная выставочная деятельность, общие интересы, духовная атмосфера на многие годы объединили художников-ветеранов (Ю.Н. Жданкин, С.С. Бирюков, В.Ф. Гусев, А.П. Вислобоков, В.С. Николаев, Н.И. Монаенков и др.) и молодых живописцев (А.С. Бирюков, Н.А. Турьев, С.С. Бирюков, С.Ю. Бокунов, В.А. Петрова и др.), всех почитателей изобразительного искусства.

В эти годы многие борисоглебцы и гости города впервые открыли для себя имя художника Стефана Михайловича Домусчи. Родился он в небольшом селе-

нии на одесской земле в семье крестьянина. После учебы в духовной семинарии, Московской духовной академии приехал в 1961 году в Борисоглебск служить священником. В настоящее время творчество заслуженного художника Российской Федерации С.М. Домусчи хорошо известно не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

Борисоглебская картинная галерея имени П.И. Шолохова любима и посещается жителями и гостями города. Их восторженные записи хранит Книга отзывов. «Посещение сегодняшней экс-

позиции — подарок для очей, души и сердца. Сочетание картин словно музыка, светлая, жизнеутверждающая, гармоничная. Свидетельство высокого духа земли Борисоглебской. Горжусь, что и мои истоки с этой земли», — пишет народный артист России Николай Бурляев.

«Спасибо Борисоглебску за таланты, за верность традициям, за сохранение нашей русской культуры», — это слова Лауреата Государственной премии, народного художника России И.П. Дикунова.

Галина Аксёнова

«ЯСНОВИДЕЦ И ПРАВДОЛЮБЕЦ МИНУВШИХ ЖИЗНЕЙ»

(Жизнь и творчество художника Андрея Рябушкина)

Андрей Петрович Рябушкин (1861—1904) был одним из тех художников, которые создали новое направление в русской живописи и своим творчеством повлияли на характер отечественного изобразительного искусства конца XIX — начала XX века. Настоящая сила Рябушкина заключилась в его исторических и бытовых картинах и «удивительно ясных и тихих» немногочисленных пейзажах. В свое время критик Сергей Маковский, оценивая значение творчества Рябушкина, совершенно справедливо отметил, что «большое дарование дает ему право на почетное место в семье современных русских мастеров».

Как художник А.П. Рябушкин оставил блистательное наследие — около 2000 работ: картин, акварелей, рисунков, этюдов и иллюстраций. Самым известным стал цикл его исторических полотен, среди которых самыми известными стали: «Сидение о делах царя Михаила Федоровича с боярами в его государевой комнате» (1892-1893), «Московская улица XVII века в праздничный день» (1895), «Семья купца в XVII веке» (1896), «Русские женщины XVII столетия в церкви» (1899), «Свадебный поезд в Москве» (1901), «Пожалован шубой с царского плеча» (1902),

«Московская девушка XVII века» (1903). Картину «Свадебный поезд в Москве» художник М.В. Нестеров оценил как «одну из прекраснейших вещей в русском искусстве».

А.П. Рябушкина вполне можно назвать успешным и востребованным художником: он сотрудничал с издательствами и журналами, оформлял частные театральные постановки, выполнил большие заказы на росписи храмов, он писал историю и создал яркий, полный красок, живописный образ патриархальной Руси.

Андрей Рябушкин родился 17/29 октября 1861 года «от государственного крестьянина Петра Васильева и жены его Пелагеи Ивановой Рябушкиной» в селе Станичная Слобода Борисоглебского уезда Тамбовской губернии (в настоящее время — Воронежская область). Отец и старший брат Рябушкина были известны как иконописцы, и сам он с детства начал рисовать; ребенком пел в церковном хоре. Помогая отцу и старшему брату в иконописных работах, Андрей приобретал первые навыки в живописной технике, задумывался о композиции и цвете. Близкий друг Рябушкина И.Ф. Тюменев впоследствии скажет: «Художество у него было в кро-

ви». Отец будущего художника умер рано, и неизвестно, как сложилась бы его жизнь, если бы не несчастное обстоятельство: летом в доме Рябушкиных останавливался бывавший наездами в Борисоглебском молодой художник А.Х. Преображенский. Рисунки крестьянского мальчика поразили его, и он стал давать ему уроки, а затем проявил большое участие в судьбе талантливого мальчика и помог уехать в Москву для обучения в Училище живописи, ваяния и зодчества.

В августе 1875 года Рябушкин получил увольнительное свидетельство от волостного управления села Станичной слободы «для поступления в воспитанники какого-либо художественного заведения, где только может быть принят к изучению художественному искусству... Родителей его в живых нет».

В 14 лет он поступил в Московское Училище живописи, ваяния и зодчества. Его учителями стали художники-передвижники И.М. Прянишников и В.Г. Перов и блестящий рисовальщик-академик Е.С. Сорокин. Историю в Училище читал В.О. Ключевский. Товарищами и современниками А.П. Рябушкина стали А.Е. Архипов, С.А. Коровин, М.В. Нестеров, И.И. Левитан, С.В. Иванов. Рябушкин примерно учился. Вскоре на ученических выставках появились первые работы начинающего художника. Это был жанр: «Сцена у дьячка» и «Крестьянская свадьба». Первую большую картину «Крестьянская свадьба», написанную Рябушкиным в 1880 году, приобрел П.М. Третьяков. Получив малую серебряную медаль за этюд с натурщика, А.П. Рябушкин выбыл из Московской школы для поступления в Академию художеств.

В 1882 году Рябушкин переехал в Петербург и поступил в Академию художеств, где его учителями были выдающиеся исторические живописцы — представители академической школы В.П. Верещагин, К.Б. Вениг, П.П. Чистяков, Б.П. Виллевалде. Его учителем и наставником стал замечательный русский художник-археолог, создатель

русского национального стиля Ф.Г. Солнцев. В течение нескольких лет, приходя к своему наставнику за стипендией, Рябушкин учился у академика Солнцева древнерусскому письму, советовался о композициях, получал частные заказы, имел так необходимый для него дополнительный заработок.

В годы учебы в Академии он несколько раз ездил по древнерусским городам и землям. Результатом одной из первых поездок на этюды в Рязанскую губернию летом 1896 года стала первая большая академическая картина «Ярмарка в Рязанской губернии» (1886).

В 1880-е годы, подружившись с Ильей Федоровичем Тюменевым (впоследствии известнейшим либреттистом, музыкантом, библиофилом), он стал часто выезжать в новгородское имение «Приволье», ставшее в это время своего рода кружком любителей и ценителей народного искусства. В Петербурге в эти же годы Рябушкин совместно проживал с сыном писателя П.И. Мельникова-Печерского Андреем, впоследствии крупнейшим деятелем Нижегородской архивной ученой комиссии.

Дружба с замечательными людьми, поездки по России, а также книги, труды русских историков питали творчество художника.

В годы учебы, пройдя «весь искус академического конкурирования», А.П. Рябушкин получил четыре обязательные серебряные медали. 1887 год для художника ознаменовался созданием полотна «вызвавшим целую сенсацию». Это была картина на библейскую тему «Эсфирь перед Артаксерксом», отличавшаяся какой-то особой, «рябушкинской» исторической точностью в обрисовке обстановки и костюмов и отсутствием театральности в разработке «мизансцен».

К моменту окончания Академии в 1890 году молодой художник написал картину «Распятие Иисуса Христа». Первоначальный эскиз, как основа будущей картины, был утвержден академическим советом. Работа над темой увлекла Рябушкина: заинтересовавшись трагизмом момента и желая воп-

лотить этот трагизм, он писал эскиз за эскизом, прочитал модное тогда сочинение Эрнеста Ренана «Жизнь Иисуса». В итоге своих художественных размышлений, он отошел от первоначальной темы и создал «Плач о Христе» — «Голгофу» (в дипломе работа названа «Снятие со креста»), не имеющую ничего общего с первоначальным эскизом. Поступок художника был расценен как дерзкий. Совет лишил его золотой медали. Но президент Академии великий князь Владимир Александрович назначил Рябушкину на два года стипендию из личных средств. Высочайшей оценкой творчества стало приобретение полотна П.М. Третьяковым для галереи.

Отсутствие золотой медали не дало возможности Рябушкину получить пенсионерскую поездку в Италию или Париж. На средства президента Академии художник отправился по старинным городам России, предпринял плавание по рекам и озерам, ознаменовав тем самым начало своей самостоятельной деятельности. Он посетил Москву, Ярославль, Ростов Великий, Романов-Борисоглебск, Новгород, Псков, Киев, побывал на своей родине. Одно время жил в Костромской губернии. Его влекла русская старина, интерес к которой после окончания Академии полностью завладел художником. Илья Тюменев рассказывал, что Рябушкин интересовался «каждой мелкой подробностью, каждым старинным костюмом, старинной песней, старинной грамотой, старинной утварью, резьбой на избе, старинным узором на тканях, вышивками на полотнах». Он запоминал «каждую интересную мелодию, каждое меткое выражение, одним словом, жил, дышал только своим, народным, русским».

Как самостоятельный живописец А.П. Рябушкин впервые выступил в 1890-е годы. В 1891 году А.П. Рябушкин написал замечательную по своему построению, по верности изображения крестьянского быта картину «Ожидание новобрачных от венца в Новгородской губернии». Это полотно стало на-

чалом размышлений о новом типе жанровой картины, где нет сюжетного конфликта, нет развернутого психологического повествования о поступках героев. Характеристика в них строится при помощи выразительных деталей обстановки и тонко подмеченных особенностей в поведении и облике людей. Создавая «настроение» торжественности, душевной ясности, художник решает свою главную задачу, связанную с его убежденностью в извечной красоте народа, его обрядов и обычаев.

В 1895 году на первой выставке исторических живописцев была впервые представлена работа Рябушкина «Московская улица XVII века в праздничный день». В 1896 году художник написал картину «Семья купца в XVII веке». В этой картине он попытался создать исторический портрет в стилистике эпохи, используя приемы мастеров парсуновых портретов XVII века с их статичностью и орнаментальной ритмикой.

По мнению художника и теоретика искусства А.Н. Бенуа, «Семья купца» перевернула художественное сознание современной ему эпохи. В ней он «воочию увидел» запечатленные на полотне и «таинственно ожившие образы Древней Московии». «Рябушкин именно не «исторический живописец» мертвенного академического характера, а ясновидец и правдолюбец минувших жизней», — написал Бенуа об авторе увиденной картины.

Среди самых известных исторических полотен А.П. Рябушкина «Боярин» (1896), «В гости» (1896), «Свадебный поезд в Москве» (1901), «Пожалован шубой с царского плеча» (1902), «Московская девушка XVII века» (1903), «Стрелецкий дозор у Ильинских ворот в старой Москве» (1897), «Едут!» (1901). В этих произведениях, созданных мастером, пленяет сплетение вымысла и точного знания исторического материала, веселой насмешливости и мечтательной грусти, чувства восхищения и легкой иронии. В его жажде подлинности, точности деталей сокрылась страстная любовь ко всему художе-

ственно выразительному в народной жизни, к ее пестрым контрастам, сочной красочности. Именно это чувство заставило его идти от документальной точности к правде художественной, вскрывая в каждой изображаемой детали ее образный и поэтический смысл. Отсюда и присутствие в картинах Рябушкина свободы образной интерпретации прошлого.

В 1889 году появляется полотно «Русские женщины XVII столетия в церкви», ставшее одним из высших достижений русской исторической живописи на рубеже двух последних столетий. Оно поразило своей «цветистостью, несомненно, гармоничной и прочувствованной, и уже по живописи была совершенно новым... явлением». В то время картина была «одной из самых светлых русских картин, где не было уже ничего коричневого в живописи. Здесь почти впервые сказались живописно цветковые принципы». Художник «проник в оригинальную и чрезвычайно красивую внешнюю особенность форм старинного быта — жизнерадостную цветистость, отнюдь не грубую, но глубоко гармоничную и художественную <...> Он исходил... из увлекавшей его прелести чисто живописных представлений: пестрота чудесных костюмов на фоне цветистых росписей. В картине характерно русское преобладание красного цвета. Синие с разноцветным орнаментом стены, красные свечи, удивительно красивый яркий костюм девочки на первом плане, характерные и внушительные боярыни позы в красном и синем с цветами»¹.

Живопись А.П. Рябушкина необыкновенно нарядна и имеет изысканное цветовое звучание, роднящее ее с русской иконой, фреской и народным искусством. И в этом цветовом звучании присутствует понимание христианской символики цвета. Многие исторические полотна художника воспринимаются как некое красочное видение, возникшее пе-

В.В. Матэ.
Портрет А.П. Рябушкина

ред взором. Они проникнуты настроением поэтичности, таинственности, почти сказочности. Цвет, сюжеты, композиционное построение — все это вместе создает впечатление изменчивости, мимолетности изображения, напоминающего о навсегда ушедшей красоте.

Андрей Петрович много работал в области монументальной живописи. Он выполнил эскизы для предполагавшейся росписи Новгородского Софийского собора (1895), эскизы для росписи домово-церкви Санкт-Петербургской консерватории, плафон для ее малого зала и эскиз плафона для большого зала (1895). Сделал несколько эскизов внутренней росписи Варшавского православного собора (1903), проект росписи для кафедрального собора в Новочеркасске (1898). С 1896 по 1900 годы Рябушкин работал над картонами для мозаик храма «Спаса на крови».

В 1900-е годы он создал несколько удивительных работ: «Едут!» (1901), «Боярышня XVII в.» (1899), «Офицер, знаменщик и барабанщик» (1902) и «Петр I на Неве» (1896). Очень неожиданным по своему композиционному

¹ Ростиславов А. Андрей Петрович Рябушкин. Жизнь и творчество. — СПб., 1913.

решению стало полотно «Едут!». В нем изображен любопытный московский люд, наблюдающий въезд иностранного посольства в Москву. Живая непринужденность поведения толпы, историческая правда одежд и характеров заставляют поверить, что перед нами фрагмент живой жизни, открывшееся нам из-под завесы времени яркое зрелище.

Проявляя интерес к древнерусской архитектуре, неоднократно бывая в Новгороде, А.П. Рябушкин создает картину «Церковь» («Новгородская церковь», 1903) — строгий, простой, значительный и печально-торжественный образ. «В этой небольшой по размеру картине изображается изба — дом человека, следовательно, и его краткая земная жизнь. А над ней — дом Божий, образ вечности. Невысокий холм, увенчанный древним храмом, является его своеобразным подножием. В композиции ощутимо выступает глубокая мысль художника о Божественном единстве мира русской жизни. Невольно приходят на память слова святого Иоанна Кронштадтского: «Перестали понимать русские люди, что такое Русь! Она есть подножие Престола Господня. Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он русский»². «Церковь» — одна из последних работ А.П. Рябушкина, причисленная к вершинам художественного творчества в ряду других живописных русских полотен рубежа веков.

Художник стал автором разнообразнейших произведений, среди которых журнальные рисунки, иконы, декоративные панно. Последним произведением живописца является картина «Князь

Ухтомский в битве с татарами на Волге в 1469 году» (1904). С лучшими произведениями древнерусского искусства его роднят лаконизм и колорит. Вспоминаются миниатюры Лицевого Летописного свода, икона «Церковь воинствующая», образ Георгия Победоносца, русский лубок «Битва Еруслана Лазаревича со змеем». «В стиль Рябушкина это чрезвычайно тонкое и легкое по выполнению произведение вносит совсем новые черты — своеобразно переработанную лубочность, выраженную в нежных, светлых красках»³.

Картина «Князь Ухтомский» синтезировала в себе все находки и наработки художника в монументальной и станковой живописи, в книжной графике. Свободно выплеснулось на холст и его умение использовать древнерусские традиции, традиции книжной культуры и русского народного лубка. Хорошо владевший всеми типами письма, он, по-видимому, хотел подчеркнуть идейную близость полотна народной картине, народному искусству, воспевавшему подвиги своих героев, подчеркнуть значение подвига и его всенародное почитание.

Умер А.П. Рябушкин 27 апреля (10 мая) 1904 года, был погребен 29 апреля в селе Добром, возле той церкви, для которой он писал когда-то пожертвованные иконы. От самой усадьбы Дидвиново до кладбища гроб несли на руках крестьяне окрестных деревень.

Рябушкин прожил недолгую жизнь, чуть более 40 лет. Но своим друзьям и потомкам он «успел оставить мир, который нашел в своей душе среди воспоминаний о русском прошлом»⁴.

² Третьяков Н.Н. Образ в искусстве. Основы композиции. Свято-Введенская Оптина пустынь, 2001.

³ Ростиславов А. Андрей Петрович Рябушкин...

⁴ Воскресенский А. Рябушкин: Биографический очерк. — СПб., 1912.

Евгения Петрухина

ОДНАЖДЫ ВЕРНУТЬСЯ

За несколько месяцев до открытия картинной галереи, когда уже был очерчен круг имен художников, продумана экспозиция, автору этих строк попало в руки письмо П.Н. Чернышевой, в котором она сообщала, что является дочерью известного художника, Николая Михайловича Чернышева, и хорошо было бы устроить выставку его работ на родине.

Сначала даже трудно было поверить в то, что речь идет о народном художнике РСФСР, профессоре, авторе многих теоретических трудов. Да ведь это имя — целая эпоха в искусстве. Потом были письма, встречи, поиски истины. И тепеть мы с гордостью можем назвать Н.М. Чернышева своим земляком.

Село Никольское, где в 1885 году родился и до 7 лет жил Н.М. Чернышев, относилось к Борисоглебскому уезду Тамбовской губернии. В настоящее время это село стало составной частью территории села Архангельского (Воронежская область). И хотя название исчезло с географической карты, в обиходе среди местных жителей оно присутствует до сих пор.

Как и во времена детства художника, поражает дивная красота этих мест. Степное раздолье, пригорки, поросшие ковылем, дурманящий запах разнотравья, извилистая лента реки Токай. Со-

хранилась водяная мельница. По-прежнему наполняет сердце восторгом гармония церкви, величественно устремленной ввысь. Неудивительно, что, даже находясь вдали, Николай Михайлович испытывал чувственную связь с родными местами.

Его первые шаги в творчестве начались вместе с приходом XX века, а завершились в начале 1970-х годов. Пониманию правды и красоты Николай Чернышев учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества у блестящих живописцев и педагогов Валентина Серова и Константина Коровина, в залах Лувра, копируя Леонардо, у полотна Пикассо в музеях Парижа.

Решающую роль в его судьбе, в окончательном выборе собственного пути в искусстве сыграл Союз художников и поэтов «Искусство — жизнь», позже переименованный в «Маковец», объединивший таких художников, как С. Герасимов, В. Чекрыгин, А. Шевченко, таких поэтов, как В. Хлебников, Б. Пастернак, П. Антокольский, таких философов, как П. Флоренский. Члены союза цель своего искусства видели в утверждении высоких нравственных ценностей — самоотверженности, доброты, любви. Всю последующую жизнь Н.М. Чернышев, преподаватель, художник, исследователь, стремился реализовать эти идеи.

Николай Чернышев. Автопортрет.
1918 год

Не сразу он нашел тему, которая отвечала бы задачам времени, в которой его собственное дарование проявилось бы достаточно полно и оригинально. «Глубоким источником, кристально чистым родником», питавшим творчество Чернышева в течение жизни, стала поэзия юности. Художник был первым, кому открылась столь выразительно и глубоко эта удивительная красота, и кто сумел целомудренно воплотить ее в замечательных полотнах и рисунках. Через все творчество Н.М. Чернышева проходит образ девочки, хрупкой и нежной, полной строгости, чистоты и грации, еще не осознающей своей красоты.

Художник заставляет нас оглядеться в реальном мире и сделать выбор: отдать предпочтение чистоте, душевности, поэзии. Умение увидеть богатство и содержательность в предельно простых мотивах — редкий дар, и Николай Михайлович блестяще им владел.

Вторая стезя художника — монументальное искусство — определилась под воздействием изучения искусства Древ-

ней Руси. Николай Михайлович прекрасно знал фресковые росписи Новгорода, Пскова, Звенигорода, Ферапонтова, до тонкостей изучил технику древних мастеров, особенно любимых им Дионисия, Андрея Рублева, Феофана Грека.

В 1925 году в окрестностях Ферапонтова он сделал открытие — нашел краски в виде минералов, которыми пользовались древние живописцы. Восхищение художника и исследователя вызвало колористическое мастерство древнерусских мастеров.

Многому учились у него не только потому, что Чернышев был автором глубоких теоретических трудов по различным вопросам художественного творчества. Но еще и потому, что он умел просто, ясно и вдохновенно говорить об искусстве. Все, кому посчастливилось встречаться и общаться с ним, отмечали замечательный талант, мудрость, скромность, доброту этого человека. Среди авторов воспоминаний о Николае Михайловиче Чернышеве имена М. Алпатова, Л. Бруни, С. Герасимова, И. Грабаря, Д. Жилинского, К. Юона, В. Фаворского. Всех авторов роднит единая мысль: Н.М. Чернышев — яркая личность, необыкновенный человек.

Творчество художника не знало увядания. В семьдесят пять лет у него возникла идея создания серии картин под названием «Мастера московской школы». Немалым мужеством надо было обладать, чтобы решиться на это. Не случайно в своей мастерской он повесил выписанное на лист бумаги изречение из дневника Эжена Делакруа: «...Тем сильнее поражает нас смелость, которую великие таланты проявляют уже в поздней поре своего творчества. Проявлять смелость, когда рискуешь скомпрометировать свое прошлое, — это признак величайшей силы».

Николай Михайлович хорошо понимал всю сложность стоящей перед ним задачи и, выписывая эти строки, искал поддержки у других. Но постоянное ощущение неразрывной связи с древ-

нерусскими художниками, блестящее знание их искусства, истории, размышления о Дионисии, Андрее Рублеве, восхищение их страстной любовью к искусству — вдохновители Чернышева на свершение последнего жизненного подвига.

За картину «Даниил Черный и Андрей Рублев» Н.М. Чернышев был удостоен Государственной премии СССР.

Многие отмечают несомненное сходство внешнего облика древних живописцев в картинах Чернышева и самого художника. Возможно, это сходство объясняется благообразной наружностью, одухотворенностью его лица. Но главное, несомненно, заключается в духовном родстве Чернышева с мастерами

прошлого, в серьезности и преданности их общим идеалам.

Николай Михайлович Чернышев — один из тех художников, благодаря которым не иссякает в людях вера в добро и красоту. Многие музеи страны, в числе которых Третьяковская картинная галерея, Государственный русский музей, Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, гордятся наличием в их коллекциях картин, работ Н.М. Чернышева. Постоянная экспозиция Борисоглебской картинной галереи пополнилась замечательными произведениями художника благодаря Полине Николаевне Чернышевой.

Частица души талантливого мастера вернулась на родину...

Валентина Филатова

СВЯЩЕННИК И ХУДОЖНИК СТЕФАН ДОМУСЧИ

Книга Михаила Федорова «Почетный гражданин» посвящена протоиерею, кандидату богословия, заслуженному художнику Российской Федерации Стефану Михайловичу Домусчи, жизнь и судьба которого с 1961 года связана с Борисоглебском.

Книгу взяла в руки с волнением. Ведь она о человеке, который привлекал к себе внимание с первых дней появления в Борисоглебске. Не только необычной для наших мест фамилией, но и неординарностью яркой, колоритной личности, сочетающей в себе силу характера и творческую энергию, фантастическое трудолюбие, славянскую непокорность, широту мировоззрения и отсутствие церковной узости, ханжества, преданность своему делу и семье.

В народе его называли и называют — отец Степан.

При чтении книги в памяти всплывает далекое и недавнее прошлое. Отец Стефан крестил мою дочь, отпевал моего отца, освящал землю городского кладбища, где покоятся мои родные и близкие, исповедовал, причащал и со-

боровал мою мать. Он был ее любимым батюшкой. Когда она уже не могла бывать в церкви, часто вспоминала, как красиво он поет: «Бывало, как запоют отец Степан с отцом Георгием Херувимскую, вся церковь дрожит!» (Моя мать знала толк в церковном пении: ее отец, мой дед, Андрей Григорьевич Бунин, был регентом церкви Козьмы и Дамиана в селе Третьяки Борисоглебского района, она сама замечательно пела). Ждала, как праздника, его прихода, для того чтобы причаститься и пособороваться. Уверяла, что после соборования у отца Степана становилась здоровее.

Наверное, невозможно найти в наших местах человека, который не знал бы батюшку Стефана. Как диалектолог, я побывала вместе со студентами во многих селах нашего региона. И всюду, где были открыты храмы, мы встречали иконы, написанные отцом Стефаном, лики которых были легко узнаваемы по характерному художественному почерку (особому общему колориту, затаившейся печали в незабываемых, собственных только иконописи Домусчи глазах Божьей Матери и Святых): вот Иисус Христос в терновом венце, вот целитель Пантелеимон, а вот Казанская Божья Мать... И только один раз я ошиблась: в храме села Новотолучеево Воробьевского района на вопрос: «Это

Михаил Федоров. Почетный гражданин. Воронеж: ОАО «Воронежская областная типография — изд-во им. Е.А. Болховитинова», 2014. 144 с.

икона батюшки Стефана?» — мне ответили: «Нет, этот образ написал отец Александр, его сын», — и далее последовал рассказ о том, каким замечательным батюшкой был отец Александр, и как им жаль, что его взяли служить в Воронеж...

У каждого свой образ батюшки. Моя соседка, долгие годы проработавшая в похоронном бюро, вспоминала о том, как перед Стефаном Домусчи пасовали даже завязтые чиновники, пытавшиеся чинить ему препятствия в некоторых жизненных обстоятельствах. Она изображала при этом картину столкновения в стиле библейской борьбы Давида с Голиафом. И это не воспринималось как преувеличение. Невозможно себе представить сильного, независимого батюшку с согнутой выей...

Гостеприимный дом его на улице Бланской открыт для всех приезжающих в Борисоглебск. Когда в нашем институте читали лекции профессора из Москвы, Воронежа и других городов, мы просили батюшку разрешить посетить его картинную галерею. Отказов не было даже в большие праздники, сопровождавшиеся долгими службами. А наши гости неизменно были удивлены масштабом его творчества и покорены обаянием его личности.

Автор книги о Домусчи выбрал удачную, на наш взгляд, форму — беседу, со стенографической, протокольной точностью зафиксировавшую не только содержание разговоров писателя и священника, но и сопутствующие им обстоятельства (время, место, погоду и др.). Это позволило, прежде всего, сохранить *живое слово священника*, вмещающее его отношение к непростым событиям в стране и окружающим людям, к церкви и государству, к своей жизни и своему служению.

Избранная автором книги форма продиктована также требованием времени. Филологи все чаще и чаще отмечают преобладание устной речи, ее большее значение по сравнению с письменной в сегодняшней жизни. Это обусловлено многими причинами, в том числе тем

обстоятельством, что устной форме речи в меньшей степени свойственна обработанность, нормированность, что позволяет показать жизнь в ее естестве, без глянца и холодного эстетства.

Книга читается легко, вместе с тем в ней затрагиваются сложные мировоззренческие проблемы, социальные, исторические коллизии, в центре ее — человек основательно образованный, удивительно цельный и глубоко духовный. Все сказанное позволяет рекомендовать ее для чтения ищущему «делать жизнь с кого» юношеству.

Из книги читатель узнает о нелегкой, порой драматической и вместе с тем счастливой жизни человека, священника и художника. Жизненные невзгоды помогало и помогает преодолевать отцу Стефану творчески-созидательное, жизнеутверждающее, спокойно-философское, оптимистическое отношение к действительности. Не случайно, слово *счастливый* — одно из частотных в книге о нем. Полностью реализовать себя в том деле, в том служении, которое избрано, в творчестве, в семье — это и есть счастье.

Писатель, как нам представляется, верно почувствовал и передал самое главное в жизни православного священника: он служит Богу не только тогда, когда совершает богослужение в храме, — *вся его жизнь* в семье, в отношении к родителям, к жене и детям, к прихожанам, в его способе проводить так называемое свободное время *есть непрерывное служение Богу*.

Семья — это то, откуда мы все родом, в чем мы укореняемся, что поддерживает нас, дает нам силы выстоять в жизненных испытаниях. *Семья в тридцать два человека!* На фотографии под сенью патриарха — четыре поколения одного рода, одного племени, как говорят в народе. Мы чувствуем мощную энергетику его родоначальника, передающую детям, внукам и правнукам жизнелюбие, уверенность в правоте жизненной позиции, защищенность, стойкость. Пятеро священников семьи отца Стефана продолжают его дело: сын о. Александр, как и отец Стефан, — священник

о. Стефан Домусчи

и художник; два внука, о. Николай и о. Стефан, — священники; два зятя, о. Алексей и о. Илья, также священники. В этой передаче из поколения в поколение священства проявляется прежде всего глубокое уважение к делу, которому служит отец и дед.

Но, чем бы ни занимались другие члены семьи Домусчи, все они живут с Богом в душе и чувствуют себя одним целым. «... Были бы такими наши семьи — никакие угрозы нам не были бы страшны», — вырывается из уст автора. Воистину это так!

Заботиться о детях, о семье, о родителях — значит, исполнять пятую заповедь Священного писания. Богословы считают, что соблюдать эту заповедь необходимо потому, что семья является «краеугольным камнем общественного блага». «Народ, производящий дурных сыновей, конечно, не будет иметь и хороших граждан. Семьи, лишённые любви, ускоряют разрушение общества и упадок народа. <...> Покорные сыновья всегда отважные патриоты, ибо почтение к родителям сродни уважению к родине», — указывает выдающийся богослов и церковный историк Ф.В. Фаррар.

Рассказывая о судьбе своих сестер, о брачном выборе молодых людей в родном селе, батюшка Стефан замечает: «Там всегда изучали, из какой семьи, какой это род, что он из себя представляет. Можно связывать судьбу с ними, или нет. Если кто не слушался — сами решали свою судьбу, зачастую это кончалось не совсем хорошо». Отмечая незыблемость соблюдения своим собеседником нравственного закона семейной любви, писатель подробно расспрашивает его о семье, в которой он вырос.

Стефан Михайлович родился 6 сентября 1934 года в селе Кулевча Саратовского района Одесской области в семье болгар, пришедших в бывшую Бессарабию в 1829 году из болгарской Стара-Загуры и Крын. Прапрадед его по материнской линии воевал на Шипке. Земля, на которой родился Стефан Михайлович и где прошли его детство и юность, входила в состав Румынии, с 1944 года отошла к СССР. Три класса мальчик обучался на румынском языке, а затем — на русском, который стал наряду с болгарским его родным языком. До сих пор он помнит и румынский язык.

«Меня любил отец и всегда возил с собой, куда бы ни ехал. <...> Я в детстве хорошо пел и знал песни и болгарские и румынские. И отец специально меня брал, чтобы я ему пел. <...> Отец едет в поле — меня с собой берет. <...> Вот возьмем с поля копну — скошенная пшеница, рожь. Наверху сидим. И я пел всю дорогу. На улицу выходили и слушали. «Чей это мальчик там поет?» — спрашивали. «Это Миши Домусчи», — вспоминает о. Стефан. Мне подумалось: как это важно для мальчика быть рядом с любящим отцом, как важна оценка его способностей односельчанами — и далекое болгарское село Кулевча воспринимается как одна большая семья, взрослевшая мальчишка, взрослая жизнь которого стала частью жизни русского города.

Воспоминания о. Стефана содержат бытовые детали — приметы 40-50-х годов XX в.: в нашем крае тогда крестья-

не носили одежду из домотканого конопляного холста, а в южной Бессарабии — из домотканого шелка, выпряденного бабочками-шелкопрядами из листьев тутовника. А вот за тяжелейшую сельскохозяйственную работу, как и в наших колхозах, платили «палочки», о чем мы не раз слышали из рассказов воронежских крестьян. Подобные детали делают книгу не просто повествованием о частной судьбе провинциального священника, воспевшего и прославившего ее на весь мир, а *историческим документом*. В значительной степени этому способствует избранная форма непринужденной беседы.

Навсегда врезались в память Стефана Михайловича голодные 1946-1947 годы: «Мерзлую картошку люди ели. <...> Сусликов ели. <...> Пять-шесть моих товарищей — с ними едем в поле, ловим сусликов. Рядом разжигаем костер. Это ужасно. Были случаи, когда ребята или даже мужики не выдерживали: кто вешался, кто бросался под поезд».

Окончив среднюю школу (тогда это была девятилетка), Стефан Домусчи мог поступить «в любое учебное заведение по живописи», так как его работы заняли первое место на областной выставке рисунков школьников. И опять любопытные детали — приметы времени: юным художником были представлены на выставку портреты Мао Цзэдуна и Ким Ир Сена: «В то время все рисовали вождей. Как раз Россия дружила с Китаем, и тем более с Кореей» — молодые люди того времени свято верили в то, что «русский с китайцем братья навек»...

Как видим, перед молодым Стефаном Домусчи действительно «открывалась дорога», однако он выбрал духовную семинарию. Выбор был неслучайным. Семья и здесь сыграла свою роль — родители, Михаил Георгиевич и Мария Степановна Домусчи постоянно ходили в церковь вместе с детьми, прятали и кормили священника в 1940 году, когда в присоединенной к России Бессарабии начались гонения на церковь, и священника могли арестовать.

И уже в самом начале своего жизненного пути восемнадцатилетнему юноше пришлось столкнуться с представителем известных органов, не оставлявших его и всю последующую жизнь. «Видите, вам дорога открывается, а вы не хотите поступить», — соблазняет искusstель, и слышит в ответ: «Да нет, я твердо решил поступить в семинарию. <...> Знаете, я хочу служить Богу, народу и Отчеству». <...> — Его это, знаете, как подкупило. Он: «Молодец, в вас есть идея». И на этом он пожелал мне успехов, — сам батюшка говорил весело, даже озорно, — культурно проводил меня до дверей, руку подал, пожал...» Идея, вероятно, по наитию сформулированная будущим семинаристом, становится действительно смыслом всей последующей его жизни.

Суть семинарского образования Стефан Михайлович выражает следующими словами: «Представляете, за два года семинария давала юноше другое настроение, другое поведение, другое восприятие окружающего мира. Познание Священного Писания, богословских наук, можно сказать, перерождает».

Окончив семинарию, отец Стефан решает продолжить свое образование в духовной академии. И в семинарии, и в академии он не только изучал образовательные и богословские дисциплины, но и занимался рисованием, живописью. Повышая свое художественное образование, он учился у признанных мастеров иконописи: Михаила Потапова, с которым расписывал храмы в Одессе и Москве, Марии Николаевны Соколовой (монахини Иулиании), которой доверяли реставрировать иконы, занесенные в списки ЮНЕСКО.

После окончания академии, несмотря на то, что его оставляли в аспирантуре, Стефан Михайлович принимает решение «ехать на приход». Начинается новый период в его жизни: в 1961 году священник отец Домусчи приезжает в Борисоглебск. Хотя в годы Великой Отечественной войны было восстановлено патриаршество, гонения на церковь продолжились и усилились при Хруще-

ве. Священники должны были взаимодействовать с так называемыми уполномоченными по делам религий, их нередко приглашали в органы госбезопасности.

Писатель задает отцу Стефану непростые вопросы относительно сотрудничества священнослужителей и органов. Умудренный жизнью человек и выработавший привычку внимательно всматриваться в натуру художник (а человек — сложнейшая натура) дает нетривиальный ответ: «Были осведомители, которые обыгрывали чекистов. <...> На кого-то донос. Чекисты, может, ждут, что им дадут материал, который будет основанием, а тот мог так преподнести, что как бы ограждает жертву... Допустим: «Иван говорил то-то и то-то про Советскую власть?» — «Да нет, он даже хвалил. Говорил: «Слава Богу, что она пришла, Советская власть...» Мог выступить в защиту подозреваемого. Вот расскажу пример. Из ЦК прислали к покойному архиепископу Саратовскому Пимену, чтобы он дал свое мнение о Солженицыне, а владыка покойный дружил с Солженицыным и Ростроповичем. Он интересовался и литературой, и музыкой, ну, нашли они общий язык. Глубоко верующий человек. И когда решался вопрос об изгнании Солженицына из России, приехали из ЦК и Совета по делам религий к владыке. А владыка говорит: «Слушайте, да что вы заострили внимание. Ведь люди искусства, они все ненормальные... Солженицын на почве, так сказать, своих литературных интересов, он ненормальный человек. Он психозфреник, а вы вокруг него раздуваете эту историю. Вы, наоборот, поднимаете ему авторитет. А вы плюньте на него, и его все забудут». Так скажите, он помог Солженицыну? Помог, отвел. — «Они же могли в психушку. Закололи бы его там лекарствами».

В книге идет речь и об отношении Стефана Домусчи к городу, в котором он живет и трудится. «Вы любите Борисоглебск?» — спрашивает автор. Вопрос не праздный, он касается самого сокровенного — отношения человека к тому ме-

сту, где он живет и трудится. Это отношение показывает самого человека, его характер, образ мысли, отношение к тому, кто и что рядом. Один человек может прожить всю жизнь и не заметить дивной красоты нашей лесостепной полосы или быть к ней равнодушным. Другой не увидит того, как много вокруг интересных, замечательных людей. У третьего потребительское отношение к жизни: хорошо то место, где мне хорошо.

Что такое Борисоглебск для отца Стефана? Как художник, он не только видит божественную красоту окружающей природы, но и стремится отразить ее в своих живописных полотнах и тем самым научить нас, борисоглебцев, ценить ее. Корень патриотизма, неравнодушного отношения к большой и малой Родине заключается в творчески-созидательном отношении к ней: «Вы знаете, я его (Борисоглебск) полюбил в каком плане: *я ему посвятил всю свою жизнь* (курсив наш. — В.Ф.). Здесь столько крестил, венчал, отпевал. Можно сказать, что каждый его житель так или иначе связан со мной. Пусть и не напрямую: скажем, я его не крестил. Но кто-то из близких был у меня на службе. А сколько домов я освятил. За сколько боролся. А сколько его видов, запахов, дыхания легло на мои картины. Здесь у меня похоронено трое детей. *Вот она, моя любовь...*» (курсив наш. — В.Ф.). Любовь к Борисоглебску, привязанность к нему, «корнями существа своего вросшая в землю», говоря словами С.М. Волконского, у отца Стефана связана с самой жизнью, с повседневным трудом и в храме-церкви, и в храме-природе, и в семье.

Мне запомнилась первая выставка картин С.М. Домусчи в историко-художественном музее Борисоглебска. Запомнились слезы на глазах батюшки и слова о том, что не думал он дожить до такого события. Уходила в прошлое страна Советов и начиналась новая Россия... Наступали благополучные для отца Стефана годы: признание его заслуг как художника и священника (ему

присваивают звание заслуженного художника Российской Федерации, он Почетный гражданин города Борисоглебска); многочисленные выставки в Воронеже, Волгограде, Москве, Сарове, Болгарии, Германии, Италии, на Мальте...; восстановление храмов (детищем С.М. Домусчи становится возрожденный храм Бориса и Глеба). Фамилия художника включена в Единый художественный рейтинг как востребованного профессионального мастера, он является членом международного художественного фонда. И все это по правде, по заслугам: *в результате подвижнического труда создана живописная держава Домусчи, в которой каждая его работа — это окно в мир света и красоты, сотворенный Богом.* На вопрос автора книги: «Что в Вашей жизни занятие живописью?» — отец Стефан отвечает в полном согласии с собой и прожитой жизнью: «Для меня искусство — вторая моя ипостась службы у престола. Служить Богу, проповедовать — это одно. И второе — это мое гражданское

увлечение, в которое я вкладываю душу полностью, чтобы воспеть творение Божие, преподнести людям не в испорченном виде <...>. А показать мир таким, каким создал его Бог».

Второй, весьма информативной наряду с беседами, частью книги является фотоальбом, дающий возможность увидеть то, что не передать словами: прекрасные лица жены, детей, родителей, близких и друзей отца Стефана, его самого; запечатленные на фотографиях мгновения его жизни.

Самое главное заключается в том, что автору удалось воплотить в слове правдивый образ нашего соотечественника. Человека неординарного, талантливого труженика, художника-подвижника, создавшего в красках поэтический мир нашего края и с помощью красок же давшего нам возможность приобщиться к миру небесному, миру духовному. Священника, ставшего народным пастырем и всей своей жизнью подтвердившего юношескую максиму — служить Богу, народу и Отечеству.

**Валентина Горшкова,
Валерия Черновец**

БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ ОЛЬГИ ШОЛОХОВОЙ

Женщин-летчиц и в нашей стране, и в мире не так уж много. Тем более приятно, что одна из таких отважных женщин — наша землячка, гвардии майор Ольга Митрофановна Шолохова.

Родилась Оля Шолохова 11 июля 1915 года в многодетной семье Митрофана Михайловича и Елизаветы Васильевны Шолоховых, живших в одноэтажном доме под раскидистыми серебристыми тополями по ул. Базарной (ныне Юбилейной), 41. Это была дружная семья, в которой родители учили своих девятирех дочерей помогать людям, быть опорой друг другу и родственникам, поддерживать их добрым словом и делом. Благодаря такому воспитанию Оля выросла отзывчивой, доброжелательной, но вместе с тем обладающей сильным духом и твердым характером.

Окончив семилетку, она поступает в ремесленное училище, которое успешно оканчивает механиком по железнодорожной автоматике 4 разряда. Одновременно Ольга училась в аэроклубе, прыгала с парашютом. Откликнувшись на призыв: «Женщина-пролетарка, овладевай авиационной техникой, иди в школы, техникумы, ВТУЗы гражданского воздушного флота!», — в 1933 году она поступает в Балашовскую 3-ю объединенную школу пилотов и авиамехаников Гражданского воздушного флота. Ее зачислили в авиаэскадрилью Гусева, где кроме нее было еще 20 девушек. Окончив школу в

1935 году только на «хорошо» и «отлично», Оля стала пилотом 4 класса.

Свою трудовую деятельность она начала в Азово-Черноморском управлении, работая в сельхозавиации, затем на Краснодарской местной пассажирской авиалинии. А потом начались ее дальние пассажирские авиарейсы: Ростов—Москва, Ростов—Баку, Ростов—Саратов.

В те предвоенные годы Ольга познакомилась с писателем Михаилом Александровичем Шолоховым, которого несколько раз доставляла на своем самолете из станции Вешенской в Ростов на сессию областного совета депутатов трудящихся.

О начале Великой Отечественной войны Ольга Шолохова узнала, будучи на курсах высшей летной подготовки в городе Минеральные Воды, где она стала пилотом 2 класса. По ходатайству прославленной летчицы Марины Расковой в первые месяцы войны были созданы 3 женских авиационных полка. В один из них, 587-й строго засекреченный дневной женский авиационный полк, в декабре 1941 года Шолохова была зачислена пилотом¹. «С огромным нетерпением ждала я того дня, когда поведу свой боевой самолет на врага и беспощадно буду бить фашистов», — вспоминала она.

¹ Этот полк впоследствии станет 125-м женским Гвардейским Борисовским орденов Суворова и Кутузова авиационным бомбардировочным полком имени Героя Советского Союза М.М. Расковой.

Ольга Митрофановна Шолохова

Некоторое время 587-й полк летал на легких одномоторных самолетах СУ-2, на которых доставлялись грузы партизанам, вывозились из прифронтовой полосы раненые. Вскоре эти самолеты заменили на бомбардировщики Пе-2.

Прозванные «пешками», эти дневные трехместные двухмоторные тяжелые пикирующие бомбардировщики были одними из лучших самолетов на тот период времени по скорости, боевому применению, имели большой запас прочности, допускали 10-кратные перегрузки и могли выполнять фигуры высшего пилотажа. Пилотов Пе-2 называли «смертниками» и «трижды летчиками», поскольку эти самолеты были сложны в управлении, требовали повышенного внимания, умения, быстрой реакции. Поэтому служить на них брали только летчиков, имевших специальное летное образование, опыт летной работы и не менее 1000 часов полета.

Служить женщинам на таких самолетах было нелегко, нужна была большая физическая сила, так как даже штурвал при взлете приходилось отжимать и пилоту, и штурману, а при пикировании для бомбометания под углом в 70 градусов на скорости в 650 км/час летчицы испытывали колоссальные перегрузки, которые едва выдержива-

ли. Как вспоминала Ольга Митрофановна: «Это была очень сложная машина для того времени. Нужны были не только умение, но и физическая сила. Да еще любовь к машине. Да, да, не удивляйтесь — любовь. Тогда это грозное оружие становится безотказным и послушным».

Для женских авиаполков никаких снихождений не делалось. Прифронтовые аэродромы, на которых базировался 587-й женский авиаполк, представляли собой хорошо укатанные поля крестьянских хозяйств с короткой взлетной полосой. Если рядом с аэродромом находился населенный пункт, то квартировали в домах местных жителей. Если такой возможности не было, женщины-летчицы жили в землянках, которые в метель полностью засыпало снегом, спали на деревянных двухъярусных нарах, зимой умывались растопленным снегом. Кабина Пе-2 была негерметична, поэтому при полете на большой высоте (до 8800 метров) в ней было холодно настолько, что летчицы даже в летнее время летали в теплых комбинезонах. Во время полета ошибаться было нельзя: самолет, нагруженный бомбами, должен маневрировать среди разрывающихся вокруг зенитных снарядов, увертываться от обстреливающих истребителей противника, выдерживать дистанцию, так как рядом летят еще 8 машин твоей эскадрильи, а рядом еще другие эскадрильи твоего полка, да еще ударные волны. Самолет Пе-2 был оборудован 2 пулеметами и 2 пушками, и все члены экипажа (пилот, штурман, стрелок-радист) могли вести прицельный огонь по врагу.

Большим испытанием для девушек были ужасы войны и фронтовой быт, и для облегчения своих переживаний они в редкие часы досуга занимались вышиванием. В послевоенные годы такие фронтовые вышивки, сделанные руками Ольги Митрофановны, в рамочках висели на стенах старого борисоглебского дома Шолоховых.

Летом 1942 года командир 587-го авиаполка Герой Советского Союза М.М. Раскова с О.М. Шолоховой на самолете УТ-2 летали в Москву получать новый бомбардировщик Пе-2. Их путь в оба конца пролегал через Борисоглебск, на аэродроме которого они и приземлялись для дозаправки и отдыха. Раскова осмотрела достопримечатель-

ности города, познакомилась с родителями и сестрами Ольги Шолоховой, переночевала в их гостеприимном доме.

С достоинством преодолевая все невзгоды военного времени, Ольга Шолохова совершила 65 успешных боевых вылетов. Свои первые бомбовые удары она вместе со своим полком нанесла по войскам фашистов в районе Сталинградского тракторного завода, уничтожая танки, автомашины и артиллерийские орудия. А также — у станицы Тацинской, бомбя точным попаданием железнодорожные вагоны, продовольственные склады, авиазаправщики, самолеты на аэродромах противника. Благодаря слаженным действиям наших наземных войск и авиации, армия Паулюса осталась голодной, раздетой и была обречена. Ольга Шолохова, в числе других своих однополчан, была награждена медалью «За оборону Сталинграда».

Вскоре ее назначили командиром звена, еще через некоторое время — заместителем командира 1-й эскадрильи. «По характеру Ольга Митрофановна была спокойная, выдержанная, скромная и доброжелательная. Она была очень дисциплинированная и требовательная к себе и справедливо требовательная к подчиненным. Эти качества старалась привить и нам — своим подчиненным. В самых сложных условиях полета Ольга Митрофановна действовала в воздухе смело и хладнокровно. Острая наблюдательность и точный расчет помогли ей выводить самолет из плотного зенитного огня противника и метко бомбить цель», — так вспоминала об Ольге Митрофановне ее сослуживица В.В. Булычева.

В составе 4-й воздушной армии полк бомбил мощную оборонительную линию гитлеровцев на Таманском полуострове. Утром 2 июня 1943 года по тревоге в небо было поднято 27 бомбардировщиков. Замыкала колонну девятка бомбардировщиков Пе-2 первой эскадрильи 587-го авиаполка, которая получила задание бомбить скопления вражеских войск в районе краснодарской станицы Крымской. Но бомбардировщики Пе-2, имевшие оборудование для точного бомбометания только в дневное время и в ясную погоду, встретили на своем пути густые облака и, прижатые к самой их кромке, были потеряны сопровождавшими их

советскими истребителями. Оставшись без прикрытия, колонна попала в ураганный обстрел вражеских зениток и «мессершмиттов». При приближении к цели четыре самолета колонны получили повреждения, и командование было передано заместителю командира эскадрильи О.М. Шолоховой. У самой цели первую эскадрилью атаковали восемь фашистских истребителей, старавшихся разъединить строй наших бомбардировщиков, чтобы расстрелять их поодиночке, и О.М. Шолохова приказала своей эскадрилье сомкнуть ряды. «Мессершмитты» подлетали к Пе-2 так близко, что можно было разглядеть лица фашистских асов. Бомбардировщики Пе-2 были сконструированы и как истребители, поэтому могли вести самостоятельный бой в воздухе, и Ольга Шолохова бросила свой самолет на врага. Отстреливаясь, самолет Шолоховой подлетел к цели, но в этот момент был подбит правый мотор ее самолета, и она почувствовала резкую боль в затылке и верхней челюсти, а за воротник ее комбинезона потекла кровь. Но, несмотря на ранение и неисправности самолета, боевое задание экипажем Шолоховой было выполнено с честью: бомбы легли точно в цель. Раненая Ольга Митрофановна на одном моторе с трудом дотянула свой самолет до линии фронта, где сумела удачно совершить вынужденную посадку в поле. Собрав последние силы, она вытащила из кабины самолета раненого стрелка-радиста Степана Цидрикова, а ее штурман Волкова смогла выбраться из бомбардировщика самостоятельно. Самолет Пе-2 обнаружила проезжавшая мимо военная машина и доставила весь экипаж в госпиталь.

Этот воздушный бой девятки советских бомбардировщиков с восемью фашистскими истребителями вошел в историю советской авиации как образец отваги советских женщин-летчиц и выбора ими единственно правильного решения. Благодаря своему мастерству, пилот Шолохова не только предотвратила разрушение самолета, но и сохранила жизни членов своего экипажа.

В свой полк после долгого лечения О. М. Шолохова возвратилась только через год, в 1944-м. И уже в июне получила задание бомбить мосты и переправы через реку

Березину и ее притоки, около которых на дорогах скопились вражеская военная техника и войска группы армий «Центр», не сумевшие захватить Москву и пытавшиеся отступить на запад за реку Березину. Подлетев на Пе-2 у города Борисова на большой высоте к цели, Шолохова в страшном пожарище боевых действий, в пелене плотного дыма увидела тонкую ниточку моста и, произведя точный расчет в сложных условиях, под обстрелом зениток умело подвела самолет к цели и сбросила бомбы точно на мост, что подтвердила аэрофотосъемка. Вспоминая этот бой, Ольга Митрофановна рассказывала: «В полку все поздравляли. А там, внизу, в наземных войсках, вероятно, и не подозревали, чьими руками с первого захода в клочья разнесен мост, так необходимый врагу». 10 июля 1944 года Приказом Верховного Главнокомандующего 125-му (587) женскому гвардейскому авиаполку пикирующих бомбардировщиков имени Марины Расковой было присвоено наименование Борисовский.

О.М. Шолохова, став командиром первой эскадрильи, участвовала в освобождении от гитлеровцев хорошо укрепленных городов, военных баз и морских портов Инстербург, Кенигсберг, Фишхаузен, Пиллау, всего Земландского полуострова. Бомбар-

дировки этих фашистских морских портов были особенно тяжелыми, так как наши Пе-2 обстреливались врагом и с суши, и с кораблей на море, и с воздуха.

8 мая 1945 года экипаж Шолоховой совершил свой последний боевой вылет на прикрываемый мощной немецкой истребительной авиацией крупный порт Либава, чтобы сорвать эвакуацию на военных кораблях гитлеровских войск и их военного имущества. Бомбардировки Либавы были настолько сложны, что летчики поговаривали: «Хочешь славы — лети на Либаву!». Сбрасывая бомбы на цель, Ольга Митрофановна чувствовала, как от разрывов зенитных снарядов содрогается воздух, в кабине от порохового дыма трудно дышится, а на самолет градом летят осколки.

Своим мастерством и умением летать в любых сложных метеорологических условиях Шолохова вызывала восхищение не только у однополчан, но и у летчиков французского авиационного полка «Нормандия-Неман». Однажды экипажу под ее командованием в сильную метель пришлось совершить вынужденную посадку на аэродроме, где базировался французский авиационный полк. Летчики-французы с удивлением увидели снижающийся самолет и были восхищены, увидев, что тяжелый пи-

Парад Победы в Москве. Вторая справа — О.М. Шолохова

кирующий бомбардировщик пилотирует девушка. А это были пилот Ольга Шолохова и штурман Валентина Волкова. Полковник Кюффо от имени французских летчиков выразил свой восторг отважным девушкам: «Если бы мы могли сорвать цветы всего мира и положить их к вашим ногам, то и этим мы не смогли бы выразить своего восхищения советскими летчицами».

За образцовое выполнение боевых заданий и проявленные при этом смелость, мужество и героизм, мастерство и умелую организацию боевой работы своего подразделения Ольга Митрофановна в годы Великой Отечественной войны награждена 18 орденами и медалями, среди которых орден Красного Знамени, два ордена Отечественной войны I степени и орден Александра Невского.

В составе девяти лучших экипажей О. М. Шолохова участвовала в 1945 году в параде Победы в Москве.

После войны, отслужив в Югославии и Прибалтике, демобилизовавшись по состоянию здоровья, Ольга Митрофановна вернулась в родной Борисоглебск. Здесь ей повстречалось повстречаться со своей однополчанкой, Героем Советского Союза Клавдией Фомичевой, жившей в нашем городе до 1955 года и преподававшей в авиаучилище. В 1964 году Шолохова переехала на постоянное место жительства в Горький (ныне — Нижний Новгород), где долгие годы вела большую работу по патриотическому воспитанию молодежи.

По воспоминаниям родственников, окружающих всегда поражало, как в этой маленькой, хрупкой женщине совмещалось несовместимое: она была очень серьезной и нежной одновременно, была очень скромной, любила порядок и дисциплину и с боль-

шим удовольствием занималась общественной работой.

«А как тетя Леля умела устраивать праздники и дарить подарки! Новогодние елки у них дома были не хуже, чем утренники в школе! Тетя Леля притаскивала всегда большую пушистую елку, красиво наряжала в центре зала (несмотря на послевоенные годы, игрушек на елке было много), приглашала соседских детей, и все, собравшись в столовой, выкрикивали перед закрытыми дверями «елочка, зажгись!», а потом летели в распахнутые двери к красавице-елке, которая вся была в горящих свечах! Потом всегда были хлопушки с вылетающими оттуда сюрпризами, домашние спектакли, вкусный новогодний ужин и получение подарков из-под елки.

На дни рождения она тоже умела сделать такой подарок, который очень нравился и был весьма кстати! И где она их только брала, когда в магазинах-то почти ничего не было?! Она умела и очень хотела нас порадовать! Летом весело у них было! Сестры с семьями приезжали в гости со всех концов страны.

Всю жизнь тетя Леля вела переписку со своими боевыми подругами.

А когда тетя Леля одной из первых в городе купила телевизор, то в их доме открылся бесплатный телетеатр, и соседи со всего квартала приходили по вечерам его смотреть. Хватало тети Лели на все и на всех! Очень БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ было у тети Лели!».

К сожалению, сегодня Ольги Митрофановны уже нет с нами, но род ее продолжают сын Юрий, 2 его дочери, 5 внуков. И те семейные наказания, которые когда-то завещали отец и мать Ольги Митрофановны, теперь несут по жизни новые поколения этой уникальной семьи.

Николай Третьяков

НАРОДНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ С УЛИЦЫ НАРОДНОЙ

В старинном провинциальном городе Борисоглебске, с каждым годом теряющем свои былые черты, еще сохранился двухэтажный купеческий особняк, в котором с довоенных лет до начала 1970-х годов размещалась местная прокуратура.

Такие строения в городе теперь все чаще идут под снос и на их месте воздвигаются новые, но почему-то не радующие глаз дома-крепости.

Боюсь, что колорит старого города скоро останется лишь на небольших полотнах замечательного художника из этих мест П.И. Шолохова, оставившего потомкам свою любовь к родному Борисоглебску в серебристой палитре 40-50-х годов прошлого столетия.

Но этот дом из прошлого на ул. Народной пока еще жив и многое хранит в своей кирпичной памяти.

Впервые порог этого государственного учреждения я переступил в 1968 году из чистого любопытства.

Будучи сельским школьником и зачитываясь «Записками следователя» Льва Шейнина, я натолкнулся на документальный рассказ бывшего начальника следственного отдела Прокуратуры СССР «Судебная ошибка», действие которого происходило в конце 1930-х годов и связано было с раскрытием убийства молодой девушки Анны Долговой в соседнем селе Губари бывшего Пес-

ковского, а ныне Борисоглебского района. Трагедия заключалась не только в жестокости преступления, но и в том, что два невиновных человека были привлечены к уголовной ответственности и один из них был осужден к высшей мере наказания.

После отмены Верховным судом РСФСР незаконного приговора расследование этого преступления было поручено другому следователю.

Я был поражен тем, что раскрыл это незаурядное преступление, нашел настоящих преступников и попал, таким образом, в сборник рассказов знаменитого сыщика прошлого не кто иной, как народный следователь г. Борисоглебска, нашего районного центра, Серафим Александрович Тихомиров.

В то время я даже предположить не мог, что Серафим Александрович жив, здоров, только что вышел на пенсию, ему было всего 63 года. Но мне тогда, по молодости, казалось, что следователь-легенда может жить только в прошлом.

Робко ступая по скрипучей деревянной лестнице, я поднялся на 2-й этаж этого заведения, поразившего меня чрезмерным аскетизмом коридорной мебели и облезлым черным дерматином начальственных дверей.

Испытывая трепетное чувство соприкосновения с довоенной историей, главным героем которой был народный следователь Тихомиров, ранее работавший за одной из

этих дверей, я не замечал скудости окружающей обстановки.

Суровая простота государственного учреждения вызывала во мне обостренное чувство справедливости и равенства всех перед законом рабоче-крестьянского государства, чему так усердно учила нас советская школа.

Покидая здание прокуратуры, я еще не мог и предположить, что через несколько лет, после средней школы, армии и юридического факультета, я тоже начну свою трудовую деятельность следователем одной из районных прокуратур.

Проработав в органах прокуратуры 30 лет, и 7 лет в Следственном комитете РФ, познав не по книжкам специфику следственной деятельности и во многом изменив свое отношение к автору «Записок следователя», я по-прежнему сохранил в своей душе восторженно-детское отношение к народному следователю с ул. Народной. С годами, узнавая подробности о его профессиональной жизни, я проникнулся к нему еще большим уважением.

«Родился я в 1904 году, 20 декабря, в г. Козельске бывшей Калужской губернии... в семье служащего», — писал в автобиографии Серафим Александрович в 1954 году.

«Отец мой, Тихомиров Александр Алексеевич, работал учителем сельской школы села Булатова бывшего Козельского уезда; мать, Тихомирова Наталья Егоровна, занималась домашним хозяйством.

До 1919 года я жил с родителями, на их иждивении. Образование имею незаконченное среднее: 4 класса начальной школы и 2 класса бывшей мужской гимназии г. Козельска. Дальнейшее обучение был вынужден прекратить за отсутствием средств по болезни отца.

С 1919 года начал «самостоятельную трудовую жизнь».

И эта «самостоятельная трудовая жизнь» составила ровно 45 календарных лет и была полностью посвящена правоохранительной системе.

Первые пять лет юный Тихомиров работал в нарсуде 5 участка города Козельска «сперва конторщиком, затем секретарем».

Следующие 10 лет Тихомиров служит в органах внутренних дел старшим участковым милиционером, начальником волостной милиции, агентом и уполномоченным уго-

ловного розыска сначала в Козельске, а потом в городах Брянске, Липецке и Коротояке. На службе в милиции Серафим Александрович заболел туберкулезом легких. И эта болезнь преследовала его потом на протяжении всей жизни.

Из-за нее 30-летний Тихомиров вынужден был 15 ноября 1934 года из органов внутренних дел перейти на службу в прокуратуру г. Коротояка на должность народного следователя.

К этому времени у Серафима Александровича не было никакого юридического образования, зато был бесценный опыт оперативной работы в уголовном розыске и природный ум.

А специальное образование, если так можно назвать 9-месячные курсы переподготовки следователей, он получит много лет позднее, уже будучи дважды признанным одним из лучших следователей Советского Союза.

На должности следователя районного масштаба Тихомиров проработает по нынешним меркам фантастически долго, более 30 лет, из них последние 25 лет в межрайонной Борисоглебской прокуратуре.

Если учесть, что нынешние следователи районных отделов Следственного комитета способны выдержать физические и психические нагрузки в течение 3-5 лет, а потом стараются сменить профиль работы, то следовательское долголетие С.А. Тихомирова можно объяснить только большой любовью и преданностью своему делу.

В канун своего 60-летия Серафим Александрович подаст заявление об уходе на пенсию в связи с состоянием здоровья, и просьба его будет удовлетворена 3 января 1965 года.

...«Судебная ошибка. Какое это чугунное и страшное слово! Вдумайтесь в него, и вы увидите человека, который пострадал ни за что, беспомощность его отчаяния, бессилие его правоты, всю горечь его унижения и трагическую обреченность его судьбы.

За этим словом вы слышите напрасные рыдания его родных и видите растерянность и горе его близких...

И если мучительна и опасна ошибка хирурга, если недопустима и ужасна ошибочность врачебного диагноза, если преступна халатность железнодорожного стрелочни-

ка и потеря бдительности народного машиниста, то как квалифицировать по тяжести своих последствий ошибку, халатность, равнодушие и душевную тупость следователя, прокурора, судьи?»

Эти рассуждения из документального рассказа о Борисоглебском следователе Тихомирове Льва Шейнина стали для моего поколения юристов классическим образцом нравственного отношения к делу, которому мы служим.

Вместе с тем, думать о том, что написавший эти пронзительные строки о высокой нравственности начальник следственного отдела Прокуратуры Союза ССР не был осведомлен о полутора миллионах незаконно репрессированных по так называемым политическим преступлениям, 700 тысяч из которых были расстреляны — занятие мало-перспективное.

Или Шейнин по формальным соображениям отрекался от дел, которые носили несудебный порядок?

Тоже неубедительно, потому что немало дел о политических преступлениях рассматривалось и в областных судах.

Я не исключаю, что у талантливого писателя, прямо или косвенно причастного в силу своих должностных обязанностей к массовым репрессиям, по-настоящему болела душа по погубленным душам. Ведь с каким знанием дела и поразительным психологизмом он описывает состояние незаконно осужденных и незаконно приговоривших:

«Они выслушивают приговор стоя, с серыми лицами и потухшими глазами. По мере его оглашения их щеки все более заливают бледной, покойницкой синевой, и, когда, наконец, приговор вами прочитан до конца, то они и в самом деле уже почти покойники.

Потом вы возвращаетесь домой, но вам не по себе. Вы не можете сосредоточиться, успокоиться, уснуть, работать. Жуткая мысль, которую Вы не в силах отогнать, неустанно вас гложет. Она неумолима и прилипчива, как тяжелая, неизлечимая болезнь, она мучительна и ужасна, как ночной кошмар. Она беспощадна и неотвратима, как... приговор, который подписали вы».

Никак не хочется верить, что это писательский фарс или политический заказ.

Но судя по тому, что этот рассказ в Советское время переиздавался не менее

трех раз, нужен был читателю, уставшему от несправедливости, мне представляется, что Лев Шейнин попал в самую точку. Он не покривил душой, взяв за основу рассказа уголовное дело следователя Тихомирова, но этой малой правдой он закрыл большую неправду 1930-х годов, за которую был в определенной степени в ответе.

Поэтому говорить на эту тему нет никакого смысла.

Для меня самое главное заключается не в том, из каких соображений написал этот хороший документальный рассказ Лев Шейнин, а совершенно в другом.

Избегая политического пафоса шейнинского повествования и писательского домьсла я постараюсь быть ближе к материалам того дела, используя приказ прокурора Воронежской области № 196 от 10 июля 1940 года о поощрении народного следователя Тихомирова С. А.

«...В ночь на 31 декабря 1938 года было произведено в Песковском районе вооруженное нападение на дом колхозницы Долговой Татьяны и при этом убили Долгову Анну.

На место происшествия прибыл следователь Песковского района товарищ Попов. Узнав по телефону о совершении преступления, следователь не распорядился о сохранении обстановки на месте происшествия и недопущении посторонних лиц. Протокол осмотра места происшествия был составлен следователем Поповым плохо, в общих словах, место происшествия, обстановка в доме и около дома, расположение трупа, предметов подробно не были описаны.

Выставленная преступниками оконная рама и разбитое стекло не были осмотрены, и следователь Попов совершенно ничего не сделал, чтобы установить — кому они принадлежат.

Вскрытие трупа было поручено «случайному» эксперту, и следователь даже не обратил внимания эксперта на то, что не вскрыты брюшная и грудная полости.

Ни при осмотре места происшествия, ни при вскрытии трупа наружный осмотр его не производился.

При вскрытии черепной полости убитого врачом был извлечен заряд кустарной дроби и пыжа из бумаги, вырванной из ученической тетради.

При обыске у лиц, заподозренных в убийстве, были изъяты такого же вида дробь и ученические тетради, которые по халатности следователя были уничтожены, и вследствие этого не представилось возможным исследовать для идентификации дробь и бумагу.

Расследование дела об убийстве Долгой Анны не было сосредоточено у следователя, а следствием занимались все: следователь и три работника милиции, хотя дело числилось в производстве следователя. При такой обезличке за следствие никто не отвечал, никто не нес ответственности за его исход, за сохранность и использование вещественных доказательств, поэтому и следствие проводилось без плана, без всякой целеустремленности, а как попало.

4 и 6 января 1939 года были арестованы Забрусков и Ахтырский только потому, что они в прошлом были судимы за уголовные преступления.

24 января был арестован Водолазов, у которого при обыске обнаружили ценные доказательства, уличившие его и других лиц в совершении ограбления, в колодце — части награбленных вещей и его собственноручная запись о вырученных деньгах за проданные в г. Сталинграде награбленные вещи и охотничье ружье.

Постановление о приобщении этих предметов к делу в качестве вещественных доказательств не составлялось, и в довершение, некоторые из них пропали по вине следователя Попова.

Забрусков, Ахтырский и Водолазов были помещены в милиции в одной камере, что также явилось грубейшей ошибкой следственных работников. Первые два категорически отрицали свою виновность в ограблении. Водолазов признал себя виновным и оговорил, как потом было установлено, Ахтырского и Забрускова. Следствие проводилось с нарушением требований ст. 111 УПК РСФСР, алиби Ахтырского и Забрускова не было проверено.

1 марта 1939 года Ахтырский был приговорен облсудом к расстрелу, Забрусков и Водолазов — к 10 годам лишения свободы.

Ввиду явной недоследованности дела Верховный суд РСФСР отменил приговор облсуда и возвратил дело на доследование.

Вторично дело доследовалось старшим

следователем облпрокуратуры, но также неглубоко, и новые данные не были выявлены, вторично дело было возвращено к доследованию.

1 сентября, через 9 месяцев после совершения преступления, дополнительное расследование поручено следователю г. Борисоглебска товарищу Тихомирову, который, в отличие от своих предшественников, расследование начал по-иному и приступил к проверке таких «мелочей» и таких обстоятельств, мимо которых прошли следователи и суд.

Изучив материалы, собранные до него, т. Тихомиров выдвинул предположение, что в ограблении участвовал некто Марковский. Эта версия была не беспредметная, а вытекала из показаний свидетелей, но за эту версию никто не ухватился.

Товарищ Тихомиров не ограничился определением облсуда, а повел следствие по новому пути и в то же время перепроверил все материалы в отношении Водолазова, Ахтырского и Забрускова.

В процессе дополнительного следствия он пришел к правильному и обоснованному выводу, что с Водолазовым участвовал в ограблении не Ахтырский, который вовсе невиновен, а Марковский, что Забрусков также не причастен к этому делу, а виновен Добрынин, который показал дом Долговой и предоставил свой мешок грабителям, что он выполнял роль наводчика.

Товарищ Тихомиров установил, что к Водолазову в камеру предварительного заключения при песковской районной милиции был подсажен органами милиции (по согласованию со следователем Поповым) Марковский для получения секретных сведений от Водолазова, с которым он очень дружил. Посидев одну ночь, Марковский по договоренности с Водолазовым «разоблачил» невиновных лиц и ответил от себя удар.

Марковский «разоблачил» и Водолазова, но в такой степени, что последний стал второстепенной фигурой, а всю тяжесть обвинения взваливал на Ахтырского, которого облсуд приговорил к расстрелу. После этого «разоблачения» Марковский скрылся, но был обнаружен органами милиции в мае этого года на одном из оборонных предприятий.

Товарищ Тихомиров зафиксировал при

помощи свидетельских показаний потерянные вещественные доказательства: оружие, часть дроби он собрал и направил во Всесоюзный институт юридических наук для производства судебно-баллистической экспертизы. В результате приговоренный к расстрелу Ахтырский и к 10 годам лишения свободы Забрусков были освобождены из-под стражи и дело в отношении них прекращено, привлечены к уголовной ответственности Марковский и Добрынин, и выяснилась роль Водолозова как организатора ограбления и убийцы Долговой Анны».

В селе Губари до сих пор помнят и передают из поколения в поколение устный рассказ о том, как в период «страшных лет России» один настоящий следователь вывел из-под расстрела ни в чем не повинного жителя села Макашевка Ахтырского и спас от лагерей их односельчанина Забрусского.

Конечно, для того времени это было нехарактерное дело.

Но для народного следователя Тихомирова при всей его запутанности, мне кажется, оно не представляло большой сложности. И вот почему.

Ознакомившись с материалами уголовного дела и побеседовав с арестованными, Тихомирову нетрудно было понять, что обвинение Ахтырскому и Забрусскому шито белыми нитками, а их алиби никто серьезно не проверял, что он и сделал, выехав в с. Губари.

Как знающий не понаслышке оперативную работу милиции и ее роль в раскрытии убийств, он не стал бы приступать к следствию, не ознакомившись с соответствующими секретными материалами. А в них он легко обнаружил фамилию Марковского как доверенного лица милиции, который, согласно показаниям, имеющимся в деле, мог быть участником преступления.

Но эти показания предыдущими следователями не были приняты во внимание и не проверены.

Все вроде бы очень просто, но только для таких следователей как Тихомиров, за плечами которого кроме следственной работы было 10 лет работы в уголовном розыске.

В качестве поощрения за расследование этого дела он получит от прокурора области Калькова благодарность и путевку в санаторий для лечения туберкулеза.

Я смотрю на фотографию С.А. Тихомирова довоенной поры, на которой он снят в гимнастерке без погон. Классные чины будут присвоены только в 1943 году. Его лицо и одежда просты и строги как предвоенное время.

Поражает какая-то глубокая внутренняя собранность и сосредоточенность, некая затаенная своя правда, которая бывает только у глубоко верующих людей.

Я не знаю, был ли таковым Серафим Александрович, потому что в то время об этом распространяться было нельзя по известным причинам.

Но то, что Тихомиров не вступил в коммунистическую партию, работая в «передовых» государственных учреждениях — это факт бесспорный и говорит о многом.

Сохранился акт комплексной проверки прокуратуры города Борисоглебска за 1952 год, где из четырех человек по штату только он один беспартийный.

Небезынтересна его характеристика: «Тихомиров Серафим Александрович, 1904 года рождения, беспартийный, образование общее — незаконченное среднее, юридического образования не имеет... Дисциплинарных взысканий не имеет. Награжден двумя медалями. Занятий политшколы не посещает и над повышением своего идейно-политического уровня не работает, читает художественную литературу и газету «Правда», местную газету «Борисоглебская правда», присвоен классный чин юриста 2 класса».

В 48-летнем возрасте с восемнадцатилетним стажем работы в прокуратуре Тихомиров имел всего лишь лейтенантские погоны!

При всем том, что Тихомиров продолжал «вытягивать» сложнейшие дела. Его опять бросали туда, где другим было не под силу.

Об этом свидетельствует бывший заместитель прокурора Воронежской области С.М. Ходыревский, который, собирая материалы об истории прокуратуры, в 1972 году встречался с пенсионером Тихомировым С.А., ознакомился с его личным архивом и записал рассказ старейшего следователя о расследовании им убийства в одном из сел Нижнедевицкого района в конце 1940 года.

Вдова Попова В.Г. вместе с пятью ее детьми была обнаружена в своем доме с многочисленными рублеными ранами. Дом

после убийства загорелся, но односельчанам удалось погасить пожар.

При осмотре места происшествия удалось обнаружить топор со следами крови...

Изучение биографии подозреваемого Карташева прояснило возможную мотивацию преступления: Попова до 1917 года работала у Карташева батрачкой. После революции Попова стала активисткой, после раскулачивания Карташева она поселилась на отобранной у него земле, да еще стала пользоваться его колодцем, что стало последней каплей. Это бывший собственник Карташев переносил с трудом, видя в Поповой и ее детях воплощение зла, которое ему причинила Советская власть. Шаг за шагом, продолжая собирать по крупинкам доказательства, Тихомиров все-таки восстановил картину страшного убийства...

Поздно вечером с отточенным топором Карташев постучался к своей «соседке», твердо зная, что она дома одна с детьми. Попова, ничего не подозревая, впустила соседа. Убив ее на пороге, Карташев с целью сокрытия преступления убивает и спящих детей.

Это преступление носило отголосок классовой борьбы в деревне. Но уголовных дел Тихомиров не выбирал. Если их поручали, он их лишь добросовестно расследовал.

В один из октябрьских дней 1949 года стало известно, что при загадочных обстоятельствах исчез с рабочего места начальник охраны Народненского пункта «Заготзерно» Алешковского района Щербатых А.А. с имевшимся у него оружием. Расследование этого дела было поручено Тихомирову С.А.

14 дней и ночей следственно-оперативная группа во главе со следователем Тихомировым отработывала все возможные варианты преступления в отсутствии трупа Щербатых.

Тихомировская логика, скрупулезность и последовательность в работе вскоре привели к обнаружению преступников, которые, будучи застигнутыми начальником охраны врасплох при хищении со склада зерна, задушили его и труп выбросили с моста в речку Карачан.

Всего по этому делу было арестовано и осуждено 14 человек.

Опыт успешного расследования Тихомировым С.А. сложных уголовных дел после этого освещался в ряде пособий, в частности, в книге С. Стеничева «Расследование разбоев», Москва, 1955 год.

Несмотря на «низкий идейно-политический уровень» в 1952 году Тихомиров из 17 ранее приостановленных за нераскрытием преступлений дел по 12 делам установил преступников, направив дела в суд, о чем свидетельствует приказ № 42 от 28 февраля 1953 г.

Бывший следователь межрайонной Борисоглебской прокуратуры Торгашин А.П., вспоминая своего наставника, у которого проходил практику в 1950-х годах, рассказывал мне, что Серафим Александрович был довольно замкнутым человеком, говорил мало и только по существу, в общественных мероприятиях участия принимать не любил, работу следователя ставил превыше всего, своему труду цену знал, за что считался человеком гордым.

Проживая на скудную пенсию вдвоем со своей супругой, он был своей гордости не изменял — помощи ни в чем не просил.

Умер легендарный следователь в 1991 году, похоронен в г. Борисоглебске, с которым была связана десятилетиями его трудовая деятельность и где на ул. Народной еще стоит старинное здание бывшей местной прокуратуры и народного суда.

Игорь Лукьянов

СЮЖЕТЫ ИЗ РАСКРАШЕННОЙ ГЛИНЫ

По профессии Станислав Рудаков — ветврач. После окончания Воронежского сельхозинститута всю жизнь проработал по специальности. Несколько лет перед уходом на пенсию трудился на птицеферме бывшего совхоза «Борисоглебский». Когда переехал в совхоз — дали квартиру в поселке Мироплюбие, где и по сей день живет со своей женой Валентиной Григорьевной.

В поселке Рудакова знают не только как хорошего специалиста, интеллигентного человека, но и как замечательного художника. Созданные им необычные красочные картины украшают квартиры многих мироплюбцев. Несколько его работ можно увидеть и в местном Доме культуры.

— Тяга к искусству проявилась во мне еще в школьные годы, — рассказывает Станислав Васильевич. — С большим желанием оформлял стенгазеты, рисовал плакаты, писал лозунги. Этим позднее приходилось заниматься и в институте, и на работе.

Человек с душой художника, Станислав Васильевич всегда искал какие-то новые формы реализации своих способностей.

— Раз увидел картину, выполненную способом «соломки», — говорит он. — Понравилось и, что называется, зацепило. Решил сам попытаться сделать нечто подобное. Нашел литературу по этому виду прикладного искусства и приступил к делу. Отобрал несколько понравившихся мне рисунков со ска-

зочным сюжетом. Перечертил их на картонный лист. Затем обработал солому — сначала поместив ее в горячую воду, а потом прогладив утюгом. Из получившихся тонких соломенных полосок стал создавать рисунок.

Станислав Васильевич показал несколько работ, выполненных в технике «соломка», — как плоских, так и объемных. Сильное впечатление произвела и сплетенная из соломы золотая часовенка.

Центральное же место в домашнем музее занимают вылепленные из глины люди, животные, птицы, растения, которые приклеиваются к определенного размера куску картона, ДВП, фанеры и раскрашиваются. Стены квартиры во всех комнатах увешаны этими объемными красочными картинами по мотивам русских народных сказок, сельского быта, сельской природы.

— Лепниной я заинтересовался, прочитав в одном из журналов о художнице-лепщице Ирине Емелиной. Увидел на фотоснимках ее работы и решил: надо попробовать, — говорит Станислав Васильевич. — Накопал глины, разбавил водой. Размял как следует. Стала она в руках как пластилин. И приступил к делу.

Станислав Васильевич принес и подал мне комоч подготовленного к работе исходного материала. Попробовал мять. Действительно, глина ничем не отличалась от пластилина и даже была, на мой взгляд, более эластичной.

— Всякая глина подходит? — поинтересовался я.

— Да, проблем нет. Главное, чтобы как можно меньше было в ней песка. На окраине нашего поселка можно найти много мест, где есть подходящая глина.

За месяц Рудаков создает в среднем две-три работы. Есть которые посложнее, на них и времени затрачивается больше. Главным оценщиком того, как получилось, является, конечно, жена.

— Летом Станислав работает в мастерской, а зимой — в доме, — говорит она. — Расстилает на полу газеты и начинает лепить. Потом обрабатывает вылепленное наждачкой. Далее в ход идут эмаль, лаки и краски. Приятно, конечно, что муж видит во мне главного эксперта, советуется. Правда, когда я говорю: «Художник рисует», он тут же поправляет: «Не рисует, а пишет».

О сельском художнике знают не только в Миролюбии, но и в Борисоглебске. Городской отдел культуры дважды награждал его почетными грамотами. Самобытные вещи Рудакова приобрели туристы из Франции и Германии.

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ

В моей родне по отцовской, лукьяновской, линии было два летчика — мой отец, Владимир Степанович Лукьянов, и брат моего деда Степана, Сергей Иванович Лукьянов. Оба прошли войну и встретили победу в Берлине.

...Начало пятидесятых. Годы моего раннего детства. Борисоглебск. Тихий привокзальный переулочек. Автомшины по нему почти не ходят. Весь, как лесная поляна, покрыт травой. А во дворе благоухает рассаженный бабушкой Таней цветник. Особенно крепок аромат петуний, львиного зева, душистого табака и других цветов к вечеру. В саду журчит набирающаяся в деревянную кадushку вода, а мы с Юркой — сыном Сергея Ивановича — пытаемся дотянуться до крана недавно сколоченного моим дедом летнего душа. Сергей Иванович жил в те годы неподалеку: за углом на улице Сенной. Наши семьи довольно часто общались. Уже тогда я знал, что дядя Сережа — Герой Советского Союза. И зачастую в разговорах упоминался прославленный летчик По-

крышкин, с которым дядя воевал в одной авиадивизии.

Дед и его брат были родом из Станичной, находящейся в южной стороне Борисоглебска слободы. Там проживал в основном мастеровой люд, работающий в железнодорожных мастерских. Жили бедно, в постоянной нужде. И тем не менее, братья смогли получить образование и выйти в люди. Степан окончил Воронежский политехнический техникум. Занимал руководящие должности на тогдашнем вагоноремонтном заводе. Там же периодически, в молодости и в послевоенные годы, — довелось трудиться Сергею, для которого основной была профессия летчика.

После тяжелой болезни в феврале 1954 года умер дед, а через полгода под Тамбовом во время учебных полетов на «МиГ-17» погиб отец. Связь с семьей Сергея Ивановича Лукьянова прервалась. Несколько встреч со своим дядей состоялось у меня уже в девятых годах. К тому времени он остался последним из здравствующих в Борисоглебске Героев. Несколько раз я приходил к нему на квартиру, где он жил с семьей сына Юрия. Подарил несколько вышедших у меня к тому времени стихотворных сборников. Вспоминали моего деда, отца, других родственников ветви лукьяновской. Рассказывал Сергей Иванович подробно и о своей жизни, об участии в воздушных боях, о Покрышкине и других геройских летчиках. Был он, несмотря на достаточно солидный возраст (под девяносто), еще достаточно бодрым, словоохотливым стариком. На прощанье я ощутил довольно крепкое рукопожатие. Кто знал, что последнему Герою Борисоглебска жить осталось чуть больше года...

После войны Сергей Иванович Лукьянов вел большую военно-патриотическую работу. Много встречался с рабочей, учащейся и военной молодежью. Имел обширную переписку. Передал он мне для подготовки газетного материала кипу черновики своих писем, которые уходили во все концы Советского Союза. И сейчас они, написанные бегущим размашистым почерком, лежат в моем рабочем письменном столе.

«В 1931 году по путевке горкома комсомола я отбыл в Ленинград в теоретическую школу летчиков, которую закончил в 1933

году, — пишет Сергей Иванович. — В 1935 году закончил практическую школу летчиков в Оренбурге...»

Великая Отечественная война началась, когда Лукьянов проходил службу на Дальнем Востоке. Оттуда в составе 40-го истребительного авиаполка в должности командира эскадрильи отбыл на фронт.

Двадцатого августа 1941 года он принял участие в первом воздушном бою под Днепропетровском. 22 мая 1942 года был ранен. Второе ранение получил 7 сентября под Моздоком. 8 мая 1943 года прибыл на Кубань в девятую гвардейскую истребительную авиадивизию, где встретился с легендарным Александром Покрышкиным.

«В июне 1943 года нас перебросили освобождать Донбасс, — пишет Лукьянов. — И здесь я крепко подружился с Сашкой Покрышкиным. В связи с этим вспоминается следующий эпизод. Когда мы перелетели в Донбасс, то встретились с командиром батальона. Он сказал нам, что, вот, вы, летчики-истребители, а фашистская авиация свирепствует, не дает наступать нашей пехоте. Сашка ему говорит: «Ничего, поможем нашей царице полей. Очистим небо». Командир батальона ему в шутку ответил: «Постарайтесь, а то я еще не видел, как падают с неба фашистские пираты». А Сашка тоже в шутку: «Давай поспорим на спирт. Сколько дашь за каждого сбитого?». Тот отвечает: «Три литра». Покрышкин говорит: «Три литра много, а то с пиратами не справимся. Давай — по одному». На том и сговорились...»

В боях за освобождение Кавказа, Кубани и Донбасса С.И. Лукьянов сбил пятнадцать фашистских стервятников, и ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

В одном из писем, датированных семидесятым годом, Лукьянов писал: «Много моих боевых товарищей отдали свои жизни за счастливое будущее нашего народа. Мне удалось остаться в живых и прожить после войны четверть века. Как за эти годы выросла и окрепла наша страна! Летчики стали летать в космос. Значит, не зря мы бились с фашизмом, не жалея своей молодой жизни...»

Увы, потеряв своего сына Юрия, Герой умирал одиноким и больным. Через родственников он передал, чтобы я пришел к нему. Сразу не получилось. А когда собрался, было уже поздно.

С.И. Лукьянов

Прости, Сергей Иванович!..

Наш первый телевизионный канал во главе с К. Эрнстом своим шоу «Последний герой» низвел героизм до уровня искательства приключений, авантюризма, развлекаловки. Известные на всю страну люди купались в грязи, питались чем попало, проделывали разные трюки, чтобы выйти победителем и получить три миллиона.

Но героем нельзя стать в жажде приобрести три миллиона или три миллиарда.

Героизм зиждется на таких святых понятиях, как бескорыстие, патриотизм, честь Родины. Эти понятия — в душе человека, в его крови. Ни купить, ни продать их нельзя.

Сергей Лукьянов, паренек из рабочей слободы, которого Советская власть вывела в люди, дрался за эту власть, за свое дорогое сердцу Прихоперьье, за страну, раскинувшуюся от южных гор до северных морей. В стихотворении Юрия Кузнецова «Сказка о Золотой Звезде» все имеющий, обласканный властью генерал-Герой просит у пойманной им золотой рыбки вторую звезду Героя. И вот что из этого вышло:

— Чего желать, когда я все имею:
И армию, и волю, и идею.
Звезду Героя, голос депутата,
Том мемуаров, ореол и злато.

И то сказать, жена и дочь в меху,
Сын дипломат...
Подобной речи с трепетом внимая,
Раздумалась и молвит золотая;
— Герой! Моя судьба не в той воде,
Но что ты скажешь о второй Звезде?
И он махнул: — Согласен на вторую: —
И бросил в воду рыбку золотую.
И грянул гром! Ни свиты, ни машин.
В широком поле он стоит один.
В солдатской гимнастёрке, — и зажата
В его руке последняя граната.
И на него идут со всех сторон
Четыре танка из иных времен...

ЗНАТЬ И ПОМНИТЬ

Занятие краеведением преподаватель русского языка и литературы Махровской общеобразовательной школы Галина Ластовкина не считает какой-то особой заслугой.

— Я же учительница, — говорит она. — И в силу своих прямых обязанностей должна знать историю края, где живу я и мои ученики.

Здесь учительствовал Троепольский

С борисоглебским селом Махровкой связана биография всемирно известного воронежского писателя, создателя повести «Белый Бим черное ухо» Гавриила Троепольского. Об этом, в сущности, в настоящее время никто в Махровке не знал, пока данный факт истории села не обнаружила учительница местной школы Ластовкина.

— Однажды я прочитала в «Учительской газете», что Троепольский какое-то время работал учителем в нашем селе, — говорит Галина Николаевна. — Захотелось узнать об этом подробнее. Стала искать документы. Вышла на учительницу Е.С. Дедову, которая работала в Махровке. От нее узнала, что в начале тридцатых годов прошлого века Гавриил Николаевич преподавал в Махровской школе биологию. Здесь же работали его жена и сестра. То было еще в старом здании сельской школы, где Троепольский не только трудился, но и жил.

Галина Николаевна обратилась с ходатайством к руководителю Махровского территориального отдела об установлении

на доме, где работал Троепольский, памятной мемориальной доски. Это предложение нашло поддержку в администрации Борисоглебского городского округа. Двадцать пятого мая 2013 года в торжественной обстановке состоялось открытие памятного знака.

В школьном краеведческом музее по инициативе и при активном участии Галины Ластовкиной оформлен большой стенд, посвященный жизни и творческой деятельности автора Белого Бима.

Поэт-фронтовик

В кабинете русского языка и литературы, где Галина Ластовкина ведет свои уроки, есть литературный уголок. Значительное место в нем занимают материалы, относящиеся к биографии и творчеству воронежского поэта-фронтовика Ивана Пущина. Здесь — сборники его стихотворений, журнальные публикации, переписка с различными периодическими изданиями.

Иван Пущин родился в Махровке в 1923 году. Учился в сельской школе, рассказывает Галина Николаевна, в 1942 году ушел на фронт. Боевыми дорогами дошел до Берлина. После войны служил в Вооруженных силах. Демобилизовавшись, жил в Воронеже.

В 1957 году у Пущина вышел первый сборник стихотворений «Заветный адрес», в 1961-м появляется следующий — «Под солнцем и грозами», а в 1976-м был выпущен его последний сборник «Под открытым небом». Эту книжку Иван Захарович прислал в Махровскую школу с дарственной надписью: «Учителям родной школы, давшей мне путевку в жизнь».

— Мы организовали литературный клуб, послали поэту-земляку письмо, — говорит Галина Николаевна. — Но ответ получили уже от его жены Людмилы Михайловны, которая сообщила нам о смерти поэта. Иван Захарович умер от тяжелой неизлечимой болезни. Переписка с вдовой поэта длилась 10 лет. За эти годы она прислала в школу материалы из архива мужа, журналы «Звезда», «Подъем», «Советский воин», «Пограничник» со стихами Пущина, а также рассказывала в письмах о некоторых интересных фактах его биографии.

СОДЕРЖАНИЕ

журнала «Подъём» за 2014 год

ПРОЗА

Андрей Авраменков. Оля и снаряд. Рассказ.....	11	Алексей Кульков. Урок из детства. Рассказ.....	12
Виктор Алёхин. Только три слова. Рассказ	3	Александр Лапин. Русский крест. Роман-эпопея. Книга четвертая. Вихри перемен.	2
Иван Анчуков. Из жизни и записных книжек	8	Андрей Матвеевко. Вожак. Рассказ ...	5
Анатолий Бавыкин. Холостяцкая комната. Рассказы	2	Инна Мельницкая. Митька. Повесть ...	4
Валерий Бубельник. Покровские рассказы	8	Наталья Моловцева. Берега вечности. Повесть	9
Александр Бунеев. Фонтан. Рассказы	4	Екатерина Наговицына. Энгенойская ведьма. Повесть	1
Пятирим Варфоломеев. Дай лапу на счастье. Непридуманные рассказы о собаках	3	Виктор Никитин. Нет и нет... Рассказы	5
Виктор Герасин. Живоносный источник. Повесть	10	Дмитрий Орлов. Восемнадцать. Роман	5
Татьяна Грибанова. Двое. Рассказ. Палыч. Быль	7	Виктор Перегудов. По улице моих воспоминаний. Очерк. Из «Семи тетрадей». Миниатюры	8
Вальтер М. Диггельман. Допрос Гарри Винда. Роман. (Перевод с немецкого А. Репко)	1, 2, 4	Валерий Платонов. Веселые люди. Рассказ	3
Анатолий Дериглазов. Сезон охоты. Рассказы.....	12	Про меня эта песня. Бабушкины истории. (Публикация Д. Полуэктовой)	3
Иван Евсеенко. Трясина. Повесть	4	Владимир Пронский. Апельсиновая девочка. Роман	6
Борис Екимов. Осень в задонье. Повесть.....	11	Дмитрий Протасов. Спроси у бешеного солнца. Повесть	12
Дмитрий Ермаков. Забытая сказка. Рассказы.....	6	Юрий Прыгов. Японка. Рассказ	2
Светлана Замлелова. Неприкаянность. Рассказ.....	11	Валерий Роньшин. Город детства. Рассказы	8
Камиль Зиганшин. Лохматый. Рассказ	1	Анатолий Санжаровский. Колокола весны, или Герой из Книги рекордов Гиннеса. Роман	3
Валерий Казаков. Красная стрекоза. Рассказы.....	7	Марина Струкова. Батя. Рассказ	9
Василий Киляков. Бог помиловал. Рассказы	5	Александр Титов. Третье окно. Рассказы	10
Анатолий Крищенко. Сюр. Рассказ	4	Валерий Тихонов. Нет зверя опаснее. Рассказ.....	8
		Елена Тулушева. Надо будет как-нибудь посмотреть! Рассказ (Предисловие А. Казинцева)	11

Михаил Фёдоров. Сирота. Рассказ	10	Сагидаш Зулкарнаева. Выпив ночь из синей чашки.....	7
Виктор Фоменков. Однажды вечером. Рассказы	9	Диана Кан. Отверженное царство. (Предисловие Э. Анашкина)	5
Юрий Хабибулин. Укрощение строптивой. Рассказ	6	Василий Киселёв. Афганское солныце	6
Владимир Чаплыгин. Вовкина эвакуация. Рассказ	12	Николай Комолов. Последний лист	1
Виктор Чекиров. Как нарисовать птицу. Рассказ	3	Юрий Копысов. Лист невесомый упадет	12
Владимир Чернов. Хиромантия. Рассказы	6	Елизавета Коробихина. Звездочет	11
Сергей Чернов. Живая кровь. Рассказы	7	Кремнистая дорога	7
Евгений Шишкин. Тамара. Повесть ...	9	Алексей Крестинин. Церковный сторож	5
Евгений Шкрыкин. ...И я не стал майором. Записки бывшего капитана милиции	9	Артур Ктеянец. Полнолуние	4
Леонид Южанинов. Пленник судьбы. Роман	9	Василий Куликов-Ярмонов. Горизвет	2
	7	Светлана Курач. Молодильные яблоки	2
	7	Борис Лукин. Письмо в Новороссию	11
	4	Игорь Лукьянов. Любовь, дорога и полынь	9
	1	Игорь Лукьянов. На талом снегу	12
	8	Сергей Луценко. Камышинка	5
	3	Лидия Люличева. Огни, стерегущие дом	6
	7	Светлана Ляшова. На поводке уходящего солнца	11
	7	Екатерина Макушина. Дом из бумаги	7
	7	Елизавета Мартынова. Душа — таинственная птица	4
	4	Николай Матвеев. Золотой дождь	8
	1	Дмитрий Мизгулин. «Обопрუსь на белый теплый камень...».	2
	12	Надежда Мирошниченко. Звезда печального смирения	9
	3	Валерий Михайлов. Только под утро становится тихо	9
	5	Юрий Могутин. Контуры клетки	1
	3	Валентин Нервин. Заречье	7
	6	Александр Нестругин. Жизнь поперек реки. (Предисловие С. Иванова)	1
	5	Иван Николюкин. Я приду к тебе мальчиком с поля	12
	8	Юрий Перминов. Песни русской окраины	6
	1	Павел Поворов. Воронцы	3
	10	Игорь Покотилон. Немного правды о любви. (Предисловие А. Нестругина)	2
	12	Сергей Попов. Призрачная птица. (Предисловие Т. Повалюхиной)	9
	10	Дмитрий Порущкевич. Весна казалась невидимкою	2
	11	Раздвигая землю. Стихи борисоглебских поэтов 1960-70-х годов	12
	12		

ПОЭЗИЯ

Анатолий Аврутин. Белое свечение ...	4
Елена Александренко. В одиноком море ночи	1
Александр Аникеев. Всё хрупко	8
Виталий Апевалов. На холодном ветру	3
Марина Безденежных. Другие	7
Виктор Белов. Сияет белая гора. (Предисловие И. Чернухина)	7
Валентина Беляева. Курилась пыль над придорожьем... ..	4
Николай Беседин. Верстовые столбы	1
Александр Бобров. Славянские слова	12
Николай Боев. Бесхитростный странник	3
Анастасия Бойцова. Усталые глаза и тихий голос	5
Василий Боков. Серебряные травы....	3
Михаил Болгов. Воздаяние словом	6
Виктор Брюховецкий. Три цвета	5
В соснах запуталось долгое эхо. Стихи лискинских поэтов	8
Ирина Глушкова. Уже так близко холода	1
Светлана Голубева. Ветер	10
Федор Григорьев. Берега	12
Геннадий Ёлкин. Музыка и слово	10
Елена Ерёмкина. Горит осенняя заря	11
Зачем пойду я в этот мир... Стихи участников III Всероссийского фестиваля русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба»	12

Константин Рассадин. Город мой, веселый и отчаянный.....	6	Тамара Дьякова. Город, который посещают ангелы. (Творчество художника Александра Ворошилаина)	4
Тамара Романова. Холода	9	Римма Лютая. Душевный труд и тайное откровение. (Творчество художника Евгения Щеглова)	6
Александр Ромахов. Колодец.....	8	Игорь Маркин. Всюду родимую Русь узнаю... (Художник Валентина Сумина и ее мир)	11
Иван Сафонов. Ясная пора	8	Евгения Петрухина. Однажды вернуться	12
Юрий Силантьев. Человек, вернувшийся с войны	10	Евгения Петрухина. «Подарок для очей, души и сердца». (Борисоглебская картинная галерея им. П.И. Шолохова)	12
Елена Смолицкая. Простые вещи	10	Пулат Ташкенбаев. Анатолий Дуров в Туркестане. (К 150-летию со дня рождения великого артиста).....	11
Сергей Соколов. В садах разлившаяся ночь	10	Николай Тимофеев. Пройдет и это. (Заметки о современном театральном процессе)	1
Владимир Сорочкин. По свежему излому	1	Нина Турицына. Красота и честность танца. (Хореограф Марат Каримов)	4
Светлана Супрунова. Непутевая душа.....	5	Валентина Филатова. Священник и художник Стефан Домусчи	12
Светлана Сырнева. Снег и свобода	4		
Антонина Сытникова. Аромат ирисов	9		
У крутой излучины. Стихи эртыльских поэтов.....	3		
Владимир Фёдоров. Черная смородина.....	6		
Наталья Харитонова. Заступница любви.....	8		
Вера Часовских. Листок	6		
Валерий Черкесов. Я хотел бы остаться на этой земле	11		
Алексей Шаповалов. Мольба	7		
Андрей Шацков. Первозимье	2		
Владимир Шемшученко. Теплый ветер	9		
Владимир Шуваев. Стремнина	4		
Евгений Эрастов. Трелетанье крыла ..	5		
Виктор Юров. Утро	3		
Нина Ягодинцева. Бессонница на Покров	10		

НАШИ ПЕРЕВОДЫ

Геннадий Литвинцев. «У начала твоей улицы...» (Поэтическое творчество имама Хомейни).....	1
--	---

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

Галина Аксёнова. «Ясновидец и правдолюбец минувших жизней» (Жизнь и творчество художника Андрея Рябушкина).....	12
Николай Бавыкин. Жить на едином дыхании. (Всероссийское хоровое общество в Воронеже)	9
Тамара Дьякова. В пространстве мысли и красоты. (Университетская тема в работах воронежских художников).....	1

ГОД КУЛЬТУРЫ

Русская культура — всемирное достояние. (Интервью писателя Владимира Шемшученко с действительным членом Российской академии художеств, видным французским славистом Ренэ Герра)	5
--	---

ИСКУССТВО

Иван Щёлоков. «И обнимает эта даль» (Творчество художника Сергея Гулевского)	5
---	---

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Виктор Будаков. Летописец Воронежского края. Документальная повесть о Владимире Кораблинове	12
Владимир Вава. «Счастливые люди». (О книге прозы Виктора Никитина «Игра с незнакомцем»).....	11
Святослав Иванов. Где пристанет наш аэроплан? (Свободный выбор и надежды Евгения Замятина)	5
Александр Казинцев. Сраженные победители. (Слово на десятых «Кожинских чтениях» в Армавире)	2

Геннадий Литвинцев. Живем ли мы не по лжи. (Встречи с Александром Солженицыным и его уроки)	10
Николай Малашич. Солнечная сторона поэта. (Творческие и жизненные уроки Дмитрия Ковалёва)	9
Евгений Новичихин. Добрым молодцам урок. Документальное повествование о народной сказительнице Анне Корольковой. (Предисловие Т. Пуховой)	1
Захар Прилепин. Вести себя по-есенински, по-русски. (Размышления о новом литературном поколении)	4
Сохранить человека в человеке. Юрию Бондареву — 90 лет. (Интервью Владимира Юдина)	4
Анатолий Хабаров. Душа его чиста. (Жизненный и творческий путь писателя Вячеслава Дёгтева)	7

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

Дмитрий Василенко. Экспедиция воеводы. (Поход И.И. Тевяшова на реки Битюг и Осередь)	3
Год за годом, век за веком ... (Историческая хроника)	3
Вячеслав Кулаков. Кавалерийская история. (Как сохранить память об уникальном гарнизоне)	8
Федор Понятовский. Жили-были рядом села	3
Василий Разумов. Ничего необычного ...	3
Николай Сафронов, Светлана Любина. В гостях у Шолохова. (Путешествие в Вёшенскую, к великому писателю)	8

ЖИВЫЕ ИМЕНА

Виктор Бараков. Путь в вечность	1
Владимир Бойков. «В служении своему делу огня необыкновенного...» (Врач Николай Масловский)	12
Виктор Голованов. Учитель, перед именем твоим... (Филолог Борис Корман)	12
Валентина Горшкова. Дальновидный военачальник. (Маршал артиллерии Митрофан Неделин)	12
Светлана Замлелова. ...Ибо абсурдно. (Проза Василия Белова и современность)	1
Капитолина Кокшенёва. Анна. (Литературный путь А.И. Смородиной)	2

Николай Перовский. Я должен охранять цветы и травы. (Предисловие В. Ермакова и Н. Алешкова)	11
Ольга Пушина. Золотое перо. (Писатели Виктор Кин и Юрий Третьяков)	12
Петро Ребро. «И правду выпустить на свет...» (Предисловие Е. Новичихина)	10
Галина Слугина. На вершинах мастерства. (Дирижер Николай Аносов)	12
Анна Смородина. У небесного порога. Стихи.	2
Анна и Константин Смородины. Мультфильм для взрослых. Рассказы ...	2
«Собственноручные искания». (Пионер советской морской гравиметрии Леонид Сорокин)	12
Людмила Суркова. Хозяин корабельной рощи. (Лесовод Григорий Корнаковский)	12
Николай Тимофеев. Художественная точность и свобода. (К 190-летию И.С. Никитина. Иван Бунин о великом русском поэте)	10
Александр Чуманов. Колокольчик надкололотый. Стихи. (Предисловие Е. Артюхова)	4

ЛИСКИНСКИЕ ИМЕНА

Анатолий Грибков. «Отчет был коротким: «Задание Родины выполнил!» (Предисловие В. Тихонова)	8
Валерий Тихонов. На орбитах судьбы. (Интервью с летчиком-космонавтом СССР, дважды Героем Советского Союза Анатолием Филипченко)	8

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Эдуард Анашкин. Верность букве закона. (Писатель и юрист Михаил Фёдоров)	2
Эдуард Анашкин. «Где ты, Родина забытая?..» (Сборник стихотворений Владимира Скифа «Все боли века я в себе ношу...»)	7
Эдуард Анашкин. Душеполезные строки. (Книга Светланы Вьюгиной «Рыжий снег»)	11
Виталий Жихарев. На своем месте и всегда. (Книга карикатур Анатолия Бавыкина «Смеяться, право, не грешно»)	7

Эдуард Ефремов. Поле неделимое. (Завьяловская школа духовности)	3	Виктор Елисеев. Четыре креста Аленичева. (Геройский путь крестьянского парня)	9
Геннадий Ковалёв. Имена на земле. (Топонимика открывает тайны)	4	Эдуард Ефремов. Было велено забыть. (Нравственные аспекты истории)	9
Валентина Филатова. Деревянное узорочье	12	Анатолий Кряженков. Солдатская история	4
МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ			
Михаил Вязовой. Светопись Борисоглебска	12	Игорь Маркин. Непокоренный Осовец. (Беспримерное сражение русских воинов)	4
Виктория Куничкина. Балашовские годы. (Борисоглебский край в 1954-1957 гг.)	12	Михаил Медведев. На десятой версте от границы. Стихи из немецкого плена. (Предисловие А. Кретьева)	6
СУДЬБЫ			
Валентина Горшкова, Валерия Черновец. Большое сердце Ольги Шолоховой	12	Олег Фенчук. Далекие звоны о мире. (Константин Паустовский и Первая мировая война)	9
Эдуард Ефремов, Андрей Марченко. До боли близкий голос	3	«Я сказал: «Слава Богу, на сутки остались живы...» Фронтовые записки сапера Ивана Федосова. (Публикация А. Высотина)	6
Игорь Лукьянов. Сюжеты из раскрашенной глины	12	200 ЛЕТ МИХАИЛУ ЛЕРМОНТОВУ	
Оксана Сотникова. Мы у него учились	3	Николай Блохин. «Приветствую тебя, Кавказ седой!»	10
Николай Третьяков. Народный следователь с улицы Народной	12	Александр Высотин. «Не кончив песни лебединой...»	10
СУДЬБА			
Александр Аникеев. Свет высокой звезды. (Штрихи к портрету художника Василия Криворучко)	8	Петр Дёмкин. Все памятники в сборе. (Уникальный каталог Валерия Кононова)	10
Евгений Новичихин. «Я стал горячей с двух сторон свечой...» (Георгис Веллас – поэт и ученый)	4	Эдуард Ефремов. Была бы Родина... с Бородино. (Легендарное стихотворение в образах Георгия Акатова)	10
Виктор Руденко. Командир и его солдаты. (Долгое эхо Афганской войны)	2	Валерий Михайлов. Тайна поэта	10
ПЛАТОНОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ			
Олег Алейников. «Письма о любви и горе...» (Эпистолярное наследие Андрея Платонова)	5	Владимир Петров. «Когда мне вечный судия...»	10
Владимир Попов. Платонов в краю «отчаянного коммунизма». (Источники писательского вдохновения)	5	Иван Щёлоков. Вечные странники. (Эссе на фоне дождливого летнего утра)	10
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ: ВЕК СПУСТЯ			
Виктор Будаков. «Рисковать войной мы права не имеем...» (Страницы ратной биографии генерала, геополитика А.Е. Снесарева)	7	ПАМЯТЬ	
КРУГ ЖИЗНИ			
		Георгий Струков. Лихолетье. (Взгляд на войну из подростковых лет)	5
		Петр Чальый. Танковый прорыв. (Острогожско-Россошанская операция в январе 1943 года)	1
		Иван Чурилов. Атака на крейсер. (Герой Советского Союза, заслуженный штурман Евгений Кабанов)	3
		Петр Дёмкин. Видеть Родину по Пескову. (Первые литературные чтения памяти знаменитого журналиста)	4

«Душа, как прежде, молода...» (В.М. Акаткину — 75 лет)	4
Эдуард Ефремов. «Он переделать мир хотел...»	4
Анатолий Силин. Волны памяти. (Встречи с писателем Юрием Гончаровым)	2
Валерий Черкесов. И звучит недопетая песнь	4

ОТЧИЙ КРАЙ

Анна Гордышева. Люди и годы. Хроника	8
Мария Медведева. Легенды и предания родной земли. Сколько лет тебе, Лиски?	8
Николай Сафронов. Дивные горы тихого Дона. Пословицы и поговорки Придонья	8
Леонид Семаго. Оазис в степи	3

ТЕМА

«Книга будет жить, пока жив человек мыслящий...» Беседа спецкора журнала «Подъём» Василия Андреева с президентом Российской государственной библиотеки Виктором Фёдоровым	6
«Мы здесь живем». Беседа писателя Виктора Кирюшина с директором Института этнологии и антропологии, академиком РАН Валерием Тишковым	4
От общества потребления — к обществу интеллектуальному. Беседа доктора философских наук Михаила Черникова с советником Президента РФ, академиком РАН, доктором экономических наук Сергеем Глазьевым	5

ОБЩЕСТВО

Владимир Шульгин. Новый изничтожитель русских	5
--	---

ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОН

Людмила Романова. На контрастах живой и трепещущей жизни. (К 20-летию Воронежского камерного театра)	6
Виталий Черников. Радости и муки борисоглебской Мельпомены. (Страницы истории провинциального театра)	12

СТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Николай Литвинов. Последний воин села Крутец. (Рассказ об отце, солдате военного призыва)	8
Петр Чалый. Дорога на крови. (Следы войны на земле и в человеческих сердцах)	7

ШИРЕ КРУГ

Валерий Бубельник. Под парковой аркой	8
Сергей Демкин. Его гимнастика достойна гимнов. (Легендарный тренер Владислав Растороцкий растит таланты на родине)	8

ПРИРОДА И МЫ

Валентина Сумина. Его небо и земля. (Вспоминая Василия Пескова)	9
--	---

МАСТЕРСКАЯ

Владимир Тулупов. Азбука эссе	10
--	----

ФИЛОСОФСКИЕ БЕСЕДЫ

Михаил Черников. Но он ее звал королевою роз. (Почему страсти по гендеру в современном постмодернистском обществе становятся причинами мизогинии)	11
--	----

Департамент культуры и архивного дела Воронежской области

**Государственное бюджетное учреждение культуры Воронежской области
«Журнал «Подъём»**

Директор-главный редактор Щёлоков И.А.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан); номер страхового свидетельства государственного пенсионного страхования; банковские реквизиты (название местного банка) СБ РФ: корсчет, БИК, расчетный счет, ИНН; в назначении платежа указывается номер филиала и лицевой счет клиента.

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

Корректор Кобелева Л.В.
Компьютерная верстка Вовчаренко И.К.

Адрес редакции: 394036, г.Воронеж, пр.Революции, 3а.
Телефоны: директор-главный редактор — 253-14-50, заместитель директора-главного редактора, ответственный секретарь, отдел поэзии — 253-11-28, отдел прозы, производственный отдел, корректор — 253-11-34, бухгалтерия — 253-13-77, отдел верстки — 253-14-09.
Факс: 253-11-34.

Электронная почта: podiem@mail.ru

Сетевая версия журнала «Подъём»: [http // www.podiem.vsi.ru](http://www.podiem.vsi.ru)

Электронный архив журнала с №1, 2001 г. по №6, 2008 г.: <http://www.pereplet.ru/podiem>

Журнал «Подъём» зарегистрирован в Минпечати РФ.

Свидетельство № 331 от 03.10.1990 г.

Рассылку журнала осуществляет цех экспедирования печати Воронежского главпочтамта: 394068, г.Воронеж, ул.Лизюкова, 2, ЦЭП.

Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться в ОАО «Воронежская областная типография — издательство им. Е.А. Болховитинова».

Подписано в печать 18.12.14. Формат 70х100 1/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,11.

Тираж 1000 экз. Заказ 6341.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ОАО
«Воронежская областная типография —
издательство им. Е.А. Болховитинова»:
394071, Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73а.